

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т. И. Вендина

ОНТОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2023

УДК 811.16'28
ББК 81.2. РУС.-67
В29

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол №2 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 28.02.2023).

Ответственный редактор:
д.ф.н. *А. А. Плотникова*

Рецензенты:
доктор филологических наук Л. В. Куркина
доктор филологических наук, чл.-корр РАН С. А. Мызников

Вендина Т. И.

В29 Онтология лингвистической карты /Институт славяноведения РАН —
СПб. : Нестор-История, 2023. — 452 с.

ISBN 978-5-4469-2096-9

Монография посвящена теоретическим проблемам лингвистической географии, связанным с интерпретацией лингвистической карты. Привлекая обширный материал «Общеславянского лингвистического атласа», автор говорит о его высоких интерпретационных возможностях в осмыслении лексики, представленной на картах Атласа и определения хроно-топо-изоглосс. Монография отвечает на вопрос, о чем говорят карты Атласа? Как соотносится картина лексических связей славянских диалектов с данными исторической фонетики славянских языков? Карты «Общеславянского лингвистического атласа», по мнению автора, иллюстрируют также культурно-языковую дифференциацию славянских диалектов.

Проблемный характер книги делает ее интересной для широкого круга специалистов по диалектологии, этимологии, сравнительно-историческому языкознанию.

УДК 811.16'28
ББК 81.2. РУС.-67

ISBN 978-5-4469-2096-9

© Т. И. Вендина, 2023
© Институт славяноведения РАН, 2023
© Издательство «Нестор-История», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Карта о праславянском слове в пространстве Славии	25
Глава 2. Карта о динамике языковых процессов	130
Глава 3 Карта и культурно-языковая диалектология	201
Заключение	222
Приложение (карты-схемы)	261
Литература	425
Список населенных пунктов ОЛА	431

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга логически продолжает предшествующие монографии автора «Типология лексических ареалов Славии» (М., 2014) и «Праславянское слово во времени и пространстве Славии» (М., 2022). Она имеет своей целью сделать карту «Общеславянского лингвистического атласа» самостоятельным объектом исследования, установить закономерности в ее организации и тем самым попытаться «заставить заговорить» пространство.

* * *

XX век в истории славистики ознаменован своеобразной “диалектологической революцией” (Ж. Фурке), обеспечившей победу лингвистической географии, которая стала одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов.

Он открывается знаменитыми атласами Франции Ж. Жильерона и Э. Эдмона (*Atlas linguistique de la France*. Paris 1902–1910), Германии Г. Венкера (*Sprachatlas der Rheinprovinz*. Marburg 1926), Румынии Г. Вейганда (*Linguistischer Atlas des daco-rumänischen Sprachgebiets*. Leipzig 1889–1909), а заканчивается публикацией очередных томов «Общеславянского лингвистического атласа» и «Европейского лингвистического атласа».

Идея создания «Общеславянского лингвистического атласа» родилась в начале XX в., когда пришло осознание ограниченности знаний, касающихся пространственной проекции многих праславянских явлений. Именно тогда стало очевидно, что эмпирические наблюдения над историей отдельных славянских языков носят атомарный характер и требуют своей систематизации и интерпретации в пространственно-временном аспекте. Поэтому на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге крупнейший компаративист XX в. А. Мейе выступил с докладом «*Projet d'un Atlas Linguistique Slave*», в котором поставил вопрос о необходимости создания общеславянского лингвистического атласа с целью изучения истории славянских языков методами лингвогеографии. Сегодня атлас стал

грандиозным лингвогеографическим проектом сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает.

Лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов. Благодаря лингвистической географии, позволившей расширить парадигму исследования, современная лингвистика вышла в сопредельные области знания, вследствие чего изменился ее гносеологический облик. И сегодня она предстает как полипарадигмальная наука, в которой язык исследуется в разных аспектах — структурном, функциональном, когнитивном, пространственном и временном. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функций языковых единиц в синхронии и диахронии создал своеобразное гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени. Картографирование сегодня рассматривается как эвристический метод, с помощью которого осуществляется не просто сопоставление изучаемых явлений, но их систематизация и стратификация во времени и пространстве.

Давний спор академиков А. А. Шахматова и А. И. Соболевского о предпочтительности диалектных или исторических данных для изучения истории языка в лингвистической географии получил принципиально новое решение: репрезентируя в мельчайших деталях синхронный срез современных славянских диалектов, карты любого атласа являют собой своеобразную иллюстрацию триединства классицизма — «единства времени», «единства места» и «единства действия», давая представление о судьбе элементов языковой системы в пространстве и времени.

Следует, однако, признать, что процесс становления лингвогеографии как науки был довольно трудным и не всегда триумфальным: в начале XX в. результаты лингвистической географии часто ставились под сомнение. Известно, например, что карты атласа Г. Венкера, вдохновленного идеями младограмматиков, не подтвердили их тезиса о регулярности действия фонетических законов, так как не обнаружили четких ареалов континуантов этих фонетических законов. Спорными оказались и результаты картографирования лексики в лингвистическом атласе Франции Ж. Жильерона: они были настолько неожиданными, что заставили создателя атласа высказать даже сомнения в существовании диалектов.

В середине XX в. эти сомнения в романской диалектологической школе были преодолены, и сегодня вся территория романской группы языков покрыта национальными или региональными атласами. Успехи романской лингвистической школы во многом предопределили развитие и славянской лингвистической географии, современное состояние которой может быть охарактеризовано как чрезвычайно перспективное, ибо она

переживает сейчас период своеобразного «ренессанса»: во всех славянских странах идет интенсивная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа (территориальных, национальных, межнациональных, проблемных, уровневых, интерпретационных и проч.). Таким образом, лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых процессов.

Следует особо отметить, что XX век в историю российской славистики вошел двумя крупномасштабными проектами — «Общеславянским лингвистическим» атласом и «Этимологическим словарем славянских языков». Оба проекта концептуально связаны между собой, поскольку в конечном итоге нацелены на исследование проблемы дифференциации славянских языков и их распределения на карте праславянского. Не случайно после IV съезда славистов, на котором было принято решение о начале работы над «Общеславянским лингвистическим атласом», О.Н. Трубачев пишет статью «Лингвистическая география и этимологические исследования», в которой прямо говорит о необходимости учитывать ареальный аспект в изучении древнейшего словарного состава славянских языков. «Лингвистическая география сказала очень много нового и ценного для этимологии, выдвинула ряд положений, значение которых трудно переоценить: соотношение форм, которое застаёт в определенный момент лингвист-наблюдатель, как правило, чуждо какой бы то ни было случайности, но объяснимо в свете данных истории, культурных влияний и взаимоотношений форм между собой» (Трубачев 2004: 212). В связи с этим он выдвигает задачу изучения состава праславянского словаря методом изоглосс и реконструкции древнего славянского диалектного членения. Решению этой задачи, по его мнению, во многом будет способствовать развернувшаяся работа над «Общеславянским лингвистическим атласом».

Изоглоссы Атласа должны дать материал для изучения диалектных различий праславянского языка, поскольку изоглоссный метод как способ изучения древнего словарного состава, а также древнего диалектного членения давно уже получил признание в индоевропеистике. «Этимология и лингвистическая география связаны подчас отношениями тесной взаимозависимости, причем этимология может также вносить существенные коррективы в построения лингвистической географии, уточнять направление древних изоглосс и хронологию отдельных черт. Этимология приобретает значение важнейшего критерия в попытках реконструкции географии слов в отдаленные эпохи» (Трубачев 2004: 220). Поэтому при разработке «Вопросника» Атласа учитывались данные славянской этимологии.

Такой теоретический прорыв в лингвистической географии, наметившийся в конце XX в., во многом способствовал ее переходу от экстенсивного

изучения диалектов к интенсивному погружению в сущность лингвоареальных явлений. Благодаря лингвистической географии лингвистика обогатилась новым исследовательским инструментарием — лингвистической картой. Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленная на картах многочисленных атласов, требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. И этот переход от эмпирических наблюдений к анализу карты как объекту исследований, т. е. от простой констатации соответствий отдельных элементов и структур к их типологической интерпретации, является основной задачей лингвогеографических исследований. Поэтому современный этап развития лингвистической географии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «объясняющей лингвогеографии» (Гриценко 1993:7), задачей которой является теоретическое осмысление диалектно-языковых фактов, представленных на карте.

Об этом в свое время писал и О. Н. Трубачев. Обратившись к истории лингвистической географии восточной Славии, он указывал на то, что “лингвистическая география не сводится лишь к картографированию, будучи сугубо исторической наукой, а значит, это не только составление атласов, но и их интерпретация, использующая понятие ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое” (Трубачев 2002: 7). Следует отметить, что эта мысль далеко не новая, об этом говорилось еще в начале XX в., однако до сих пор методика прочтения карты, ее интерпретации не разработана. “Пока лингвистическая география ограничивалась картографическим изображением языковых фактов, она имела для лингвистики значение лишь вспомогательного, иллюстрирующего средства. Новая фаза развития лингвистической географии началась в тот момент, когда приступили к интерпретации лингвистических карт, объяснению изображенных на этих картах языковых явлений”. Эти слова М. Я. Немировского, написанные им почти сто лет назад, актуально звучат и сегодня (Немировский 1926: 235). Об этом же в статье «Българската лингвистична география: проблеми, резултати, перспективи» пишет и М. Младенов: “Несъмнено е, че лингвогеографските изследвания на етапа на атласите трябва да се подлагат на анализ и тъкмо анализът съставя същината на лингвистичната география. Все още българската лингвистична география не е пристъпила дори картографски към различните етапи на този анализ. Все още тя е на равнището на задължителна емпирика” (Младенов 1999: 234).

В этом изменении научной парадигмы лингвистической географии важная роль принадлежит «Общеславянскому лингвистическому атласу», карты которого позволили реально увидеть всю сложность диалектного

ландшафта *terra Slavia*. Более того, они дали возможность увидеть то, что трудно уловимо при монографическом описании славянских диалектов или при составлении словарей. Фактор пространства, а также неравномерность развития диалектных систем, сохраняющих архаические элементы языка, позволили по-новому взглянуть на славянские диалекты, так как появилась возможность рассмотреть их в общеславянском контексте, тем более что одной из центральных проблем славистики по-прежнему остается проблема дифференциации славянских языков.

Решение этой проблемы лежит, как известно, чаще всего на пути установления сходств и различий в фонетических системах славянских языков. В связи с этим выдвигаются различные критерии. Среди них наиболее устоявшимися и обладающими наибольшей диагностирующей силой являются историко-фонетические. Не случайно именно они легли в основу традиционного членения славянских языков на восточные, западные и южные. Среди них наиболее релевантными считаются: изменение праславянских **kv*, **gv* в определенной фонетической позиции в **cv*, **zv* или сочетаний **tl*, **dl* в **l*, появление *l*—эпентетикум, возникновение корреляции согласных по палатальности, изменение **tj*, **dj*, а также групп согласных перед гласными переднего ряда, переход начального **je* в **o*, преобразование групп согласных типа **tort*, **tolt* и т. д.

Однако нельзя не отметить, что эти фонетические признаки имеют в значительной степени случайный характер и отобраны из ряда других возможных признаков искусственно для подтверждения членения, проведенного в основном по культурно-географическому признаку (ИТСЯ 1986: 21), ср., например, разное членение славянских языков по результатам фонетических процессов, связанных с изменением **kv* и **gv* или **tl*, **dl*, с одной стороны (при котором наблюдается деление языков на восточную и западную группы), начальных **or*, **ol* — с другой (деление языков на северную и южную группы) и **tort*, **tolt*, **tj*, **dj* — с третьей (где действительно наблюдается деление языков на восточно-, западно- и южнославянские).

Что касается лексического и словообразовательного критериев, то они используются в значительно меньшей степени, хотя необходимость их привлечения является как будто очевидной. Не случайно Д. П. Джурович (1913: 148), завершая рассмотрение вопроса о диалектной дифференциации праславянского языка, писал в работе «Говоры общеславянского языка», что отказывается от подробной классификации славянских языков в связи с тем, что предложенную им группировку славянских языков на основе фонетических данных необходимо подкрепить лексическим и морфологическим материалом.

Существующая сегодня “классификация славянских языков, построенная на основании рефлексов определённых праславянских звуковых

сочетаний, исходит из положения свыше 1000 лет тому назад и полностью игнорирует то специфическое, что отдельные славянские языки выработали в течение своего самостоятельного развития” (Дюрович 1973: 225). Сегодня благодаря «Общеславянскому лингвистическому атласу» этот упрек Л. Дюровича может быть отведен. Карты Атласа не только подтвердили справедливость его слов, но и показали, что в ходе эволюции славянских языков сформировались новые ареалы, не совпадающие с традиционным трехчастным членением славянских языков на восточные, западные и южные. Эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказался разнородным, и многие славянские изоглоссы проецируются в разновременные плоскости, порождая многообразие и дробность ареалов. Это особенно хорошо видно на картах лексико-словообразовательной серии Атласа.

В отличие от праславянских этимологических словарей карты Атласа позволяют реально увидеть пространственные отношения славянских диалектов и эксплицировать их ареальные связи. Если словарь просто фиксирует то или иное слово, то карта дает возможность говорить об определенных закономерностях в его распространении, более того, она позволяет выявить типологию лексических изоглосс, так как география и характер ареала многое проясняет в природе возникновения схождения. Поэтому карты «Общеславянского лингвистического атласа» имеют предпочтение перед любым диалектным словарем, который дает ограниченную, часто далеко не полную информацию.

Кроме того, карты Атласа дали возможность наглядно представить всю сложность диалектного ландшафта *terra Slavia*, выявить пространственную локализацию межъязыковых схождения, и, что самое главное, оценить их с ареальной и исторической точки зрения, так как эти схождения могут иметь разный характер — очаговый или системный, т. е. они могут охватывать значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и/или более диалектами.

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» заставляют задуматься и над закономерностями, действующими в лингвистическом пространстве, а именно над такими лингвоареальными явлениями, как системность ареала (когда на огромном географическом пространстве наблюдается последовательное распространение одного и того же рефлекса или одной и той же лексемы, см., например, карты первого лексико-словообразовательного тома «Животный мир»: к. 1 ‘зверь’, к. 9 ‘ласка’, к. 10 ‘еж’, к. 11 ‘заяц’ или карты, посвященные рефлексам носовых) и противоположная ей асистемность, размытость ареала (когда на сравнительно небольшой территории наблюдается огромное разнообразие рефлексов или высокая концентрация разнолексемных номинаций (ср., например, словенские

диалекты, где чаще всего наблюдается такая ситуация, которую можно сравнить, пожалуй, с эффектом «прибрежных волн»: например, на к. 20 dem ‘ножик’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» зафиксированы следующие лексемы: *nož-ьk-ъ* ('nu:žək), *nož-ič-ьk-ъ* (no'ži:čək), *nož-itj-ъ* (nužə:č), *nož-itj-itj-ъ* ('nu:šcić), *nož-itj-ьc-ь* (no'žjācēs), *nož-ьc-ь* (nuōžac), *nož-ьč-ьk-ъ* (nuōjščək), *nož-ej-ъ* (nɔ:žej), *nož-ik-ъ* ('nožik), *nož-ę* (nɔ:žę), *brit-ьv-ic-a* (b'itvəcə), и это при том, что сетка Атласа включает всего 25 пунктов словенских диалектов).

Более того, карты Атласа опровергли скептическое отношение компаративистов XIX в. к фактам лексики и словообразования, которые традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка, поскольку реконструкция и описание языковой системы праславянского языка строились в основном на базе исторической фонетики славянских языков, тогда как лексика привлекалась лишь эпизодически как иллюстрация различных фонетических процессов.

Не случайно во многих сравнительно-исторических и диалектологических исследованиях XIX — нач. XX вв. сама идея пространства была сильно размыта. Характеристика ареалов тех или иных лексем была во многом случайна и часто опиралась лишь на интуицию ученого. И это понятно, так как для такого рода работ необходим большой полевой материал, которого, к сожалению, просто не было.

Поэтому праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции: “достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду” (Толстой 1997: 111). В связи с отсутствием достоверных материалов и надежных сведений по древним лексическим изоглоссам лексический состав праславянского языка воспринимался не дифференцированно.

Отсутствие должного внимания к лингвогеографическому изучению праславянской лексики было связано во многом и с тем, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Каждое “отдельно взятое слово распространяется в своих собственных границах, — писал Н. С. Трубецкой в статье «Фонология и лингвистическая география», — и поэтому границы географического распространения звуковых изменений никогда не могут быть установлены надежно и точно” (Трубецкой 1987: 32).

Отсюда представление о пестроте и калейдоскопичности лексических изоглосс. Возник даже образ «путешествующего слова» (Л. Гоша), которое, подобно страннику, останавливается там, где ему захочется. В связи с этим делался вывод, что распространение слова в значительной степени зависит от случайности.

Именно этим объясняется отсутствие должного внимания к изучению лексического уровня праславянского языка методами лингвогеографии (примечательно, что, выступая в поддержку идеи А. Мейе о создании «Общеславянского лингвистического атласа», И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем докладе «Изоглоссы в славянском языковом мире» говорил лишь о фонетических изоглоссах). В связи с этим лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка. Это связано во многом и с тем, что славистика прошлого не располагала данными о древних лексических изоглоссах (не случайно во многих сравнительных грамматиках славянских языков в качестве иллюстрации праславянских диалектизмов приводились одни и те же лексемы, такие, например, как *бук*, *береза*, *сосна*, *лиса*, *ворон*, *гусь*, *лосось* и др.).

В этих критических суждениях, освященных именами Р. Раска, К. Бругмана, А. Мейе, Н. С. Трубецкого и др. ученых, на первый взгляд, есть известная доля истины. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия охватывают огромное количество слов (в отличие от лексических, наблюдающихся лишь в отдельных словах, реже — в группе слов), и в этом смысле они достаточно рельефно обнажают различия между языками. Однако, не вдаваясь в вопрос о том, насколько продуктивна языковая модель, не насыщенная лексически, следует признать, что все эти аргументы, строго говоря, не выдерживают критики.

Даже в том случае, когда эта мозаичность диалектного ландшафта действительно имеет место (см., например, карты 1 тома «Животный мир»: к. 33 ‘головастик’ или к. 44 ‘божья коровка’), следует признать, что это, на первый взгляд, отрицательное явление на самом деле является позитивным, так как именно благодаря многообразию изоглосс мы можем в деталях представить всю сложнейшую картину (а не упрощенную схему) реальных отношений славянских языков и диалектов. Ведь один из постулатов лингвистической географии гласит — “чем больше число рефлексов одной прасистемы, одной праформы или одного проявления в диалектах, тем более достоверной или полной может быть реконструкция” (Толстой 1983: 187). Именно эти мелкие, как будто бы частные изоглоссы, дают особо ценный материал для постижения процесса исторического развития славянских языков, а “некоторая мозаичность лексики повышает степень неравномерности ее развития и способствует консервации отдельных ячеек

лексической мозаики и в формальном, и в содержательном плане” (Толстой 1983: 186).

Вот почему на современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее значение приобретают данные лексики. “География слова, территориальное распределение лексем, отражающее взаимоотношения носителей диалектов в разные исторические эпохи, расширяет и углубляет картину ареальных связей, полученную при изучении грамматических и фонетических изоглосс” (Куркина 1992: 26). Именно данные лексики дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. И это прекрасно доказали карты «Общеславянского лингвистического атласа». Оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, делает исследование более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождения славянских языков¹. Поэтому сегодня лексический материал не только не игнорируется в сравнительно-исторических штудиях, но и активно привлекается как полноценный критерий, представляющий самостоятельный интерес для этих исследований.

Изучение многочисленных лексических изоглосс позволяет исследователю быть более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождения родственных языков и диалектов праславянского языка, нежели при использовании фонетических данных. Более того, именно на лексическом уровне давление языковой системы менее значительно, чем на грамматическом и особенно на фонетическом. Лексика же, “не будучи жесткой системой, подверженной тотальному выравниванию, способна долго хранить память о прежних диалектных размежеваниях и единствах” (Журавлев 1994: 176).

Следует отметить также, что открытость и подвижность словарного состава языка, в том числе и праславянского, является относительной, если учесть и другой важный экзистенциальный принцип любой лексической системы, а именно ее консерватизм, который и позволяет языку выполнять коммуникативную и эпистемическую функции.

Сочетание в лексической системе языка двух прямо противоположных тенденций — динамики и консерватизма — определяется общим механизмом эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую

¹ Ср. в связи с этим высказывание О. Н. Трубачева: “Методика, преувеличенно опирающаяся на фонетические критерии, может оказаться недостаточно тонкой в вопросах лингво- и этногенеза, для которых требуются более широкие и гибкие категории и допущения” (Трубачев 2003: 62).

систему языка во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую.

С выходом в свет «Общеславянского лингвистического атласа» (а это десять томов лексико-словообразовательной серии, в частности: т.1 «Животный мир» (Москва 1988), т. 2 «Животноводство» (Warszawa 2000), т.3 «Растительный мир» (Мінск 2000), т. 4 «Сельское хозяйство» (Братислава 2012), т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва 2007), т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa 2003), т. 9 «Человек» (Kraków 2009), т. 10 «Народные обычаи» (СПб 2015), т. 11 «Степени родства»; т. 12 «Личные черты человека» (Москва 2020) и восемь томов фонетико-грамматической серии: «Рефлексы *ѣ» (Београд 1988), «Рефлексы *е» (Москва 1990), «Рефлексы *q» (Warszawa 1990), «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьl, *ьl» (Warszawa 1994), «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје 2003), «Рефлексы *ь, *ь» (Zagreb 2006), «Рефлексы *о» (Москва 2008), «Рефлексы *е» (Москва 2012) ситуация в корне изменилась, так как впервые идея пространства и времени была последовательно реализована как на этапе сбора диалектного материала, так и на этапе его систематизации. Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavia придало его картам особую ценность, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений. Поэтому Атлас стал уникальным источником изучения славянского диалектного континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня. Если раньше при реконструкции и описании языковой системы праславянского языка, а также при решении проблемы этногенеза славян привлекались разрозненные факты (а иногда лишь интуиция ученого), то в конце XX века они получили твердые основы и достаточно убедительную аргументацию.

И это прекрасно доказали карты «Общеславянского лингвистического атласа», продемонстрировавшие хорошую степень сохранности праславянского лексического элемента во всех диалектах славянских языков.

Общеславянская перспектива дала возможность понять, какие из лексических изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Поэтому Атлас является безальтернативным источником исторических сведений о судьбе праславянского слова. Благодаря его картам, мы имеем возможность прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание времени». Используя метафору польского профессора В. Дорошевского, можно сказать, что «слова в нем — это мосты, переброшенные над веками».

Атлас предоставил исследователям лексический материал, который дает основания для нового взгляда на традиционно устанавливаемые связи не только в современной, но и праславянской Славии, так как любая лингвистическая карта, построенная по принципу «от значения к слову» и охватывающая обширную территорию, отражает и территориальное распределение лексем, и временное. Поэтому карты Атласа, с развернутой на них экспозицией лексико-словообразовательных и фонетико-грамматических явлений, требуют сегодня глубокого анализа и всестороннего изучения межславянских диалектных соответствий, так как они являются довольно сложными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим хронотопическим характеристикам.

Эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских соответствий проецируются в разновременные плоскости. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареальная картина связей и отношений славянских языков. Несмотря на то, что в основу «Вопросника» Атласа был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на его картах наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего происхождения, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Более того, материалы «Общеславянского лингвистического атласа» содержат многочисленные факты, отражающие не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период существования языков славянских народностей. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затмевлена более поздними временными напластованиями.

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Межславянские ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости — статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий², кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка (подробнее см. Жирмунский 1954: 23). Для понимания истинного характера ареальных связей славянских языков важное

² Ср. в связи с этим точку зрения Э. Бенвениста: «Ясно, что исследование, оперирующее соответствиями лишь как количественными величинами..., заранее обречено на неудачу. Ни число сопоставлений, ни число языков, признанных родственными, не может являться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей родственных языков как переменную величину, способную принимать различное значение» (Бенвенист 1963: 44–45).

значение имеет общеславянская перспектива, так как она дает возможность выяснить, какие из выявленных параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Для интерпретации ареальных связей славянских языков необходимо научиться «читать» карту. Вот почему карты «Общеславянского лингвистического атласа», с развернутой на них экспозицией лексико-словообразовательных и фонетико-грамматических явлений, требуют сегодня глубокого анализа и всестороннего изучения, т. е. само развитие лингвистической географии диктует необходимость разработки методов интерпретации карты, осмысления представленных на ней диалектных фактов, поскольку эта методика имеет свою специфику по отношению к методологии общего языкознания.

Разработка же методологии ареальных исследований отстает от роста накапливаемого материала. “Отдельные фрагменты теории и некоторые удачные методические находки еще не сложились в стройную и строгую систему... Выработать свою научно обоснованную методологию и методику — нет задачи для ареальной лингвознографии более острой, более важной и более трудной”, — писал еще в 80-е годы В. А. Никонов (Никонов 1983: 24).

Атлас содержит информацию об ареалах многочисленных явлений, локализация которых ранее была неизвестна в славистике. Каждый лексико-словообразовательный том Атласа включает в себя целую серию древних лексических диалектизмов, имеющих нередко эксклюзивные сепаратные связи, поскольку та или иная лексема “самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии, объединяя порой неблизкие диалекты между собой и даря нам, таким образом, фрагменты древней лингвистической географии с ее проницаемостью диалектных границ” (Трубачев 2003:15).

В этом смысле Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную, — рассмотреть те или иные диалекты в общеславянском контексте, в связи с чем он стал бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и их ареальных связей.

Однако здесь возникает проблема генезиса, диахронического измерения выявленных сходств и различий славянских языков, поскольку при интерпретации лексических изоглосс необходимо выяснить, какие из корреспонденций являются следствием генетического тождества

на праславянском уровне, а какие сложились в разных славянских языках параллельно, независимо друг от друга. Таким образом, перед компаративистикой XXI в. со всей неизбежностью встает задача разработки генетических и ареальных критериев для установления относительной хронологии обнаруженных ареалов.

Это диктуют сами материалы Атласа, которые реально показали, что ареальные характеристики лексики, представленной на его картах, являются часто довольно сложными, демонстрирующими наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих не только различные направления, но и разную хронологию. Поэтому топография славянских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказываются не одинаковыми, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и, соответственно, разной хронологии. В этом смысле научная ценность Атласа заключается в том, что общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих изоглосс являются праславянскими, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Это положение является чрезвычайно важным, так как карты Атласа показали, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается разнородным, ибо изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости:

одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности);

другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления;

третьи — факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

четвертые — факторами культурно-историческими, связанными со становлением национального самосознания и оформления государственности и т. д.

А это значит, что праславянские лексические единицы сосуществуют на картах Атласа в одном хронологическом срезе с более поздними образованиями, являющимися фактом уже собственной истории отдельных славянских языков. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских диалектов. Для понимания этой картины простое суммирование славянских изоглосс мало что дает, ибо происходит отождествление разных по времени изоглосс.

Это прекрасно осознавал еще А. Мейе, который говорил, что Ж. Жильерон создал «лингвистическую геологию», интересующуюся лексическими

наслоениями и с помощью карты показывающую, как различные лексические слои оседали с течением времени один за другим. Поэтому необходимо провести «лингвистические раскопки».

В таких «лингвистических раскопках» нуждаются и карты «Общеславянского лингвистического атласа». Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленных на картах разных томов Атласа, требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Только тогда лингвистические карты Атласа могут стать надежным инструментом сравнительно-исторических и этимологических исследований, так как “инвентаризация лексических изоглосс, в разных направлениях связывающих славянские диалекты, остается одной из насущных задач славистики” (Куркина 2021: 659). Богатейший материал Атласа дает основания для нового взгляда на традиционно устанавливаемые связи как в современной, так и в праславянской Славии. Поэтому картографирование сегодня является эвристическим методом, с помощью которого осуществляется не просто сопоставление изучаемых явлений, но и их систематизация и стратификация во времени и пространстве.

Таким образом, само развитие лингвистической географии требует сегодня разработки методов интерпретации выявленных диалектных фактов, поскольку эти методы имеют свою специфику по отношению к методологии общего языкознания.

Однако, несмотря на это карта по-прежнему остается лишь иллюстрацией, а не самостоятельным объектом исследования. Объясняется это, по-видимому, тем, что лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно “специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам... Кроме того, невостребованность атласов может быть объяснена и недостаточной разработкой приемов истолкования данной информации” (Гриценко 2004: 86).

Трудность заключается и в том, что в лингвистической географии еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте, а тем более методика чтения карт разного типа. К сожалению, мы должны признать, что компаративистика XXI века пока не располагает надежными критериями для хронологического расслоения языкового материала. Сформулированные когда-то основателем «неолингвистической» школы М. Бартоли “закономерности соотношения типов ареалов и хронологии самих явлений на материале романских языков, имеют скорее

индикативный характер, т.е. они лишь указывают на *возможность* истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях” (Клепикова 2008: 363). Трудности диахронической интерпретации фактов порождены, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде. Исследователь может лишь констатировать самый факт «специализации времени». При “декодировании проблематичны, по крайней мере, два момента. С одной стороны, исследователь на базе синхронных фактов строит чисто *логическую* модель диахронических отношений, что вовсе не означает адекватного отражения соответствующих процессов. С другой стороны, пока не удастся точно сформулировать процедуру дешифровки хронотопической информации” (Клепикова 2008: 364).

Как справедливо отмечал Р.И. Аванесов, “из лингвистических карт нельзя непосредственно вывести историю языковых явлений и диалектов. Однако лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может помочь установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения, если... используются данные языка письменных памятников, языковые данные сопоставляются с данными истории материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох” (Вопросы 1962: 25).

Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот³.

И в этом смысле слова С.Б. Бернштейна о невостребованности диалектологических атласов, высказанные им более тридцати лет назад, остаются актуальными и сегодня (Бернштейн 1986: 3). Причина, по мнению Самуила Борисовича, кроется в том, что пока еще не разработана новая методика чтения лингвистических карт, в связи с чем исследователи, и особенно

³ Кроме известных положений о типах ареалов (центральный ~ маргинальный, непрерывный ~ разорванный и проч.) и их относительной хронологии (ср., например, положение М. Бартоли об интерпретации явления как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в обширных ареалах (Бартоли 1925: 10–13), разработанных в свое время представителями неолингвистики (М. Бартоли, Дж. Бонфанте, В. Пизани), методологические приемы научного осмысления представленного на карте материала специальной разработки практически не получили. В этом отношении отрядным событием явилась статья И.А. Дзедзилевского «Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт», в которой была предпринята попытка конкретизировать эти общие положения на материале различных славянских лингвистических атласов. Однако и эта статья была посвящена в основном описанию типов языковых ландшафтов и установлению их относительной хронологии, и лишь в конце статьи, отмечая, что ареалы и изоглоссы на карте с многочисленным противопоставлением чаще всего хронологически различны, автор говорит о приеме последовательного снятия более поздних слоев с целью выявления на карте исходного двучленного (а иногда и нулевого) противопоставления (Дзедзилевский 1963: 100).

историки языка, не могут в полной мере использовать все факты, которые им дают диалектологические атласы.

Характерно, что об этом же говорилось и раньше, однако в лингвогеографии мало что изменилось и она по-прежнему остается в известной степени «закрытой» областью языкознания, а атласы имеют сравнительно ограниченный круг пользователей (ср. в связи с этим следующий пассаж: “Важность лингвистических атласов как ценнейшего материала для построения истории языка бесспорна. Несмотря на это в славистике еще мало работ, в которых делались бы попытки воссоздать историю системы языка или ее фрагментов на основе соответствующей интерпретации изоглосс картографируемых в атласах явлений. Невнимание к данным лингвогеографии в работах исторического плана может быть отчасти объяснено тем, что методика ретроспективного изучения фактов, представленных в атласах, по сути дела, отсутствует” (Клепикова, Попова 1968: 68).

Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретическо-методологического аппарата является одним из парадоксов ареальной лингвистики. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсивного развития, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае имеет описательный характер. В настоящее время разработка методов лингвистической географии является по существу своеобразным «побочным» продуктом ареальных исследований, хотя нельзя не признать, что ее успехи были бы более впечатляющими при целенаправленной разработке теории и методов (например, методов отграничения праязыковых истоков некоторых инноваций от процессов развития новообразований, возникающих параллельно и являющихся фактами собственной истории отдельных славянских языков или методов хронологической стратификации эксплицируемого на карте материала и т. д.).

Положение усугубляется еще и тем, что общие методологические проблемы лингвогеографии, и в частности, проблемы изучения и интерпретации типов лексических ареалов долгое время были на периферии исследовательских интересов, поскольку для ареальной лингвистики было характерно внимание преимущественно к фактам фонетики, а не лексики. Будучи строго ограниченными и количественно обозримыми, фонетические элементы служили и служат надежным и непререкаемым критерием в сравнительно-исторических и ареально-лингвистических штудиях. Пронизывая всю

толщу языка, фонетические различия отчетливо проявляются на всех языковых уровнях и потому являются наиболее очевидными, заметными даже неискушенному исследователю. “Лексический же материал, понимаемый как открытое множество сравнительно быстро изменяющихся элементов, трудно поддающихся системной интерпретации, либо вообще не принимался во внимание в качестве самостоятельного критерия, либо использовался с крайней осторожностью как дополнительный, вспомогательный аппарат, призванный подтвердить выводы, полученные на основе фонетического или морфологического исследования” (Маковский 1968: 126).

Однако на современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее значение приобретают данные лексики.

Выдвижение на первый план лексики при изучении сходств и различий славянских языков стало возможным благодаря таким крупномасштабным славистическим проектам, как реконструкция праславянского лексического фонда («Этимологический словарь славянских языков», “Słownik prasłowiański”) и «Общеславянский лингвистический атлас». Работа над Атласом способствовала тому, что в настоящее время прочно утвердился лингвогеографический аспект изучения праславянской лексики и постепенно пришло осознание того, что ключ к решению проблем славянского этногенеза лежит в изучении древнейших пластов лексики.

“География слова, территориальное распределение лексем, отражающее взаимоотношения носителей диалектов в разные исторические эпохи, расширяет и углубляет картину ареальных связей, полученную при изучении грамматических и фонетических изоглосс” (Куркина 1992: 26). Более того, именно данные лексики дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. Поэтому сегодня лексический материал не только не игнорируется в сравнительно-исторических исследованиях, но и активно привлекается как полноценный критерий, представляющий самостоятельный интерес для этих исследований⁴.

⁴ Ср. в связи с этим слова О. Н. Трубачева, который, говоря об изучении балто-славянских отношений, писал в статье «Языкознание и этногенез славян»: “Разный инвентарь лексем для выражения одинаковых понятий, а подчас и различие самих принципов номинации в балтийском и славянском подтверждает правильность современного подхода, согласно которому словарные данные весьма показательны для исследования лингво- и этногенеза” (Трубачев 1985: 5). Положение о вторичности (и даже факультативности) лексических данных по сравнению с фонетическими в реконструкции древнего диалектного членения постепенно утрачивает свою актуальность, поскольку все чаще появляются работы, в которых эта реконструкция проводится с опорой именно на лексические данные (ср., например, многочисленные работы М. Сл. Младенова, О. Н. Трубачева, Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркиной и др.).

Нельзя, однако, не признать (и лингвогеографам это хорошо известно), что при изучении диалектной карты наибольшие трудности вызывают именно лексические диалектизмы, судьбы которых в каждой частной диалектной системе нередко оказываются индивидуальными. В отличие от фонетических и морфологических диалектных различий, представленных довольно компактными пучками изоглосс, лексические диалектизмы при первом знакомстве с картой предстают часто в виде хаотического переплетения изоглосс, не поддающихся прочтению.

Поэтому для того, чтобы понять карту, следует научиться читать ее, уловить закономерности в ее организации.

Попробуем проиллюстрировать эту мысль на материале одной из карт шестого лексико-словообразовательного тома «Общеславянского лингвистического атласа» «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», в частности карты №18 «первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка». Выбор этой карты является не случайным, так как она принадлежит к одной из наиболее сложных карт этого тома.

Первое знакомство с картой обнаруживает, что она чрезвычайно лексически нагружена. Легенда к карте содержит свыше пятидесяти позиций, свидетельствующих о том, что в каждом славянском языке представлено несколько лексем, передающих это понятие (в среднем от 2 — в лужицких диалектах до 14 — в русских).

Такое обилие материала производит первоначально впечатление некоего лексического хаоса. Однако такое впечатление обманчиво, так как в этом кажущемся «хаосе» отчетливо прослеживается и некая упорядоченность. Увидеть эту упорядоченность позволяет **прием рекартографирования**⁵ материала карты, имеющий своей целью поэтапное прочтение

⁵ Следует отметить, что этот прием был в свое время использован М. А. Бородиной с целью проверки выводов Ж. Жильерона о диалектной картине «Лингвистического атласа Франции». Поскольку материал в атласе был представлен в форме надписей у каждого населенного пункта, что при достаточно плотной сетке этих пунктов делало карту, естественно, трудно читаемой, она вычертила изоглоссы распространения того или иного слова. Сама М. А. Бородинна, оценивая проделанную работу, так писала об этом: «Должна сознаться, что увидеть контуры диалектов в картах «Лингвистического атласа Франции» оказалось во много раз проще, чем показать и доказать увиденное, а тем более интерпретировать полученные изоглоссы. На это ушли многие годы кропотливого труда, связанного с рекартографированием карт ЛАФ, их дополнением и проверкой, а иногда и реконструкцией» (Бородинна 1966: 23). Думается, однако, что прием рекартографирования при всей его трудоемкости обладает высоким диагностическим потенциалом. Он позволяет доказать, что лексические диалектизмы — это не «хаос изоглосс», пересекающих диалектную территорию в разных направлениях, без какой-либо закономерности, а организованная определенным образом совокупность, обнаруживающая четкие тенденции к группировке в более или менее компактные пучки изоглосс, которые надо лишь научиться «читать». Кроме того, такой прием дает возможность более четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных славянских диалектов, рассмотрев их в общеславянском контексте.

карты путем упорядочивания представленных на ней материалов, укрупнения ареалов картографируемых лексем, а значит — адекватной интерпретации развернутой на ней экспозиции языковых явлений в пространственном и временном аспекте. В этом случае карта из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней, становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования.

Более того, этот прием позволяет выяснить, **действительно ли ареалы каждого картографируемого слова являются индивидуальными или же все-таки они повторяются?** Если они повторяются, то можно говорить об их типологии и, следовательно, искать объяснения этой повторяемости. Кроме того, этот прием дает возможность четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных славянских диалектов, рассмотрев их в общеславянском контексте.

О чем же говорит карта ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’?

Она говорит о том, что, несмотря на то, что понятие хлеба (и уже — его части) принадлежит к достаточно древним, связанным с первичными понятиями традиционной славянской культуры, однако оно не имеет какой-либо одной лексемы, которая равномерно покрывала бы всю (или хотя бы большую часть) территорию Славии, как это бывает, например, с другими лексемами (ср., например, распространение лексемы *мок-а* на карте ‘мука, из которой пекут хлеб’). Практически все славянские диалекты имеют свои, отличительно характеризующие их лексемы, обозначающие горбушку (ср.: **слн.** *kraj-ъč-ijъ* (k'ra:jčič); **хрв.** *съ-kraj-ъс-ъ* (sk'rajec), *kantonъ* (kantù:n); **серб.** *kraj-ik-a* (kra'ika); **мак.** *peť-ič-ъk-a* (pe'tička); **блг.** *kraj-ijъ-n-akъ* (k'rajšn'ak), *kraj-išč-e* (k'raište); **чеш.** *na-čin-ъk-ъ* (na:činek); **слц.** *kraj-ik-ъ* (kraj:i:k), *vъrxъ-n-akъ* (vřxna:k); **луж.** *krom-ič-ъk-a* (krom'ička); **плс.** *съ-kraj-ъk-a* (skrajka), *berg-ъ* (bžek), *skib-ъk-a* (sk'ipka); **укр.** *лѣб-ъk-ъ* (l'obok, lu'bok); **рус.** *гѣрб-ух-a* (gor'buxa), *гѣрб-уш-a* (gar'buša), *гѣрб-уш-ъk-ъ* (gorbyšok, gorbyšok), *гѣрб-ъk-ъ* (gor'bok), *гѣрб-ъč-ъk-ъ* (gor'boč'ek), *kraj-uš-ъk-ъ* (k'rajušek), *krom-ъč-ъk-a* (k'roməč'ka) и др.

И в этом смысле карта вносит коррективы в существующее в славистике мнение о близости славянских языков на лексическом уровне, так как в синхронном плане материалы этой карты (как, впрочем, и самого Атласа) демонстрируют сравнительно небольшой процент сохранности общеславянских лексем, при том, что несомненное сходство между славянскими языками проявляется в генетической общности морфемного фонда (и прежде всего корней). На карте отчетливо видно, что такую «объединяющую» функцию выполняет корень *kraj-*, представленный во всех славянских диалектах, за исключением лужицких. Так, в частности, лексема *krajъ* может

быть отнесена к несомненным архаизмам несмотря на то, что она имеет лишь островные ареалы в русских (архангельских и тверских), хорватских (чакавских и штокавских икавских), сербских (штокавских зетских и призренско-тимокских) и словацких (среднесловацких) диалектах. Основанием для отнесения ее к архаизмам служит то, что она имеет дистантные ареалы, которые локализируются в трех славянских языковых группах. Кроме того, эта лексема обладает непроемкой основой, на базе которой образовались многочисленные дериваты, расширившие радиус ее распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-ux-a* (kra'juxa), *kraj-uš-ьk-ь* (k'rajušek); рус.-блр. *kraj-uš-ьk-a* (**рус.** kra'juška; **блр.** kra'juška); рус.-укр.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ьc-ь* (**рус.** k'rajic; **укр.** k'raeс; **блр.** k'raic; **слн.** krajic; **хрв.** k'raјec; **слц.** krajec); рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ьc-ь* (**рус.** ak'raic; **блр.** ak'rajic; **укр.** ok'rajec'; **плс.** okrajec; **слц.** 'okrajec'); блр.-укр. *ob-kraj-ьč-ik-ь* (**блр.** ak'rajčyk; **укр.** ok'rajčuk); хрв.-укр. *сь-kraj-ьc-ь* (**хрв.** sk'rajec; **укр.** sk'rajec'); серб.-плс. *сь-kraj-ьk-a* (**серб.** skrájka; **плс.** skrajka); слц. *kraj-ik-ь* (**слц.** kraji:k); чеш.-слц. *kraj-ič-ьk-ь* (**чеш.** krajiček; **слц.** kraji:ček); серб.-мак. *kraj-ьk-a* (**серб.** kà:jka; **мак.** krajka); серб. *kraj-ik-a* (**серб.** kra'ika); мак.-блг. *kraj-itj-ьn-ik-ь* (**мак.** kraišnik; **блг.** k'raešnik); *kraj-ьč-ь* (**мак.** krajče; **блг.** k'rajči) и т. д.

Наконец, лексема *kraj-ь* сохраняет свое прямое этимологическое значение, соотносящееся с глаголом **krojiti* 'резать', т. е. то, что отрезано, «место отреза или разрыва», что также свидетельствует в пользу ее архаичности.

Таким образом, лингвистическая карта, в отличие от географической, дает возможность не только выявить ареальные связи славянских диалектов, но и рассмотреть их во временном плане.

В настоящее время в лингвистической географии прочно утвердился тезис основателя «неолингвистической» школы М. Бартоли о существовании взаимосвязи между географическим распространением языкового явления и временем его возникновения. В соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» (Степанов 1975: 304). Возможность пространственной визуализации межъязыковых схождения делает реальной и временную стратификацию картографируемых лексем подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка.

Это соответственно означает возможность стратификации диалектного материала Атласа в пространственно-временном аспекте, разграничения архаизмов и инноваций, определения центров иррадиации новых явлений.

И в этой взаимосвязи пространства и времени проявляется еще одно свойство лингвистической карты — ее **экспансионизм**, который порожден самой лингвистической географией.

Прием рекартографирования позволяет выявить роль конвергентных процессов в формировании статистической близости языков, особенно пограничных диалектов (при отсутствии подобных схождений в других языках), и тем самым сделать выводы о языковых «предпочтениях» тех или иных диалектов более строгими и убедительными.

Таким образом «Общеславянский лингвистический атлас» является бесценным источником изучения истории формирования современных славянских языков и теоретическим полигоном для апробации идей и методов лингвистической географии. Он позволяет не только локализовать межъязыковые связи, но и оценить их с ареальной точки зрения. Благодаря Атласу появилась возможность «паспортизировать» ту или иную языковую единицу и проследить ее судьбу в пространстве *terra Slavia*. Не случайно лингвогеографический метод исследования прочно вошел в арсенал этимологических разысканий, когда решение о диалектных отношениях праславянской эпохи во многом опирается на территориальное распределение этимологических связей и соответствий. Не могу в связи с этим не привести слова Л. В. Куркиной о том, что “путь к воссозданию диалектной карты праславянского языка лежит через исследование методом изоглосс древнейшего словарного состава отдельных славянских языков и диалектных групп” (Куркина 1992: 9).

Это говорит о том, что науку двигают вперед прежде всего факты. В отличие от праславянских этимологических словарей Атлас позволил реально увидеть пространственные отношения славянских диалектов и эксплицировать их ареальные связи. Если словарь просто фиксирует то или иное слово, то карта дает возможность говорить об определенных закономерностях в его распространении, более того, она позволяет выявить типологию лексических изоглосс, так как география и характер ареала многое проясняет в природе возникновения схождений. Поэтому карты «Общеславянского лингвистического атласа» имеют предпочтение перед любым диалектным словарем, который дает ограниченную, часто далеко не полную информацию.

В связи с этим автор поставил перед собой цель сделать карту самостоятельным объектом исследования, рассмотреть славянский диалектный континуум в пространственно-временном аспекте и тем самым попытаться «заставить заговорить» пространство.

О чем же говорят карты Атласа?

ГЛАВА I

КАРТА О ПРАСЛАВЯНСКОМ СЛОВЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВИИ

Карты Атласа говорят прежде всего о жизни праславянского слова в современных славянских диалектах. Об этом же говорит и другой крупномасштабный проект «Этимологический словарь славянских языков». Оба проекта концептуально связаны между собой, поскольку в конечном итоге нацелены на решение проблемы дифференциации славянских языков и их распределения на карте праславянского. В статье «Лингвистическая география и этимологические исследования» О.Н. Трубачев прямо говорит о необходимости учитывать ареальный аспект в изучении древнейшего словарного состава славянских языков. В связи с этим он выдвигает задачу изучения состава праславянского словаря методом изоглосс и реконструкции древнего славянского диалектного членения. Решению этой задачи, по его мнению, во многом будет способствовать развернувшаяся работа над «Общеславянским лингвистическим атласом».

Приводя мнение С.Б. Бернштейна, он считает, что изоглоссы Атласа должны дать материал для изучения диалектных различий праславянского языка, поскольку изоглоссный метод как способ изучения древнего словарного состава, а также древнего диалектного членения давно уже получил признание в индоевропеистике. Поэтому при разработке «Вопросника» Атласа учитывались и данные славянской этимологии.

В основе Атласа лежит, как известно, этимологический критерий, ориентированный прежде всего на праславянские языковые явления, реализация которых привела к дифференциации славянских языков. Причем это относится не только к фонетике, но и к лексике. Однако, несмотря на принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, отобранных для картографирования, на картах Атласа наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. В связи с этим истинная картина связей и отношений славянских диалектов периода праславянской эпохи оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями. Поэтому, чтобы понять эту сложную картину, необходимо обратиться к хронологической

стратификации материала и провести своеобразные «лингвистические раскопки».

В связи с этим закономерно встает вопрос о хронологической интерпретации материала.

Известно, что по технике своего исследования лингвистическая география обращена прежде всего к синхронии. Это ощущение синхронного состояния, совпадения во времени присутствует у читателя при знакомстве с атласами, составленными даже в начале XX в. Между тем в этом синхронном отражении «живого» слова на картах Атласа запечатлена вся его история, а это значит, что сама лингвистическая география прокладывает путь исследования от синхронии к диахронии. И поскольку на картах Атласа эксплицитно выражена топологическая и имплицитно хронологическая маркированность диалектных явлений, исследователь имеет уникальную возможность изучать механизмы развертывания диахронии в синхронии.

Однако трудности хронологической интерпретации фактов, синхронно зафиксированных на лингвистических картах, порождены тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде: исследователь может лишь констатировать самый факт «специализации времени». При декодировании, как уже отмечалось, проблематичны, по крайней мере, два момента. «С одной стороны, исследователь на базе синхронных фактов строит чисто *логическую* модель диахронических отношений, что вовсе не означает адекватного отражения соответствующих процессов. С другой стороны, пока не удастся точно сформулировать процедуру дешифровки хронотопической информации, содержащейся в двухмерном пространстве (плоскости) лингвистических карт, которая может способствовать достоверному восстановлению стадий в истории тех или иных явлений. Поэтому на современном уровне развития ареалогии приходится использовать далеко не совершенные трактовки ареальных ситуаций, предложенные неолингвистикой» (Клепикова 2008: 364).

В связи с этим закономерно встает вопрос: какие критерии являются надежными, необходимыми и достаточными при хронологической интерпретации картографируемого материала? Можно ли вообще найти такие критерии или вслед за Н. С. Трубецким, повторяя, что «каждое слово распространяется в своих собственных границах», следует признать, что оно имеет и свою собственную топографическую историю. А потому от поисков таких критериев следует отказаться.

В решении этого вопроса важная роль принадлежит именно карте с ее пространственными и лингвистическими критериями. Карта позволяет прежде всего установить место локализации ареалов, а также их топографические характеристики: находятся ли ареалы в трех славянских языковых группах — в восточной, западной, южной, в двух — в восточной

и западной, в восточной и южной, в западной и южной или только в одной — восточной, западной или южной группе? Какова степень плотности этих ареалов: являются ли они сплошными, размытыми (или разрушенными), островными или даже мерцающими, точечными?

Думается, что при решении вопроса о хронологической стратификации материала и шире — при описании типологии ареалов должен быть задействован комплексный подход с использованием как собственно лингвистических, так и пространственных критериев.

Как показала лингвогеографическая практика, и в частности работа над «Общеславянским лингвистическим атласом», при рассмотрении этого вопроса следует, по-видимому, принимать во внимание следующие критерии.

Формально-картографические признаки ареала

1. Пространственная характеристика ареалов (являются ли ареалы дистантными или контактными).

2. Место локализации ареалов, т. е. находятся ли ареалы в трех языковых группах (в восточной, западной, южной), в двух (в восточной и западной, в восточной и южной или в западной и южной) или только в одной группе, что является важным при хронологической стратификации материала.

3. Качественная характеристика ареала — обширный или островной (или даже точечный), непрерывный или разорванный, характер его границ (ровные границы или резаные) и самой его “плотности” (является ли ареал сплошным или дисперсным).

Среди формально-картографических признаков важную роль играет, прежде всего, **топографический критерий**. Этот критерий позволяет установить место локализации ареалов, а также их топографические характеристики: находятся ли ареалы в трех славянских языковых группах, в двух или только в одной — восточной, западной или южной группе? Какова степень плотности этих ареалов: являются ли они сплошными, размытыми (или разрушенными), островными или даже мерцающими, точечными?

Объективность топографического критерия связана с тем, что он дает возможность выявить закономерности в формировании ареальных сценариев, существующих в разных пространственных контекстах, поскольку именно пространственный контекст во многом определяет статус ареала. При этом диагностирующей силой при определении относительной хронологии соотносительных явлений обладают не только масштабные, но и дистантные островные ареалы, ибо наличие изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что “языковая

общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась” (Принципы 1976: 184)¹. Языковые явления, отмеченные в дистантных ареалах, могут сигнализировать, однако, не только о древних контактах между двумя этносами или этническими группами в пределах одного этноса, но и о независимой параллельной инновации, а также о сохранении общего архаического фонда (подробнее см. Гриценко 1988: 104–105).

Немаловажной является и качественная характеристика ареала, так как микроареалы, существующие в рамках диалектов одного языка, являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся, не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм (ср., например, ситуацию в словенских и хорватских диалектах, отраженную на к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», где наряду с широко распространенной лексемой *mok-a* существует ареально ограниченная лексема *mel-j-a*, которая имеет микроареалы в словенских (белокраинских, штаерских и паннонских) и хорватских (кайкавских) диалектах.

При этом критерий масштабности ареала при рассмотрении межславянских лексических соответствий, как показал материал «Общеславянского лингвистического атласа», также не следует абсолютизировать, так как часто наблюдается разрушение ареала. Так, например, среди межславянских параллелей, содержащихся в шестом томе ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», представляющем лексику, относящуюся к наиболее древнему пласту, связанному с крестьянским бытом и ведением домашнего хозяйства, нет ни одной лексемы, которая, будучи общеславянской, равномерно покрывала бы всю территорию Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы (ср. *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’; *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’; *večer-j-a-j-e-tь* к. 64 ‘ест ужин’; *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’) имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное — на других. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

Кроме того, масштабность ареала может свидетельствовать не только о его архаичности, но и о сравнительно позднем возникновении. Доказательством может служить распространение лексемы *gъrb-uš-bk-a* (рус. *gar'buška*) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’

¹ Ср. в связи с этим следующий тезис: “Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории” (Бородина 1980: 34).

в томе «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в русских диалектах. Края его довольно ровные, практически совпадающие с государственной границей России, что в соответствии с теорией ареалов является свидетельством инновации. Обращение к истории русского языка подтверждает это наблюдение, так как ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, ни в «Древнерусском словаре XI–XIV вв.», ни «Словаре русского языка XI–XVII вв.» данная лексема не фиксируется.

Языковые явления, локализующиеся в дистантных ареалах, могут квалифицироваться также по-разному. Они могут сигнализировать не только о древних контактах между двумя этносами или этническими группами в пределах одного этноса, но и о независимой параллельной инновации, а также о сохранении общего архаического фонда.

Так, в частности, положение о сохранении общего архаического фонда можно проиллюстрировать распространением лексемы *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет островные дистантные ареалы в севернорусских, в юго-западных и полесских украинских говорах, в словенских, в некоторых хорватских (кайкавских и чакавских) диалектах, а также в говорах Эгейской Македонии.

При этом следует отметить, что каждый тип ареала требует к себе особого внимания, поскольку даже так называемые *чистые ареалы* (когда существенных диалектных различий не наблюдается) или *мозаичные* (когда четкие изоглоссы выявить не удастся) свидетельствуют о разных внутрдиалектных процессах и их временной глубине: чистые ареалы являются чаще всего свидетельством консервации сохранившейся архаики (при условии, если это не заимствованная лексема, как например, лексема (*stokan*)-ъ на к. 6 'стакан' из тюрк. (чагат.) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах), а мозаичные — свидетельством диалектной дробности праславянского языка или разрушения ареала.

Однако помимо ареальных признаков при определении относительной хронологии выявленных изоглосс чрезвычайно важную роль играют и собственно лингвистические критерии.

Лингвистические признаки ареала

1. Тип основы корреспондирующих лексем (производный/непроизводный).
2. Этимология лексемы (восходит к и.-е. корням и/ или имеет индоевропейское лексическое соответствие; это внимание именно к и.-е.

соответствиям мотивировано тем, что “праславянский язык — это индоевропейский язык «архаического типа», который демонстрирует собственную эволюцию индоевропейского лингвистического типа, отличную от балтийской” (Трубачев 2003: 25, 100), и в этом смысле праславянское слово является индоевропейским наследием.

3. Наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами.

4. Локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп).

5. Наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале.

6. Характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное).

7. Характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное).

8. Типология выявленных лексических соответствий (являются ли они случайными или вписываются в некую микросистему).

9. Количественный показатель выявленных соответствий (являются ли они массовыми или единичными).

Таким образом, **лингвистические критерии** отсылают к самому картографируемому явлению и предполагают выяснение типа основы лексемы, ее этимологии (в частности наличия или отсутствия у нее индоевропейских соответствий), определение самого характера ее значения (прямое или переносное); наличия/отсутствия у нее дериватов; локализации дериватов (в рамках одной или разных языковых групп); наличия/отсутствия явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале; определение характера диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное) и самой типологии лексических соответствий (являются ли они случайными или вписываются в некую микросистему); определение количественного показателя этих соответствий (являются ли они массовыми или единичными: массовость выявленных сходжений трудно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя) и др.

Среди этих признаков чрезвычайно важным является словообразовательный критерий, поскольку определение словообразовательной структуры слова очень существенно для относительной хронологизации лексемы. Нельзя не согласиться с Ж.Ж. Варбот в том, что “первые сведения об относительной хронологии возникновения слова дает круг родственных слов, его объем и распределение по родственным языкам. Наличие однокоренных слов в различных славянских языках свидетельствует о праславянской принадлежности корня, наличие в славянских языках одной и той же производной основы при сохранении соответствующей непроеизводной

(корня) может свидетельствовать о праславянском происхождении соединения морфологических составляющих этой основы, но правильность этих предположений должна быть проверена анализом на индоевропейском уровне” (Варбот 2012: 20). Вот почему при описании межславянских лексических соответствий особенно важно учитывать целнолексемные номинации (а не только корневые при наличии производной основы, как это обычно делается в подобных исследованиях). Целнооформленные лексемы позволяют определить характер основы картографируемого слова, поскольку славянские лексемы с непроизводной основой (особенно если они имеют дериваты в диалектах разных языковых групп) и индоевропейскими соответствиями будут обладать бóльшим классификационным весом при хронологической стратификации материала, нежели их производные. И наоборот, “лексемы, строение которых в плане их словообразовательной структуры является прозрачным, оказываются более поздними” (Климов 1990: 122).

Важным (хотя и не определяющим) является и характер условий бытования картографируемого слова, в частности, отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале, что свидетельствует о его своеобразной «стойкости», устойчивости к переменам, ибо хорошо известно, что чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале и соответственно о диалектной дробности.

Иллюстрацией этого положения может служить распространение лексемы *tok-a* на к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая является безальтернативной в западнославянских, русских и белорусских диалектах. В украинских, словенских, хорватских и сербских диалектах положение этой лексемы является нестабильным, так как наряду с ней зафиксированы лексемы *borš-yn-o* (блг. b'rašno), *mel-j-a* (слн. 'mɛ:la), *mel-iv-o* (серб. mlè:vo), *myl-iv-o* (укр. m'lywo) и др. Такая же ситуация отражена на к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: о позднем появлении лексемы *gъrb-uš-ьk-a* в украинских и белорусских диалектах свидетельствует не только островной характер ее ареала, но, что, пожалуй, более существенно — отсутствие проявления последовательности в ее распространении, так как в большинстве украинских и белорусских диалектов, где она зафиксирована, наблюдается явление конкуренции с другой лексемой (ср. п. 454 *cěl-uš-ьk-a*, *gъrb-uš-ьk-a* (c'i'luška, ha'buška); пп. 328, 519 *ob-kraj-ьc-ь*, *gъrb-uš-ьk-a* (ak'rajic, ɣa'buška); пп. 349, 368, 388 *ob-kraj-ьč-ik-ь*, *gъrb-uš-ьk-a* (ak'rajčyk, ɣa'buška); п. 363 *ob-suš-ьk-ь*, *gъrb-uš-ьk-a* (o'sušok, ɣo'buška) и т. д.).

Таким образом, при использовании лингвистического критерия важное значение приобретает и фактор системных отношений.

В этой связи существенным признаком является этимология лексемы, характер ее значения, так как диалектные названия, “возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравнительно с обыкновенным названием на широком ареале” (Дзензелевский 1963: 97). Это наблюдение подтверждается ареалом лексемы *gyrb-uš-ŭk-a*. О том, что этот ареал сформировался достаточно поздно, по-видимому, уже в рамках самостоятельного существования русского языка, свидетельствует не только очертания его границ, но и метафорический характер значения, а также мотивационного признака, лежащего в основании внутренней формы этой лексемы.

Наконец, чрезвычайно важным критерием, позволяющим провести стратификацию материала в хронологическом аспекте, является тип диалектного противопоставления, зафиксированный на карте — двучленный или многочленный, так как двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные².

Использование ретроспективного метода, т. е. приема последовательного снятия более поздних образований, позволяет выделить на карте исходное двучленное противопоставление (а иногда даже нулевое, т. е. отсутствие противопоставления в связи с распространением на всей территории лишь одного явления). Это положение можно проиллюстрировать ситуацией на к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’, где после снятия более поздних лексем *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o*, *xlěb-ov-ŭk-a*, а также описательной конструкции *xlěb-ov-a mŭk-a*, возникших уже в рамках собственной истории словенских, хорватских и словацких диалектов, обнаруживается двучленное противопоставление лексем *mŭk-a* (которая распространена практически повсеместно, за исключением македонских и болгарских диалектов) и *borš-ŭn-o* (распространенной в основном в южнославянских — болгарских, македонских, сербских, хорватских, а также в украинских диалектах). Наличие лексемы **брашно** в старославянском языке позволяет высказать предположение, что эта ареальная оппозиция сформировалась уже в позднепраславянский период.

Эти классификационные признаки не претендуют на статус единой всеобъемлющей модели интерпретации лингвистической карты (тем более что создание такой модели в связи с многообразием типов атласов вряд ли выполнимая задача). Это, однако, не умаляет значения общих наблюдений пространственной лингвистики, ибо ее приемы “помогают более или менее верно определить характер явления, но это не значит, что при привлечении

² Эти наблюдения, свидетельствующие о существовании связи между типом ареала и хронологией репрезентируемых им явлений, носят предварительный характер, так как для выявления типологии этих связей необходимо изучение и каталогизация максимально большого количества ареалов.

новых языковых данных вывод не может быть пересмотрен” (Принципы 1976: 180). Эти классификационные признаки являются ориентирами при декодировании «языка карты» и проникновении в ее глубинные смыслы, они позволяют, как представляется, соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию выявленных ареалов, ибо “смысл лингвогеографического метода — в его эвристических возможностях, в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис” (Мартынов 1983: 5).

Вместе с тем следует отчетливо осознавать, что провести хронологическую стратификацию представленного на карте материала и решить вопрос о времени возникновения межязыковых лексических соответствий по-прежнему трудно, так как “в лексике более, чем в какой-либо иной области языка, имеют значение междиалектные контакты, в результате чего может явиться экспансия одних лексем и утрата других” (Клепикова, Попова 1968: 106)³.

Думается, однако, что степень достоверности исследования во многом определяется не только выбором стратегии научного поиска, но и самим материалом и прежде всего его объемом. Напомню слова В. Гумбольдта: “По разрозненным элементам языка нельзя познать того, что есть высшего и тончайшего в языке” (Гумбольдт 1984: 70). В этом отношении материал «Общеславянского лингвистического атласа» является показательным. **И при решении вопроса о хронологической стратификации материала важная роль, несомненно, принадлежит ареальному критерию**, ибо локализация лексемы на всем пространстве terra Slavia (даже если она будет представлена в виде островных ареалов) является убедительным свидетельством ее архаичности (при условии, конечно, что это не позднее заимствование из неславянских языков). Поэтому именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектным членением языковой общности и хронологической стратификацией картографируемого материала, “именно оно структурирует многообразные микросистемы тех языков, которые по ряду причин оказались втянутыми в данное языковое пространство, накладывая на них неизгладимый отпечаток пространственной характеристики” (Макаев 1965: 18).

Так, в частности, именно пространственный критерий позволяет выявить своеобразие русско-польских лексических корреспонденций,

³ Некоторые исследователи даже считают, что “по материалам атласов задача хронологического расслоения межязыковых лексических связей не может быть решена в полном объеме, поскольку атласы оперируют ограниченным материалом. Основным источником материала для атласов служит живая славянская речь, полевые записи, сделанные исследователями в последние десятилетия. И это обстоятельство ограничивает возможности моделирования диалектных отношений применительно к праславянской эпохе” (Куркина 2012: 140).

сформировавшихся в рамках восточнославянских языков, по сравнению, например, с русско-словацкими, представленными на картах «Общеславянского лингвистического атласа». Картина ареального распределения русско-(украинско-белорусско)-польских лексических соответствий свидетельствует о том, что в большинстве своем они образовались довольно поздно, и во многом стимулированы межзональными диалектными связями с украинскими и особенно с белорусскими диалектами. Не случайно именно в этих диалектах корреспондирующие лексемы имеют нередко обширные ареалы, тогда как в русских диалектах они ареально ограничены, причем локализируются обычно либо в южнорусских говорах (как правило, в смоленских или брянских), либо в западной группе среднерусских (особенно в псковских и тверских), подробнее см. (Вендина 2009).

Фактор пространства, а также неравномерность развития диалектных систем, сохраняющих архаические элементы языка, предоставляют исследователям уникальную возможность восстановить причинно-следственные отношения в эволюции того или иного языкового феномена в виде последовательных стадий его исторической трансформации и проследить общее направление развития. Это, в свою очередь, позволяет выявить центр иррадиации и направление инновационных потоков.

Так, в частности, на карте 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», просматривается довольно четкий ареал лексемы *ob-kraj-ьc-ь* (укр. *ok'rajes'*, блр. *ak'rajas*; рус. *ak'rajes*, *ak'raic*): это украинские и белорусские диалекты, а также прилегающие к ним говоры южнорусского наречия.

Для понимания и интерпретации этого ареала необходимо ответить на вопрос, в каком направлении шло распространение этой лексемы, какой язык был “донором”, а какой “реципиентом”?

Если внимательно изучить ареал лексемы *ob-kraj-ьc-ь*, то можно увидеть, что ответ на этот вопрос подсказывает сама карта, а именно: плотный ареал этой лексемы в говорах Левобережной Украины, резанные контуры его границ, а также наличие словообразовательных инноваций (ср. распространение лексемы *ob-kraj-ьč-ik-ь* (*ak'rajšyk*) в говорах Полесья и Левобережной Украины) являются свидетельством того, что центр иррадиации лежал именно в этих говорах.

Эта информация (хотя и в имплицитном виде) содержится и в ареале лексемы *ob-kraj-ьk-ь* (укр. *ok'rajok*), которая генетически (через палатализацию заднеязычного *k*) соотносится с лексемой *ob-kraj-ьc-ь* (укр. *ak'rajes*). Лексема *ob-kraj-ьk-ь* на восточнославянской территории зафиксирована только в украинских говорах, причем на той же территории, а иногда и в тех же пунктах, что и лексема *ob-kraj-ьc-ь*, т. е. ареал этой лексемы дает еще один ориентир для определения направления иррадиации. Наконец,

об этом говорит и распространение в украинских и белорусских диалектах лексемы *ob-kraj-ьč-ik-ъ* (укр. ok'rajč'ik; блр. ak'rajčыk), которая генетически тоже соотносится с лексемой *ob-kraj-ьk-ъ* как ее производное, являясь ее ареальным продолжением. Таким образом, обе производные лексемы *ob-kraj-ьc-ь* и *ob-kraj-ьč-ik-ъ* генетически соотносятся с лексемой *ob-kraj-ьk-ъ*, распространенной в говорах Украины, что делает предположение о направлении иррадиационных потоков лексемы *ob-kraj-ьc-ь* вполне обоснованным.

Поскольку материал Атласа огромный, а надежные критерии разграничения праславянских архаизмов от более поздних инноваций отсутствуют, мы ограничились анализом только одной ситуации, а именно, когда лексема:

- 1) имеет общеславянское распространение или локализуется в диалектах трех славянских языковых групп;
- 2) является непроеизводной;
- 3) имеет индоевропейское соответствие;
- 4) значение лексемы является прямым, переносным.

Эти критерии дадут возможность, как говорил О. Н. Трубачев, «опрокинуть» современные диалектные данные на карту праславянского и рассмотреть вблизи картину лексических схождений славянских языков на основе самого древнего лексического фонда. Они позволят увидеть, как распределяются праславянские лексемы на карте современной Славии и где до сих пор сохраняются своеобразные «очаги» праславянских диалектизмов. Несмотря на то, что на картах «Общеславянского лингвистического атласа» предстает картина, смазанная временем, думается, что сам материал, а главное — его картографическая проекция представляет немалый интерес и дает новую пищу для праязыковых штудий, адекватно отвечающих фактическому материалу.

Картографирование лексем с непроеизводной основой и индоевропейскими соответствиями показало, что они могут образовывать ареалы разных типов, среди которых выделяются:

I. Ареалы лексем, имеющих общеславянское распространение или локализующихся в диалектах трех славянских языковых групп.

II. Ареалы лексем, которые локализируются в диалектах двух славянских языковых групп⁴.

⁴ Выделение этих ареалов и повышенное внимание к ним связано с существующей в славистических исследованиях традицией, поскольку во многих из них, как совершенно справедливо замечает Л. В. Куркина (Куркина 2021: 659), «устанавливаемые лексические соответствия вычлняются из круга славянских соответствий и рассматриваются изолированно, без учета полной географии. А между тем при наличии широкого славянского фона изолекса может быть понята как общеславянское наследие, при ограниченном же наборе соответствий

III. Ареалы лексем, которые локализуются в диалектах одной славянской языковой группы.

IV. Ареалы лексем, которые локализуются в диалектах одного славянского языка.

1.1. Лексема имеет общеславянское распространение и равномерно покрывает всю территорию Славии.

Эта ситуация характерна в основном для фонетических карт Атласа, где исключена лексическая вариативность, так как предметом картографирования является рефлекс той или иной праславянской фонемы, представленной именно в данной словоформе, ср., например, распространение таких лексем, как *pol-j-e* к. 29 **polje* т. 5 «Рефлексы *о»⁵, *mor-j-e* к. 29 **morje* т. 5 «Рефлексы *о», *nos-ъ* к. 21 **nosъ* т. 5 «Рефлексы *о», *ostr-ъ* к. 9 **ostrъ* т. 5 «Рефлексы *о», *sol-ъ* к. 19 **solъ* т. 5 «Рефлексы *о», *snop-ъ* к. 20 **snopъ* т. 5 «Рефлексы *о», *rog-ъ* к. 23 **rogъ* т. 5 «Рефлексы *о», *ros-a* к. 43 **rosa* т. 5 «Рефлексы *о», *kor-a* к. 45 **kora* т. 5 «Рефлексы *о», *vod-a* к. 33 **voda* т. 5 «Рефлексы *о» (см. карту-схему 1), *kon-j-ъ* к. 26 **konjъ* т. 5 «Рефлексы *о и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о» или распространение лексем *zem-j-a* к. 47 **zemja* т. 6 «Рефлексы *е», *devet-ъ* к. 43 **devetъ* т. 6 «Рефлексы *е», *(j)ezer-o* // *ozer-o* к. 5 *(j)ezero т. 6 «Рефлексы *е», *(j)elen-ъ* // *olen-ъ* к. 6 *(j)elenъ т. 6 «Рефлексы *е», *med-ъ* к. 12 **medъ* т. 6 «Рефлексы *е», *per-o* к. 29 **pero* т. 6 «Рефлексы *е», *sestr-a* к. 44 **sestra* т. 6 «Рефлексы *е» и др. в томе «Рефлексы *е», которые представлены на всем пространстве terra Slavia.

На лексических картах «Общеславянского лингвистического атласа» такой ареальный сценарий встречается редко. В опубликованных томах лексико-словообразовательной серии Атласа встретилось лишь несколько таких лексем: *mal-in-a*, *mal-in-j-a* к. 39 ‘малина’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 2), *něm-ъ* к. 8 ‘něm(-jъ)’ т. 12 «Личные черты человека». Не случайно такой тип ареала представлен, как правило, на тех картах, где вопрос имеет индекс F, т. е. является фонетическим (см., например, материалы к карте F 411 *berz-a* т. 3 «Растительный мир», F 421 *vrb-a* т. 3 «Растительный мир»; или F 2254 *trpb-a* т. 10 «Народные обычаи»). Вместе с тем нельзя не отметить, что при передаче абстрактных понятий такой тип ареала встречается чаще (ср., например, распространение лексем *mьrt-v-ъ*, *съ-mьrt-b*, *živ-ъ*, *rad-ost-b*, *pě-sn-b=-a*, *pě-sn-a* в т. 10 «Народные обычаи»).

возникает необходимость в выявлении однородного контекста в виде пучков однонаправленных изоглосс”.

⁵ Примеры приводятся в обобщающей морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА, которая позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

Системный характер ареалов этих праславянских лексем, многие из которых имеют индоевропейские соответствия, ср. *polje* < и.-е. *p(e)lā- или *pel-/pol- (Фасмер III: 307), *morje* < и.-е. *mōri (Фасмер II: 654; ЭССЯ 19: 227), *nosъ* < и.-е. *nās- (Фасмер III: 84; ЕСУМ 4: 102), *solъ* < и.-е. *sal- (Фасмер III: 715), *snorъ* < и.-е. *(s)nē(u)- (Фасмер III: 700; ЕСУМ 5: 335), *rogъ* < и.-е. *rogo-s (Фасмер III: 489; ЕСУМ 5: 88), *ostrъ* < и.-е. *ak-r-os (Фасмер III: 166, ЕСУМ 1: 576), *rosa* < и.-е. *ere-s-/rēs-/rōs- (Фасмер III: 503), *kora* < и.-е. *(s)ker-/*(s)kēr-/*(s)kor- (Фасмер II: 321), *voda* < и.-е. *ǵēd-, *ǵod-, *ǵud- (Фасмер I: 330), *konjъ* < и.-е. *ka(n)k- (ЭССЯ 10: 197), *zemja* < и.-е. *ǵhǵem-, *ǵhǵom- (Фасмер II: 93), *medъ* < и.-е. *medhu- (Фасмер II: 589; ЭССЯ 18: 68), *(j)ezero* // *ozero* < и.-е. *eǵhero- (Фасмер III: 125), *pero* < и.-е. *per-, *pet- (Фасмер III: 243; ЕСУМ 4: 352), *sestra* < и.-е. *sǵe- (*se), *sor- (Фасмер III: 612), *veselъ* < и.-е. *ǵesu- (Фасмер I: 303; ЕСУМ 1: 362), *berza* < и.-е. *bherǵā (ЭССЯ 1: 201), *vrba* < и.-е. *ǵerb- (Фасмер I: 293) и др. и равномерно покрывают всю территорию Славии, отсутствие конкуренции с другими лексемами являются убедительным свидетельством не только их архаичности, но и жизненной стойкости.

1.2. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации на территории Славии существуют ограничения.

Значительно чаще на территории Славии встречаются разрушенные ареалы лексем, имевших ранее общеславянское распространение. История славянских диалектов свидетельствует о том, что праславянские лексемы постепенно вытеснялись региональными диалектизмами, так как язык находится в постоянном развитии. Карты Атласа указывают на такую яркую особенность славянских диалектов, как их динамичность, которая проявляется в том, что диалекты всех славянских языков способны к активному порождению локально ограниченных лексем. Более того, материалы Атласа говорят о том, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов.

При этом на картах Атласа хорошо видно, что в эволюции лингвистического пространства Славии прослеживается повторяемость, что позволяет говорить о типологии ареалов лексем, имеющих общеславянское распространение. Об этом свидетельствуют следующие ареальные сценарии:

1.2.1. Лексема широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в южнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

dqb-ъ (**dqbъ* < и.-е. **dheubh-*) (ЭССЯ 5: 97) к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 3): лексема широко распространена в северной Славии и имеет разорванный ареал — в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *xvorst-ъ*, *gor-un-ъ*, *cer-ъ*; о былом существовании этой лексемы в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на ее базе дериваты, ср. серб., хрв., мак. *dqb-ov-in-a*, серб., мак. *dqb-ov-o deriv-o* к. 28 ‘древесина дуба’ т. 3 «Растительный мир»; серб., мак. *dqb-ov-a šuma*, серб., *dqb-ov-a gor-a* к. 27 ‘дубовый лес’ т. 3 «Растительный мир»;

ječъm-en-ъ (**ječъmъ* < и.-е. **aŋk-* Фасмер IV: 571; Черных II: 475; Шапошников 2: 576) к. 46 ‘ячмень’ т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема имеет обширный ареал в восточно- и западнославянских диалектах, а также в македонских, словенских и прилегающих к ним кайкавских хорватских говорах; в остальных южнославянских диалектах ее ареал является островным (болгарские юго-восточные говоры) или даже точечным (сербские говоры п. 73); интересно, что при образовании adj от этого имени ареал лексемы *ječъm-en-ъn-A* несколько изменяется, так как он расширяется в сербских, хорватских и болгарских диалектах;

ovъs-ъ (**ovъsъ* < и.-е. **jewo-*: **jew-es-*: **jow-es*) (Фасмер III: 113; Шапошников 2: 57) к. 50 ‘овес’ т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 4): лексема плотно покрывает территорию восточной и западной Славии и имеет разорванный ареал — в южной: она широко представлена в словенских, македонских и болгарских диалектах, тогда как в сербских и хорватских ее ареал ограничивает лексема *zob-ъ*;

dъxor-ъ (**dъxorъ* < и.-е. **dъxati*) (ЭССЯ 5: 177) к. 8 ‘хоръ’ т. 1 «Животный мир»: лексема широко распространена в диалектах восточной и западной Славии и имеет ограниченные ареалы в южной (в сербских, болгарских, македонских диалектах), где с ней конкурируют лексемы *dъxor-ъk-ъ*, *dъxor-ak-ъ* (серб.), (*kokarž*)-a (блг.), (*kokarž*)-e (блг.), *smъrd-uš-ъk-a* (блг.);

slъp-ъ к. 10 ‘слепой человек’ (**slъp-ъ* < и.-е. **leip*) (Фасмер III: 669; Шапошников 2: 333) т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 5): лексема имеет плотный ареал в восточно- и западнославянских диалектах и разорванный — в южнославянских, где с ней конкурирует заимствованная из турецкого языка лексема (*kjor*)-av-ъ.

Примечательно, что непроеизводные основы этих лексем образуют многочисленные дериваты, локализующиеся в диалектах разных славянских языковых групп, ср.: *dqb-ic-a* (мак.), *dqb-ъc-ъ* (хрв.) ‘дуб’, *dqb-in-a* (чеш., слц., плс., блр., укр.), *dqb-ъn-ъ=ak-ъ* (плс., блр., укр., рус.) ‘дубовый лес’; *ovъs-išъ-e* (рус., укр., мак., блг.), *ovъs-isk-o* (плс., слц., укр.) ‘поле с которого убран овес’; *dъxor-it-j-ъ* (хрв., серб.), *dъxor-ъc-ъ* (хрв.), *dъxor-ic-a* (рус.)

‘хорь’; *slěp-ъc-ъ* (слн., хрв., серб., мак., чеш., слц., плс., блр., укр.), *slěp-ak-ъ* (плс., укр.), *slěp-an-ъ* (слц.) ‘слепой человек’ и т. д.

Особенно много разрушенных южнославянских ареалов представлено на картах фонетических томов Атласа, ср., например, карты *on-ъ* (**onъ* < и.-е. **epo-/ono-/no-*) (Фасмер III: 140; Шапошников 2: 69) к. 1 т. 5 «Рефлексы *о»; *ogn-ъ* (**ognъ* < и.-е. **ognis /egnis*) (Фасмер III: 78; ЕСУМ 1: 414) к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* (**stolъ* < и.-е. **st(h)el-*) (Фасмер III: 764; ЕСУМ 5: 419) к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *dom-ъ* (**domъ* < и.-е. **dōm-, *dēm-, *dm̥*) (Фасмер I: 526; ЭССЯ 5: 72) к. 18 т. 5 «Рефлексы *о»; *dъn-o* (**dъno* < **dъbno* < и.-е. **dhubh-/dheubh-*) (Фасмер I: 519; ЭССЯ 5: 174) к. 50 т. 5 «Рефлексы *о»; *gor-a* (**gora* < и.-е. **g^uer-, *g^uor-*) (Фасмер I: 438; ЭССЯ 7: 29) к. 47 т. 5 «Рефлексы *о»; *sox-a* (**soxa* < и.-е. **kāk-*) (Фасмер III: 729; ЕСУМ 5: 362) к. 38 т. 5 «Рефлексы *о»; *nog-a* (**noga* < и.-е. **onogh-, *ongh-, *ngh-*) (Фасмер III: 78; ЭССЯ 25: 161) к. 39 т. 5 «Рефлексы *о»; *kost-ъ* (**kostъ* < и.-е. **kost-*) (ЭССЯ 11: 167) к. 25 т. 5 «Рефлексы *о», *gost-ъ* (**gostъ* < и.-е. **ghost(i)s*) (ЭССЯ 7: 67) к. 27 т. 5 «Рефлексы *о», *pot-ъ* (**potъ* < и.-е. **poktos*) (Фасмер III: 342; ЕСУМ 4: 417) к. 10 т. 5 «Рефлексы *о»; *topor-ъ* (**toporъ* < и.-е. **ter-/top-*) (Фасмер IV: 79; Шапошников 2: 422) к. 36 т. 5 «Рефлексы *о» или карты *led-ъ* (**ledъ* < и.-е. **ledu-*) (ЭССЯ 14: 91) к. 23 т. 6 «Рефлексы *е», *pepel-ъ* // *popel-ъ* (**pepely* // **popely* < и.-е. **pel-/pol-*) (Фасмер III: 234; Шапошников 2: 117) к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-j-a* (**med-j-a* < родств. др.-инд. *mādhyā*, греч. *méssos* ‘средний’) (Фасмер II: 591) к. 35 т. 6 «Рефлексы *е» и др.

Интересно, что все они демонстрируют ограничения в распространении указанных лексем именно в южнославянских диалектах, т. е. на одной из периферий современной Славии.

Плотный ареал этих лексем, имеющих праславянское происхождение, в восточно- и западнославянских языках и дискретный в южнославянских является свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей. О том, что эти лексеммы уже утратили свою жизненную силу, свидетельствует факт нестабильности их существования в языковом пространстве южной Славии, поскольку все они находятся в отношениях конкуренции с другими лексемами.

Такая ареальная картина говорит о том, что ареалы этих лексем сформировались в достаточно древний период, еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских. Показательно, что разрушение ареалов общеславянских лексем происходит во всех южнославянских диалектах, и на юго-восточной периферии (ср. ареалы лексем *on-ъ*, *ot-ъc-ъ*, *dom-ъ*, *kost-ъ*, *nog-a*, *gor-a*, *dъn-o*), и на юго-западной (ср. ареалы лексем *gost-ъ*, *sox-a*, *dqb-ъ*), и в их центральной части (ср. ареалы лексем *ogn-ъ*, *ovъs-ъ*, *pot-ъ*, *stol-ъ*, *topor-ъ*).

1.2.2. Лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал — в западнославянских.

Таких ареальных сценариев отмечено сравнительно немного. В качестве иллюстрации можно привести ареалы следующих лексем из фонетических томов Атласа: *kor-a* (**kora* < и.-е. **ker-*) (ЭССЯ 11: 44) к. 45 **kora* т. 5 «Рефлексы *о», *moj-a* (**mojъ*, **moja* < и.-е. **mojos*) (ЭССЯ 12: 128) к. 32 *Nsg f* **moja* т. 5 «Рефлексы *о» и др., а также лексем из лексико-словообразовательной серии Атласа:

smol-a (**smola* < и.-е. **smelti*) (Фасмер III: 690; Черных II: 180) к. 3 ‘смола хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 6): лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченные ареалы западнославянских, где с ней конкурируют лексемы *živ-ic-a*, *plusk-yr-ic-a* и *кълѣж-ъ*;

(*j*)*esenъ* // *osenъ* (*(*j*)*esenъ* // **osenъ* < и.-е. **esen-*, **osen-*) (ЭССЯ 6: 28; Фасмер III: 158; ЕСУМ 4: 221) к. 20 т. 6 «Рефлексы *е» (см. карту-схему 7): лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, а также в польских и словацких, тогда как в чешских она имеет лишь латеральный ареал в ляхских говорах, а в лужицких — отсутствует;

žab-a (**žaba* < и.-е. **g^wēbā*) (Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183) к. 32 ‘жаба’ т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 8): лексема имеет обширный ареал в восточно- и южнославянских (особенно в болгарских) диалектах и микроареалы в польских и словацких.

1.2.3. Лексема широко распространена в западно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал — в восточнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

žab-a (**žaba* < и.-е. **g^wēbā*) (Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183) к. 31 ‘лягушка’ т. 1 «Животный мир»: лексема имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских, тогда как в русских говорах ее ареал является дискретным, поскольку здесь более широкое распространение получила лексема *leg-uš-ьk-a*;

oč-i (**oko*, **oči* < и.-е. **ok^u*) (Фасмер III: 128; Шапошников 2: 65) к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 9): лексема плотно покрывает территорию южной и западной Славии, а также украинских и белорусских диалектов, тогда как в русских она отмечена в основном в южнорусских смоленских и брянских говорах;

// *agn-ę* (**agnę* < и.-е. **agnъ*) (ЭССЯ 1: 54) к. 29 *Nsg* (*j*)*agnę* т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных

и западнополесских говорах и в пограничных с ними южнорусских смоленских и брянских говорах;

večer-j-a (**večerja* < и.-е. **veker-*) (Фасмер I: 309; ЕСУМ 1: 366) к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 10): лексема имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как она распространена в основном в южнорусских говорах, причем преимущественно в смоленских, брянских и примыкающих к ним с юга белгородских;

mōž-b (**mōžb* < и.-е. **mon-*, **men* + *-g-jo*) (Фасмер II: 670) ‘супруг’ к. 1 т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 11): лексема широко распространена в западно-, южнославянских и русских диалектах, тогда как в украинских ее ареал ограничен лексемой *čel-o-věk-ъ*, а в белорусских — лексемой *mōž-ik-ъ*; сходный разорванный ареал в восточнославянских диалектах имеет и лексема *žen-a* (**žena* < и.-е. **g^uenā*) (Фасмер II: 46; ЕСУМ 2: 206) к. 57 **žena* т. 6 «Рефлексы *е» (см. карту-схему 12), которая в украинских и белорусских диалектах активно вытесняется лексемой *žen-ъk-a*.

1.2.4. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточно- и западнославянских. Этот ареальный сценарий также встречается довольно часто. Ценность его определяется тем, что именно на периферии современной Славии до сих пор хорошо сохраняются древнейшие праславянские лексемы, ср., например, распространение следующих лексем:

||ež-b (**(j)ežb* // **ožb* < и.-е. **eg'hjo*) (Фасмер II: 10; ЭССЯ 6: 37) к. 10 ‘ёж’ т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 13): лексема имеет плотный ареал в южнославянских языках, а также в русских, польских, словацких и лужицких диалектах, тогда как в остальных восточно- и западнославянских языках ее ареал ограничен лексемами *||ež-ъk-ъ* (в чешских диалектах), *||ež-ak-ъ* (в украинских), *||ež-ik-ъ* (в белорусских и частично в русских);

tъrn-ъ (**tъrnъ* < и.-е. *(s)tern-) (Фасмер IV: 48; Шапошников 2: 413) к. 50 ‘терн’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 14): лексема имеет плотный ареал в южнославянских диалектах, а также в чешских, лужицких, украинских и южнорусских; в польских диалектах с ней конкурируют лексемы *tъrn-j-b*, *tъrn-in-a*, *tъrn-bj-e*; в словацких — лексема *tъrn-j-b*; в белорусских она имеет спорадическое распространение;

měst-o (**měst-o* < и.-е. **meit(h)-*, **mēit-*) (ЭССЯ 18: 206) к. 46 ‘место’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 15): лексема широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточно- и западнославянских, особенно в польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема

měst-ьс-е; под влиянием польского языка происходит разрушение и восточнославянского ареала лексемы *měst-o*, так как в украинских и белорусских диалектах все более широкое распространение получает лексема *měst-ьс-е*.

1.2.5. Лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в западно- и южнославянских. Этот ареальный сценарий встречается не часто, ср. распространение следующих лексем:

krъt-ъ (**krъtъ* < и.-е. *(s)ker-) (ЭССЯ 13: 57) к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 16): лексема равномерно покрывает всю территорию восточной Славии, но имеет ареальные ограничения в западно- и южнославянских диалектах. В западнославянских языках она имеет обширный ареал в диалектах польского и лужицких языков, тогда как в чешских диалектах ее ареал ограничен лексемами *krъt-ъk-ъ* и *krъt-ic-a*, в словацких — лексемами *krъt-ic-a* и *krъt-ič-ic-a*. В южнославянских диалектах, в частности, в сербских, хорватских, македонских и болгарских, ее вытесняют лексемы *krъt-ic-a* и *krъt-in-a*;

bob-ъ (**bobъ* < и.-е. *bhabhā) (ЭССЯ 2: 148) к. 13 **bobъ* т. 5 «Рефлексы *о»: лексема имеет ограниченный ареал в лужицких и польских диалектах, а из южнославянских — в македонских и боснийских, тогда как в восточнославянских, чешских, словацких, словенских, сербских, хорватских и болгарских диалектах она распространена повсеместно;

glux-ъ (**gluxъ* < и.-е. *k'lous) (Фасмер 1: 417; Шапошников I: 179) к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 17): лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченные ареалы в западно- и южнославянских, где с ней конкурируют лексемы *glux-an-ъ* (слц.), *glux-ъč-o* (блг., мак.), *glux-al-ъ* (плс.), *glux-at-j-ъ* (хрв.) и др.

1.2.6. Лексема широко распространена в западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточно- и южнославянских. Этот ареальный сценарий также встречается довольно редко, ср. распространение следующих лексем:

pъs-ъ (**pъsъ* < и.-е. *peik'-, *pīk'-) (Фасмер III: 248; Черных II: 25) к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 18): лексема имеет плотный ареал в западнославянских диалектах, а также в словенских; ограниченный — в восточно- и южнославянских: в восточнославянских диалектах наряду с лексемой *pъs-ъ* широко распространена также заимствованная из иранского лексема (*sabak*)-a; в болгарских, македонских, сербских диалектах — лексема *kuč-e*, а в хорватских — лексема *suc-ъk-ъ*;

gnoj-ь (**gnojь* < **gniti* < и.-е. **ghnēi-*) (ЭССЯ 6: 177–179) к. 28 ‘на-воз’ т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 19): лексема широко распространена в западнославянских, украинских, белорусских, словенских и хорватских диалектах, во всех остальных славянских языках ее ареалы являются либо островными (сербские, македонские диалекты), либо латеральными (русские), либо точечными (болгарские); в южнославянских диалектах ее ареал ограничивает заимствованная из турецкого языка лексема (*žubr*)-e (тур. *gübre*), а в русских — лексемы *na-voz-ь* и *na-zem-ь*.

1.2.7. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации во всех славянских диалектах существуют территориальные ограничения. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

myš-ь (**myšь* < и.-е. **mūs-*) (ЭССЯ 21: 64) к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 20): лексема распространена во всех славянских диалектах, однако в польских и украинских она имеет разорванный ареал, так как ее активно теснит лексема *myš-a*, в македонских — островной ареал, так как он ограничен широко распространенной лексемой *gluš-ьс-ь*, а в болгарских — микроареал, так как здесь широко используются лексемы *myš-bk-a* и *myš-bk-ь*. Кроме того, в форме *f* она известна в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских; в остальных южнославянских языках лексема *myš-ь* мужского рода;

byk-ь (**byk-ь* < и.-е. **bukati*, **bučati*, **byčati*) (ЭССЯ 3: 148) к. 3 ‘некастрированный самец коровы’ т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 21): лексема зафиксирована во всех славянских диалектах, однако везде она вступает в отношения конкуренции с другими лексемами: в украинских, белорусских, польских и болгарских диалектах ее ареал ограничивает заимствованная из тюркских языков лексема (*bugaj*)-ь, в русских диалектах — лексема *porz-ь*; в словацких — лексема *bu-j-ak-ь*, а в македонских, словенских и сербских диалектах — лексема *jun-ьс-ь*;

(*j)elx-a* (*(*j)elx-a* < и.-е. **alisā*) (Фасмер III: 137; ЭССЯ 6: 23) к. 37 ‘ольха’ т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет ограниченный ареал практически во всех славянских диалектах, за исключением словацких и лужицких, где ее ареал является сплошным; в восточнославянских, польских и чешских диалектах ее распространение ограничивает лексема *olbš-in-a*, а в южнославянских — лексемы *olbš-ik-a* и *olbš-bk-a*;

sēr-a (**sēra* родств. лат. *sērum*) (Фасмер III: 603) к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 22): лексема имеет ареальные ограничения во всех славянских диалектах, за исключением польских, где она представлена довольно плотным ареалом.

Картографирование лексем, имеющих общеславянский характер распространения, показало, что они локализируются в пространстве terra Slavia неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума. Это прежде всего чешские (особенно ляхские говоры, в частности, п. 203), словацкие, лужицкие (особенно пп. 234, 236) диалекты, юг польских (особенно говоры Силезии, в частности, пп. 288 и 308), словенские и прилегающие к ним хорватские кайкавские и чакавские говоры; сербские (особенно зетско-сенинские, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры); македонские и юго-западные болгарские, а также юго-западные украинские. Территория этих говоров покрыта практически полностью лексемами, имеющими общеславянское распространение, хотя и с локальными ограничениями.

II. Лексема не имеет общеславянского распространения, однако локализуется в диалектах трех славянских языковых групп. Несмотря на ареальные ограничения в распространении лексем, здесь наблюдается огромное многообразие ареальных сценариев, причем в этом многообразии также прослеживается определенная повторяемость.

II.1. Лексема широко распространена в диалектах восточной и западной Славии, но имеет ограниченный ареал — в южной. Эта топографическая ситуация встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

baran-ъ (**baranъ* < и.-е. **u̯ren-*, **w̥ren-*) (ЭССЯ 1: 155; Шапошников 1: 47) к. 4 ‘некастрированный самец овцы’ т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 23): лексема широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах и имеет микроареал в хорватских славонских (пп. 39, 40) и чакавских говорах (п. 148а). В других южнославянских диалектах в материалах Атласа эта лексема не встречается, однако след ее сохранился в производных *бъранкъ* ‘овца’ и *баранки* ‘овцы’, зафиксированных в восточно-болгарских говорах (ЭССЯ 1: 155);

mok-a (**mok-a* < и.-е. **men-*) (ЭССЯ 20: 135) к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 24): лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения в словенских, хорватских и сербских диалектах: в хорватских диалектах она распространена в основном в чакавских говорах; в сербских она имеет островные ареалы в зетско-сенинских и призренско-тимокских говорах; в словенских диалектах она распространена практически повсеместно, за исключением отдельных белокраинских, штаерских, паннонских, прекурских говоров; в болгарских и македонских диалектах лексема *mok-a* в материалах Атласа в этом

значении не зафиксирована, однако она встречается в болгарских говорах в ином значении (ср. блг. диал. *мука* ‘еда, пища’; ср. также производные с этим корнем в блг., мак. *мучник*, блг. *мъчник* ‘ларь, в который ссыпается мука на водяной мельнице’ (ЭССЯ 20: 119);

slin-a к. 20 ‘слюна’ (**slina* < и.-е. **sleuna*) (Фасмер III: 681; ЕСУМ 7: 300) т. 9 «Человек» (см. карту-схему 25): лексема широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и прилегающих к ним хорватских кайкавских говорах; кроме того, она имеет точечные ареалы в сербских косовско-ресавских (п. 70) и восточно-герцеговинских говорах (п. 67), ср. также дериваты от этой основы в южнославянских языках: серб., хрв. *slinav*, *slinac* (Skok III: 285);

lěs-ъ к. 11 ‘лес’ (**lěsъ* < и.-е. диал. **loik*/**lĕk*) (Фасмер II: 485; Шапошников 1: 465) т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 26): лексема имеет плотный ареал в диалектах восточной и западной Славии и небольшие островные ареалы в словенских (штаерских, паннонских, прекмурских), в хорватских (икавских) и сербских (восточно-герцеговинских) говорах;

сѣр-ъ, сѣр-а, сѣр-е (**сѣръ* < и.-е. **skop-*) (ЭССЯ 3: 186) к. 76 ‘цеп, орудие для ручной молотбы’ т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 27): лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, а также Словении и имеет латеральный ареал в хорватских чакавских и кайкавских говорах; ср. также дериваты от этой основы *сѣр-ъс-ъ, сѣр-ък-ъ, сѣр-ак-ъ, сѣр-it-j-ъ* в русских, словенских, словацких и чешских диалектах;

skop-ъ (**skopъ* < и.-е. **skom-p-*) (Фасмер III: 662; Шапошников 2: 330; ТСПЯ: 893) к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 28): лексема имеет обширные ареалы в восточно- и западнославянских диалектах, небольшой островной ареал в словенских и микроареалы в болгарских западных и юго-восточных говорах.

II.2. Лексема широко распространена в диалектах восточной и южной Славии, тогда как в западнославянских языках ее ареал является ограниченным. Этот ареальный сценарий также встречается довольно часто, ср. локализацию лексем:

zvěr-ъ (**zvěrb* < и.-е. **ǵhwēr*) (Фасмер II: 87; Шапошников 1: 316; **ǵhwēr* Boryś 2005: 746) к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 29): лексема имеет две грамматических формы — *m* и *f*, которые широко представлены в восточно- и южнославянских диалектах; в западнославянских языках форма *m* имеет довольно обширный ареал в польских диалектах, однако ее активно теснят лексемы *zvěr-е* и *zvěr-in-a*; а форма *f* — в словацких, но и здесь с ней конкурируют формы *zvěr-е* и *zvěr-in-a*;

sliv-a (**sliva* < и.-е. *(*s*)*līwo-*) (Фасмер III: 670; Шапошников 2: 333) к. 6 ‘слива’ (плод) т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 30): лексема

плотно покрывает всю территорию южной Славии, имеет обширный ареал в русских, белорусских и юго-восточных украинских говорах и небольшие островные ареалы в словацких, чешских и польских диалектах;

děver-ь (**děverь* < и.-е. **daiwer*) (Шапошников 1: 211) к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 31): лексема имеет обширные ареалы в восточной и южной Славии и микроареалы в польских переселенческих и западнословацких говорах;

lic-e (**lic-e* < и.-е. **liiti*) (ТСРЯ: 411; Фасмер II: 506; Шапошников 1: 476) к. 2 'лицо' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 32): лексема равномерно покрывает территорию восточной и южной Славии и имеет микроареалы в польских переселенческих и чешских моравских говорах;

svek//r-ь (**svekrь* < и.-е. **syek'gū-s*) (Фасмер III: 571, Шапошников 2: 302) к. 34 'отец мужа' т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 33): лексема имеет обширные ареалы в восточнославянских, южнославянских и словацких диалектах и микроареалы в малопольских и польских переселенческих говорах.

II.3. Лексема широко распространена в западно- и южнославянских диалектах и имеет ограниченные ареалы в некоторых восточнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср. локализацию следующих лексем:

čel-o (**čelo* < и.-е. **kelom*) (ЭССЯ 4: 45) к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 34): лексема плотно покрывает территорию западной и южной Славии, имеет латеральный и островные ареалы в украинских говорах и микроареалы — в южнорусских. Следует, однако, отметить, что в восточнославянских диалектах эта лексема имела ранее более широкое распространение, о чем свидетельствуют материалы памятников древнерусской письменности, а также данные современных восточнославянских языков, в которых эта лексема продолжает свою жизнь, хотя иногда и как стилистически маркированная (ср. в рус. лит. яз. *чело* устар. и народ.-поэтич. 'лоб' (МАС 4: 659); в укр. яз. *чоло* 'лоб' (СУМ 11: 348); в блр. яз. *чало* 'лоб' (ТСБМ V/2: 291), фразеологические обороты (типа рус. *бить челом*; укр. *дати чолом, віддавати чолом*; блр. *біць чалом*), производные (ср. рус. *челобитная, челобитчик*; укр. *челобиття, чоловий*; блр. *чалабітная, чалабітчык, чалабітчыца*) и фольклорные тексты;

grob-ь (**grobь* < **grebtī* < и.-е. **ghrebh-*) (ЭССЯ 7: 133) к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 35): лексема плотно покрывает территорию южной и практически всей западной Славии (исключение составляют лужицкие диалекты, где распространена лексема *rov-ь*), имеет небольшой клинообразный ареал в говорах Правобережной Украины и микроареал — в белорусских, на границе

с польскими диалектами (п. 336) и в русских (архангельских) говорах; в восточнославянских диалектах эта лексема ранее имела более широкое распространение, о чем свидетельствуют памятники древнерусской письменности XI–XII в., ср. Патерик Син. XI–XII в. (СРЯ XI–XVII 4: 137);

stop-a (**stopa* < и.-е. **step-*: **stop-*: **stemp-*: **stomp-*) (Фасмер III: 767; ТСРЯ: 946; Шапошников 2: 383) к. 47 ‘след стопы’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 36): лексема имеет обширные ареалы в западнославянских и южнославянских диалектах и небольшие островные ареалы в полесских и юго-западных украинских говорах;

pěg-e, pěg-y (**pěga* < и.-е. **poig-*) (ТСРЯ: 619) к. 6 ‘веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека’ т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 37): лексема широко распространена в западно- и южнославянских диалектах и имеет микроареалы в юго-западных украинских и русских (вологодских) говорах.

II.4. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточно- и западнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно часто. Он представляет особый интерес в связи с тем, что именно южнославянские языки нередко являются средоточием праславянской архаики, ср. локализацию следующих лексем:

glist-a (**glista, glist* < и.-е. **glit-*, **gleit-*) (ЭССЯ 6: 128) к. 36 ‘дождевой червь’ т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 38): лексема имеет обширный ареал в южнославянских диалектах, кроме того, она отмечена в восточнословацких, в чешских ганацких и в некоторых моравских говорах, в польских, в юго-западных украинских и в некоторых севернорусских (вологодских) говорах;

ust-a (**usta* < и.-е. **ōys-t*/**əys-t*) (Фасмер IV: 172; Boryś 2005: 671) к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 39): лексема плотно покрывает территорию южной Славии, имеет островные ареалы в западно- и среднесловацких, в западных чешских и в юго-западных украинских говорах; дискретный ареал в польских диалектах; в русских диалектах у нее отмечены лишь микроареалы в севернорусских (костромских пп. 689, 709), среднерусских (тверских п. 698, псковских п. 691) и южнорусских (брянских п. 811) говорах. Можно предположить, что в восточнославянских диалектах эта лексема имела ранее более широкое распространение, о чем свидетельствуют памятники древнерусской письменности, ср. др.-рус. *уста* с широким спектром значений ‘рот’, ‘губы’, ‘язык’, ‘слова’, ‘устье’ и др. (Срезн. III: 1273), а также данные русского литературного языка, где эта лексема продолжает свою жизнь, хотя и как стилистически маркированная, а также многочисленные дериваты (ср. *устный, устно, устье*) и фольклорные тексты.

Обширный ареал этой лексемы, наличие индоевропейских соответствий не вызывают сомнений в ее праславянской древности;

bor-ъ (**borъ* < и.-е. **bher-*) (ЭССЯ 2: 216) к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 40): лексема широко распространена в южнославянских диалектах, имеет небольшие островные ареалы в западнословацких, в чешских моравских и ганацких говорах и микроареал — в юго-западных украинских (п. 469);

mast-ъ (< и.-е. **mazъ*) (ЭССЯ 18: 30; ЕСУМ 3: 410) к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в южнославянских диалектах, имеет ограниченный, но плотный ареал в юго-западных украинских, а также в западно- и среднесловацких говорах;

borzd-a (**borzda* < и.-е. **bhors-dā*) (ЭССЯ 2: 220) к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 41): лексема имеет обширный ареал в южнославянских диалектах, в чешских, словацких и лужицких, островной ареал в юго-западных украинских говорах и микроареал в южнорусских смоленских говорах;

pъrst-ъ (*pъrstъ* < и.-е. **per-st-*, **sp̥r̥s̥āti*) (Шапошников 2: 126; ТСРЯ: 638; БЕР 5: 828) к. 34 'палец руки' (см. карту-схему 42): лексема широко распространена в южнославянских и чешских диалектах и имеет островные ареалы в западнословацких, в юго-западных украинских и севернорусских говорах.

Обращает на себя внимание повторяемость в локализации ареалов этих лексем. Большинство из них встречаются чаще всего в южнославянских, чешских, словацких (особенно в западнословацких) и в юго-западных украинских диалектах. Думается, что эта повторяемость не является случайной. Она подтверждает факт существования южнославянско-чешско-словацкой-карпато-украинской изоглоссной области, о которой неоднократно говорили компаративисты (см., например, работы Н. Н. Дурново, С. Б. Бернштейна, В. М. Иллича-Свитыча, Г. П. Клепиковой Л. В. Куркиной и др.). Континуальность ареалов рассмотренных лексем, имеющих к тому же индоевропейские соответствия, свидетельствует о том, что они являют собой «осколки» праславянских диалектизмов, имевших некогда более широкое распространение.

II.5. Лексема широко распространена в западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточно- и южнославянских. Этот ареальный сценарий также не является редкостью, ср. распространение следующих лексем:

žit-o (**žito* < и.-е. **žiti*) (Фасмер II: 57; Шапошников 1: 274) к. 60 Sm **žito* т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема **žito* в значении 'рожь' широко

распространена в западнославянских, украинских и белорусских диалектах, имеет латеральный ареал в западной группе русских говоров, а также в паннонских и прекмурских говорах Словении, кроме того, точечный ареал — в кайкавских хорватских говорах (п. 27); сходный ареал лексемы *žit-o* просматривается и на к. 37 ‘рожь’;

lqk-a (**lqka* < и.-е. **lękt’i*) (ЭССЯ 16: 141) к. 81 ‘луг’ т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема плотно покрывает территорию всей западной Славии, имеет островные ареалы в украинских, македонских и сербских диалектах;

běd-a (*běditi* < и.-е. **bhejdhō*) (ЭССЯ 2: 54; **bhojdhā* Шапошников 1: 5) к. 62 ‘бедность, нужда’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 43): лексема имеет обширный ареал в западнославянских диалектах, разреженный — в сербских, а также в говорах Правобережной Украины, островной ареал в хорватских и микроареалы — в западных македонских (пп. 90, 97), белорусских полесских (пп. 364, 384) и среднерусских говорах (п. 714);

ot-ьс-ь (**otьсь* < и.-е. **otъ* < **āt-*) (Фасмер III: 170; Черных I: 610; ЕСУМ: 233) к. 7 т. 5 «Рефлексы *o» (см. карту-схему 44): лексема имеет плотный ареал в западнославянских диалектах, из восточнославянских — только в русских, а из южнославянских — в словенских, хорватских и сербских диалектах, тогда как в болгарских он является точечным (пп. 123, 139), при том, что в материалах Атласа эта лексема фиксируется в ином значении, а именно ‘священник’. В украинских и белорусских диалектах ареал лексемы *ot-ьс-ь* является разорванным (в белорусских — это островной ареал в северо-восточных говорах на границе с русскими диалектами, а также небольшие ареалы в некоторых западно-полесских и юго-западных говорах; в украинских диалектах — это довольно обширный ареал в юго-западных и полесских говорах Правобережной Украины, а также небольшой островной ареал в юго-восточных говорах). В македонских диалектах лексема *ot-ьс-ь* в материалах Атласа не зафиксирована. Древнее происхождение этой лексемы, имеющей индоевропейский корень, хотя и ограниченный, но практически общеславянский характер распространения свидетельствует о том, что перед нами разрушенный ареал праславянского архаизма;

měst-o (**měst-o* < и.-е. **meit(h)-*) (ЭССЯ 18: 203) к. 45 ‘город, крупный населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема плотно покрывает всю территорию западной Славии и Словении, кроме того, она широко распространена в украинских диалектах и имеет островные ареалы — в белорусских. «Значение ‘город’ развилось под влиянием нем. *ort*, *stadt*, сочетающих значения ‘locus’ и ‘urbs’» (ЭССЯ 18: 205);

pęst-ь (**pęstь* < и.-е. **pnkʷsti-*) (Boryś 2005: 434) к. 33 ‘кулак’ т. 9 «Человек»: (см. карту-схему 45): лексема покрывает всю территорию западной

Славии, кроме того, она имеет плотный ареал в словенских диалектах и островные ареалы в хорватских чакавских и в украинских юго-западных говорах; микроареал — в сербских зетско-сенинских говорах (п. 72) и переселенческих призенско-тимокских на территории Румынии (п. 168); о былом распространении этой лексемы в южнославянских диалектах свидетельствует ее дериват *pešt-bn-ic-a*, широко известный в сербских, западноболгарских и некоторых македонских диалектах, а также дериваты *pešt-uk-ъ* и *pešt-ux-ъ*, отмеченные в юго-западных украинских говорах. Эта лексема также встречается в памятниках древнерусской письменности XII в. (СРЯ XI–XVII вв. 21: 91), т. е. она имела ранее более обширный ареал;

zvон-ъ (**zvonъ* < **zvbъnĕti* < и.-е. **ǵhvonos*) (Фасмер II: 87; и.-е. *ǵʰcen-Borys* 2005: 146) к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 46): лексема имеет обширный ареал в западной Славии, в украинских, белорусских и словенских диалектах, латеральный — в хорватских кайкавских и в южнорусских брянских и смоленских говорах, микроареал — в западноболгарских говорах (пп. 115, 117).

Обращает на себя внимание удивительная пространственная «созвучность» корреспондирующих лексем, имеющих обширные ареалы в западной Славии: как правило, все они имеют широкое распространение также в словенских и хорватских диалектах, а из восточнославянских — в украинских.

Сохранение этих праславянских лексем, большинство из которых имеет индоевропейские соответствия, в диалектах всех трех славянских языковых групп, несмотря на ограниченный характер их ареалов, свидетельствует о том, что эти ареалы могли сформироваться еще в праславянский период, однако в дальнейшем подверглись разрушениям.

II.6. Лексема широко распространена в восточной Славии, но имеет ограниченный ареал в западно- и южнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий также встречается довольно часто, ср. локализацию лексем:

ščuk-a (**ščuka* < и.-е. **skeu-k-*) (Фасмер IV: 509; Шапошников 2: 555) к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 47): лексема широко распространена в восточнославянских, а также в словацких, словенских, хорватских, сербских и болгарских диалектах; небольшие островные ареалы отмечены в польских говорах Силезии и микроареалы — в кашубских (пп. 243, 245), лужицких (пп. 235, 237) и чешских моравских диалектах (п. 200, 204);

njux-ъ (**n'uxъ* < и.-е. **n'uxati*) (ЭССЯ 25: 159) к. 50 'чувство обоняния у собаки' т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в восточнославянских, а также в словацких, хорватских, сербских и болгарских

диалектах; небольшие островные ареалы встречаются в некоторых польских говорах на территории позднего заселения выходцами из восточно-славянских земель;

sad-ъ (**sadъ* < и.-е. **saditi*) (Фасмер III: 543) к. 1 ‘сад’ т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 48): лексема плотно покрывает территорию восточной Славии, имеет разреженный ареал в польских диалектах, небольшие островные ареалы в восточнословацких и в западных чешских; микроареал — в хорватских чакавских говорах (пп. 23, 24);

log-ь (**logъ* < и.-е. **leng-*) (ЭССЯ 16: 139) к. 81 ‘луг, ровное, покрытое травой пространство’ т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 49): лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченные ареалы в словенских, хорватских и сербских; кроме того, — микроареал в малопольских говорах (пп. 310, 311);

mold-ъ (**moldъ* < и.-е. **moldvis*) (ЭССЯ 19: 174) к. 9 ‘мужчина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 50): лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, разреженный — в польских, островной — в восточнословацких и хорватских и микроареал — в словенских ровтарских говорах;

mold-а (**moldъ* < и.-е. **moldvis*) (ЭССЯ 19: 174) к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских и сербских диалектах, разреженный — в хорватских, островные ареалы в восточнословацких, в польских мазовецких и новых переселенческих говорах, микроареалы — в словенских (п. 8) и болгарских (п. 167) говорах;

tbst-ь (**tes-tъ* < и.-е. **tek’*) (Фасмер IV: 51; ТСРЯ: 981) к. 36 ‘отец жены’ т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 51): лексема широко распространена в восточнославянских и польских диалектах, а также имеет островные ареалы в словенских, хорватских, сербских, македонских и болгарских говорах.

Ареалогический анализ этой группы соответствий показал, что восточнославянские изоглоссы находят продолжение чаще всего в польских, чешских, словацких и хорватских диалектах, где они образуют нередко обширные ареалы. Повторяемость в локализации ареалов этих праславянских лексем, а главное — их континуальность являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», эти соответствия являют собой «осколки» ареалов, покрывавших некогда более обширные пространства.

II.7. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в южно-, и в западнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

borv-ъ (**borvъ* < и.-е. **bhro-u*) (ЭССЯ 2: 214) к. 8 ‘кастрированный самец свиньи’ т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 52): лексема имеет обширный ареал в русских, в западно- и среднесловацких диалектах, островной ареал — в хорватских (славонских) говорах и микроареалы — в юго-восточных украинских (п. 514, 843) и сербских шумадийско-воеводинских (пп. 54, 55); о былом распространении этой лексемы в чешских и польских диалектах свидетельствует ареал лексемы *borv-ъk-ъ*, локализующейся в чешских моравских и в польских говорах Силезии;

vepr-ъ (**veprъ* < и.-е. **verpo-*) (Фасмер I: 292, Преображенский I: 72; ЭСРЯ 1: 53) к. 8 ‘кастрированный самец свиньи’ т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в польских, чешских и сербских диалектах, имеет островные ареалы в воточнословацких, в юго-западных украинских, в северо-восточных белорусских и северо-западных македонских диалектах, микроареалы — в западных болгарских (пп. 117, 118), в верхнелужицких (п. 236), в русских смоленских (пп. 747, 758) и вологодских говорах (пп. 600, 625);

kur-a (**kura* < и.-е. **kurъ*) (ЭССЯ 13: 118; Шапошников 1: 452) к. 17 ‘курица’ т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в польских и русских диалектах, имеет островные ареалы в белорусских (западнополесских и среднелитовских), словацких (в средне- и восточнословацких), в чешских (ляшских и моравских) и словенских (штаерских, прекмурских, горенских, в говорах Каринтии) диалектах и микроареалы — в лужицких (пп. 234, 237) и украинских (пп. 410, 439);

kvok-a (**kvoka* < и.-е. **kvokati*) (ЭССЯ 13: 169) к. 18а ‘курица, которая высиживает цыплят’ т. 2 «Животноводство»: лексема имеет обширный ареал в польских диалектах, островные ареалы — в словацких, в юго-западных украинских, словенских приморских, а также в говорах Каринтии; микроареалы — в русских (новгородских п. 687) и хорватских (чакавских пп. 22, 24) говорах;

gqs-ъ (**gqsbъ* < и.-е. **ġhans-*) (ЭССЯ 7: 88) к. 21 ‘гусь’ (о.н.) т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 53): лексема имеет обширные ареалы в русских, белорусских, польских и словацких диалектах; островные ареалы — в украинских полесских, в некоторых юго-западных и юго-восточных говорах, в лужицких, в чешских, в словенских приморских, ровтарских, штаерских и в говорах Каринтии;

květ-ъ (**kvěťъ* < и.-е. **kʷojto*) (ЭССЯ 13: 162) к. 14 ‘цветок’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 54): лексема широко распространена в южнославянских (за исключением болгарских) и польских диалектах; имеет разреженный ареал — в русских и островные ареалы — в западнословацких, в юго-западных украинских и в северо-восточных белорусских говорах;

lěsk-a (**lěska* < и.-е. **lěsъ*) (ЭССЯ 14: 239) к. 49 'лесной орех' т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет обширный ареал в чешских, словацких и лужицких диалектах, разреженный — в словенских (приморских, штаерских, ровтарских, горенских); островной — в малопольских и силезских говорах, в юго-западных украинских, в сербских восточногерцеговинских и призренско-тимокских; микроареалы — в хорватских (пп. 39, 146а) и в говорах Эгейской Македонии (пп. 111, 113а);

meľč-ь (**meľčь* < и.-е. **melko*) (ЭССЯ 18: 76) к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир»: лексема плотно покрывает территорию польских и лужицких диалектов, имеет небольшие островные ареалы в юго-западных украинских, в чешских и ганацких, в западнословацких, в словенских (приморских, горенских, паннонских и прекмурских) говорах и микроареал — в сербских призренско-тимокских (пп. 85, 87);

gōb-a (**gōba* < и.-е. **sg hombhā*) (ЭССЯ 7: 78) к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 55): лексема широко распространена в словенских, болгарских и чешских диалектах, имеет островные ареалы в говорах Эгейской Македонии и в юго-восточных говорах, а также в словацких, украинских и русских диалектах; микроареалы — в белорусских (п. 372) и польских (пп. 299, 325) говорах;

tŏlst-ь (< **tŏlstъ* < и.-е. **teu(ə)-/*tēu-/*tŭ-*) (Фасмер IY: 74; Boryś 2005: 636) к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: (см. карту-схему 56): лексема широко распространена в польских, чешских и болгарских диалектах; имеет небольшие островные ареалы в западно- и среднесловацких, в юго-западных белорусских, в украинских (полесских) и карпато-украинских говорах; микроареалы — в хорватских чакавских (пп. 24, 44), в словенских приморских и ровтарских говорах (пп. 4, 6);

koryt-o (**koryto* < и.-е. **ryti*) (ЭССЯ 11: 121) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 57): лексема имеет обширный ареал в русских и словацких диалектах; разреженный — в украинских и белорусских, небольшие островные ареалы в чешских и пограничных с ними польских диалектах, а также в некоторых словенских и хорватских говорах;

grob-ъ (**grobъ* < и.-е. **grebti* < **ghrebh-*) (ЭССЯ 7: 133) к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 58): лексема широко распространена в русских диалектах, имеет разреженный ареал в украинских, островные ареалы в белорусских и словенских диалектах и микроареал — в болгарских юго-восточных (п. 139) и польских мазовецких говорах (пп. 265, 266);

mat-i (**mati* < и.-е. **māter*) (Фасмер II: 583; Шапошников 1: 500; ТСРЯ: 435) к. 6 'мать' т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 59): лексема

имеет обширный ареал в украинских, белорусских, словенских диалектах и островные ареалы в севернорусских (архангельских и вологодских), в западночешских и словацких, в хорватских и сербских говорах; ограниченный ареал в восточнословацких, лужицких, польских, хорватских (чакавских) говорах имеет и лексема *mat-ь*, которая широко распространена лишь в русских диалектах.

Ареалогический анализ этой группы соответствий показал, что они локализируются чаще всего в русских, украинских, чешских, словацких и словенских диалектах, где имеют довольно обширные ареалы.

Сохранение праславянских лексем, имеющих индоевропейские соответствия, в диалектах всех трех славянских языковых групп, несмотря на ограниченный характер их ареалов, свидетельствует о том, что эти ареалы могли сформироваться еще в праславянский период, однако в дальнейшем подверглись разрушениям.

Картографирование лексем, имеющих **общеславянский характер распространения**, показало, что они локализируются в пространстве terra Slavia неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума.

Если попытаться обобщить приведенные факты, то нельзя не заметить, что **самая высокая степень сохранности праславянских лексем, имеющих непроездовые основы и индоевропейские соответствия, наблюдается в южнославянских диалектах (особенно в словенских и прилегающих к ним хорватских кайкавских и чакавских говорах), за ними следуют западнославянские (и прежде всего польские, особенно говоры Силезии и чешские, особенно лясские) диалекты и далее — восточнославянские (причем преимущественно юго-западные украинские).**

Общеславянская перспектива Атласа, таким образом, дает возможность понять, какие из изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Несомненно, что прерывистые изоглоссы, связывающие разные славянские диалекты на всем пространстве terra Slavia, являются отражением более сложных диалектных отношений, чем существующее сегодня в славистике представление о диалектной дифференциации праславянского языка.

Итак, карты Атласа говорят о том, что судьба праславянского слова оказалась разной в славянских диалектах.

Одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образовали т. н. системные ареалы (ср., например,

ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a*, *kon-j-ь*, *pol-j-e*, *mor-j-e*, *osm-ь*, *moj-ь*, *moj-a*, *sol-ь*, *snop-ь*, *rog-ь*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о»; или распространение лексем *zem-j-a*, *med-ь*, *sedm-ь*, *šest-ь*, *tret-bj-ь*, *vesel-bj-e*, *ber-e-ть*, *devet-ь*, *(j)ezer-o* // *ozer-o*, *(j)elen-ь* // *olen-ь*, *per-o*, *sestr-a* и др. в томе «Рефлексы *е» и др.). Подобные ареалы можно соотнести с законом открытого слога, который пережили все славянские языки в начале своей истории.

Другие слова оказались подвержены влиянию времени, ибо их ареалы стали разрушаться (ср., например, ареалы лексем *ovъs-ь*, *gost-ь*, *krъt-ь*, *mok-a*, *gos-ь* и др.). Этот тип ареала соотносится с теми фонетическими процессами, которые проходили в славянских диалектах позднее и дали разные результаты.

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй — широко распространенное. Разрушение ареалов праславянских лексем прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии.

О разрушительных процессах, протекающих в пространстве *terra Slavia*, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы *slěp-ъ* к. 10 ‘слепой человек’ (**slěp-ъ* < и.-е. **leip*) (Фасмер III: 669; Шапошников 2: 333) т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 5), которая имеет плотный ареал в восточно- и западнославянских диалектах и разорванный — в южнославянских, где с ней конкурирует заимствованная из турецкого языка лексема (*kjor*)-*av-ъ*; или ареал лексемы *mok-a* на к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которую в южнославянских диалектах активно теснят лексемы *borъ-ьn-o*, *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o*. О былом существовании этих лексем в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на их базе дериваты, ср. слн. *slěpac*, серб. *slěpac*, хрв. *slěpec*, мак. *s'lepik* ‘слепой человек’ или блг., мак. *мучник*, блг. *мъчник* ‘ларь, в который ссыпается мука на водяной мельнице’).

Вместе с тем и одни, и другие слова говорят о реальном существовании праславянского языка, причем не просто как некой абстрактной модели, а как о живом языке, во всем его диалектном многообразии. Об этом свидетельствуют ареалы лексем, имеющих индоевропейское происхождение, но не имеющих статус общеславянских, ср., например, распространение лексем *volъs-y* к. 25 ‘волосы человека’ т. 9 «Человек» (**volъsъ* < и.-е. **wel-k'* - Фасмер I: 343; Шапошников 1: 137; **цел(э)* Boryś 2005: 704), *brъv-i* к. 11 ‘брови’ т. 9 «Человек» (< **bry* < и.-е. **bhrū-s* ЭССЯ 3: 64), которые отсутствуют в южнославянских языках.

Анализ лексем, распространенных в восточно-, западно- и южнославянских диалектах, имеющих непроемные основы и индоевропейские соответствия, позволил определить следующий набор праславянских лексем для диалектов каждого славянского языка в отдельности.

Русские диалекты

baran-ъ к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»; *berz-a* к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *o»; *bory-ъ* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *borzd-a* к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *brъv-i* к. 11 'брови' т. 9 «Человек»; *byk-ъ* к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *сѣр-ъ* к. 76 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *čъrv-ъ* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *der-v-o* к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир»; *děd-ъ* к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»; *děl-o* к. 44 'работа' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dět-e* к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»; *děver-ъ* к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства»; *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *glux-ъ* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ъ* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gqb-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *gqs-ъ* к. 21 'гусь' (о.н.) т. 2 «Животноводство»; *grob-ъ* к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xud-ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//edl-a* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//edl-ъ* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//ež-ъ* к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *jam-a* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *e»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *e»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ъ* к. 20 т. 6 «Рефлексы *e»; *(j)ezer-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *e»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *o»; *kriv-ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *kruš-a* к. 4 'груша' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *krъt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *květ-ъ* к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *e»; *lěn-ъ* к. 46 'ленивый, не любящий работать' т. 12 «Личные черты человека»; *lěs-ъ* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *lic-e* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»; *lqg-ъ* к. 81 'луг, ровное, покрытое травой пространство' т. 4 «Сельское хозяйство»; *lys-ъ* к. 1 'лысый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *mat-i, mat-ъ* к. 6 'мать' т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *e»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *e»; *měst-o* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная

жизнь»; *měst-o* к. 45 'город, крупный населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mold-ъ* к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mōž-ъ* к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»; *myš-ъ* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *myš-ъ* (m) к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *nos-ъ* к. 49 'то, чем свинья роет землю' т. 2 «Животноводство»; *//oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pěg-e, pěg-y* к. 6 'веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека' т. 12 «Личные черты человека»; *pepel-ъ //popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *plet-j-e* к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pъrst-ъ* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *pъs-ъ* к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ryd-j-ъ* к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»; *ръž-ъ* к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-ъ* к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека»; *slěd-ъ* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *slěp-ъ* к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 'слюна' т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 'слива' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 'смола хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *sъnъjъχ-a* к. 39 'жена сына' т. 11 «Степени родства»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 46 'часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *stop-a* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *strok-ъ* к. 15 'стручок' (гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *sux-ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ъ* к. 34 'отец мужа' т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»; *тъlst-ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *тъrn-ъ* к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»; *тъst-ъ* к. 36 'отец жены' т. 11 «Степени родства»; *ust-a* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep//r-ъ* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *vōls-ъ* к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *vъrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьl, *ьl»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zēt-ъ* к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»; *zvěr-ъ* к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»; *zvon-ъ* к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи»; *zъrn-o* к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 'жаба' т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в среднерусских (особенно в западной группе в пп. 634, 662, 714, 727) и в южнорусских говорах (особенно в восточной рязанской группе в пп. 768, 807, 820, 841). Кроме того, высокая сохранность этих лексем отмечена в русских старожильческих говорах Литвы (п. 525), Латвии (п. 526) и Эстонии (п. 527).

Украинские диалекты

baran-ъ к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»; *berz-a* к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; *borv-ъ* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *borzd-a* к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *brъv-i* к. 11 'брови' т. 9 «Человек»; *byk-ъ* к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *сёр-ъ* к. 76 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *čъrv-ъ* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *derv-o* к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир»; *děd-ъ* к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»; *děl-o* к. 44 'работа' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dět-ę* к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»; *děver-ъ* к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства»; *dobr-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *glux-ъ* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ъ* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gqb-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *gqs-ъ* к. 21 'гусь' (о.н.) т. 2 «Животноводство»; *grob-ъ* к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ъ* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xud-ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//edl-a* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//edl-ъ* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//ež-ъ* к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *jam-a* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ъ* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *kriv-ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *krok-ъ* к. 49 'шаг' т. 9 «Человек»; *kruš-a* к. 4 'груша' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *krъt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *květ-ъ* к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lěs-ъ* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *lic-e* к. 2

‘лицо’ т. 9 «Человек»; *log-ъ* к. 81 ‘луг, ровное, покрытое травой пространство’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *lys-Ъ* к. 1 ‘лысый’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *mat-i* к. 6 ‘мать’ т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 45 ‘город, крупный населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-o* к. 46 ‘место’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mold-Ъ* к. 9 ‘мужчина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mōž-ъ* к. 1 ‘супруг’ т. 11 «Степени родства»; *myš-ъ* к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир»; *myš-ъ* (т) к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир»; *nog-a* к. 46 ‘стопа, часть ноги ниже щиколотки’ т. 9 «Человек»; *//oč-i* к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 ‘овес’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ъ* *//popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pě//g-y* к. 6 ‘веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека’ т. 12 «Личные черты человека»; *pěst-ъ* к. 33 ‘кулак’ т. 9 «Человек»; *plet-j-e* к. 28 ‘плечо, часть туловища от шеи до руки’ т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pъrst-ъ* к. 34 ‘палец руки’ т. 9 «Человек»; *pъs-ъ* к. 9 ‘собака’ т. 2 «Животноводство»; *rěp-a* к. 14 ‘свекла’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ryd-j-Ъ* к. 5 ‘рыжий’ (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»; *rъž-ъ* к. 37 ‘рожь’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-Ъ* к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека»; *slěd-ъ* к. 47 ‘след стопы’ т. 9 «Человек»; *slěp-Ъ* к. 10 ‘слепой человек’ т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 ‘слюна’ т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 ‘слива’ (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 ‘смола хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *s{nъ}x-a* к. 39 ‘жена сына’ т. 11 «Степени родства»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 46 ‘часть ноги ниже щиколотки’ т. 9 «Человек»; *stop-a* к. 47 ‘след стопы’ т. 9 «Человек»; *strōk-ъ* к. 15 ‘стручок’ (гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *sux-Ъ* к. 22 ‘худой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ъ* к. 34 ‘отец мужа’ т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’ т. 1 «Животный мир»; *tlъst-Ъ* к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *tyrn-ъ* к. 50 ‘терн’ т. 3 «Растительный мир»; *tyst-ъ* к. 36 ‘отец жены’ т. 11 «Степени родства»; *tyrg-ъ* к. 47 ‘рынок, место, где производится торговля’ т. 9 «Профессии и общественная жизнь»; *ust-a* к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ver//r-ъ* к. 8 ‘кастрированный самец свиньи’ т. 2 «Животноводство»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *vōls-ъ* к. 25 ‘волосы на голове человека’ т. 9 «Человек»; *vъrb-a*

к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьІ, *ьІ»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zēt-ь* к. 38 ‘зять’ т. 11 «Степени родства»; *zvēr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир»; *zvон-ь* к. 47 ‘колокол’ (церковный) т. 10 «Народные обычаи»; *zьrn-o* к. 57 ‘рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’ т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 ‘жаба’ т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»; *žьln-a* к. 20 ‘дятел’ т. 1 «Животный мир»; *žьlt-ь* к. 5 ‘рыжий’ (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в юго-западных украинских говорах (особенно в пп. 421, 448–449, 468–469, 484). Кроме того, высокая сохранность этих лексем отмечена в полесских диалектах (особенно в пп. 402, 417, 424, 442, 446) и в отдельных юго-восточных говорах (особенно в пп. 478, 492–494, 502, 508, 514, 518).

Белорусские диалекты

baran-ь к. 4 ‘некастрированный самец овцы’ т. 2 «Животноводство»; *berz-a* к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 ‘бедность, нужда’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ь* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *borv-ь* к. 8 ‘кастрированный самец свиньи’ т. 2 «Животноводство»; *borzd-a* к. 34 ‘валик земли, откладываемой плугом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *brьv-i* к. 11 ‘брови’ т. 9 «Человек»; *byk-ь* к. 3 ‘некастрированный самец коровы’ т. 2 «Животноводство»; *сёр-ь* к. 76 ‘цеп, орудие для ручной молотьбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *dero-o* к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»; *děd-ь* к. 22 ‘отец матери или отца’ т. 11 «Степени родства»; *dět-е* к. 8 ‘ребенок’ т. 11 «Степени родства»; *děver-ь* к. 44 ‘брат мужа’ т. 11 «Степени родства»; *dqb-ь* к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир»; *glux-ь* к. 12 ‘глухой человек’ т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ь* к. 28 ‘навоз’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *gqb-a* к. 54 ‘съедобный гриб’ т. 3 «Растительный мир»; *gqs-ь* к. 21 ‘гусь’ (о.н.) т. 2 «Животноводство»; *grob-ь* к. 44 ‘гроб, в котором хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ь* к. 45 ‘могила, яма, в которой хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; *xud-ь* к. 22 ‘худой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xrom-ь* к. 17 ‘хромой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//edl-a* к. 20 ‘ель’ т. 3 «Растительный мир»; *//edl-ь* к. 20 ‘ель’ т. 3 «Растительный мир»; *//ež-ь* к. 10 ‘ёж’ т. 1 «Животный мир»; *jam-a* к. 45 ‘могила, яма, в которой хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; *(j)asen-ь* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ь//olen-ь* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 ‘ольха’ т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ь* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //* *ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ь* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *kriv-ь* к. 17 ‘хромой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *krok-ь* к. 49 ‘шаг’ т. 9

«Человек»; *kruš-a* к. 4 ‘груша’ (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *krъt-ъ* к. 12 ‘крот’ т. 1 «Животный мир»; *květ-ъ* к. 14 ‘цветок’ т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lěs-ъ* к. 11 ‘лес’ т. 3 «Растительный мир»; *lic-e* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»; *log-ъ* к. 81 ‘луг, ровное, покрытое травой пространство’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *lys-ъ* к. 1 ‘лысый’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *mat-i* к. 6 ‘мать’ т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 45 ‘город’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-o* к. 46 ‘место’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mold-ъ* к. 9 ‘мужчина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mōž-ъ* к. 1 ‘супруг’ т. 11 «Степени родства»; *myš-ъ* к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир»; *nos-ъ* к. 49 ‘то, чем свинья роет землю’ т. 2 «Животноводство»; *oč-i* к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 ‘овес’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ъ* // *popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *plet-j-e* к. 28 ‘плечо, часть туловища от шеи до руки’ т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ryd-j-ъ* к. 5 ‘рыжий’ (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»; *ръž-ъ* к. 37 ‘рожь’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-ъ* к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека»; *slěd-ъ* к. 47 ‘след стопы’ т. 9 «Человек»; *slěp-ъ* к. 10 ‘слепой человек’ т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 ‘слюна’ т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 ‘слива’ (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 ‘смола хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *s{nъ}χ-a* к. 39 ‘жена сына’ т. 11 «Степени родства»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 46 ‘часть ноги ниже щиколотки’ т. 9 «Человек»; *strъk-ъ* к. 15 ‘стручок’ (гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *sux-ъ* к. 22 ‘худой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek/r-ъ* к. 34 ‘отец мужа’ т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’ т. 1 «Животный мир»; *tъlst-ъ* к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *тъrg-ъ* к. 47 ‘рынок, место, где производится торговля’ т. 9 «Профессии и общественная жизнь»; *тъrn-ъ* к. 50 ‘терн’ т. 3 «Растительный мир»; *tъst-ъ* к. 36 ‘отец жены’ т. 11 «Степени родства»; *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep/r-ъ* к. 8 ‘кастрированный самец свиньи’ т. 2 «Животноводство»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *vъls-ъ* к. 25 ‘волосы на голове человека’ т. 9 «Человек»; *vъrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьл, *ьл»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zēt-ъ* к. 38 ‘зять’ т. 11 «Степени родства»; *zвъr-ъ* к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир»; *zvon-ъ* к. 47 ‘колокол’ (церковный)

т. 10 «Народные обычаи»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 'жаба' т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в северо-восточных белорусских говорах (особенно в пп. 341, 360, 368, 380–381) и в юго-западных (особенно в пп. 336, 364–365, 386, 390–391). Кроме того, высокая сохранность этих лексем отмечена в западно-полесских диалектах (особенно в пп. 374, 383, 394) и в отдельных среднебелорусских говорах (особенно в пп. 377, 388, 398, 400).

Польские диалекты

baran-ъ к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»; *berz-a* к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; *brъv-i* к. 11 'брови' т. 9 «Человек»; *byk-ъ* к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *cěp-ъ* к. 76 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *derъ-o* к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир»; *děd-ъ* к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»; *děl-o* к. 44 'работа' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dět-e* к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»; *děver-ъ* к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства»; *dobr-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *glux-Ъ* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ъ* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gob-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *gqs-ъ* к. 21 'гусь' (о.н.) т. 2 «Животноводство»; *grob-ъ* к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ъ* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-Ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xud-Ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//edl-a* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//edlъ* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//ež-ъ* к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *jam-a* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ъ* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //ozер-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *kriv-Ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *krok-ъ* к. 49 'шар' т. 9 «Человек»; *kruš-a* к. 4 'груша' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *krъt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *květ-ъ* к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lěs-ъ* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *log-ъ* к. 81 'луг,

ровное, покрытое травой пространство' т. 4 «Сельское хозяйство»; *lys-Ъ* к. 1 'лысый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *mat-i* к. 6 'мать' т. 11 «Степени родства»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 45 'город, крупный населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-o* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mold-Ъ* к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mŕž-ъ* к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»; *myš-ъ* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *myš-ъ* (т) к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *nog-a* к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *nos-ъ* к. 49 'то, чем свинья роет землю' т. 2 «Животноводство»; *oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ъ* // *popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pě//g-e* к. 6 'веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека' т. 12 «Личные черты человека»; *pěst-ъ* к. 33 'кулак' т. 9 «Человек»; *plet-j-e* к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pŕst-ъ* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *pъs-ъ* к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *řep-a* к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ryd-j-Ъ* к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-Ъ* к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека»; *slěd-ъ* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *slěp-Ъ* к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 'слюна' т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 'слива' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 'смола хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 46 'часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *stop-a* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *strok-ъ* к. 15 'стручок' (гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *sux-Ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ъ* к. 34 'отец мужа' т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»; *тъlst-Ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *тъrg-ъ* к. 47 'рынок, место, где производится торговля' т. 9 «Профессии и общественная жизнь»; *тъrn-ъ* к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»; *тъst-ъ* к. 36 'отец жены' т. 11 «Степени родства»; *ust-a* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep//r-ъ* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *vols-ъ* к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *въrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьл, *ьл»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zет-ъ* к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»; *zвъr-ъ*

к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»; *zvон-ъ* к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 'жаба' т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»; *žьln-a* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *žьlt-Ъ* к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в малопольских (особенно в пп. 291–292, 294, 306–307, 311, 313, 321, 325) и мазовецких диалектах (особенно в пп. 263, 266, 272–275, 283, 285, 287, 295). Кроме того, высокая сохранность этих лексем отмечена в великопольских говорах (особенно в пп. 256, 259–261, 269–270, 280).

Лужицкие диалекты

baran-ъ к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»; *berz-a* к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *borzd-a* к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *byk-ъ* к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *сёр-ъ* к. 76 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *děd-ъ* к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»; *děl-o* к. 44 'работа' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dět-e* к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»; *dobr-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *glux-Ъ* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ъ* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gqs-ъ* к. 21 'гусь' (о.н.) т. 2 «Животноводство»; *xrom-Ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//ež-ъ* к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»; *(j)ezer-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *krok-ъ* к. 49 'шаг' т. 9 «Человек»; *krѣt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lěs-ъ* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *mat-ъ* к. 6 'мать' т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 45 'город, крупный населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-o* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mqž-ъ* к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»; *муѣ-ъ* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *//oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ъ //popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»;

per-o к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pěg-y* к. 6 «веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека» т. 12 «Личные черты человека»; *pěst-ь* к. 33 «кулак» т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pъrst-ь* к. 34 «палец руки» т. 9 «Человек»; *pъs-ь* к. 9 «собака» т. 2 «Животноводство»; *rěp-a* к. 14 «свекла» т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ь* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-ъ* к. 34 «скупой, чрезмерно бережливый» т. 12 «Личные черты человека»; *slěd-ь* к. 47 «след стопы» т. 9 «Человек»; *slěp-ъ* к. 10 «слепой человек» т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 «слюна» т. 9 «Человек»; *smol-a* к. 3 «смола хвойного дерева» т. 3 «Растительный мир»; *snop-ь* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *sol-ь* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ь* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 46 «часть ноги ниже щиколотки» т. 9 «Человек»; *stop-a* к. 47 «след стопы» т. 9 «Человек»; *strok-ь* к. 15 «стручок (гороха, фасоли)» т. 4 «Сельское хозяйство»; *sux-ъ* к. 22 «худой» (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *ščuk-a* к. 37 «щука» т. 1 «Животный мир»; *tyrn-ь* к. 50 «терн» т. 3 «Растительный мир»; *večer-j-a* к. 62 «ужин, вечерняя еда» т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep//r-ь* к. 8 «кастрированный самец свиньи» т. 2 «Животноводство»; *vesel-ь* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *vols-ь* к. 25 «волосы на голове человека» т. 9 «Человек»; *vъrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьл, *ьл»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zvon-ь* к. 47 «колокол (церковный)» т. 10 «Народные обычаи»; *žab-a* к. 31 «лягушка» т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что их высокая концентрация наблюдается в верхнелужицких диалектах (особенно в п. 236). Кроме того, высокая степень сохранности этих лексем отмечена и в нижнелужицких говорах (особенно в п. 235).

Чешские диалекты

baran-ь к. 4 «некастрированный самец овцы» т. 2 «Животноводство»; *berz-a* к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 «бедность, нужда» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ь* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *bor-ь* к. 17 «сосна» т. 3 «Растительный мир»; *borzd-a* к. 34 «валик земли, откладываемой плугом» т. 4 «Сельское хозяйство»; *brъv-i* к. 11 «брови» т. 9 «Человек»; *byk-ь* к. 3 «некастрированный самец коровы» т. 2 «Животноводство»; *čěp-ь* к. 76 «цеп, орудие для ручной молотбы» т. 4 «Сельское хозяйство»; *čel-o* к. 5 «лоб человека» т. 9 «Человек»; *čъrv-ь* к. 36 «дождевой червь» т. 1 «Животный мир»; *derv-o* к. 1 «растущее дерево» т. 3 «Растительный мир»; *děd-ь* к. 22 «отец матери или отца» т. 11 «Степени родства»; *děl-o, děl-ь* к. 44 «работа» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dět-ě* к. 8 «ребенок» т. 11 «Степени родства»; *dobr-ь* к. 65 «вкусный» (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ь* к. 26 «дуб»

т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *glux-Ъ* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnof-ъ* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gob-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *gos-ъ* к. 21 'гусь' (о.н.) т. 2 «Животноводство»; *grob-ъ* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-Ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xud-Ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ъ* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //* *ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *krok-ъ* к. 49 'шаг' т. 9 «Человек»; *krъt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lên-Ъ* к. 46 'ленивый, не любящий работать' т. 12 «Личные черты человека»; *lěs-ъ* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *lic-e* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»; *lys-Ъ* к. 1 'лысый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *mat-i* к. 6 'мать' т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 45 'город, крупный населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-o* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mоѣ-ъ* к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»; *муѣ-ъ* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *nog-a* к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *//oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ъ //popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pě//g-y* к. 6 'веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека' т. 12 «Личные черты человека»; *pěst-ъ* к. 33 'кулак' т. 9 «Человек»; *plet-j-e* к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pъrst-ъ* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *pъs-ъ* к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *рěp-a* к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ryd-j-Ъ* к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»; *ръѣ-ъ* к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-Ъ* к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека»; *slěp-Ъ* к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 'слюна' т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 'слива' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 'смола хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *s{нѣ}x-a* к. 39 'жена сына' т. 11 «Степени родства»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *strok-ъ* к. 15 'стручок' (гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *sux-Ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *šcik-a* к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»;

tylst-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *tyrg-ъ* к. 47 'рынок, место, где производится торговля' т. 9 «Профессии и общественная жизнь»; *tyrn-ъ* к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»; *ust-a* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep//r-ъ* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *volś-ъ* к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *vъrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьл, *ьл»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zēt-ъ* к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»; *zvон-ъ* к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в собственно чешских диалектах (особенно в пп. 175–177, 179–180, 187, 189). Кроме того, высокая сохранность этих лексем отмечена в ганакских говорах (особенно в пп. 195–196, 199) и моравских (особенно в пп. 204–206).

Словацкие диалекты

baran-ъ к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»; *berz-a* к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *borv-ъ* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *borzd-a* к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; *brъv-i* к. 11 'брови' т. 9 «Человек»; *byk-ъ* к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *сёр-ъ* к. 76 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *derу-o* к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир»; *děd-ъ* к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»; *dět-ę* к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»; *děver-ъ* к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства»; *dobr-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *glux-ъ* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ъ* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gqb-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *gqs-ъ* к. 21 'гусь' (о.н.) т. 2 «Животноводство»; *grob-ъ* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xud-ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//edl-a* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//edlъ* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//ež-ъ* к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3

«Растительный мир»; *(j)esen-ъ* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o // ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *kriv-Ъ* к. 17 «хромой» (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *krok-ъ* к. 49 «шаг» т. 9 «Человек»; *krъt-ъ* к. 12 «крот» т. 1 «Животный мир»; *květ-ъ* к. 14 «цветок» т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lěs-ъ* к. 11 «лес» т. 3 «Растительный мир»; *lys-Ъ* к. 1 «лысый» (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *mat-i* к. 6 «мать» т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 45 «город, крупный населенный пункт» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-o* к. 46 «место» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mold-Ъ* к. 9 «мужчина в день свадьбы» т. 10 «Народные обычаи»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 «мука, из которой пекут хлеб» т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mōž-ъ* к. 1 «супруг» т. 11 «Степени родства»; *myš-ъ* к. 14 «мышь» т. 1 «Животный мир»; *myš-ъ (m)* к. 14 «мышь» т. 1 «Животный мир»; *nog-a* к. 46 «стопа, часть ноги ниже щиколотки» т. 9 «Человек»; *//oč-i* к. 6 «глаза человека» т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 «овес» т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ъ // popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pě//g-e* к. 6 «веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека» т. 12 «Личные черты человека»; *pěst-ъ* к. 33 «кулак» т. 9 «Человек»; *plet-j-e* к. 28 «плечо, часть туловища от шеи до руки» т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pyrst-ъ* к. 34 «палец руки» т. 9 «Человек»; *pъs-ъ* к. 9 «собака» т. 2 «Животноводство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ryd-j-ъ* к. 5 «рыжий» (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»; *ръž-ъ* к. 37 «рожь» т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-Ъ* к. 34 «скупой, чрезмерно бережливый» т. 12 «Личные черты человека»; *slěp-Ъ* к. 10 «слепой человек» т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 «слюна» т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 «слива» (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 «смола хвойного дерева» т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 47 «след стопы» т. 9 «Человек»; *strōk-ъ* к. 15 «стручок» (гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *sux-Ъ* к. 22 «худой» (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ъ* к. 34 «отец мужа» т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 «щука» т. 1 «Животный мир»; *тъlst-Ъ* к. 26 «содержащий много жира» (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *тъrg-ъ* к. 47 «рынок, место, где производится торговля» т. 9 «Профессии и общественная жизнь»; *тъrn-ъ* к. 50 «терн» т. 3 «Растительный мир»; *тъst-ъ* к. 36 «отец жены» т. 11 «Степени родства»; *ust-a* к. 16 «рот» т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 «ужин, вечерняя еда» т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep//r-ъ* к. 8 «кастрированный самец свиньи» т. 2 «Животноводство»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5

«Рефлексы *о»; *vol's*-ъ к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *vьrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг, *ьI, *ьI»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zѣt-ъ* к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»; *zvѣr-ъ* к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»; *zvон-ъ* к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи»; *zьrn-o* к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 'жаба' т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»; *žьln-a* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в словацких диалектах, хотя нельзя не отметить их высокую концентрацию в среднесловацких (особенно в пп. 217–220) и восточнословацких (пп. 226, 228–229, 233) говорах.

Словенские диалекты

berz-a к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *borzd-a* к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; *byk-ъ* к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *cѣp-ъ* к. 76 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *čьrv-ъ* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *děd-ъ, dēd-a, dēd-o, dēd-e* к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»; *derv-o* к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир»; *děl-o* к. 44 'работа' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dět-e* к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»; *děver-ъ* к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства»; *dobr-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *glux-ъ* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ъ* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gqb-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *gqs-ъ* к. 21 'гусь' (о.н.) т. 2 «Животноводство»; *grob-ъ* к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ъ* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//ež-ъ* к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *jam-a* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ъ* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *krѣt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *kvѣt-ъ* к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lѣn-ъ* к. 46 'ленивый, не любящий работать' т. 12 «Личные черты человека»; *lѣs-ъ* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *lic-e* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»; *lqg-ъ* к. 81 'луг, ровное,

покрытое травой пространство' т. 4 «Сельское хозяйство»; *mat-i* к. 6 'мать' т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 45 'город, крупный населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-o* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mold-Ъ* к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mōž-ъ* к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»; *myš-ъ* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *myš-ъ* (m) к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *nog-a* к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *nos-ъ* к. 49 'то, чем свинья роет землю' т. 2 «Животноводство»; *//oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ъ* *//popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pě/g-ę* к. 6 'веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека' т. 12 «Личные черты человека»; *pěst-ъ* к. 33 'кулак' т. 9 «Человек»; *plet-j-e* к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pyrst-ъ* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *pъs-ъ* к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *rěp-a* к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ръž-ъ* к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-Ъ* к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека»; *slěd-ъ* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *slěp-Ъ* к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 'слюна' т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 'слива' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 'смола хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *s{nъ}χ-a* к. 39 'жена сына' т. 11 «Степени родства»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *strōk-ъ* к. 15 'стручок' (гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *sux-Ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ъ* к. 34 'отец мужа' т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»; *tvъst-Ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *tvъrg-ъ* к. 47 'рынок, место, где производится торговля' т. 9 «Профессии и общественная жизнь»; *tvъrn-ъ* к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»; *tvъst-ъ* к. 36 'отец жены' т. 11 «Степени родства»; *ust-a* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *vōls-ъ* к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *vъrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьл, *ьл»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zēt-ъ* к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»; *zvěr-ъ* к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»; *zvон-ъ* к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1

«Животный мир»; *žab-a* к. 32 ‘жаба’ т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»; *žbľn-a* к. 20 ‘дятел’ т. 1 «Животный мир»; *žbľt-Ź* к. 5 ‘рыжий’ (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в словенских диалектах, хотя нельзя не отметить их высокую концентрацию в прекмурских (п. 21), бело-краинских (п. 15), штаерских (пп. 10, 17), доленских (пп. 14, 16) и ровтарских (пп. 6, 8) говорах.

Хорватские диалекты

baran-ъ к. 4 ‘некастрированный самец овцы’ т. 2 «Животноводство»; *berz-a* к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 ‘бедность, нужда’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *borv-ъ* к. 8 ‘кастрированный самец свиньи’ т. 2 «Животноводство»; *bor-ъ* к. 17 ‘сосна’ т. 3 «Растительный мир»; *borzd-a* к. 34 ‘валик земли, откладываемой плугом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *byk-ъ* к. 3 ‘некастрированный самец коровы’ т. 2 «Животноводство»; *сёр-ъ* к. 76 ‘цеп, оружие для ручной молотбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *čel-o* к. 5 ‘лоб человека’ т. 9 «Человек»; *čьrv-ъ* к. 36 ‘дождевой червь’ т. 1 «Животный мир»; *derv-o* к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»; *děd-ъ* к. 22 ‘отец матери или отца’ т. 11 «Степени родства»; *děl-o* к. 44 ‘работа’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dět-ę* к. 8 ‘ребенок’ т. 11 «Степени родства»; *děver-ъ* к. 44 ‘брат мужа’ т. 11 «Степени родства»; *dobr-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ъ* к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’ т. 1 «Животный мир»; *glux-Ź* к. 12 ‘глухой человек’ т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ъ* к. 28 ‘навоз’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *grob-ъ* к. 45 ‘могила, яма, в которой хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-Ź* к. 17 ‘хромым’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//edl-a* к. 20 ‘ель’ т. 3 «Растительный мир»; *//edľ* к. 20 ‘ель’ т. 3 «Растительный мир»; *//ěž-ъ* к. 10 ‘ёж’ т. 1 «Животный мир»; *jam-a* к. 45 ‘могила, яма, в которой хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 ‘ольха’ т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ъ* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *krъt-ъ* к. 12 ‘крот’ т. 1 «Животный мир»; *květ-ъ* к. 14 ‘цветок’ т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lěn-Ź* к. 46 ‘ленивый, не любящий работать’ т. 12 «Личные черты человека»; *lěs-ъ* к. 11 ‘лес’ т. 3 «Растительный мир»; *lic-e* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»; *log-ъ* к. 81 ‘луг, ровное, покрытое травой пространство’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *mat-i* к. 6 ‘мать’ т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 46 ‘место’ т. 8

«Профессии и общественная жизнь»; *mol'd-Ъ* к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mož-ь* к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»; *myš-ь* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *myš-ь* (m) к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *nog-a* к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *nos-ь* к. 49 'то, чем свинья роет землю' т. 2 «Животноводство»; *//oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *ogn-ь* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ь* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ь* к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ь* *//popel-ь* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pě/g-е* к. 6 'веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека' т. 12 «Личные черты человека»; *pěst-ь* к. 33 'кулак' т. 9 «Человек»; *plet-j-e* к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pъrst-ь* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *pъs-ь* к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *rěp-a* к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ь* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ryd-j-ь* к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»; *ръž-ь* к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *slěd-ь* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *slěp-Ъ* к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 'слюна' т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 'слива' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 'смола хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; *snop-ь* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *s{ny}x-a* к. 39 'жена сына' т. 11 «Степени родства»; *sol-ь* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ь* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 46 'часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *stop-a* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *sux-Ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ь* к. 34 'отец мужа' т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»; *tъlst-Ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *turn-ь* к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»; *tъst-ь* к. 36 'отец жены' т. 11 «Степени родства»; *тъrg-ь* 'рынок, место, где производится торговля' т. 9 «Профессии и общественная жизнь»; *ust-a* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep//r-ь* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *vesel-ь* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *vъls-ь* к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *vъrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьл, *ьл»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zет-ь* к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»; *zvěr-ь* к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»; *zvon-ь* к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 'жаба' т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»; *žъln-a* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *žъlt-Ъ* к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в кайкавских (особенно в пп. 26–29, 32) и чакавских (особенно в пп. 24, 43–44, 146а–148а) говорах.

Сербские диалекты

berz-a к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 ‘бедность, нужда’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *borv-ъ* к. 8 ‘кастрированный самец свиньи’ т. 2 «Животноводство»; *borzd-a* к. 34 ‘валик земли, откладываемой плугом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *bor-ъ* к. 17 ‘сосна’ т. 3 «Растительный мир»; *byk-ъ* к. 3 ‘некастрированный самец коровы’ т. 2 «Животноводство»; *čel-o* к. 5 ‘лоб человека’ т. 9 «Человек»; *derv-o* к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»; *děd-ъ* к. 22 ‘отец матери или отца’ т. 11 «Степени родства»; *dět-ę* к. 8 ‘ребенок’ т. 11 «Степени родства»; *děver-ъ* к. 44 ‘брат мужа’ т. 11 «Степени родства»; *dobr-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ъ* к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир»; *glisť-a* к. 36 ‘дождевой червь’ т. 1 «Животный мир»; *glux-Ъ* к. 12 ‘глухой человек’ т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ъ* к. 28 ‘навоз’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *grob-ъ* к. 45 ‘могила, яма, в которой хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-Ъ* к. 17 ‘хромой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xud-Ъ* к. 22 ‘худой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//edl-a* к. 20 ‘ель’ т. 3 «Растительный мир»; *//edlb* к. 20 ‘ель’ т. 3 «Растительный мир»; *//ež-ъ* к. 10 ‘ёж’ т. 1 «Животный мир»; *(j)asen-ъ* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 ‘ольха’ т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ъ* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *kriv-Ъ* к. 17 ‘хромой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *krok-ъ* к. 49 ‘шаг’ т. 9 «Человек»; *krъt-ъ* к. 12 ‘крот’ т. 1 «Животный мир»; *květ-ъ* к. 14 ‘цветок’ т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lěn-Ъ* к. 46 ‘ленивый, не любящий работать’ т. 12 «Личные черты человека»; *lěs-ъ* к. 11 ‘лес’ т. 3 «Растительный мир»; *lic-e* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»; *lqg-ъ* к. 81 ‘луг, ровное, покрытое травой пространство’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *mat-i* к. 6 ‘мать’ т. 11 «Степени родства»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 46 ‘место’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mъk-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mъž-ъ* к. 1 ‘супруг’ т. 11 «Степени родства»; *myš-ъ* к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир»; *myš-ъ (m)* к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир»; *nos-ъ* к. 49 ‘то, чем свинья роет землю’ т. 2 «Животноводство»; *//oč-i* к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»; *ogn-ъ* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-Ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ъ* к. 50 ‘овес’

т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ъ* // *popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pěst-ъ* к. 33 «кулак» т. 9 «Человек»; *pě//g-ę* к. 6 «веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека» т. 12 «Личные черты человека»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pъrst-ъ* к. 34 «палец руки» т. 9 «Человек»; *pъs-ъ* к. 9 «собака» т. 2 «Животноводство»; *rěp-a* к. 14 «свекла» т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ryd-j-b* к. 5 «рыжий» (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»; *ръž-ъ* к. 37 «рожь» т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *slěp-b* к. 10 «слепой человек» т. 12 «Личные черты человека»; *slin-a* к. 20 «слюна» т. 9 «Человек»; *sliv-a* к. 6 «слива» (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 «смола хвойного дерева» т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *s{nъ}x-a* к. 39 «жена сына» т. 11 «Степени родства»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 46 «часть ноги ниже щиколотки» т. 9 «Человек»; *stop-a* к. 47 «след стопы» т. 9 «Человек»; *sux-b* к. 22 «худой» (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ъ* к. 34 «отец мужа» т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 «щука» т. 1 «Животный мир»; *tyrn-ъ* к. 50 «терн» т. 3 «Растительный мир»; *tyst-ъ* к. 36 «отец жены» т. 11 «Степени родства»; *tyrg-ъ* к. 47 «рынок, место, где производится торговля» т. 9 «Профессии и общественная жизнь»; *ust-a* к. 16 «рот» т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 «ужин, вечерняя еда» т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep//r-ъ* к. 8 «кастрированный самец свиньи» т. 2 «Животноводство»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *vъrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьl, *ьl»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zět-ъ* к. 38 «зять» т. 11 «Степени родства»; *zvěr-ъ* к. 1 «дикое животное, зверь» т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 31 «лягушка» т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 «жаба» т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»; *žьln-a* к. 20 «дятел» т. 1 «Животный мир»; *žьlt-b* к. 5 «рыжий» (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в сербских диалектах, хотя нельзя не отметить высокую степень их концентрации в зетско-сенинских (особенно в пп. 74–75, 77–78), косовско-ресавских (в пп. 70, 79–80), восточно-герцеговинских (пп. 68, 76), шумадийско-воеводинских (п. 62) и призренско-тимокских (п. 87) говорах.

Македонские диалекты

berz-a к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *běd-a* к. 62 «бедность, нужда» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bob-ъ* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *borzd-a* к. 34 «валик земли, откладываемой плугом» т. 4 «Сельское хозяйство»; *bor-ъ* к. 17 «сосна» т. 3 «Растительный мир»; *byk-ъ*

к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *čьrv-ь* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *děd-ъ* к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»; *dět-e* к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»; *děver-ь* к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства»; *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *glux-ъ* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ь* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gpb-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *grob-ъ* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *//edl-a* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//edlь* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//ež-ь* к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *(j)asen-ь* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ь//olen-ь* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ь* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ь* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *kriv-ъ* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *kruš-a* к. 4 'груша' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *krъt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *květ-ъ* к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»; *led-ъ* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lic-e* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mъž-ь* к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»; *myš-ь* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *//oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *ogn-ь* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ъ* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ovъs-ь* к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pepel-ь //popel-ь* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pě//g-e* к. 6 'веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека' т. 12 «Личные черты человека»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pъrst-ь* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *pъs-ь* к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *řep-a* к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ръž-ь* к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *slěd-ъ* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *slěp-ъ* к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *sliv-a* к. 6 'слива' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 'смола хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *s{np}χ-a* к. 39 'жена сына' т. 11 «Степени родства»; *sol-ь* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *sux-ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ъ* к. 34 'отец мужа' т. 11 «Степени родства»; *tyrn-ъ* к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»; *tyst-ь* к. 36 'отец жены' т. 11 «Степени родства»; *ust-a* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vep//r-ь* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *vesel-ь* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»;

vr̥b-a к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьл, *ьл»; *zet-ь* к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»; *zvēr-ь* к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 'жаба' т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»; *žlt-ь* к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в македонских диалектах, хотя нельзя не отметить высокую концентрацию их в западных (особенно в пп. 90, 92, 96), эгейских юго-западных (в пп. 108), северных (в пп. 93, 98) и центрально-македонских (пп. 97, 100) говорах.

Болгарские диалекты

berz-a к. 48 т. 9 «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt, *ort, *olt»; *bob-ь* к. 13 т. 5 «Рефлексы *о»; *bor-ь* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; *borzd-a* к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *br̥v-i* к. 11 'брови' т. 9 «Человек»; *byk-ь* к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *č̥rv-ь* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *děd-o* к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»; *dět-е* к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»; *dēver-ь* к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства»; *dobr-ь* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqb-ь* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *glist-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *glux-ь* к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *gnoj-ь* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gqb-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *grob-ь* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ь* к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *xrom-ь* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *//edlь* к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»; *//ež-ь* к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *(j)asen-ь* к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elen-ь//olen-ь* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)elx-a* к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»; *(j)esen-ь* к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»; *(j)ezer-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»; *kon-j-ь* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»; *kriv-ь* к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *kruš-a* к. 4 'груша' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *kr̥t-ь* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *květ-ь* к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»; *led-ь* к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»; *lic-e* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»; *lys-ь* к. 1 'лысый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *med-j-a* к. 35 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-ь* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»; *měst-o* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *mqž-ь* к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»; *myš-ь* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *//oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *ogn-ь* к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *ostr-ь* к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»; *ov̥s-ь*

к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *perpel-ъ* // *popel-ъ* к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»; *pě//g-y* к. 6 'веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека' т. 12 «Личные черты человека»; *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»; *pъrst-ъ* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *pъs-ъ* к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *rěp-a* к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство»; *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»; *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»; *ръž-ъ* к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sestr-a* к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»; *skop-ъ* к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека»; *slěd-ъ* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *slěp-ъ* к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *sliv-a* к. 6 'слива' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»; *smol-a* к. 3 'смола хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»; *s{nъ}x-a* к. 39 'жена сына' т. 11 «Степени родства»; *sol-ъ* к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *stop-a* к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»; *sux-ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *svek//r-ъ* к. 34 'отец мужа' т. 11 «Степени родства»; *ščuk-a* к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»; *тъlst-ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *tyrn-ъ* к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»; *tyst-ъ* к. 36 'отец жены' т. 11 «Степени родства»; *ust-a* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ver//r-ъ* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *vesel-ъ* к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»; *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»; *въrb-a* к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг, *ьл, *ьы»; *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»; *zєt-ъ* к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»; *zvěr-ъ* к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»; *zvон-ъ* к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи»; *zъrn-o* к. 57 'рожь, пшеница, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žab-a* к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»; *žab-a* к. 32 'жаба' т. 1 «Животный мир»; *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в западных болгарских диалектах (особенно в пп. 114–116, 118).

* * *

Лингвогеографический анализ праславянских лексем с непроизводной основой, индоевропейскими соответствиями и распространенных в диалектах трех славянских языковых групп, позволил определить их репертуар, в котором можно выявить **максимальную** модель, которая, естественно, по языкам варьируется. При этом интересно отметить, что эта **максимальная модель полнее всего представлена в украинских диалектах.**

Максимальную модель образуют следующие лексемы:

1. *baran-ъ* (**baranъ* < и.-е. **u^{re}n-*, **w^{re}n-*) (ЭССЯ 1: 155) к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»;
2. *berz-a* (**berza* < и.-е. **bherǵā*) (ЭССЯ 1: 201) к. 48 т. 9 «Рефлексы **tort*, **tert*, **tolt*, **telt*, **ort*, **olt*»;
3. *běd-a* (*běditi* < и.-е. **bheǵdhō*) (ЭССЯ 2: 54) к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
4. *bob-ъ* (**bobъ* < и.-е. **bhabhā*) (ЭССЯ 2: 148) к. 13 **bobъ* т. 5 «Рефлексы **o*»;
5. *borv-ъ* (**borvъ* < и.-е. **bhro-u*) (ЭССЯ 2: 214) к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»;
6. *borzd-a* (**borzda* < и.-е. **bhorsdā*) (ЭССЯ 2: 220); < и.-е. **bhar-/bhor-/bhr̥-* Boryś 2005: 5) к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»;
7. *bor-ъ* (**borъ* < и.-е. **bher-*) (ЭССЯ 2: 216) к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»;
8. *brъv-i* (**brъvi* < и.-е. **bhrū-s*) (Фасмер 1: 215; Pokorný I: 172; ЭССЯ 3: 62) к. 11 'брови' т. 9 «Человек»;
9. *byk-ъ* (**byk-ъ* < и.-е. **bukati*, **bučati*, **byčati*) (ЭССЯ 3: 148) к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»;
10. *сёр-ъ, сёр-у* (**сёръ* < и.-е. **skoip-*) (ЭССЯ 3: 186) к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»;
11. *čel-o* (**čelo* < и.-е. **kelom*) (Фасмер IV: 327; ЭССЯ 4: 45) к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек»;
12. *čъrv-ъ* (**čъrvъ* < и.-е. **k^wrmi-/*wrm-*) (Фасмер IV: 335; ЭССЯ 4: 171) к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»;
13. *derv-o* (**dervo* < и.-е. **deruom*, **derwom*, **derwes-*) (Фасмер I: 502; ЭССЯ 4: 211) к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир»;
14. *děd-ъ, děd-a, děd-o, děd-e* (**dědъ* < и.-е. **dhē-*) (Фасмер I: 494; ЭССЯ 4: 227) к. 22 'отец матери или отца' т. 11 «Степени родства»;
15. *děl-o, děl-ъ* (**dělo* < и.-е. **dhē-l-*) (ЭССЯ 5: 7; Фасмер I: 496) к. 44 'работа' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
16. *dět-ę* (**děte* < и.-е. **dhē-(j)*) (Фасмер I: 516; ЭССЯ 4: 12) к. 8 'ребенок' т. 11 «Степени родства»;
17. *děver-ъ* (**děverъ* < и.-е. **daǵer-*, **daǵwer*) (ЭССЯ 5: 19) к. 44 'брат мужа' т. 11 «Степени родства»;
18. *dobr-ъ* (**dobrъ* < и.-е. **dhabhro-*) (ЭССЯ 5: 46) к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
19. *dqb-ъ* (**dqbъ* < и.-е. **dheubh-*) (ЭССЯ 5: 97; Pokorný I: 215; Фасмер I: 547) к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»;
20. *//edl-a* (**edlъ* < и.-е. **edh-l-*) (Фасмер II: 17) к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»;

21. //edl-ь (*edľь < и.-е. *edh-l-) (Фасмер II: 17; ЭССЯ 6:15) к. 20 'ель' т. 3 «Растительный мир»;
22. //ež-ь (*ežь < и.-е. *eg'hjo) (Фасмер II: 10; ЭССЯ 6: 37) к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»;
23. glist-a, glist-ь=-a (glista < и.-е. *glit-, *gleit-) (ЭССЯ 6: 128) к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»;
24. glux-Ъ (*gluxь < и.-е. *ghlub(h)sò, *klous-) (Фасмер I: 417; ЭССЯ 6: 146) к. 12 'глухой человек' т. 12 «Личные черты человека»;
25. gnoj-ь (*gnojь < и.-е. *ghnĕj-) (ЭССЯ 6: 177–179) к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»;
26. gob-a (*goba < и.-е. sg *hombhā) (ЭССЯ 7: 78) к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»;
27. gos-ь (*gosь < и.-е. *ghans-, *g'hans-) (ЭССЯ 7: 88) к. 21 'гусь' т. 2 «Животноводство»;
28. grob-ь (*grobь < и.-е. *ghrebh-) (ЭССЯ 7: 133) к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»;
29. grob-ь (*grobь < и.-е. *ghrebh-) (ЭССЯ 7: 133) к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»;
30. xrom-Ъ (*xromьъ < и.-е. *skromo-) (Фасмер IV: 277; ЭССЯ 8: 101) к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
31. xud-Ъ (*xudь < и.-е. *ksoud-, *kseud-) (Фасмер IV: 282; Pokorny I: 625) к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
32. jam-a (*jama < *и.-е. ò(ĭ)mā, *jām-) (Фасмер IV: 555; Pokorny I: 520) к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»;
33. (j)asen-ь (*j)asень < и.-е. *ōs-, *ōs- *ōsis-) (Фасмер IV: 564; Pokorny I: 782) к. 21 т. 6 «Рефлексы *е»;
34. (j)elen-ь//olen-ь (*j)elenь < и.-е. *el-en-: *ol-en-: *eln-) (Фасмер III: 134; Pokorny I: 303–304) к. 6 т. 6 «Рефлексы *е»;
35. (j)elx-a (*j)elx-a < и.-е. *alisā) (Фасмер III: 137; ЭССЯ 6: 23) к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»;
36. (j)ezer-o//ozer-o (*j)ezero//*ozero < и.-е. *eĝhero-) (Фасмер III: 125; Pokorny I: 291–292) к. 5 т. 6 «Рефлексы *е»;
37. kon-j-ь (*konь < и.-е. *ka(n)k-) (ЭССЯ 10: 197) к. 26 т. 5 «Рефлексы *о»;
38. kriv-Ъ (*krivьъ < и.-е. *kreiwo-s) (Фасмер II: 376; ЭССЯ 12: 171) к. 17 'хромой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
39. krok-ь (*krokь, *korkь < и.-е. *(s)ker-) (ЭССЯ 12: 183; Borys 2005: 261) к. 49 'шаг' т. 9 «Человек»;
40. kрѣt-ь (*krĕtь < и.-е. *(s)ker-) (ЭССЯ 13: 57) к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»;

41. *kruš-a* (*kruša < и.-е. *grousjā, *ghreus-/ *kreus-) (Фасмер 1: 465; ЭССЯ 7: 156) к. 4 'груша' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»;
42. *květ-ъ, květ-e* (*kvěť < и.-е. *k̑uōito) (ЭССЯ 13: 162) к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»;
43. *led-ъ* (*ledъ < и.-е. *ledu-) (ЭССЯ 14: 91) к. 23 т. 6 «Рефлексы *е»;
44. *lěn-ъ* (*lěnpъ < и.-е. *lē(i)no-) (Фасмер II: 482, Sławski 4: 159, 267) к. 46 'ленивый, не любящий работать' т. 12 «Личные черты человека»;
45. *lēs-ъ* (*lěsъ < и.-е. диал. *loik'-, *lēk-, *цel-) (Фасмер II: 485; ЭССЯ 14: 249) к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»;
46. *lōg-ъ* (*lōgъ < и.-е. *leng-) (ЭССЯ 16: 139) к. 81 'луг, ровное, покрытое травой пространство' т. 4 «Сельское хозяйство»;
47. *lic-e* (*lice < и.-е. *liti) (Фасмер II: 495, 506; ЭССЯ 14: 75) к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»;
48. *lys-ъ* (*lyсьъ < и.-е. *lūk': *luk': *leuk'-, *leuk-) (Фасмер II: 542; Pokorny I: 687; ЭССЯ 14: 45) к. 1 'лысый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
49. *mat-i* (*mati < и.-е. *māter) (Фасмер II: 583; ЭССЯ 20: 254) к. 6 'мать' т. 11 «Степени родства»;
50. *med-j-a* (*medja < и.-е. *medhiā) (ЭССЯ 18: 46) к. 35 *medja т. 6 «Рефлексы *е»;
51. *med-ъ* (*medъ < и.-е. *medhu-) (Фасмер II: 589; ЭССЯ 18: 68) к. 12 т. 6 «Рефлексы *е»;
52. *měst-o* (*město < и.-е. *meit(h)-, *mēit-) (ЭССЯ 18: 206) к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
53. *měst-o* (*město < и.-е. *meit(h)-) (ЭССЯ 18: 203) к. 45 'город, крупный населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
54. *mōld-ъ* (*mōldъ < и.-е. *moldvis) (ЭССЯ 19: 174) к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»;
55. *mor-j-e* (*morje < и.-е. *mōri) (Фасмер II: 654; ЭССЯ 19: 227) к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»;
56. *mōk-a* (*mōka < и.-е. *men-) (ЭССЯ 20: 135) к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
57. *mōž-ъ* (*mōžъ < и.-е. *mon-, *men-g-jo) (Фасмер II: 670; Pokorny I: 700; ЭССЯ 20: 158) к. 1 'супруг' т. 11 «Степени родства»;
58. *myš-ъ (f)* (*myшь < и.-е. *mūs-) (ЭССЯ 21: 64) к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»;
59. *myš-ъ (m)* (*myшь < и.-е. *mūs-) (ЭССЯ 21: 64) к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»;
60. *nog-a* (*noga < и.-е. *onogh-, *ongh-, *ngh-) (Фасмер III: 78; ЭССЯ 25: 161) к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»;

61. *nos-ъ* (**nosъ* < и.-е. **nās-*) (Фасмер III: 84; ЕСУМ 4: 102) к. 49 'то, чем свинья роет землю' т. 2 «Животноводство»;
62. *oč-i* (**oko*, **oči* < и.-е. **okʷ*) (Фасмер III: 128; Pokorny I: 775; ЭССЯ 32: 41) к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»;
63. *ogn-ъ* (**ognь* < и.-е. **ognis*/**egnis*) (Фасмер III: 78; ЕСУМ 1: 414) к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»;
64. *ostr-ъ* (**ostrъ* < и.-е. **ak-r-os*) (Фасмер III: 166, ЕСУМ 1: 576) к. 9 т. 5 «Рефлексы *о»;
65. *ovъs-ъ* (**ovъsъ* < и.-е. **jewo-*: **jew-es-*: **jow-es*) (Фасмер III: 113) к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»;
66. *perel-ъ* // *popel-ъ* (**perelъ*/**popelъ* < и.-е. **pel-/pol-*) (Фасмер III: 234; Pokorny I: 802) к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»;
67. *per-o* (**pero* < и.-е. **per-*, **pet-*) (Фасмер III: 243; ЕСУМ 4: 352) к. 29 т. 6 «Рефлексы *е»;
68. *pest-b* (**peštъ* < и.-е. **pŋkʷsti-*) (Boryś 2005: 434) к. 33 'кулак' т. 9 «Человек»;
69. *pěg-e*, *pěg-y* (**pěga* < и.-е. **poig-*, **peig-*) (Фасмер III: 225; Pokorny I: 794) к. 6 'веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека' т. 12 «Личные черты человека»;
70. *plet-j-e*, *plet-j-a*, *plet-j-e*, *plet-j-i* (**pletje* < и.-е. **plet-*) (Boryś 2005: 15) к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»;
71. *pol-j-e* (**polje* < и.-е. **p(e)lā-* или **pel-/pol-*) (Фасмер III: 307; Pokorny I: 806) к. 29 т. 5 «Рефлексы *о»;
72. *pyrst-ъ* (**pyrstъ* < и.-е. **per-st-*, **spŕsāti*) (Фасмер III: 244; БЕР 5: 828) к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»;
73. *pyс-ъ* (**pyсъ* < и.-е. **peik'-*, **pik'-*) (Фасмер III: 248; Pokorny I: 794) к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»;
74. *rog-ъ* (**rogъ* < и.-е. **rogo-s*) (Фасмер III: 489; ЕСУМ 5: 88) к. 23 т. 5 «Рефлексы *о»;
75. *ros-a* (**rosa* < и.-е. **ere-s-/rēs-/rōs-*) (Фасмер III: 503; Pokorny I: 336) к. 43 т. 5 «Рефлексы *о»;
76. *rěp-a* (**rěpa* < и.-е. **gār-*: **gēr-*) (Фасмер III: 471) к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство»;
77. *ryd-j-b* (**rydjъ* < и.-е. **reudh-*, **rūdhjo-*) (Фасмер III: 527; Pokorny I: 872) к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека»;
78. *ryž-ъ* (**ryžъ* < и.-е. диал. **rughjo-*, **ɹughjo-*) (Фасмер III: 493; Pokorny I: 1183) к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»;
79. *sestr-a* (**sestra* < и.-е. **сѣ-*, **se*), **sor-*) (Фасмер III: 612) к. 44 т. 6 «Рефлексы *е»;

80. *skop-ъ* (*skopъ < и.-е. *skom-p-) (Фасмер III: 662) к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека»;
81. *slěd-ъ* (*slědъ < и.-е. *slēi- (Фасмер III: 668) к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»;
82. *slěp-ъ* (*slěp-ъ < и.-е. *leip-) (Фасмер III: 669) к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»;
83. *slin-a* (*slina < и.-е. *sleuna) (Фасмер III: 681; ЕСУМ 7: 300) к. 20 'слюна' т. 9 «Человек»;
84. *sliv-a* (*sliva < и.-е. *slī-uo-, *slīwo-) (Фасмер III: 670) к. 6 'слива' (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»;
85. *smol-a* (*smola < *smel-, *smol-, *smelti) (Фасмер III: 690) к. 3 'смола хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»;
86. *snop-ъ* (*snopъ < и.-е. *(s)nē(u)-) (Фасмер III: 700; ЕСУМ 5: 335) к. 20 т. 5 «Рефлексы *о»;
87. *s{ny}x-a* (*snъxa < и.-е. *snusā, *snusos, *sneу-) (Фасмер III: 700) к. 39 'жена сына' т. 11 «Степени родства»;
88. *sol-ъ* (*solъ < и.-е. *sal-) (Фасмер III: 715) к. 19 т. 5 «Рефлексы *о»;
89. *stol-ъ* (*stolъ < и.-е. *st(h)el-) (Фасмер III: 764; ЕСУМ 5: 419) к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»;
90. *stop-a* (*stopa < и.-е. *step-: *stop-: *stemp-: *stomp-) (Фасмер III: 766) к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»;
91. *stop-a* (*stopa < и.-е. *stēp-: *stēp-: *stop-: *stemp-: *stomp-) (Фасмер III: 766) к. 47 'след стопы' т. 9 «Человек»;
92. *strōk-ъ* (*strōkъ < и.-е. *streuk-) (Boryś 2005: 580) к. 15 'стручок' (гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»;
93. *svek//r-ъ* (*svekъ < и.-е. *suek'rū-s) (Фасмер III: 571) к. 34 'отец мужа' т. 11 «Степени родства»;
94. *sux-ъ* (*suxъъ < и.-е. *saus-: *sāus-: *sausnīō) (Фасмер III: 813) к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
95. *ščuk-a* (*ščuka < и.-е. *skeu-k-) (Фасмер IV: 509; Pokorny I: 955) к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»;
96. *tyst-ъ* (*testъ < и.-е. *tek-, *teĕ-, *tyt-t-ъ) (Фасмер IV: 51; Pokorny I: 1056) к. 36 'отец жены' т. 11 «Степени родства»;
97. *tylst-ъ* (*tlystъ < и.-е. *teу(а)-/*tēу-//*tū-) (Boryś 2005: 636) к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
98. *tyrn-ъ* (*tyrnъ < и.-е. *(s)ter-n-) (Фасмер IV: 48; Pokorny I: 1031) к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»;
99. *tyrg-ъ* (*tyrgъ < и.-е. *terg: *trg) (Фасмер IV: 82) к. 47 'рынок, место, где производится торговля' т. 9 «Профессии и общественная жизнь»;

100. *ust-a* (*usta < и.-е. *ōus-t-/ *эус-т-) (Borys 2005: 671) к. 16 'рот' т. 9 «Человек»;
101. *večer-j-a* (*večerja < и.-е. *veker-) (Фасмер I: 309; ЕСУМ 1: 366) к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
102. *verp//r-ь* (*вергь < и.-е. *церго-) (ЕСУМ 1: 349) к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»;
103. *vesel-ь* (*veselъ < и.-е. *цесу-) (Фасмер I: 303; ЕСУМ 1: 362) к. 38 т. 6 «Рефлексы *е»;
104. *vod-a* (*voda < и.-е. *цѣд-, *цод-, *ud-) (Фасмер I: 330; Pokorny I: 78) к. 33 т. 5 «Рефлексы *о»;
105. *volś-ь, volś-i, volś-y, volś-a, volś-e* (*volśъ < и.-е. *цел(э)-) (Borys 2005: 17) к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»;
106. *vьrb-a* (*vьrba < и.-е. *церб-) (Фасмер I: 293) к. 5 т. 3 «Рефлексы *ьг *ьг, *ьл, *ьл»;
107. *zem-j-a* (*zemja < и.-е. *ġ'hđem-, *ġ'hđom-) (Фасмер II: 93) к. 47 т. 6 «Рефлексы *е»;
108. *zєt-ь* (*zєtъ < и.-е. *g'en'tis, *g'en-: *g'enə-) (Фасмер II: 112; Pokorny I: 371) к. 38 'зять' т. 11 «Степени родства»;
109. *zvěr-b* (m) (*zvěrbъ < и.-е. *ġhwēr) (Фасмер II: 87; *ġhwēr Borys 2005: 746) к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»;
110. *zvон-ь* (*zvонъ < *zvьnēti < и.-е. *ġhvonos) (Фасмер II: 87; и.-е. *ġцен Borys 2005: 146) к. 47 'колокол' (церковный) т. 10 «Народные обычаи»;
111. *zьrn-o* (*zьrno < и.-е. *g'er-, *g'erə-, *g'rē-) (Фасмер II: 95; Pokorny I: 390) к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство»;
112. *žab-a* (*žaba < и.-е. *g'ēbā) (Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183) к. 31 'лягушка' т. 1 «Животный мир»;
113. *žab-a* (žaba < и.-е. *g'ēbā) (Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183) к. 32 'жаба' т. 1 «Животный мир»;
114. *žen-a* (*žena < и.-е. *g'enā) (Фасмер II: 46; ЕСУМ 2: 206) к. 57 'жена' т. 6 «Рефлексы *е»;
115. *žьln-a* (*žьlna < и.-е. *gel-/ *gļ-) (ЕСУМ 2: 2020; g'el- (Bezlaġ: 477) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»;
116. *žьlt-ь* (*žьltjь < и.-е. *g'hel-/ *ghel-: *g'hol-/ *ghol-, *g'hel-) (Фасмер II: 43; Pokorny I: 429) к. 5 'рыжий' (о волосах человека) т. 12 «Личные черты человека».

Примечательно, что больше всего таких лексем представлено в томах, связанных с человеком (т. 9 «Человек» и т. 12 «Личные черты человека»), из других томов можно выделить т. 1 «Животный мир», т. 3 «Растительный

мир» и т. 4 «Сельское хозяйство»). В разных томах Атласа локализация этих лексем также варьируется. Это можно проиллюстрировать материалами т. 1 «Животный мир» и т. 4 «Сельское хозяйство».

В первом томе самая высокая степень концентрации праславянских лексем, имеющих непроевропейские основы и индоевропейские соответствия, наблюдается в южнославянских диалектах, особенно в словенских (ровтарских, доленских, приморских, штаерских, белоукраинских), хорватских (кайкавских) и сербских (шумадийско-воеводинских, восточно-герцеговинских, косовско-ресавских и призренско-тимокских) говорах.

В западнославянских языках выделяется островной ареал в восточно-словацких диалектах, а в восточнославянских языках — в украинских (полевских) говорах.

В томе «Сельское хозяйство» ситуация иная. Здесь выделяются восточнославянские диалекты, и прежде всего украинские (юго-западные) и русские (причем преимущественно южнорусские смоленские и брянские говоры), кроме того, севернорусские (вологодские) и среднерусские (новгородские и тверские) говоры.

В остальных томах лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа» количество праславянских лексем также варьируется, причем меньше всего их содержится в т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и в т. 10 «Народные обычаи».

Картографирование лексем, имеющих общеславянский характер распространения, показало, что они локализуются в пространстве terra Slavia неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума. Если попытаться обобщить приведенные факты, то нельзя не заметить, что высокая степень сохранности праславянских лексем, имеющих непроевропейские основы и индоевропейские соответствия, наблюдается и в южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских), и в западнославянских (и прежде всего польских и чешских), и в восточнославянских диалектах (причем преимущественно в украинских).

В **южнославянских** языках это прежде всего **словенские** диалекты: белоукраинские (п. 15), приморские (пп. 5, 12), штаерские (пп. 10, 17), доленские (пп. 14, 16), ровтарские (пп. 6, 8), паннонские (п. 20) и костелские (п. 13), а также **хорватские** (причем преимущественно кайкавские, пограничные со словенскими, особенно в пп. 26–29, 32) и отдельные **сербские** (зетско-сенинские говоры пп. 75, 77–78).

В **западнославянских** языках самая высокая степень концентрации праславянских лексем с индоевропейскими соответствиями наблюдается в **чешских** диалектах (причем в основном западно-чешских, особенно в пп. 175–184, 186–190), значительно меньше в ганацких (пп. 193, 195–196,

199), ляхских (пп. 197, 202–203) и моравских (пп. 200, 204–206) говорах; в **польских** диалектах (причем чаще всего в малопольских, особенно в пп. 291–294, 300–302, 304–307, 310–311, 313, 315, 317, 320–322, 324–326) и значительно меньше в мазовецких говорах (в пп. 263, 266, 271–275, 283, 285–287, 295–297), великопольских (в пп. 256, 259–261, 269–270, 278, 280–281), кашубских (пп. 245, 249–250) и силезских (пп. 299, 308). Особо следует сказать о том, что высокая степень сохранности этих древних лексем наблюдается не только в исконных польских говорах, но и в так называемых переселенческих с восточнославянской территории говорах (особенно в пп. 238–239, 247, 252, 257, 267, 276). В **словацких диалектах** картина более или менее однородная, так как эти лексемы локализируются и в восточно-словацких (пп. 156, 225–229, 232–233), и в среднесловацких (в пп. 216–220, 222–224), и в западнословацких (в пп. 208–215, 221) говорах.

В **восточнославянских** языках высокая концентрация этих праславянских лексем наблюдается в **украинских диалектах**, причем преимущественно в юго-западных (особенно в пп. 412–416, 419–422, 427, 429, 432–434, 448, 450, 454, 456, 466–471, 484, 488, 490, 496, 500, 507, 516, 523–524), в полесских (особенно в пп. 402, 404, 417–418, 424–425, 436, 440, 442–447, 459–461, 463) и в отдельных юго-восточных (особенно в пп. 458, 464, 477–478, 491–494, 501–502, 504, 508–511, 513–514, 518–519, 521) говорах.

В **русских** диалектах картина довольно размытая, так как эти лексемы представлены в русских старожильческих говорах Литвы (п. 525), Латвии (п. 526) и Эстонии (п. 527), в севернорусских говорах (ладого-тихвинских пп. 562–564, 579, 581, 585–586, 607; архангельских пп. 548, 554, 569, 572–574, 596; вологодских пп. 611, 614, 622–623, 627, 639, 668; костромских пп. 666, 682, 684–686, 687–690, 703, 709), в среднерусских (особенно в западной группе в пп. 608, 610, 628, 634, 651–654, 658–660, 662, 677–678, 680–681, 691–692, 694, 696–697, 699–701, 710–715, 724–726а, 754), реже — в восточной (пп. 706, 718–720, 722, 727, 732, 734, 738, 742–745, 751–752, 756–757, 779) и в южнорусских (особенно в пп. 728–729, 747–749, 762–764, 768, 776–778, 780–782, 787–790, 792–794, 796–800, 802, 804–807, 810–813, 815–819, 820–822, 824–826, 829–830, 832–833, 839–841, 844–845).

В **белорусских** диалектах эти праславянские лексемы сосредоточены в северо-восточных (в пп. 340–341, 349, 352, 360, 368, 380–381, 388) и юго-западных говорах (в пп. 336, 364–365, 386, 390–391), хотя встречаются и в отдельных среднебелорусских (в пп. 377, 393, 398, 400).

Такая картина ареального распределения древнейших праславянских лексем на карте Славии, повторяемость их локализации, а главное — континуальность в диалектах всех трех славянских языковых групп не может не свидетельствовать о том, что эти ареалы сформировались еще в праславянский период. Более того, она указывает на подвижность праславянского

ареала. Поэтому каждая из теорий локализации праславянского языка (висло-одерская, припятско-полесская, правобережно-днепровская, дунайско-балканская) имеет под собой реальные основания, поскольку эти ареалы могут иллюстрировать разные этапы истории славян в освоении ими этих территорий.

* * *

Карты Атласа показали, что праславянские лексемы, имеющие непроизводную основу и индоевропейские соответствия могут локализоваться не только в диалектах трех славянских языковых групп, но и в **диалектах двух славянских языковых групп**. Репертуар их по диалектам также варьируется. При этом они образуют ареалы разных типов, среди которых выделяются:

I. Ареалы лексем, которые имеют тотальное распространение в диалектах двух славянских языковых групп;

II. Ареалы лексем, которые локализируются в диалектах двух славянских языковых групп, но имеют локальные ограничения.

I. Лексема имеет тотальное распространение в диалектах двух славянских языковых групп.

1.1. Лексема равномерно покрывает всю территорию восточной и западной Славии.

Этот ареальный сценарий встречается довольно редко. В качестве иллюстрации можно привести ареал лексемы *slov-o* (*slovo < и.-е. *k'leu, *k'lou) (Фасмер III: 673) к. 76 'слово' т. 9 «Человек», распространенной в диалектах и восточной, и западной Славии. (см. карту-схему 60).

Между тем производные лексемы довольно часто образуют такие ареалы (ср., например, распространение таких лексем, как *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *uš-ъk-o* к. 15 *dem* 'ухо' т. 9 «Человек»; *roč-ъk-a* к. 32 *dem* 'рука' т. 9 «Человек»; *gor-ъk-a* к. 28 *dem* 'гора' т. 5 «Рефлексы *о»; *nož-ъk-a* к. 43 *dem* 'нога' т. 9 «Человек»; *sъ-čest-ъj-e* к. 7 'счастье' т. 10 «Народные обычаи»). Ареалы этих лексем сформировались, по-видимому, в позднепраславянский период, когда южнославянские диалекты были уже оторваны от севернославянских, но до окончательного распада славянского языкового единства. Примечательно, что в большинстве своем они представлены словообразовательными деминутивами, которые сами по себе являются вторичными по отношению к своим производящим, что служит еще одним доказательством позднего формирования их ареалов. Отсутствие этих лексем в южнославянских диалектах при том, что в восточно- и западнославянских языках их ареал является плотным, невольно наталкивает на мысль о существовании

в позднепраславянском восточно-западнославянском единстве, в рамках которого протекали совместные языковые процессы⁶. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди лексем, имеющих общеславянское распространение, немало тех, которые имеют разрушенный ареал именно в южнославянских диалектах, тогда как в восточно- и в западнославянских он до сих пор остается монолитным (ср., например, ареалы лексем *dqb-ъ* (**dqbъ* < и.-е. **dheubh-*) (ЭССЯ 5: 97; Pokorny I: 215; Фасмер I: 547) к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир»; *ovъs-ъ* (**ovъsъ* < и.-е. **jewo-*: **jew-es-*: **jow-es*, **aĭig'os*) (Фасмер III: 113; Pokorny I: 88) к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство»; *slěp-ъ* (**slěpъ* < и.-е. **leip*) (Фасмер III: 669) к. 10 'слепой человек' т. 12 «Личные черты человека»; *xud-ъ* (**xudъ* < и.-е. **ksoud-*, **kseud-*) (Фасмер IV: 282, Pokorny I: 625) к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека» и др.).

1.2. Лексема равномерно покрывает всю территорию восточной и южной Славии.

Этот ареальный сценарий также встречается редко. Между тем он имеет особую значимость, так как прерывистые изоглоссы лексем, разделенных пространством, в отличие от восточно-западнославянского сценария сильно ограничивают возможность конвергентного взаимодействия. Поэтому именно эти изоглоссы обладают наибольшими диагностирующими возможностями. В качестве иллюстрации можно привести распространение следующих лексем:

sel-o (**sel-o* < и.-е. **sedlo* или и.-е. **sel-*: **sol-*) (Фасмер III: 596, ЕСУМ 5: 209) к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 61): лексема имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах и практически во всех южнославянских, за исключением словенских, где приблизительно с XV в. широко распространилась лексема *vъs-ъ*; на былое существование лексемы *selo* в словенском языке указывают многочисленные дериваты с этим корнем, ср. *dem. selce, seljak, selski, naselje*, а также топонимы *Selo, Selce* и др. (Bezljaj: 225);

⁶ К сходной идее приходит и автор монографии «Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны» Н.Б. Киселева: "Изоглоссы, ставшие предметом исследования, стабильно связывают белорусский (нередко также и украинский) язык с западнославянскими, однако практически не имеют параллелей в южнославянских языках. Поскольку южные славяне были отделены неславянскими территориями от северных (западных и восточных) славян еще в праславянский период, это приводит к заключению, что в позднепраславянский период — уже после отделения южных славян, но до окончательного распада славянского языкового единства — определенное время существовал западнославянско-восточнославянский языковой континуум, в котором проходили совместные языковые процессы; поэтому после разделения западных и восточных славян и приобретения их языками характерных отличий остатки этих совместных процессов сохранились" (Киселева 2002: 13).

gordъ (**gordъ* < и.-е. **ghordh-/ *ġhordho*) (ЭССЯ 7: 36) к. 45 ‘город’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 62): лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах (за исключением словенских, где в XIV в. в топонимии появляется лексема *měst-o*, ср. *Novo Mesto*, а с XVI в. она получает широкое распространение и в апеллативах, Bezljaj: 179); на былое существование лексемы *gordъ* в словенских диалектах указывают, прежде всего, топонимы (ср. *Podgrad, Zagrad, Stari grad, Slovenj Gradec*, а также производные с этим корнем, ср. *graščan, gra(j)ščina, gra(j)ščak, gra(j)ščakinja*, Bezljaj: 168).

Системный, а главное континуальный характер ареала этих праславянских лексем, имеющих к тому же индоевропейские соответствия, говорит о том, что перед нами древние диалектизмы, ареал которых сложился еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских.

I.3. Лексема равномерно покрывает всю территорию западной и южной Славии

В опубликованных томах лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа» такой ареальный сценарий пока не обнаружен, так как обычно этот ареал находит продолжение в восточнославянских диалектах (см., например, ареалы лексем *oč-i* (*око, *oči < и.-е. *ok^u) (Фасмер III: 128; Pokorny I: 775; ЭССЯ 32: 41) к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»; *žab-a* (*žaba < и.-е. *g^wēbā) (Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183) к. 31 ‘лягушка’ т. 1 «Животный мир» и др.).

II. Лексема распространена в диалектах двух славянских языковых групп, но в ее локализации на территории Славии существуют ограничения.

Значительно чаще на территории Славии встречаются разрушенные ареалы лексем, имевших ранее распространение в двух славянских языковых группах. История славянских диалектов свидетельствует о том, что праславянские лексемы постепенно вытеснялись региональными диалектизмами, так как язык находится в постоянном развитии. Карты Атласа указывают на такую яркую особенность славянских диалектов, как их динамичность, которая проявляется в том, что диалекты всех славянских языков способны к активному порождению локально ограниченных лексем. Более того, материалы Атласа говорят о том, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов.

При этом на картах Атласа хорошо видно, что в эволюции лингвистического пространства Славии прослеживается повторяемость, что позволяет говорить о типологии ареалов лексем, имевших ранее распространение в двух славянских языковых группах. Об этом свидетельствуют следующие ареальные сценарии:

II.1. Лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в западнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

sqk-a (*sqka < и.-е. *k'ųcōn-/ *k'unos) (Фасмер III: 798; Pokorny I: 632) к. 15 'собака-самка' т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 63): лексема имеет обширный ареал в восточнославянских, польских и словацких диалектах и микроареал — в чешских ляхских (пп. 197, 203) говорах;

qs-y, qs-a, vqs-y, vqs-a, qs-ě, vqs-ě (*qs-y < и.-е. *ųond-so- < *ųend-) (Boryś 2005: 1500) к. 24 'усы' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 64): лексема имеет плотный ареал в восточнославянских, польских и чешских диалектах и островной ареал в западно- и среднесловацких;

kos-ъ (*kosъ < и.-е. *kes-, *kos-) (Фасмер II: 347; ЭССЯ 11: 177) к. 11 'косоглазый, с косыми глазами' т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 65): лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет небольшой островной ареал в польских мазовецких говорах;

pust-ъ (*pustъ < и.-е. *paus-t-) (Фасмер III: 411; Pokorny I: 790) к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 66): лексема широко распространена в русских, белорусских, польских диалектах и имеет ограниченный ареал в украинских;

reĭb-ъ (*jreĭbъ < и.-е. *ererbh-: *rebh-) (Фасмер III: 535) к. 7 'имеющий веснушки' т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 67): лексема имеет обширные ареалы в восточнославянских диалектах и микроареалы — в польских и восточнословацких;

skot-ъ (*sъkotъ < и.-е. *ket-: *kot-: *kt-) (Фасмер III: 655) к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 68): лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и лужицких;

mogyl-a (*mogyla < и.-е. *meġh-) (Фасмер III: 634; ЭССЯ 20: 115) к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 69): лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и островные — в польских.

Распространение этих лексем свидетельствует о том, что их ареалы находят свое продолжение чаще всего в польских (причем нередко

в переселенческих) и восточнословацких говорах. Это невольно наталкивает на мысль, что указанные лексические корреспонденции сформировались довольно поздно в процессе междиалектных контактов, в частности в результате влияния восточнославянских диалектов, прежде всего на польские и словацкие говоры, откуда эти лексемы могли распространяться далее (см., например, распространение лексем *kos-ъ*, *reč-ъ*, *mogyl-a*). Вместе с тем нельзя не отметить, что в этой группе соответствий представлены лексемы, которые имеют индоевропейские параллели, что свидетельствует о достаточно древних отношениях восточно- и западнославянских диалектов.

II. 2. Лексема широко распространена в западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср. распространение лексемы:

vin-o (**vino* < и.-е. **vîn-*) (Фасмер I: 316; Pokorny I: 1121) к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 70): лексема широко распространена в польских, лужицких, чешских диалектах и имеет островной ареал в юго-западных украинских.

II. 3. Лексема широко распространена в западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в южнославянских. Этот ареальный сценарий также встречается редко, ср. распространение лексемы:

zvěr-e (**zvěť* < и.-е. **ǵhwēr*) (Фасмер II: 87; **ǵʰwǵēr* Borys 2005: 746) к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 71): лексема плотно покрывает территорию всей западной Славии и имеет островной ареал в сербских (зетско-сенинских) говорах и микроареал — в хорватских (п. 33).

II. 4. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в западнославянских. Этот ареальный сценарий также встречается редко, ср. распространение следующих лексем:

těrn-ъ (**těrnъ* < и.-е. *(s)*ter-n-*) (Фасмер IV: 48; Pokorny I: 1031) к. 13 'колючка, шип' т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 72): лексема имеет обширный ареал в южнославянских диалектах, а также в чешских, островные ареалы — в лужицких, в западно- и среднесловацких говорах;

lov-ъ (**lovъ* < и.-е. **lāu*:**lau*) (ЭССЯ 16: 111) к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 73): лексема плотно покрывает

территорию всей южной Славии и имеет микроареалы в польских (п. 283) и лужицких (п. 236) диалектах. Материалы исторических словарей славянских языков свидетельствуют о том, что ранее эта лексема была известна чешскому, польскому, словацкому, русскому, украинскому и белорусскому языкам, однако со временем она сдала свои позиции под натиском других лексем: в русских, белорусских и украинских диалектах ее вытеснила лексема *охот-а*, в польских, белорусских и украинских — лексема *pol-j-ov-an-ъj-e*, в словацких — лексемы *pol-j-ov-ač-ьk-a* и *pol-j-ov-ьk-a*, в чешских — лексема *гон-ъ*, в лужицких — заимствованная из немецкого языка лексема (*jaxt*)-ъ.

II. 5. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточнославянских. Этот ареальный сценарий также встречается редко, ср. распространение следующих лексем:

žit-o, žit-a, žit-ъ (**žito* < и.-е. **g^wei-*, **g^uei-*) (Фасмер II: 57; Pokorny I: 467) к. 57 ‘рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры вместе взятые’ т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 74): лексема имеет обширный ареал в южнославянских диалектах и разреженный — в русских;

kos-a, kos-e, kos-y (**kosa* < и.-е. **kes-*: **kos-*) (Фасмер II: 344; Pokorny I: 585) к. 25 ‘волосы на голове человека’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 75): лексема широко распространена в македонских, болгарских, сербских, украинских диалектах и имеет островные ареалы в белорусских и хорватских.

Наличие обширных ареалов корреспондирующих лексем в южнославянских диалектах, т. е. на периферии современной Славии, свидетельствует о том, что эти лексические параллели являются иллюстрацией тех трансдиалектных связей, которые продолжают отношения исходной системы и до сих пор существуют в славянских языках.

Интересно, что в локализации ареалов многих лексем прослеживается повторяемость и параллелизм с другим ареальным сценарием, когда корреспондирующие лексемы были широко представлены в южнославянских диалектах и имели ограниченные ареалы в западно- и восточнославянских. И в одном, и в другом случаях наблюдается концентрация изоглосс в чешских и словацких (особенно в западно-словацких) говорах. И эта повторяемость в локализации ареалов свидетельствует в пользу предположения о существовании в древности словацко-моравской языковой зоны, тесно связанной с южнославянской группой языков и до сих пор сохраняющей древние изоглоссные параллели, сформировавшиеся еще на праславянской почве.

II. 6. Лексема распространена в диалектах двух славянских языковых групп, но в ее локализации во всех этих диалектах существуют территориальные ограничения. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

II. 6.1. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в западнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается очень часто, причем обращает на себя внимание тот факт, что большинство изоглосс связывает также восточнославянские, польские и словацкие диалекты, ср. распространение следующих лексем:

jьkr-a (*jьkra < и.-е. *ǰěkrŭ(t), *ikʷōr-) (ЭССЯ 10: 217; Boryś 2005: 197) к. 45 'икра, мышца ноги ниже голени' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 76): лексема широко распространена в русских, белорусских диалектах и имеет островные ареалы в украинских (полесских), польских (великопольских и мазовецких) говорах;

brjux-o, brjux-ъ (*brjuxo < и.-е. *bhreu-s-) (ЭССЯ I: 33; Boryś 2005: 12) к. 50а 'живот человека' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 77): лексема имеет островные ареалы в чешских, западно- и среднесловацких, польских мазовецких говорах и разреженные ареалы в восточнославянских диалектах;

skor-a (*skora < и.-е. *(s)ker-) (Boryś 2005: 16) к. 22 'кожа человека' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 78): лексема имеет обширный ареал в польских диалектах, островные ареалы в украинских, белорусских и восточно-словацких говорах и микроареал — в чешских (п. 207);

děd-ъ (*dědъ < и.-е. *dhē-) (Фасмер I: 494; ЭССЯ 4: 227) к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 79): лексема имеет обширный ареал в польских диалектах и островные ареалы — в украинских и восточнословацких;

grub-ъ (*grqбъ < и.-е. *gʷreu-: *gʷrou-: *gʷru-) (Фасмер I: 462; ЭССЯ 7: 145) к. 20 'толстый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»: лексема широко распространена в польских диалектах, имеет обширный ареал в говорах Правобережной Украины и островной ареал в среднебелорусских говорах;

lis-ъ (*lisъ < и.-е. диал. *(u)leipk-) (ЭССЯ 15: 137) к. 3 'общее название лисы и название самки лисицы' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 80): лексема имеет плотный ареал в польских диалектах, обширный островной ареал в говорах Правобережной Украины и микроареалы в белорусских и русских говорах;

myš-a (*myšъ < и.-е. *mūs-) (ЭССЯ 21: 64) к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 81): лексема имеет разреженные ареалы в польских и украинских диалектах и микроареалы в белорусских и русских говорах;

nos-ъ (*nosъ < и.-е. *nās-) (Фасмер III: 84; ЕСУМ 4: 102) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 82): лексема распространена в русских и украинских диалектах и имеет микроареал в польских кашубских говорах;

os-a (*opsa < и.-е. *ak'-) (ЭССЯ 36: 36–37) к. 34 'осина' т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет небольшой островной ареал в польских мазовецких говорах и микроареалы в полесских украинских (п. 402) и белорусских (п. 372) говорах;

stročъ-b (*stroqъ < и.-е. *streuq-) (Boryś 2005: 580) к. 15 'стручок' (например, гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема имеет небольшие островные ареалы в южнорусских и польских мазовецких говорах;

svekr-a, svekr-y (*sve-kry < и.-е. *suek'rū-s) (Фасмер III: 571) к. 35 'мать мужа' т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 83): лексема имеет обширный ареал в словацких диалектах, островные ареалы в юго-западных украинских и южнорусских и микроареал в великопольских говорах (п. 317) говорах;

svet-o (*svetъ < и.-е. *k'cen-) (Фасмер III: 585) к. 39 'праздник' т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 84): лексема широко распространена в польских, белорусских и украинских диалектах и имеет островной ареал в восточнословацких;

rud-ъ (*rudъ < и.-е. *roudh-, *reudh-, *rudh-) (Фасмер III: 513; Pokorny I: 872) к. 5 'рыжий' т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 85): лексема имеет обширный ареал в польских и украинских диалектах, островной — в северо-восточных белорусских говорах и микроареал — в русских;

syt-ъ (*syтъ < и.-е. *sū-t-, *sou-, *sū-) (Фасмер III: 821) к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет небольшие островные ареалы в украинских и белорусских диалектах и микроареал — в польских кашубских говорах;

var-ъ (*vaгъ < и.-е. *ueг-, *wer-) (Фасмер I: 273) к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: (см. карту-схему 86): лексема распространена в польских, белорусских и русских диалектах;

zob-ъ (*zobъ < и.-е. *g'ebh- (Фасмер II: 102; Pokorny I: 382) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 87): лексема широко распространена в польских и украинских диалектах и имеет островные ареалы в белорусских;

xvoj-a (*xvoja < и.-е. *skhujāt, *sk(h)uoi-) (Фасмер IV: 233; Pokorny I: 958) к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет островные ареалы в белорусских и украинских (полесских) диалектах;

микроареалы — в кашубских, великопольских (пп. 250, 254), а также чешских (пп. 178, 179) говорах;

tvar-ъ (**tvaŕь* < и.-е. **tŭer-*, **tŭōr-*, **twer-*) (Boryś 2005: 656; Pokorný I: 1101) к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 88): лексема имеет плотный ареал в словацких и польских диалектах, разреженный — в украинских и белорусских, где с ней конкурируют лексемы *lic-e* (укр., блр.), (*mord*)-*a* (укр., блр.), *ob-lič-bj-e* (укр.), *vid-ъ* (укр., блр.) и микроареал — в чешских (пп. 194–195);

věn-o, *věn-a* (**věno* < и.-е. **uedmno-*) (Фасмер I: 291; Rejzek: 705) к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 89): лексема имеет обширный ареал в чешских и словацких диалектах, островной — в польских и украинских и микроареал — в южнорусских брянских (п. 798) говорах;

tan-b, *tun-b* (**tunь* < и.-е. **ten-*, **teun-*) (ЕСУМ т. 5: 676) к. 54 ‘дешевый, недорогой’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 90): лексема широко распространена в польских и восточнословацких диалектах и имеет островные ареалы в полесских белорусских и украинских говорах, а также в юго-западных украинских;

čerd-a (**čerda* < и.-е. **kerdā*) (ЭССЯ 4: 61) к. 24 ‘общее название скота’ т. 2 «Животноводство»: лексема имеет островной ареал в великопольских говорах и микроареал в среднебелорусских (п. 400);

kŕk-ъ (**kŕkь* < и.-е. **kŕko-*) (ЭССЯ 13: 219) к. 27 ‘шея’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 91): лексема широко распространена в чешских и словацких диалектах, имеет небольшие островные ареалы в польских (кашубских, силезских и великопольских) и украинских (юго-западных) говорах;

stryj-b (**stryjь* < и.-е. **rətrujo-*) (Boryś 2005: 583; Трубачев 1959: 79) к. 34 ‘брат отца’ т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 92): лексема широко распространена в польских диалектах и имеет островной ареал в юго-западных украинских говорах;

vŕg-y (**vŕga* < и.-е. **ŕerg^h*) (Boryś 2005: 678) к. 17 ‘губы’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 93): лексема широко распространена в польских диалектах и имеет небольшие островные ареалы в словацких, чешских и украинских говорах.

Как видно из приведенного материала, ареалы многочисленных лексических корреспонденций, характерных для северной Славии, являются чаще всего свидетельством контактно-генетического родства восточно- и западнославянских диалектов. При этом большинство ареалов северной Славии сформировалось в основном в процессе междиалектных контактов, о чем свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем в роли языка-донора выступали чаще всего

западнославянские диалекты, преимущественно **польские**. Именно здесь локализуются обширные ареалы лексем, которые «продолжают свою жизнь» в украинских и белорусских диалектах (ср., например, распространение таких лексем, как *děd-ъ* к. 59 ‘человек, который просит милостыню’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *grub-ъ* к. 20 ‘толстый’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *skor-a* к. 22 ‘кожа человека’ т. 9 «Человек»; *svět-o* к. 39 ‘праздник’ т. 10 «Народные обычаи»; *tan-ъ, tun-ъ* к. 54 ‘дешевый, недорогой’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *rud-ъ* к. 5 ‘рыжий’ т. 12 «Личные черты человека»; *vъrg-у* к. 17 ‘губы’ т. 9 «Человек») и др.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в общей сумме изоглосс, характеризующих диалекты северной Славии, отчетливо просматриваются ареалы, которые достаточно хорошо свидетельствуют о сохранившихся фрагментах древней лингвистической географии с ее проницаемостью диалектных границ (ср., например, ареалы праславянских лексем *xvoj-a* к. 17 ‘сосна’ т. 3 «Растительный мир»; *sqk-a* к. 15 ‘собака-самка’ т. 2 «Животноводство»; *grib-ъ* к. 54 ‘съедобный гриб’ т. 3 «Растительный мир»; *var-ъ* к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pust-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») и др. Все эти лексемы имеют индоевропейские соответствия, а их словообразовательная структура не мотивирована на почве праславянского. Ареалы этих праславянских лексем являются, как правило, обширными, но со следами разрушения. Наличие ареалов таких корреспондирующих лексем, которые имеют индоевропейские соответствия и сохраняют соотношение с исходным этимологом, позволяет высказать предположение, что эти лексические параллели являются иллюстрацией тех древних трансдиалектных связей, которые продолжают отношения праславянской системы и до сих пор существуют в славянских диалектах.

II. 6.2. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в южнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий также встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

stьbl-ъ, stьbl-o, stьbl-a (*stьblo < и.-е. *stěib(h)-, *stib(h)-) (Фасмер III: 750) к. 2 ‘ствол, часть дерева от земли до кроны’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 94): лексема имеет небольшие островные ареалы в сербских (восточно-герцеговинских, смедеревских, зетских, призренско-тимокских), хорватских (чакавских, кайкавских), македонских (северных, центральных, в говорах Эгейской Македонии), в болгарских (западных, северо-восточных) и в южнорусских диалектах; микроареалы — в украинских (пп. 384, 524) и словенских (пп. 9, 15, 21, 149) говорах;

pěn-a (*pěna < и.-е. *(s)poina, *spáinā, *(s)peina, *(s)poimno-) (Фасмер III: 231; ЕСУМ 4: 406) к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 95): лексема широко распространена в словенских диалектах и прилегающих к ним хорватских кайкавских и чакавских говорах; имеет разорванные ареалы в севернорусских и среднерусских говорах, а также в украинских (преимущественно юго-западных и полесских); микроареалы — в северномакедонских (п. 93), а также в говорах Эгейской Македонии (пп. 106, 108) и в сербских переселенческих говорах на территории Венгрии (п. 152);

červ-o (*červo < и.-е. *(s)ker-) (ЭССЯ 4: 82; Pokorny I: 938, 940) к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 96): лексема имеет островные ареалы в юго-западных белорусских и украинских диалектах, в словенских прекмурских говорах и в Каринтии, а также в хорватских кайкавских говорах;

dьkt-i (*dьkti < и.-е. *dheugh-, *dhug(h)ater) (ЭССЯ 5: 178; Pokorny I: 277) к. 10 'дочь' т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 97): лексема имеет плотный ареал в словенских и хорватских диалектах и разреженный в сербских и севернорусских;

plast-ъ (*plastъ < и.-е. *plat-t-: *plet-: *plot-: *plt-) (Фасмер III: 273; Pokorny I: 833) к. 34 'валик земли, откладываемый плугом' т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 98): лексема имеет обширный ареал в русских диалектах, разреженный — в белорусских, островной — в украинских (полесских) и македонских (восточных) говорах;

věk-o, věk-a, věk-ъ, věk-y (*věko < и.-е. *wēk-, *wōk- (Фасмер I: 286) к. 9 'глазное веко' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 99): лексема широко распространена в русских диалектах, имеет разреженные ареалы в украинских и белорусских и островной ареал — в словенских (приморских, горенских и ровтарских) говорах;

kor-a (*kora < и.-е. *(s)ker-/*(s)kēr-/*(s)kor-) (Фасмер II: 321; ЭССЯ 11: 23) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 100): лексема имеет разорванные ареалы в севернорусских (архангельских и вологодских) говорах, островной ареал — в юго-западных болгарских и разреженные ареалы — в хорватских и сербских диалектах;

kor-a (*kora < и.-е. *(s)ker-/*(s)kēr-/*(s)kor-) (Фасмер II: 321; ЭССЯ 11: 23) к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареал в северо-восточных белорусских говорах (п. 335), латеральный — в хорватских диалектах и довольно плотный островной ареал на юге сербских;

вѣрх-ъ (*vьrхъ < и.-е. *uer-s-, *wer-s-, *wr-s-) (Фасмер I: 301; Pokorny I: 1151) к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока,

сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареалы в говорах Эгейской Македонии (п. 113), в центральномакедонских (п. 97), а также в украинских полесских (п. 411), в среднерусских (п. 720) и южнорусских говорах (п. 771); кроме того, у нее имеются островные ареалы в белорусских северо-восточных, среднебелорусских и западнополесских диалектах;

slab-Ъ (* *slabъ* < и.-е. *(s)leb: *(s)lēb: *(s)lob: *(s)lōb: *(s)lāb) (Фасмер III: 664) к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»: лексема имеет плотный ареал в македонских и болгарских диалектах, островные ареалы в сербских и микроареалы — в хорватских (п. 23) и украинских (п. 497) говорах.

Анализ восточно-южнославянских ареальных сценариев показал, что они неоднородны по своей структуре с точки зрения генетических и ареальных связей и являются чаще всего иллюстрацией генетического родства восточно- и южнославянских диалектов. Ограниченные дистантные ареалы этих праславянских лексем, имеющих индоевропейские соответствия, служат свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей.

II. 6.3. Лексема имеет ограниченный ареал и в западно-, и в южнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

gor-a (**gora* < и.-е. **gʰor-*) (ЭССЯ 7: 29) к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 101): лексема имеет обширный ареал в болгарских, а также в западно- и среднесловацких диалектах, островные ареалы — в восточномакедонских, в некоторых кайкавских хорватских, в сербских косовско-ресавских, восточно-герцеговинских и в словенских (костелских) говорах; кроме того, микроареалы ее отмечены в чешских моравских (п. 206) и ганацких (п. 201) говорах;

jetr-a (**jětro* < и.-е. **entro-*) (Machek: 218; Bezljaj: 230) к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 102): лексема имеет плотный ареал в чешских и словенских диалектах, островные ареалы — в лужицких, хорватских и сербских; микроареал — в западнословацких (п. 208) говорах;

//*aj-e* (**aje* < и.-е. **ājom*) (ЭССЯ 1: 61; или и.-е. **aḱis-*) (Boryś 2005: 203) к. 39 'яйцо' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 103): лексема имеет плотный ареал в лужицких диалектах, разреженный — в польских и сербских, латеральный — в хорватских говорах;

//*edl-a* (**edla* < и.-е. **ed^h-lo-*) (Boryś 2005: 215) к. 23 'пихта' т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 104): лексема плотно покрывает территорию чешских, словацких, сербских и хорватских диалектов, имеет разорванный ареал в польских, островные ареалы — в македонских

и болгарских говорах и микроареалы — в верхнелужицких (п. 237) и в словенских говорах (п. 146) Каринтии;

orm-a, orm-e, orm-o (**ormo* < и.-е. **arəmo-*) (Boryś 2005: 510) к. 28 ‘плечо, часть туловища от шеи до руки’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 105): лексема широко распространена в южнославянских, польских и лужицких диалектах;

stav-e, stav-y (**stavъ* < и.-е. **stau-/stōu-*) (Фасмер III: 810; Boryś 2005: 576) к. 40 ‘суставы’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 106): лексема имеет обширные ареалы в болгарских и польских диалектах и микроареал — в верхнелужицких (п. 236) и словенских (прекмурских п. 21) говорах;

vъs-b (**vъsъ* < и.-е. **ѡk’-i-s*) (Š-Šewc 1983: 1617; или (и.-е. **ѡik-/ѡeik-/ѡoik-o-*) (Фасмер I: 305; Boryś 2005: 696) к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 107): лексема имеет плотный ареал в словенских, польских и лужицких диалектах, островной — в чешских и микроареал — в сербских (п. 58) говорах.

Анализ западно-южнославянских ареальных сценариев показал, что они являются иллюстрацией тех древних трансдиалектных связей, которые продолжают отношения исходной системы и до сих пор существуют в славянских диалектах. Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от других ареалов, локализующихся в двух славянских языковых группах, среди них практически нет таких, которые тотально охватывали бы все западно- и южнославянские диалекты (исключение представляют лексемы *zver-e* для западнославянских диалектов и лексемы *lov-ъ* и *tvъrn-ъ* — для южнославянских). Чаще всего это локально ограниченные ареалы, которые имеют разную плотность и конфигурацию. Континуальный характер ареалов этих праславянских лексем, имеющих к тому же индоевропейские соответствия, говорит о том, что перед нами древние диалектизмы, ареал которых сложился еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на ареал лексемы *//edl-a* к. 23 ‘пихта’ т. 3 «Растительный мир» и привести рассуждения О. Н. Трубачева, который, опираясь на исследование П. Нича о названиях пихты и ели в польском языке, задает справедливый вопрос, чем было вызвано изменение значения праславянского *jedla, jedlb* ‘ель’ > плс. *jodla* ‘пихта’ при новом названии ели — *świerk, smrek*.

Ответ на этот вопрос дает предположение К. Мошинского, согласно которому эти изменения и семантические перемещения могут быть

объяснены лишь в том случае, если принять гипотезу о постепенном продвижении носителей праславянского языка из Поднепровья на запад. Обитая на этой первоначальной территории, носители праславянского языка не знали дерева пихты, и *jedla* означало известную им ель; позднее, в период экспансии в более западные районы, праславяне, познакомившись с пихтой, переносят на нее основное название ели, в то время как ель получает новое название на освоенных территориях, откуда, например, польск. *smrek*. Указывая на то, что эта точка зрения К. Мошинского расходится с точкой зрения польских ученых, он обращается к ним с призывом объяснить эти факты лингвогеографии (Трубачев 2004: 218).

Итак, картографирование лексем, распространенных в диалектах двух славянских языковых групп, имеющих непроемные основы и индоевропейские соответствия, показало, что они локализируются в пространстве *terra Slavia* неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума. При этом самая высокая степень их концентрации наблюдается в **польских диалектах** (причем особенно в малопольских говорах в пп. 291–295, 301–304, 306–307, 309, 312–315, 318–323, 325) и значительно реже в мазовецких (в основном в пп. 264, 271, 273–275, 283, 285–287, 295–296) и великопольских (в пп. 248, 254, 256, 259–261, 269–270, 278, 280–281).

Это дает основания предположить, что индоевропейское освоение польской территории шло с юга на север, и что эти ареалы являются вторичными, поскольку они сформировались уже после того, как южнославянские диалекты были оторваны от западно- и восточнославянских, но до окончательного распада славянского языкового единства. Более того, сопоставление с ареалами праславянских лексем, распространенных в диалектах трех славянских языковых групп, наталкивает на мысль, что идея К. Мошинского, высказанная им в книге «*Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*» (Wrocław-Kraków 1957), о движении славян из бассейна Среднего Поднепровья в бассейн Вислы и Одры, имеет под собой реальные основания.

Этот ареал, по-видимому, сформировался уже после того, как южнославянские диалекты были оторваны от западно- и восточнославянских, но до окончательного распада славянского языкового единства.

* * *

Анализ лексем, имеющих непроемные основы и индоевропейские соответствия, но распространенных в **двух группах** славянских диалектов, позволил определить следующий набор лексем для диалектов каждого славянского языка в отдельности.

Русские диалекты

brjux-o к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек»; *dykt-i* к. 10 'дочь' т. 12 «Степени родства»; *gord-ъ* к. 45 'город' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *jьkr-a* к. 45 'икра, мышца ноги ниже голени' т. 9 «Человек»; *kor-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kos-Ъ* к. 11 'косоглазый, с косыми глазами' т. 12 «Личные черты человека»; *lis-ъ* к. 3 'общее название лисицы и название самки лисицы' т. 1 «Животный мир»; *mogyl-a* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *myš-a* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *nos-ъ* к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *qs-y, qs-a, vqs-y, vqs-a, qs-ě, vqs-ě* к. 24 'усы' т. 9 «Человек»; *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *plast-ъ* к. 34 'валик земли, откладываемый плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pust-Ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *reб-Ъ* к. 7 'имеющий веснушки' т. 12 «Личные черты человека»; *sel-o* к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skot-ъ* к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»; *slov-o* к. 76 'слово' т. 9 «Человек»; *sqk-a* к. 15 'собака-самка' т. 2 «Животноводство»; *strqč-ъ* к. 15 'стручок' (например, гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *stbbl-o* к. 2 'ствол, часть дерева от земли до кроны' т. 3 «Растительный мир»; *svekr-a* к. 35 'мать мужа' т. 11 «Степени родства»; *var-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *věk-o, věk-a, věk-ъ, věk-y* к. 9 'глазное веко' т. 9 «Человек»; *věn-o* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *vьx-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žit-o* к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в русских диалектах, хотя нельзя не отметить высокую концентрацию их в севернорусских говорах, особенно в архангельских (в пп. 528–533, 535–537, 540–543, 545–549, 554–557, 569–578, 596, 604) и вологодских (в пп. 567–568, 587–590, 592–593, 597, 602–603, 611, 613, 616–621, 623–627, 638–639, 641–644, 646, 648).

Украинские диалекты

brjux-o к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек»; *červ-o* к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек»; *děd-ъ* к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gord-ъ* к. 45 'город' т. 8

«Профессии и общественная жизнь»; *grub-ъ* к. 20 ‘толстый’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xvoj-a* к. 17 ‘сосна’ т. 3 «Растительный мир»; *jьkr-a* к. 45 ‘икра, мышца ноги ниже голени’ т. 9 «Человек»; *kor-a* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kos-a*, *kos-e*, *kos-y* к. 25 ‘волосы на голове человека’ т. 9 «Человек»; *kos-Ъ* к. 11 ‘косоглазый, с косыми глазами’ т. 12 «Личные черты человека»; *кърк-ъ* к. 27 ‘шея’ т. 9 «Человек»; *lis-ъ* к. 3 ‘общее название лисицы и название самки лисицы’ т. 1 «Животный мир»; *mogyl-a* к. 45 ‘могила, яма, в которой хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; *myš-a* к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир»; *nos-ъ* к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир»; *os-a* к. 34 ‘осина’ т. 3 «Растительный мир»; *qs-y*, *qs-a*, *vqs-y*, *vqs-a*, *qs-ě*, *vqs-ě* к. 24 ‘усы’ т. 9 «Человек»; *pěn-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *plast-ъ* к. 34 ‘валик земли, откладываемый плугом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pust-Ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *reč-Ъ* к. 7 ‘имеющий веснушки’ т. 12 «Личные черты человека»; *rud-Ъ* к. 5 ‘рыжий’ т. 12 «Личные черты человека»; *sel-o* к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skor-a* к. 22 ‘кожа человека’ т. 9 «Человек»; *skot-ъ* к. 24 ‘общее название скота’ т. 2 «Животноводство»; *slov-o* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек»; *sqk-a* к. 15 ‘собака-самка’ т. 2 «Животноводство»; *stryj-ъ* к. 34 ‘брат отца’ т. 11 «Степени родства»; *stbbl-o* к. 2 ‘ствол, часть дерева от земли до кроны’ т. 3 «Растительный мир»; *syт-Ъ* к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svekr-a* к. 35 ‘мать мужа’ т. 11 «Степени родства»; *sveč-o* к. 39 ‘праздник’ т. 10 «Народные обычаи»; *tan-ь*, *tun-ь* к. 54 ‘дешевый, недорогой’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *tvar-ъ* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»; *věk-o*, *věk-a*, *věk-ъ*, *věk-y* к. 9 ‘глазное веко’ т. 9 «Человек»; *věn-o* к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи»; *vin-o* к. 8 ‘виноград’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *vъrg-y* к. 17 ‘губы’ т. 9 «Человек»; *vъrx-ъ* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *zob-ъ* к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в украинских юго-западных диалектах (в пп. 412–416, 419–422, 427–434, 448–449, 451, 453, 455, 465, 467–471, 473–474, 484, 486–487, 489–490, 496, 499–500, 506, 516, 522–524), значительно реже — в юго-восточных (пп. 458, 464, 475–482, 491–494, 501–505, 508–511, 513–515, 517–521) и полесских (пп. 361, 404–407, 409, 411, 417, 423–425, 436, 443–447, 450, 459–460, 462–463) говорах.

Белорусские диалекты

brjux-o к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек»; *čerd-a* к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»; *červ-o* к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек»; *gord-ъ* к. 45 'город' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *grub-ъ* к. 20 'толстый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xvoj-a* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; *jьkr-a* к. 45 'икра, мышца ноги ниже голени' т. 9 «Человек»; *kor-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kos-a, kos-e, kos-y* к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *kos-Ъ* к. 11 'косоглазый, с косыми глазами' т. 12 «Личные черты человека»; *lis-ъ* к. 3 'общее название лисицы и название самки лисицы' т. 1 «Животный мир»; *mogyl-a* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *myš-a* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *os-a* к. 34 'осина' т. 3 «Растительный мир»; *qs-y, qs-a, vqs-y, vqs-a, qs-ě, vqs-ě* к. 24 'усы' т. 9 «Человек»; *plast-ъ* к. 34 'валик земли, откладываемый плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pust-Ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *reč-Ъ* к. 7 'имеющий веснушки' т. 12 «Личные черты человека»; *rud-Ъ* к. 5 'рыжий' т. 12 «Личные черты человека»; *sel-o* к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skor-a* к. 22 'кожа человека' т. 9 «Человек»; *skot-ъ* к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»; *slov-o* к. 76 'слово' т. 9 «Человек»; *sqk-a* к. 15 'собака-самка' т. 2 «Животноводство»; *stbbl-o* к. 2 'ствол, часть дерева от земли до кроны' т. 3 «Растительный мир»; *syt-Ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svet-o* к. 39 'праздник' т. 10 «Народные обычаи»; *tan-ъ, tun-ъ* к. 54 'дешевый, недорогой' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *tvar-ъ* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»; *var-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *věk-o, věk-a, věk-ъ, věk-y* к. 9 'глазное веко' т. 9 «Человек»; *vьx-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *zob-ъ* к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в белорусских диалектах, хотя нельзя не отметить высокую концентрацию их в северо-восточных говорах (в пп. 328–330, 332, 334–335, 340–342, 348–350, 352, 358–360, 368–369, 378–380) и в юго-западных (в пп. 336–337, 343–345, 353–356, 364–366, 375–376, 384–386, 390–391).

Польские диалекты

//aj-e к. 39 *Nsg* (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *brjux-o* к. 50 «живот человека» т. 9 «Человек»; *čerd-a* к. 24 «общее название скота» т. 2 «Животноводство»; *děd-ъ* к. 59 «человек, который просит милостыню» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; //edl-a к. 23 «пихта» т. 3 «Растительный мир»; *grub-ъ* к. 20 «толстый» (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *xvoj-a* к. 17 «сосна» т. 3 «Растительный мир»; *jьkr-a* к. 45 «икра, мышца ноги ниже голени» т. 9 «Человек»; *kos-Ъ* к. 11 «косоглазый, с косыми глазами» т. 12 «Личные черты человека»; *kьrk-ъ* к. 27 «шея» т. 9 «Человек»; *lis-ъ* к. 3 «общее название лисицы и название самки лисицы» т. 1 «Животный мир»; *lov-ъ* к. 57 «охота» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mogyl-a* к. 45 «могила, яма, в которой хоронят покойника» т. 10 «Народные обычаи»; *муѣ-a* к. 14 «мышь» т. 1 «Животный мир»; *nos-ъ* к. 18 «клюв птицы» т. 1 «Животный мир»; *orm-e* к. 28 «плечо, часть туловища от шеи до руки» т. 9 «Человек»; *os-a* к. 34 «осина» т. 3 «Растительный мир»; *qs-y, qs-a, vps-y, vps-a, qs-ě, vps-ě* к. 24 «усы» т. 9 «Человек»; *pust-Ъ* к. 3 «пустой, ненаполненный» (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *reб-Ъ* к. 7 «имеющий веснушки» т. 12 «Личные черты человека»; *rud-Ъ* к. 5 «рыжий» т. 12 «Личные черты человека»; *skor-a* к. 22 «кожа человека» т. 9 «Человек»; *slov-o* к. 76 «слово» т. 9 «Человек»; *sqk-a* к. 15 «собака-самка» т. 2 «Животноводство»; *stav-e, stav-y* к. 40 «суставы» т. 9 «Человек»; *strqč-ъ* к. 15 «стручок» (например, гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»; *stryj-ъ* к. 34 «брат отца» т. 11 «Степени родства»; *syt-Ъ* к. 26 «содержащий много жира» (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svekr-a* к. 35 «мать мужа» т. 11 «Степени родства»; *svet-o* к. 39 «праздник» т. 10 «Народные обычаи»; *tan-ъ, tun-ъ* к. 54 «дешевый, недорогой» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *tvar-ъ* к. 2 «лицо» т. 9 «Человек»; *var-ъ* к. 49 «кипящая или вскипевшая вода» т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *věp-o* к. 17 «приданое» т. 10 «Народные обычаи»; *vin-o* к. 8 «виноград» т. 4 «Сельское хозяйство»; *vьrg-y* к. 17 «губы» т. 9 «Человек»; *vьs-ъ* к. 1 «небольшой сельский населенный пункт» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *zob-ъ* к. 18 «клюв птицы» т. 1 «Животный мир»; *zvěr-e* к. 1 «дикое животное, зверь» т. 1 «Животный мир».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они концентрируются в основном в малопольских говорах (в пп. 291–294, 301–304, 306–307, 309, 312–315, 318–323, 325).

Лужицкие диалекты

//aj-e к. 39 *Nsg* (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; //edl-a к. 23 «пихта» т. 3 «Растительный мир»; jętr-a к. 54 «печень человека» т. 9 «Человек»; lov-ъ к. 57 «охота» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; орm-е к. 28 «плечо, часть туловища от шеи до руки» т. 9 «Человек»; qs-y, qs-a, vps-y, vps-a, qs-ě, vps-ě к. 24 «усы» т. 9 «Человек»; skot-ъ к. 24 «общее название скота» т. 2 «Животноводство»; slov-o к. 76 «слово» т. 9 «Человек»; stav-e, stav-y к. 40 «суставы» т. 9 «Человек»; sqk-a к. 15 «собака-самка» т. 2 «Животноводство»; tьrn-ъ к. 13 «колючка, шип» т. 3 «Растительный мир»; vin-o к. 8 «виноград» т. 4 «Сельское хозяйство»; vьs-ь к. 1 «небольшой сельский населенный пункт» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; zvěr-e к. 1 «дикое животное, зверь» т. 1 «Животный мир».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрация наблюдается в верхнелужицких диалектах (в пп. 236–237).

Чешские диалекты

brjux-o к. 50 «живот человека» т. 9 «Человек»; //edl-a к. 23 «пихта» т. 3 «Растительный мир»; gor-a к. 11 «лес» т. 3 «Растительный мир»; xvoj-a к. 17 «сосна» т. 3 «Растительный мир»; jętr-a к. 54 «печень человека» т. 9 «Человек»; kьrk-ъ к. 27 «шея» т. 9 «Человек»; qs-y, qs-a, vps-y, vps-a, qs-ě, vps-ě к. 24 «усы» т. 9 «Человек»; slov-o к. 76 «слово» т. 9 «Человек»; sqk-a к. 15 «собака-самка» т. 2 «Животноводство»; tьrn-ъ к. 13 «колючка, шип» т. 3 «Растительный мир»; vьn-o к. 17 «приданое» т. 10 «Народные обычаи»; vin-o к. 8 «виноград» т. 4 «Сельское хозяйство»; vьrg-y к. 17 «губы» т. 9 «Человек»; vьs-ь к. 1 «небольшой сельский населенный пункт» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; zvěr-e к. 1 «дикое животное, зверь» т. 1 «Животный мир».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в чешских диалектах, хотя нельзя не отметить особенно высокую концентрацию их в собственно чешских говорах (в пп. 175, 177–189).

Словацкие диалекты

brjux-o к. 50 «живот человека» т. 9 «Человек»; děd-ъ к. 59 «человек, который просит милостыню» т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; //edl-a к. 23 «пихта» т. 3 «Растительный мир»; gor-a к. 11 «лес» т. 3 «Растительный мир»; jętr-a к. 54 «печень человека» т. 9 «Человек»; kьrk-ъ к. 27 «шея» т. 9 «Человек»; qs-y, qs-a, vps-y, vps-a, qs-ě, vps-ě к. 24 «усы» т. 9 «Человек»; skor-a к. 22 «кожа человека» т. 9 «Человек»; slov-o к. 76 «слово» т. 9 «Человек»; sqk-a к. 15 «собака-самка» т. 2 «Животноводство»; svekr-a к. 35 «мать

мужа' т. 11 «Степени родства»; *svet-o* к. 39 'праздник' т. 10 «Народные обычаи»; *tan-ъ, tun-ъ* к. 54 'дешевый, недорогой' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *tvar-ъ* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»; *tyrn-ъ* к. 13 'колючка, шип' т. 3 «Растительный мир»; *věn-o* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *vъrg-y* к. 17 'губы' т. 9 «Человек»; *zvěr-ę* к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень их концентрации наблюдается в восточнославянских (в пп. 156, 225–233) и в западных (в пп. 154, 209–215, 221) говорах.

Словенские диалекты

červ-o к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек»; *dykt-i* к. 10 'дочь' т. 11 «Степени родства»; *//edl-a* к. 23 'пихта' т. 3 «Растительный мир»; *gor-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *jetr-a* к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек»; *lov-ъ* к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *orm-ę* к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»; *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *stav-ę, stav-y* к. 40 'суставы' т. 9 «Человек»; *stbbl-o* к. 2 'ствол, часть дерева от земли до кроны' т. 3 «Растительный мир»; *tyrn-ъ* к. 13 'колючка, шип' т. 3 «Растительный мир»; *věk-o, věk-a, věk-ъ, věk-y* к. 9 'глазное веко' т. 9 «Человек»; *vъs-ъ* к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они более менее равномерно распределяются в словенских диалектах, хотя нельзя не отметить особую концентрацию их в приморских (в пп. 2, 5, 11–12) говорах.

Хорватские диалекты

//aj-e к. 39 *Nsg (j)aje* т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *červ-o* к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек»; *dykt-i* к. 10 'дочь' т. 11 «Степени родства»; *//edl-a* к. 23 'пихта' т. 3 «Растительный мир»; *gor-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *gord-ъ* к. 45 'город' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *jetr-a* к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек»; *kor-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kos-a, kos-ę, kos-y* к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *lov-ъ* к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *orm-ę* к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»; *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sel-o* к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *stbbl-o* к. 2 'ствол, часть дерева от земли до кроны'

т. 3 «Растительный мир»; *tyrn-ъ* к. 13 ‘колючка, шип’ т. 3 «Растительный мир»; *zvěr-ε* к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир»; *žit-o* к. 57 ‘рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры вместе взятые’ т. 4 «Сельское хозяйство».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они концентрируются преимущественно в кайкавских (в пп. 26–32 35–36) и чакавских (в пп. 22, 24–25, 37, 42–44, 146а–147а) говорах.

Сербские диалекты

//*aj-e* к. 39 *Nsg (j)aje* т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dykt-i* к. 10 ‘дочь’ т. 11 «Степени родства»; //*edl-a* к. 23 ‘пихта’ т. 3 «Растительный мир»; *gor-a* к. 11 ‘лес’ т. 3 «Растительный мир»; *gord-ъ* к. 45 ‘город’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *jetr-a* к. 54 ‘печень человека’ т. 9 «Человек»; *kor-a* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-a* к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lov-ъ* к. 57 ‘охота’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *qrm-ε* к. 28 ‘плечо, часть туловища от шеи до руки’ т. 9 «Человек»; *pěn-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sel-o* к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *stbbl-o* к. 2 ‘ствол, часть дерева от земли до кроны’ т. 3 «Растительный мир»; *tyrn-ъ* к. 13 ‘колючка, шип’ т. 3 «Растительный мир»; *zvěr-ε* к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир»; *žit-o* к. 57 ‘рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры вместе взятые’ т. 4 «Сельское хозяйство».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в сербских диалектах, хотя нельзя не отметить особую концентрацию их в косовско-ресавских (в пп. 70, 79–83, 88) и восточно-герцеговинских (в пп. 38, 60–61, 66–68, 76) говорах.

Македонские диалекты

//*edl-a* к. 23 ‘пихта’ т. 3 «Растительный мир»; *gor-a* к. 11 ‘лес’ т. 3 «Растительный мир»; *gord-ъ* к. 45 ‘город’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kos-a, kos-ε, kos-y* к. 25 ‘волосы на голове человека’ т. 9 «Человек»; *lov-ъ* к. 57 ‘охота’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *qrm-ε* к. 28 ‘плечо, часть туловища от шеи до руки’ т. 9 «Человек»; *pěn-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *plast-ъ* к. 34 ‘валик земли, откладываемый плугом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *sel-o* к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *stbbl-o* к. 2 ‘ствол, часть дерева от земли до кроны’ т. 3 «Растительный мир»; *tvar-ъ* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»; *tyrn-ъ* к. 13 ‘колючка, шип’

т. 3 «Растительный мир»; *vъx-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *zob-ъ* к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *žit-o* к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они концентрируются преимущественно в юго-западных (в пп. 106–109) и восточных (в пп. 103–105) говорах.

Болгарские диалекты

//*edl-a* к. 23 'пихта' т. 3 «Растительный мир»; *gor-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *gord-ъ* к. 45 'город' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kor-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kos-a, kos-e, kos-y* к. 25 'волосы на голове человека' т. 9 «Человек»; *lov-ъ* к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *ort-e* к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»; *sel-o* к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *stav-e, stav-y* к. 40 'суставы' т. 9 «Человек»; *stbbl-o* к. 2 'ствол, часть дерева от земли до кроны' т. 3 «Растительный мир»; *tyrn-ъ* к. 13 'колючка, шип' т. 3 «Растительный мир»; *žit-o* к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что самая высокая степень концентрации этих лексем наблюдается в западных (в пп. 114–121, 123, 125) и северо-восточных (в пп. 124, 127–128, 130–131, 136–138) говорах.

* * *

Лингвогеографический анализ праславянских лексем с непроемной основой и индоевропейскими соответствиями и распространенных в диалектах двух славянских языковых групп, позволил определить их репертуар, в котором также можно выявить **максимальную модель**, которая полнее всего представлена в польских диалектах.

Максимальную модель образуют следующие лексемы:

1. //aj-e (*aje < и.-е. *ōjom) (ЭССЯ I: 61; или и.-е. *aḱis- Boryś 2005: 203) к. 39 *Nsg* (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
2. *brjux-o, brjux-ъ* (*brjuxo < и.-е. *bhreu-s-) (ЭССЯ I: 33; Boryś 2005: 12) к. 50a 'живот человека' т. 9 «Человек»;
3. *čerd-a* (*čerda < и.-е. *kerdā) (ЭССЯ 4: 61) к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»;
4. *červ-o* (*červo < и.-е. *(s)ker-) (ЭССЯ 4: 82; Pokorny I: 938, 940) к. 50 'живот человека' т. 9 «Человек»;

5. *děd-ъ* (**dědъ* < и.-е. **dhē-*) (Фасмер I: 494; ЭССЯ 4: 227) к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
6. *dvkt-i* (**dvkti* < и.-е. **dheugh-*, **dhug(h)ater*) (ЭССЯ 5: 178; Pokorny I: 277) к. 10 'дочь' т. 12 «Степени родства»;
7. *//edl-a* (**edla* < и.-е. **ed^h-lo-*) (Borys 2005: 215) к. 23 'пихта' т. 3 «Растительный мир»;
8. *gor-a* (**gora* < и.-е. **g^uor-*) (ЭССЯ 7: 29) к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»;
9. *gord-ъ* (**gordъ* < и.-е. **ghordh-* / **ghordho*) (ЭССЯ 7: 36) к. 45 'город' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
10. *grub-ъ* (**grubъ* < и.-е. *g^wreu-*: **g^wrou-*: **g^wru-*) (Фасмер I: 462; ЭССЯ 7: 145) к. 20 'толстый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
11. *xvoj-a* (**xvoja* < и.-е. **skhujāt*, **sk(h)uoi-*) (Фасмер IV: 233; Pokorny I: 958) к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»;
12. *jeṭr-a* (**jeṭro* < и.-е. **entro-*) (Machek 1968: 218; Bezlaḡ: 230) к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек»;
13. *jьkr-a* (**jьkpa* < и.-е. **jékup(t)*, **ik^uōr-*) (ЭССЯ 10: 217; Borys 2005: 197) к. 45 'икра, мышца ноги ниже голени' т. 9 «Человек»;
14. *kor-a* (**kora* < и.-е. *(s)*ker-/*(s)kēr-/*(s)kor-*) (Фасмер II: 321; ЭССЯ 11: 23) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
15. *kor-a* (**kora* < и.-е. *(s)*ker-/*(s)kēr-/*(s)kor-*) (Фасмер II: 321; ЭССЯ 11: 23) к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
16. *kos-ъ* (**kosъ* < и.-е. **kes-*, **kos-*) (Фасмер II: 347; ЭССЯ 11: 177) к. 11 'косоглазый, с косыми глазами' т. 12 «Личные черты человека»;
17. *кърk-ъ* (**кърkъ* < и.-е. **kṛko-*) (ЭССЯ 13: 219) к. 27 'шея' т. 9 «Человек»;
18. *lis-ъ* (**lisъ* < и.-е. диал. *(u)*leipk-*) (ЭССЯ 15: 137) к. 3 'общее название лисицы и название самки лисицы' т. 1 «Животный мир»;
19. *lov-ъ* (**lovъ* < и.-е. **lāu*: **lau*) (ЭССЯ 16: 111) к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
20. *mogyl-a* (**mogyla* < и.-е. **meġh-*) (Фасмер III: 634; ЭССЯ 20: 115) к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»;
21. *myš-a* (**myšъ* < и.-е. **mūs-*) (ЭССЯ 21: 64) к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»;
22. *nos-ъ* (**nosъ* < и.-е. **nās-*) (Фасмер III: 84; ЕСУМ 4: 102) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»;
23. *орт-a*, *орт-e*, *орт-o* (**orto* < и.-е. **arəmo-*) (Borys 2005: 510) к. 28 'плечо, часть туловища от шеи до руки' т. 9 «Человек»;
24. *os-a* (**orsa* < и.-е. **ak^u-*) (ЭССЯ 36: 36–37) к. 34 'осина' т. 3 «Растительный мир»;

25. *qs-y*, *qs-a*, *vqs-y*, *vqs-a*, *qs-ě*, *vqs-ě* (**qs-y* < и.-е. **цond-so*- < **цend*-) (Boryś 2005: 1500) к. 24 'усы' т. 9 «Человек»;
26. *pěn-a* (**pěna* < и.-е. *(*s*)*poina*, **spáinā*, *(*s*)*peina*, *(*s*)*poimno*-) (Фасмер III: 231; ЕСУМ 4: 406) к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
27. *plast-ъ* (**plastъ* < и.-е. **plat-t*:- **plet*:- **plot*:- **plt*-) (Фасмер III: 273; Pokorny I: 833) к. 34 'валик земли, откладываемый плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»;
28. *pust-Ъ* (**pustъ* < и.-е. **raus-t*-) (Фасмер III: 411; Pokorny I: 790) к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
29. *reĭb-Ъ* (**jreĭbъ* < и.-е. **ererbh*:- **rebh*-) (Фасмер III: 535) к. 7 'имеющий веснушки' т. 12 «Личные черты человека»;
30. *rud-Ъ* (**rudъ* < и.-е. **roudh*-, **reudh*-, **rudh*-) (Фасмер III: 513; Pokorny I: 872) к. 5 'рыжий' т. 12 «Личные черты человека»;
31. *sel-o* (**sel-o* < и.-е. **sedlo* или и.-е. **sel*:- **sol*-) (Фасмер III: 596, ЕСУМ 5: 209) к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
32. *slov-o* (**slovo* < и.-е. **k'leu*, **k'lou*) (Фасмер III: 673) к. 76 'слово' т. 9 «Человек»;
33. *sqk-a* (**sqka* < и.-е. **k'úqōn*/**k'unos*) (Фасмер III: 798; Pokorny I: 632) к. 15 'собака-самка' т. 2 «Животноводство»;
34. *skor-a* (**skora* < и.-е. *(*s*)*ker*-) (Boryś 2005:16) к. 22 'кожа человека' т. 9 «Человек»;
35. *skot-ъ* (**съкотъ* < и.-е. **ket*:- **kot*:- **kt*-) (Фасмер III: 655) к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»;
36. *stav-e*, *stav-y* (**stavъ* < и.-е. **stau*/**stōu*-) (Фасмер III: 810; Boryś 2005: 576) к. 40 'суставы' т. 9 «Человек»;
37. *stroč-b* (**stročъ* < и.-е. **strečk*-) (Boryś 2005: 580) к. 15 'стручок' (например, гороха, фасоли) т. 4 «Сельское хозяйство»;
38. *stryj-ь* (**stryjъ* < и.-е. **rətrujo*- (Boriś 2005: 583; Трубаев 1959: 79) к. 34 'брат отца' т. 11 «Степени родства»;
39. *stĭbl-b*, *stĭbl-o*, *stĭbl-a* (**stĭblo* < и.-е. **stĕib(h)*-, **stib(h)*-) (Фасмер III: 750) к. 2 'ствол, часть дерева от земли до кроны' т. 3 «Растительный мир»;
40. *svekr-a*, *svekr-y* (**svekry* < и.-е. **sŭek'rū-s*) (Фасмер III: 571) к. 35 'мать мужа' т. 11 «Степени родства»;
41. *svet-o* (**svetъ* < и.-е. **k'cen*-) (Фасмер III: 585) к. 39 'праздник' т. 10 «Народные обычаи»;
42. *syт-Ъ* (**syтъ* < и.-е. **sŭt*-, **sou*-, **sŭ*-) (Фасмер III: 821) к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

43. *tan-b, tun-b* (**tunь* < и.-е. **ten-*, **teun-*) (ЕСУМ т. 5: 676) к. 54 ‘дешевый, недорогой’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
44. *tvar-b* (**tvaгъ* < и.-е. **ṭer-*, **ṭōr-*, **twer*) (Boryś 2005: 656; Pokorny I: 1101) к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»;
45. *ṭrn-b* (**ṭrn-ь* < и.-е. *(*s*)*ter-n-*) (Фасмер IV: 48; Pokorny I: 1031) к. 13 ‘колючка, шип’ т. 3 «Растительный мир»;
46. *var-b* (**vaгъ* < и.-е. **ṭer-*, **wer-*) (Фасмер I: 273) к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
47. *věn-o* (**věno* < и.-е. **uedmno-*) (Фасмер I: 291; Rejzek: 705) к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи»;
48. *věk-o, věk-a, věk-ь, věk-y* (**věko* < и.-е. **wēk-*, **wōk-*) (Фасмер I: 286) к. 9 ‘глазное веко’ т. 9 «Человек»;
49. *vin-o* (**vino* < и.-е. **vīn-*) (Фасмер I: 316; Pokorny I: 1121) к. 8 ‘виноград’ т. 4 «Сельское хозяйство»;
50. *vъrg-y* (**vъrga* < и.-е. **ṭerg^h*) (Boryś 2005: 678) к. 17 ‘губы’ т. 9 «Человек»;
51. *vъrx-ь* (**vъrxъ* < и.-е. **ṭer-s-*, **wer-s-*, **wr-s-*) (Фасмер I: 301; Pokorny I: 1151) к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
52. *vъs-b* (**vъсь* < и.-е. **ṭk’-i-s*) (Š-Šewc 1983: 1617); или и.-е. **ṭik-/ṭeik-/ṭoik-o-*) (Фасмер I: 305; Boryś 2005: 696) к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
53. *zob-ь* (**zobъ* < и.-е. **g’ebh-*) (Фасмер II: 102; Pokorny I: 382) к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир»;
54. *zvēr-e* (**zvěръ* < и.-е. **ǵhwēr*) (Фасмер II: 87); или и.-е. **ǵ^hwūēr*) (Boryś 2005: 746) к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир».

Итак, картографирование лексем, имеющих непроеизводные основы, индоевропейские соответствия и распространенных в диалектах двух славянских языковых групп, показало, что они локализируются в пространстве *terra Slavica* неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума (см. карту-схему 109).

При этом самая высокая степень их концентрации наблюдается в **польских** диалектах (причем особенно в малопольских говорах в пп. 291–295, 301–304, 306–307, 309, 312–315, 318–323, 325) и значительно реже в мазовецких (в основном в пп. 264, 271, 273–275, 283, 285–287, 295–296) и великопольских (в пп. 248, 254, 256, 259–261, 269–270, 278, 280–281).

Нельзя не согласиться с О. Н. Трубачевым, что “кучность однородных славянских названий характеризует зоны экспансии, колонизованные районы, а не очаг возникновения, который по самой логике должен давать неяркую, смазанную картину” (Трубачев 2003: 18). А это значит, что этот ареал сформировался уже после того, как южнославянские диалекты были

оторваны от западно- и восточнославянских, но до окончательного распада славянского языкового единства, т. е. эти ареалы являются, скорее всего, вторичными.

* * *

Логика исследования различных ареальных сценариев современной Славии требует описания и таких ареалов праславянских лексем, которые существуют в рамках лишь **одной языковой группы**, но при этом обладают индоевропейскими соответствиями и являются непроеизводными. Следует сразу отметить, что этот материал и в лингвистическом, и топографическом отношении является небольшим, поэтому здесь нет многих ареальных сценариев, характерных для общеславянских ареалов.

1. Лексема распространена в диалектах только восточнославянской языковой группы и не выходит за ее пределы

1.1. Лексема плотно покрывает территорию всей восточной Славии. Такие ареалы встречаются довольно редко, причем интересно, что они присутствуют только в томе, посвященном человеку, ср.:

rbt-ъ (**rbtъ* < и.-е. **reu-*: **rou-*) (Фасмер III: 507) к. 16 'рот' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 110): лексема плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *pyšk-ъ*, а в северо-западных белорусских — лексема *gob-a*;

lъb-ъ (**lъbъ* < и.-е. **lūbh*: **leubh*: **loubh-*) (Фасмер II: 507; Pokorny I: 690) к. 5а 'лоб человека' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 111): лексема широко распространена в восточнославянских диалектах за исключением некоторых юго-западных украинских говоров, где ее ареал ограничивает лексема *čel-o*.

1.2. Лексема имеет восточнославянское распространение, но в ее локализации существуют ограничения.

Значительно чаще на территории восточной Славии встречаются разрушенные ареалы лексем, поскольку праславянские лексемы постепенно вытеснялись региональными диалектизмами, так как язык находится в постоянном развитии. При этом на картах Атласа хорошо видно, что в эволюции лингвистического пространства восточной Славии прослеживается определенная повторяемость, что позволяет говорить о типологии ареалов лексем, имеющих восточнославянское распространение. Об этом свидетельствуют следующие ареальные сценарии:

1.2.1. Лексема широко распространена в русских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в украинских и белорусских, ср. распространение следующих лексем:

žerb-A (**žerba* < и.-е. **g^uerbh-*, **g^welbh-*, **g^werbh-*) (Фасмер II: 48; Pokorny I: 485) к. 70 ‘жеребая’ (кобыла) т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 112): лексема имеет обширный ареал в русских диалектах и микроареалы — в украинских полесских (пп. 442, 445), среднебелорусских (п. 398) и северо-восточных (пп. 350, 352) говорах;

nistj-b (**niščъjъ* < и.-е. **nīstjo-*) (ЭССЯ 25: 123) к. 59 ‘человек, который просит милостыню’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 113): лексема имеет обширный ареал в русских диалектах и островные ареалы в украинских (преимущественно юго-восточных) и в белорусских северо-восточных и среднебелорусских говорах;

glaz-a, glaz-y (**glazъ* < и.-е. **g(h)el-*) (ЭССЯ 6: 117) к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 114): лексема имеет обширный ареал в русских диалектах и островные ареалы в белорусских;

tъšč-b (**tъščъ* < и.-е. **teus-*: **tous-*: **tus-*) (Фасмер IV: 90; Pokorny I: 1085) к. 22 ‘худой’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 115): лексема широко распространена в русских диалектах и имеет островные ареалы в украинских и белорусских.

Все эти лексемы имеют, как правило, плотный ареал в русских диалектах, тогда как их распространение в украинских и белорусских диалектах ограничено зонами приграничных контактов: в белорусских диалектах это чаще всего северо-восточные говоры, граничащие с Россией, а в украинских — юго-восточные или восточнополесские. Очевидно, что существование этих лексем в украинских и белорусских говорах связано, скорее всего, с влиянием русских диалектов.

1.2.2. Лексема имеет обширный ареал в русских и белорусских диалектах и ограниченный — в украинских. Эта ареальная ситуация встречается довольно редко, ср. распространение следующих лексем:

||ēd-a (**ēda* < и.-е. **edā*) (ЭССЯ 6: 38) к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: (см. карту-схему 116): лексема имеет обширный ареал в русских и белорусских диалектах, тогда как в украинских он является разреженным, так как наряду с ней широкое распространение получили лексемы *||ēd-j-a*, *||ēd-l-o*, *||ēd-j-en-bj-e* и *sv-trav-a*;

lis-a (**lisa* < и.-е. диал. **(u)leipk-*) (ЭССЯ 15: 137) к. 3 ‘общее название лисицы и лисицы-самки’ т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 117): лексема широко распространена в русских и белорусских диалектах и имеет островной ареал в украинских полесских говорах.

Такой характер ареалов этих лексем, которые являются собственно восточнославянскими диалектизмами, свидетельствует о том, что в украинских диалектах в процессе их языковой эволюции они либо подверглись разрушению, либо образовались сравнительно поздно в процессе междиалектных контактов.

1.2.3. Лексема имеет ограниченный ареал и в русских, и в белорусских, и в украинских диалектах. Этот ареальный сценарий также встречается довольно редко, ср., например, локализацию следующих лексем:

duž-b (**dužьj* < и.-е. **dheugh-*) (Фасмер I: 560; Pokorny I: 271) к. 31 'сильный, обладающий физической силой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 118): лексема имеет разреженные островные ареалы в русских, белорусских и украинских диалектах;

vid-ъ (**vid-ъ* < и.-е. **weid*: **woid*: **wīd-*) (Фасмер I: 312) к. 2а 'лицо' т. 9 «Человек» (см. карту-схему 119): лексема имеет небольшие островные ареалы в белорусских и украинских диалектах.

Как видно из приведенного материала, эти лексемы имеют индоевропейские соответствия, их словообразовательная структура не мотивирована на почве праславянского, кроме того, их ареалы являются, как правило, обширными, хотя и со следами разрушения. Отсутствие их в западно- и южнославянских диалектах позволяет предположить, что они могут служить иллюстрацией диалектной дифференциации праславянского языка.

2. Лексема распространена в диалектах только западнославянской языковой группы и не выходит за ее пределы

2.1. Лексема равномерно покрывает всю территорию западной Славии. В отличие от восточнославянских языков этот ареальный сценарий в западнославянских диалектах на картах «Общеславянского лингвистического атласа» пока не обнаружен.

2.2. Лексема имеет западнославянское распространение, но в ее локализации существуют ограничения. Эта ареальная ситуация представлена довольно выразительно. Причем среди множества ареальных сценариев постоянно выделяется один и тот же, когда:

2.2.1. Лексема широко распространена в чешских диалектах и имеет ограниченные ареалы в других западнославянских языках, ср. распространение следующих лексем:

gon-ъ (**gon-ъ* < и.-е. **g^uhono-s*) (ЭССЯ 7: 27) к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 120): лексема имеет плотный

ареал в чешских диалектах и небольшой островной ареал в польских говорах Силезии;

pysk-y (**pyskь* < и.-е. **pŭ-*) (Boryś 2005: 506) к. 17 ‘губы’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 121): лексема широко распространена в чешских диалектах и имеет островной ареал — в западнословацких говорах;

goba-a (**goba* < и.-е. **gʰeubʰ*) (Boryś 2005: 158) к. 2а ‘лицо’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 122): лексема широко распространена в чешских и польских диалектах и имеет микроареал — в словацких (п. 208);

2.2.2. Лексема имеет ограниченные ареалы в западославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

boln-a (**boln-a* < и.-е. **bhel-*) (ЭССЯ 2: 176) к. 31 ‘пенка на молоке’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареалы в чешских ганацких (пп. 193, 196) и в восточнословацких говорах (п. 225);

mězg-a (**mězga* < и.-е. **meiĝh-*) (ЭССЯ 18: 223) к. 3 ‘смола’ т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет микроареалы в польских (пп. 248, 259) и чешских диалектах (п. 179);

χud-ъ (**χudь* < и.-е. **ksoudo-*) (ЭССЯ 8: 111) к. 63 ‘бедный, неимущий’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 123): лексема имеет обширный ареал в лужицких и чешских диалектах.

Как видно из приведенных материалов, большинство ареалов, характерных только для западославянских диалектов, является ограниченным. Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от ареалов, локализующихся в восточной Славии, среди них практически нет системных, т. е. таких ареалов лексем, которые покрывали бы все западославянские диалекты. Чаще всего это небольшие ареалы, которые имеют разную плотность и конфигурацию.

Такая ареальная картина, существенно отличающаяся от ареалов в трех и двух славянских языковых групп, заставляет предположить, что перед нами позднепраславянские образования, возникшие в процессе исторического развития этих языков, т. е. они отражают определенный период в их истории. Все эти ареалы сформировались в основном в процессе междиалектных контактов, о чем свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в чешских (моравских, ганацких и ляшских), западнословацких и польских говорах Силезии. Причем **в роли языка-донора выступали чаще всего чешские диалекты**. Именно они являлись, как правило, ареалообразующими. Все это дает основания рассматривать эти ареалы как свидетельство контактно-генетического родства западославянских диалектов.

3. Лексема распространена в диалектах только южнославянской языковой группы и не выходит за ее пределы

3.1. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах и равномерно покрывает всю территорию южной Славии. Этот ареальный сценарий также, как и в западнославянских языках, на картах «Общеславянского лингвистического атласа» практически не встречается.

В качестве довольно близкой иллюстрации можно привести ареалы следующих лексем, которые широко распространены во всех южнославянских диалектах, за исключением словенских:

skop-ъ (*skopъ < и.-е. *(s)komp-) (БЕР 6: 817); или < *(s)kem-, *(s)kom- (Фасмер III: 662) к. 53 'дорогой, недешевый' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 124): лексема имеет обширный ареал во всех южнославянских диалектах, за исключением словенских, где получила распространение лексема *dorg-ъ*;

drъv-o (*drъvo < и.-е. *dru(ǵ), *dreǵ) (ЭССЯ 5: 142) к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 125): лексема широко распространена в сербских, хорватских, македонских и болгарских диалектах.

3.2. Лексема имеет южнославянское распространение, но в ее локализации существуют ограничения. В отличие от предшествующей ситуации, этот ареальный сценарий встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

3.2.1. Лексема широко распространена в сербских и хорватских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в других южнославянских языках, ср. распространение следующих лексем:

tvъrd-ъ (*tvъrdъjъ < и.-е. *tǵer, *tǵor-: *tur-: *tǵerǵ-) (Фасмер IV: 32; Rokorny I: 1101) к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 126): лексема широко распространена в сербских и хорватских диалектах, имеет небольшой островной ареал в македонских и микроареал — в словенских говорах (пп. 5, 21);

mъrv-y (*mъrva < и.-е. *mer-) (ЭССЯ 21: 151) к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 127): лексема имеет обширный ареал в сербских и хорватских диалектах и островной — в приморских говорах Словении;

ort-b (*ortъ < и.-е. *rtiǵ-) (Skok 3: 112; ЭССЯ 32: 214) к. 67 'война' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 128): лексема широко распространена в сербских и хорватских диалектах, имеет островные ареалы в македонских северо-западных говорах;

3.2.2. Лексема широко распространена в хорватских и словенских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в других южнославянских языках, ср. распространение следующих лексем:

gьrtъ (*gьrtъ < и.-е. *grūdmo) (ЭССЯ: 6: 159) к. 9 ‘куст’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 129): лексема широко распространена в хорватских и словенских диалектах, имеет ограниченные островные ареалы в сербских говорах Боснии и Герцеговины, в македонских северных и западных говорах и микроареалы — в болгарских западных (пп. 116, 117) и юго-восточных (пп. 144, 145) говорах;

lěpъ (*lěpъ < и.-е. *leip-) (ЭССЯ 14: 227) к. 30 ‘красивый’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 130): лексема широко распространена в словенских, хорватских и сербских диалектах и имеет островной ареал — в македонских;

3.2.3. Лексема широко распространена в македонских и болгарских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в других южнославянских языках, ср. распространение лексемы:

golēmъ (*golēmъ как архаизм, реликт и.-е. суперлатива (ЭССЯ 5: 203) к. 18 ‘большой (по размеру, объему)’ т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 131): лексема имеет обширный ареал в македонских и болгарских диалектах и небольшой островной ареал — в сербских;

3.2.4. Лексема имеет ограниченные ареалы в южнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

хоръ-а (*хоръа < и.-е. *хоръ-) (ЭССЯ 8: 76) к. 54 ‘все, что употребляются людьми в пищу, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 132): лексема имеет разреженные ареалы в сербских, хорватских и словенских диалектах, островной ареал — в болгарских юго-западных и северо-восточных говорах;

velъ-ъ (*velъъ < и.-е. *цел-, *wel-) (Фасмер I: 289; Pokorny I: 1138) к. 18 ‘большой’ (по размеру, объему) т. 12 «Личные черты человека»: лексема имеет небольшие островные ареалы в хорватских (пп. 24–25, 56) и сербских (пп. 73–74) диалектах;

žedъ (*žedъ < и.-е. *gʰedh-) (Фасмер II: 33, Pokorny I: 488) к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет небольшие островные ареалы в македонских, сербских и болгарских диалектах и микроареал — в хорватских (п. 34);

bojъ (*bojъ < и.-е. *bhojos ЭССЯ 3: 167) к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет островные ареалы в хорватских чакавских диалектах, в говорах Эгейской Македонии;

микроареалы — в сербских переселенческих призренско-тимокских говорах (п. 168) и в болгарских говорах (п. 167) в Банате;

borv-ъ (**borvъ* < и.-е. **bhoru*) (ЭССЯ 3: 215) к. 5 ‘кастрированный самец овцы’ т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 133): лексема распространена в македонских диалектах и имеет микроареалы в хорватских (пп. 34, 65);

stbbl-o (**stǵblo* < и.-е. **stēib(h)-*, **stib(h)-*) (Фасмер III: 750; Skok 2: 323) к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»: лексема распространена в хорватских диалектах и имеет микроареал — в словенских (п. 6);

měx-ъ (**měxъ* < и.-е. **maiso-s*, **moiso-s*) (Фасмер II: 612; ЭССЯ 17: 156) к. 50а ‘живот человека’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 134): лексема имеет обширный ареал в македонских диалектах и микроареал — в болгарских (п. 119);

burn-y (**burna* < и.-е. **bhrnā*) (БЕР 1: 103) к. 17 ‘губы’ т. 9 «Человек»: лексема имеет островной ареал в юго-восточных болгарских говорах и микроареал — в македонских (п. 113а).

Итак, ареалы лексем, которые характерны для диалектов лишь южнославянских языков и не выходят за их пределы, являются, как правило, ограниченными. Обширные ареалы локализуются в основном в сербских и хорватских диалектах.

Анализ различных ареальных сценариев, существующих в диалектах южной Славии, показал, что, в отличие от западнославянских языков, в южнославянских языках довольно трудно выделить диалекты какого-либо одного языка, которые являлись бы ареалообразующими диалектами-донорами (хотя, как свидетельствуют материалы карт, на роль такого языка могли бы претендовать хорватские и сербские диалекты, которые чаще всего участвуют в формировании ареалов).

Все это дает основания рассматривать эти ареалы как свидетельство контактно-генетического родства южнославянских диалектов. Об этом говорит и наличие ярко выраженных диалектных зон, расчленяющих южную Слaviю на три части: северо-западную, центральную и юго-восточную.

* * *

Анализ лексем, имеющих непроеизводные основы и индоевропейские соответствия и распространенных в рамках диалектов одной языковой группы, позволил определить следующий набор лексем, характерных для диалектов каждого славянского языка в отдельности.

Русские диалекты

duž-b к. 31 'сильный, обладающий физической силой (о человеке)' т. 12 «Личные черты человека»; *//ěd-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *glaz-a* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *lis-a* к. 3 'общее название лисицы и лисицы-самки' т. 1 «Животный мир»; *ľb-b-ъ* к. 5а 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *nistj-ь* к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *rъt-ъ* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *ťšč-b* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *žerb-a* к. 70 'жеребая' (кобыла) т. 2 «Животноводство».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в русских диалектах, хотя нельзя не отметить их особенно высокую концентрацию в севернорусских, причем преимущественно в вологодских (в пп. 567–568, 588–592, 597, 603, 611, 614, 616, 618–620, 622–627, 638–639, 641–644, 646, 648, 668), костромских (в пп. 640, 647, 664–667, 670–671, 673, 682, 684–690, 702–704, 707, 709) и архангельских (в пп. 531–532, 535, 537, 540–542, 547–549, 554, 557, 569–572, 574–575, 577, 596, 604) говорах.

Украинские диалекты

duž-b к. 31 'сильный, обладающий физической силой (о человеке)' т. 12 «Личные черты человека»; *//ěd-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lis-a* к. 3 'общее название лисицы и лисицы-самки' т. 1 «Животный мир»; *ľb-b-ъ* к. 5а 'лоб человека' т. 9 «Человек»; *nistj-ь* к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *rъt-ъ* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *ťšč-b* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *vid-ъ* к. 2а 'лицо' т. 9 «Человек»; *žerb-a* к. 70 'жеребая' (кобыла) т. 2 «Животноводство».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они более менее равномерно распределяются в украинских диалектах, и здесь практически отсутствуют говоры, в которых их концентрация является максимальной (ср. единичный пункт 494 в юго-восточных украинских говорах).

Белорусские диалекты

duž-b к. 31 'сильный, обладающий физической силой (о человеке)' т. 12 «Личные черты человека»; *//ěd-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *glaz-a* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *lis-a* к. 3 'общее название лисицы и лисицы-самки' т. 1 «Животный мир»; *ľb-b-ъ* к. 5а 'лоб человека' т. 9 «Человек»;

nistj-ъ к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *ryt-ъ* к. 16 'рот' т. 9 «Человек»; *tyšć-ъ* к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *vid-ъ* к. 2а 'лицо' т. 9 «Человек»; *žerb-a* к. 70 'жеребая' (кобыла) т. 2 «Животноводство».

В белорусских диалектах ситуация повторяется, поскольку и здесь практически отсутствуют говоры, в которых концентрация этих лексем является максимальной (ср. единичные пункты 349 в северо-восточных белорусских говорах и п. 400 в среднелитовских).

Польские диалекты

gon-ъ к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gqb-a* к. 2а 'лицо' т. 9 «Человек»; *mězg-a* к. 3 'смола' т. 3 «Растительный мир».

Лужицкие диалекты

χud-ъ к. 63 'бедный, неимущий' т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Чешские диалекты

boln-a к. 31 'пенка на молоке' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gon-ъ* к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gqb-a* к. 2а 'лицо' т. 9 «Человек»; *χud-ъ* к. 63 'бедный, неимущий' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mězg-a* к. 3 'смола' т. 3 «Растительный мир»; *pyšk-y* к. 17 'губы' т. 9 «Человек».

Словацкие диалекты

boln-a к. 31 'пенка на молоке' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gqb-a* к. 2а 'лицо' т. 9 «Человек»; *pyšk-y* к. 17 'губы' т. 9 «Человек».

В западнотрансильванских языках ареалогическая ситуация свидетельствует о том, что здесь отсутствуют говоры, в которых концентрация этих лексем является максимальной (хотя с некоторой долей условности можно было бы говорить о чешских диалектах).

Словенские диалекты

gyrt-ъ к. 9 'куст' т. 3 «Растительный мир»; *χqrn-a* к. 54 'все, что употребляется людьми в пищу, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lěp-ъ* к. 30 'красивый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *myrv-y* к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *stěbl-o* к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир»; *tvěrd-ъ* к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они более менее равномерно распределяются в словенских диалектах, и здесь отсутствуют говоры, в которых их концентрация является максимальной.

Хорватские диалекты

boj-ь к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *borv-ь* к. 5 ‘кастрированный самец овцы’ т. 2 «Животноводство»; *dr̥v-o* к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»; *gьrm-ь* к. 9 ‘куст’ т. 3 «Растительный мир»; *xor̥n-a* к. 54 ‘все, что употребляется людьми в пищу, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *l̥ep-B* к. 30 ‘красивый’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *тьrv-y* к. 19 ‘крошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ort-ь* к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skop-ь* к. 53 ‘дорогой, недешевый’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *st̥bbl-o* к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»; *tv̥rd-B* к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека»; *vel-j-B* к. 18 ‘большой’ (по размеру, объему) т. 12 «Личные черты человека»; *žed-ь* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что максимальная их концентрация наблюдается в кайкавских и чакавских говорах в пп. 28, 30, 32, 36, 43, 49, 56), а также в икавских (в пп. 33, 39, 45–46, 48, 57).

Сербские диалекты

boj-ь к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dr̥v-o* к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»; *gol̥m-B* к. 18 ‘большой’ (по размеру, объему) т. 12 «Личные черты человека»; *gьrm-ь* к. 9 ‘куст’ т. 3 «Растительный мир»; *xor̥n-a* к. 54 ‘все, что употребляется людьми в пищу, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *l̥ep-B* к. 30 ‘красивый’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *тьrv-y* к. 19 ‘крошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ort-ь* к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skop-ь* к. 53 ‘дорогой, недешевый’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *tv̥rd-B* к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека»; *vel-j-B* к. 18 ‘большой’ (по размеру, объему) т. 12 «Личные черты человека»; *žed-ь* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

В сербских диалектах высокая степень сохранности этих праславянских лексем наблюдается в восточно-герцеговинских (пп. 38, 60–61, 66–68), зетско-сенинских (пп. 71–72, 74) и косовско-ресавских (пп. 79, 81–82) говорах.

Македонские диалекты

boj-ь к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *borv-ь* к. 5 ‘кастрированный самец овцы’ т. 2 «Животноводство»; *dr̥v-o* к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»; *gol̥m-B* к. 18 ‘большой’ (по размеру,

объему) т. 12 «Личные черты человека»; *gъrm-ъ* к. 9 ‘куст’ т. 3 «Растительный мир»; *lěp-ъ* к. 30 ‘красивый’ (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»; *ort-ъ* к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skop-ъ* к. 53 ‘дорогой, недешевый’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *tvъrd-ъ* к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека»; *žed-ъ* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они относительно равномерно распределяются в македонских диалектах, и лишь в западных македонских говорах (пп. 90, 101) наблюдается высокая степень их концентрации.

Болгарские диалекты

boj-ъ к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *drъv-o* к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»; *gъrm-ъ* к. 9 ‘куст’ т. 3 «Растительный мир»; *golēm-ъ* к. 18 ‘большой’ (по размеру, объему) т. 12 «Личные черты человека»; *xorъn-a* к. 54 ‘все, что употребляется людьми в пищу, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skop-ъ* к. 53 ‘дорогой, недешевый’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *žed-ъ* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Ареалогический анализ этих лексем свидетельствует о том, что они более менее равномерно распределяются в болгарских диалектах, и здесь отсутствуют говоры, в которых их концентрация является максимальной.

* * *

Лингвогеографический анализ праславянских лексем с непроизводной основой и индоевропейскими соответствиями позволил определить их репертуар, в котором также можно выявить максимальную модель, которая, естественно, по языкам варьируется. При этом интересно отметить, что эта максимальная модель полнее всего представлена в **хорватских и сербских диалектах**.

Максимальную модель образуют следующие лексемы:

1. *boj-ъ* (*bojъ < и.-е. *bhojos) (ЭССЯ 3: 167) к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
2. *bolъn-a* (*bolъn-a < и.-е. *bhel-) (ЭССЯ 2: 176) к. 31 ‘пенка на молоке’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
3. *borъv-ъ* (*borъvъ < и.-е. *bhor-и) (ЭССЯ 3: 215) к. 5 ‘кастрированный самец овцы’ т. 2 «Животноводство»;
4. *drъv-o* (*drъvo < и.-е. *dru(у), *dreц) (ЭССЯ 5: 142) к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир»;

5. *duž-b* (*dužj < и.-е. *dheugh-) (Фасмер I: 560; Pokorny I: 271) к. 31 'сильный, обладающий физической силой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
6. *glaz-a* (*glazъ < и.-е. *g(h)el-) (ЭССЯ 6: 117) к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»;
7. *golēm-b* (< и.-е. *golēmъ) (ЭССЯ 5: 203) к. 18 'большой' (по размеру, объему) т. 12 «Личные черты человека»;
8. *gon-b* (*gonъ < и.-е. *g^hono-s) (ЭССЯ 7: 27) к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
9. *gqb-a* (*gqba < и.-е. *g^heuḅ^h) (Boryś 2005: 158) к. 2а 'лицо' т. 9 «Человек»;
10. *gьrm-b* (*gьrmъ < и.-е. *grūdmo) (ЭССЯ: 6: 159) к. 9 'куст' т. 3 «Растительный мир»;
11. *horn-a* (*hornъ < и.-е. *horn-) (ЭССЯ 8: 76) к. 54 'все, что употребляется людьми в пищу, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
12. *χud-b* (*χudъ < и.-е. *ksoudo-) (ЭССЯ 8: 111) к. 63 'бедный, неимущий' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
13. *//ēd-a* (*ēda < и.-е. *edā) (ЭССЯ 6: 38) к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
14. *lěp-b* (*lěrpъ < и.-е. *leip-) (ЭССЯ 14: 227) к. 30 'красивый' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
15. *lis-a* (*lisa < и.-е. диал. *(u)leipk-) (ЭССЯ 15: 137) к. 3 'общее название лисицы и лисицы-самки' т. 1 «Животный мир»;
16. *lъb-b* (*lъbъ < и.-е. *lūbh: *leubh: *loubh-) (Фасмер II: 507; Pokorny I: 690) к. 5а 'лоб человека' т. 9 «Человек»;
17. *mězg-a* (*mězga < и.-е. *meiġh-) (ЭССЯ 18: 223) к. 3 'смола' т. 3 «Растительный мир»;
18. *mьrv-y* (*mьrva < и.-е. *mer-) (ЭССЯ 21: 151) к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;
19. *nistj-b* (*niščъь < и.-е. *nīstjo-) (ЭССЯ 25: 123) к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
20. *qrt-b* (*qrtъ < и.-е. *rtik-) (Skok 3: 112; ЭССЯ 32: 214) к. 67 'война' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;
21. *pysk-y* (*pysкъ < и.-е. *rū- (Boryś 2005: 506) к. 17 губы т. 9 «Человек»;
22. *rъt-b* (*rъtъ < и.-е. *reu-: *rou- (Фасмер III: 507) к. 16 'рот' т. 9 «Человек»;
23. *skqp-b* (*skqpъ < и.-е. *(s)komp-) (БЕР 6: 817; *(s)kem-, *(s)kom- Фасмер III: 662) к. 53 'дорогой, недешевый' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

24. *stbbl-o* (*stǫblo < и.-е. *stěib(h)-, *stib(h)-) (Фасмер III: 750; Skok 2: 323) к. 1 'растущее дерево' т. 3 «Растительный мир»;
25. *tvьrdъ* (*tvьrdъjъ < и.-е. *tǫer, *tǫor-, *tur-, *tǫerā- (Фасмер IV: 32; Pokorny I: 1101) к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека»;
26. *tvьščъ* (*tvьščъ < и.-е. *teus-, *tous-, *tus- (Фасмер IV: 90; Pokorny I: 1085) к. 22 'худой' (о человеке) т. 12 «Личные черты человека»;
27. *vel-jъ* (*velъjъ < и.-е. *cel-, *wel- (Фасмер I: 289; Pokorny I: 1138) к. 18 'большой' (по размеру, объему) т. 12 «Личные черты человека»;
28. *vidъ* (*vidъ < и.-е. *weid, *woid, *wīd- (Фасмер I: 312) к. 2а 'лицо' т. 9 «Человек»;
29. *žerbъ* (*žerba < и.-е. *g^uerbh-, *g^welbh-, *g^werbh- (Фасмер II: 48; Pokorny I: 485) к. 70 'жеребая' (кобыла) т. 2 «Животноводство»;
30. *žedъ* (*žedъ < и.-е. *g^uhedh- (Фасмер II: 33, Pokorny I: 488) к. 9 'желание, потребность пить' т. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Итак, картографирование лексем, имеющих непроеизводные основы, индоевропейские соответствия и распространенных в диалектах одной языковой группы, показало, что они локализируются в пространстве terra Slavia неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума.

При этом самая высокая степень их концентрации наблюдается в **хорватских** (особенно в кайкавских и чакавских говорах в пп. 28, 30, 32, 36, 43, 49, 56), а также в икавских (в пп. 33, 39, 45–46, 48, 57) и **сербских** диалектах (особенно в восточно-герцеговинских в пп. 38, 60–61, 66–68; зетско-сеникских в пп. 71–72, 74; и косовско-ресавских в пп. 79, 81–82).

Такая ареальная картина, существенно отличающаяся от ареалов в трех и двух славянских языковых групп, заставляет предположить, что перед нами позднеславянские образования, возникшие в процессе исторического развития этих языков, т. е. и они отражают определенный период в их истории.

* * *

Итак, ареалы лексем, распространенных в рамках диалектов одной языковой группы, дают разную, но при этом устойчиво повторяющуюся картину. Бросается в глаза удивительная лингвистическая стабильность восточнославянского диалектного континуума, обилие лексем, плотно покрывающих территорию всей восточной Славии. В западно- и южнославянских диалектах подобные ареалы отсутствуют, поскольку они, как правило, имеют локально ограниченный характер. Несмотря на разный

характер ареалов праславянских лексем, характерных для восточно-, западно- и южнославянских языков, их объединяет то, что они, как правило, являются свидетельством контактно-генетического родства близкородственных диалектов.

Материалы Атласа, таким образом, говорят о гомогенности восточнославянского диалектного континуума, в отличие от южно- и западнославянских языков, характеризующихся исключительной гетерогенностью. Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему существования праюжнославянского и празападнославянского языков. Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков их бывшее единство было разрушено временем, практическое отсутствие общезападнославянских и общеюжнославянских изоглосс является серьезным аргументом против существования в прошлом их языкового единства⁷.

* * *

Исследование материалов «Общеславянского лингвистического атласа» с точки зрения локализации праславянских лексем, имеющих индоевропейские соответствия и являющихся непроеизводными, показало, что такие лексемы встречаются даже **в рамках одного языка**. Понятно, что этот материал является небольшим, однако логика исследования потребовала описания и этого ареального сценария.

1. Лексема распространена в диалектах только русского языка и не выходит за его пределы

prost-Ъ (*prostъ < и.-е. *prost-) (Фасмер III: 380) к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 135): лексема имеет островной ареал в архангельских и вологодских говорах;

kriv-Ъ (*krivъ < и.-е. *kreiǵo-) (ЭССЯ 12: 171) к. 11 'косоглазый' т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 136): лексема распространена

⁷ Не могу в связи с этим не привести слова Л.В. Куркиной, много и плодотворно занимавшейся проблемой диалектной дифференциации праславянского языка, которая пишет: "При отсутствии специфических южнославянских новообразований едва ли правомерно предполагать для южных славян ступень отдельного существования в рамках праславянского даже для ограниченного периода" (Куркина 1992: 15), ср., также мнение Г. Шустера-Шевца: "Едва ли можно говорить об особой западнославянской диалектной группе (как, впрочем, и южнославянской) как промежуточном звене между праславянским и более поздними собственно западнославянскими языками" (Шустер-Шевц 1983: 39); см. также тезис Трубачева о вторичной окцидентализации серболужицких языков и вторичности появления славян на польских и шире — большей части западнославянских земель (Трубачев 2003: 41).

преимущественно в севернорусских (архангельских, ладого-тихвинских, вологодских и костромских) говорах;

lis-ъ (**lisъ* < и.-е. диал. *(*ǫ*)*leipk-*) (ЭССЯ 15: 137) к. 5 'рыжий' т. 12 «Личные черты человека»: лексема имеет островной ареал в архангельских и вологодских говорах.

Примечательно, что эти лексемы локализируются только в севернорусских (причем в архангельских и вологодских) говорах.

2. Лексема распространена в диалектах только украинского языка и не выходит за его пределы

tolk-a (**tolka* < и.-е. **tolkъ*) (ЕСУМ 5: 594) к. 53 'неогороженное место, где пасется скот' т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 137): лексема имеет довольно обширный ареал в украинских говорах;

žag-a (**žaga* < и.-е. **žēga*, **gēga* < и.-е. **dhegʰh*) (ЕСУМ 2: 191) к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 138): лексема имеет островные ареалы в полесских и юго-западных украинских говорах.

3. Лексема распространена в диалектах только польского языка и не выходит за его пределы

xytr-ъ (**xytrъ* < и.-е. **xytiti*) (ЭССЯ 8: 162; Boryś 2005: 75) к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' т. 12 «Личные черты человека» (см. карту-схему 139): лексема имеет обширный ареал в великопольских и мазовецких говорах;

tryk-ъ (**trykъ* < и.-е. **trykъ* (Brückner 1985: 578) к. 5 'кастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство» (см. карту-схему 140): лексема имеет островные ареалы в малопольских и мазовецких говорах.

4. Лексема распространена в диалектах только лужицкого языка и не выходит за его пределы

rov-ъ (**rovъ* < и.-е. **orvos*) (Фасмер III: 487) к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 141): лексема имеет обширный ареал в лужицких диалектах.

5. Лексема распространена в диалектах только чешского языка и не выходит за его пределы

orb-a (**orbъ* < и.-е. **orbhos*) (Pokorný I: 781; Rejzek 2001: 523) к. 2 ‘женщина’ т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 142): лексема имеет островной ареал в чешских (ганацких, ляшских, моравских) диалектах;

zad-a (**zadъ* < и.-е. **zad-*) (Фасмер II: 73; Reizek 2001: 731) к. 30 ‘спина’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 143): лексема широко распространена в чешских диалектах;

řeš-y (**řeša* < и.-е. **reḥsā*) (Фасмер III: 538; Machek 1968: 529) к. 11 ‘брови’ т. 9 «Человек»: лексема имеет небольшой островной ареал в чешских, ганацких и ляшских говорах.

6. Лексема распространена в диалектах только словенского языка и не выходит за его пределы

mat-i (**mati* < и.-е. **māter*) (Фасмер II: 583; ЭССЯ 20: 254; Bezljaj: 171) к. 35 ‘мать мужа’ т. 11 «Степени родства» (см. карту-схему 144): лексема имеет островные ареалы в словенских диалектах.

7. Лексема распространена в диалектах только хорватского языка и не выходит за его пределы

zqb-i (**zqbъ* < и.-е. **ḡonbhos*, **g’ombhos*) (Фасмер II: 106; Skok 2: 663) к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 145): лексема образует островные ареалы в хорватских кайкавских и чакавских говорах.

8. Лексема распространена в диалектах только сербского языка и не выходит за его пределы

kyk-a (**kyka* < и.-е. **keu-*, **qou-*, **qū-*) (Skok 2: 79) к. 26 ‘коса, заплетенные волосы у женщины’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 146): лексема образует небольшие островные ареалы в шумадийско-воеводинских, смедеревско-вершацких, восточно-герцеговинских и косовско-ресавских говорах.

Как видно из приведенного материала, ареалы этих лексем являются, как правило, островными и только в редких случаях — обширными. Такая ареальная картина, существенно отличающаяся от рассмотренных ранее сценариев, заставляет предположить, что перед нами, скорее всего, поздненаславянские образования, возникшие в процессе исторического развития этих языков. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что значение этих лексем является часто переносным (ср., например, *lis-ъ* к. 5

‘рыжий’ т. 12 «Личные черты человека»; *orb-a* к. 2 ‘женщина’ т. 11 «Степени родства»; *хуtr-Ъ* к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека»). Кроме того, круг родственных слов, иллюстрирующих жизнестойкость праславянского слова, является либо ограниченным, либо вообще отсутствует (как, например, на карте 26 ‘коса, заплетенные волосы у женщины’ т. 9 «Человек» у лексемы *куk-a* или на карте 16 ‘рот’ т. 9 «Человек» у лексемы *zqb-i*). Нельзя, однако, исключить, что некоторые из них являются осколками древних образований.

* * *

Итак, картографирование праславянских лексем, имеющих непроемные основы и индоевропейские соответствия, показало, что в разных пространственных контекстах они сохранились по-разному. Если в общеславянском контексте высокая степень сохранности таких праславянских лексем наблюдается и в южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских), и в западнославянских (и прежде всего польских и чешских), и в восточнославянских (причем преимущественно в украинских), то в рамках двух славянских языковых групп их плотная концентрация наблюдается в западнославянских языках (особенно в польских диалектах), а в ареале одной языковой группы — в южнославянских языках (особенно в хорватских и сербских диалектах).

Общая картина ареального распределения этих праславянских лексем в славянских диалектах выглядит следующим образом:

в **южнославянских** языках высокая степень концентрации праславянских лексем, имеющих непроемные основы и индоевропейские соответствия, наблюдается в **словенских** белоукраинских (п. 15), приморских (пп. 5, 12), штаерских (пп. 10, 17), доленских (пп. 14, 16), ровтарских (пп. 6, 8), паннонских (п. 20) и костелских (п. 13) диалектах, а также в **хорватских** (причем преимущественно кайкавских, пограничных со словенскими, особенно в пп. 26–29, 32) и в отдельных **сербских** (зетско-сенинских пп. 71–72, 74–75, 77–78) говорах;

в **западнославянских** языках высокая концентрации этих лексем наблюдается в **чешских** диалектах (причем в основном западночешских, особенно в пп. 175–184, 186–190), в **польских** (причем особенно в малопольских говорах в пп. 291–295, 301–304, 306–307, 309, 312–315, 318–320, 321–323, 325) и мазовецких (в пп. 263–264, 272, 274, 282–283, 285–286, 295), кроме того, в **словацких** диалектах (западнословацких пп. 208–209; 211–215, 221), среднесловацких (пп. 216–220, 222–224) и восточнословацких (пп. 225–230);

в **восточнославянских** языках высокая концентрация этих праславянских лексем наблюдается в **украинских диалектах** (преимущественно

в юго-западных (особенно в пп. 412–416, 419–422, 427, 429, 432–434, 448, 450, 454, 456, 466–471, 484, 488, 490, 496, 500, 507, 516, 523–524) и полесских говорах (особенно в пп. 402, 404, 417–418, 424–425, 436, 440, 442–447, 459–461, 463).

Причем эти ареалы отличаются не только по устойчивости и количеству охватываемых ими слов, но и по своей древности. Если попытаться эшелонировать их хронологически, то представляется, что эта разная ареальная концентрация праславянских лексем, распространенных в диалектах трех-, двух- и одной славянской языковой группы, свидетельствует о том, что эти ареалы иллюстрируют разные этапы истории славян в освоении ими этих территорий. Выявленные лексические изоглоссы имеют разную глубину во времени: одни из них являются архаизмами, унаследованными из индоевропейской эпохи, другие позднепраславянскими образованиями, сложившимися в эпоху диалектного развития славянских языков.

В большинстве случаев их формирование относится к историческому времени, к эпохе диалектного развития славянских языков. А это значит, что языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени, поскольку “существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве” (Степанов 1975: 304).

Несмотря на то, что на картах «Общеславянского лингвистического атласа» предстает картина, смазанная временем, думается, что сам материал, а главное — его картографическая проекция представляет немалый интерес и дает новую пищу для праязыковых штудий, адекватно отвечающих фактическому материалу. Потому что именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектным членением праславянской языковой общности и хронологической стратификацией картографируемого материала. И об этом убедительно свидетельствует карта.

Конечно, картина дифференциации славянских диалектов отражает их современное состояние и, как мы пытались показать, во многом носит типологический характер, поэтому она не может быть непосредственно спроецирована на плоскость праславянского языка.

Однако изучение проблемы дифференциации славянских языков по материалам «Общеславянского лингвистического атласа» обещает выявить новые интересные данные в системе взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского, поскольку ключ к решению данной проблемы дает лингвогеография с ее методом картографирования и рекартографирования, методом изоглосс и их ретроспективного анализа, позволяющего установить наиболее значимые

межславянские языковые связи. Не случайно лингвогеографический метод исследования прочно вошел в арсенал этимологических разысканий, когда решение о диалектных отношениях праславянской эпохи во многом опирается на территориальное распределение этимологических связей и соответствий. Не могу в связи с этим не привести слова Л. В. Куркиной о том, что “путь к воссозданию диалектной карты праславянского языка лежит через исследование методом изоглосс древнейшего словарного состава отдельных славянских языков и диалектных групп” (Куркина 1992: 9).

Думается, что исследование славянского диалектного континуума с учетом всех микрозон его лингвистического пространства в плане каталогизации подобных ареальных сценариев карт «Общеславянского лингвистического атласа» позволит в будущем не только создать принципиально новую фактографическую базу праславянского лексического фонда, но и подойти к решению главной проблемы славистики — древнего диалектного членения славянского языкового пространства и локализации прародин славян.

ГЛАВА 2

КАРТА О ДИНАМИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» говорят не только о жизни праславянского слова в славянских диалектах, но и позволяют проследить динамику языковых процессов, протекающих в пространстве Славии.

Известно, что языковая эволюция в пространстве и во времени — это эволюция в двух направлениях — дивергентном и конвергентном, причем обе модели, как правило, сосуществуют во времени, синхронно взаимодействуя друг с другом. Благодаря этим процессам происходит формирование сходств и различий славянских языков, обретение каждым из них своего «лица», становление их языкового своеобразия, т.е. таких языковых особенностей, которые выделяют их и противопоставляют друг другу на всем языковом пространстве *terra Slavica*.

О динамике языковых процессов свидетельствует прежде всего факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку часто они находятся в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы *дѣхоръ* (**dъxorъ* < и.-е. **dъxati*) (ЭССЯ 5: 177) к. 8 'хорь' т. 1 «Животный мир», которая широко распространена в диалектах восточной и западной Славии, но имеет ограниченные ареалы в южной (в сербских, болгарских, македонских диалектах), где с ней конкурируют лексемы *дѣхоръ-ькъ*, *дѣхоръ-акъ* (серб.), (*kokarž*)-*a* (блг.), (*kokarž*)-*e* (блг.), *smъrd-ušъk-a* (блг.); на ее бывшее существование в южнославянских диалектах указывают лексемы *дѣхоръ-итъ-ь* (хрв., серб.), *дѣхоръ-ьс-ь* (хрв.) 'хорь'; или ареал лексемы *мѣка* на к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 24), которую в южнославянских диалектах активно теснят лексемы *boršъn-o* (блг. b'rašno), *mel-j-a* (слн. 'mę:la), *mel-iv-o* (серб. mlě:vo). О былом ее существовании в южнославянских диалектах свидетельствуют производные с этим корнем в блг., мак. *мучник*, болг. *мъчник* 'ларь, в который сыпается мука на водяной мельнице' (ЭССЯ 20: 119).

На картах Атласа отчетливо видно, что разрушение ареала лексем, имеющих праславянское происхождение, может происходить как в центре современной Славии, так и на периферии.

Примером разрушения ареала праславянских лексем в центре современной Славии могут служить ареалы лексем *ов-ьс-а* (см. карту-схему 149) и *žen-a* (см. карту-схему 12) в украинских и белорусских диалектах. Ареалы этих лексем являются разорванными, поскольку в этих диалектах они активно вытесняются возникшими на их основе лексемами *žen-ьк-а* и *ов-ьс-ьк-а*.

Что касается периферии, то материалы Атласа говорят о том, что такой периферией чаще всего является юго-восток южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексемы *ob-ěd-ь* к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство приготовление пищи» (см. карту-схему 150), которая имеет обширный ареал в восточной и западной Славии и ограниченный — в южной, где ее вытесняют лексемы *už-in-a*, *roč-ьк-ь*, *pol-u-dьn-e*; или лексемы *sq-sěd-ь* (**sq̃sědъ* < и.-е. **saṃsāt(d)* Фасмер III: 726; ЕСУМ 5: 482) к. 2 'сосед, человек, живущий в соседнем доме' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 151), которая широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и хорватских, но имеет ограниченный ареал в сербских диалектах (шумадийско-воеводинских, восточно-герцеговинских, зетско-сеникских и косовско-ре-савских) и точечный в северо-восточных болгарских (п. 128), поскольку здесь получила широкое распространение лексема турецкого происхождения (*komš*)-*i-j-a*; сходный ареал имеют и лексемы *myš-ь* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 20); *ot-ьс-ь* к. 7 т. 5 «Рефлексы *о» и др.).

Особенно много ареалов такого типа представлено на картах фонетических томов Атласа, ср., например, карты *он-ь* (**onъ* < и.-е. **eno-/ono-/no-* Фасмер III: 140; Шапошников 2: 69); *огн-ь* (**ognъ* < и.-е. **ognis/egnis* Фасмер III: 78; ЕСУМ 1: 414); *овьс-ь* (**ovьsъ* < и.-е. **awiġ-* Фасмер III: 113; ЕСУМ 4: 150); *stol-ь* (**stolъ* < и.-е. **st(h)el-* Фасмер III: 764; ЕСУМ 5: 419); *dom-ь* (**domъ* < и.-е. **dōm-, dēm-, dṛn* Фасмер I: 526; ЭССЯ 5: 72); *дьн-о* (**dьno* < **dьbno* < и.-е. **dhubh-/dheubh-* Фасмер I: 519; ЭССЯ 5: 174); *gor-a* (**gora* < и.-е. **gʷer-, gʷor* — Фасмер I: 438; ЭССЯ 7: 29); *sax-a* (**soxa* < и.-е. **kāk-* Фасмер III: 729; ЕСУМ 5: 362); *nog-a* (**noga* < и.-е. **onogh-, ongh-, ŋgh-* Фасмер III: 78; ЭССЯ 25: 161); *kost-ь* (**kostъ* < и.-е. **ost-* ЭССЯ 11: 167), *gost-ь* (**gostъ* < и.-е. **ghost(i)s* ЭССЯ 7: 67), *pot-ь* (**potъ* < и.-е. **proktos* Фасмер III: 342; ЕСУМ 4: 417), *voj-ьн-a* (**vojьna* < и.-е. **ueia-, uei-* Фасмер I: 334; ЕСУМ 1: 431), *topor-ь* (**toporъ* < и.-е. **ter-/top-* Фасмер IV: 79; Шапошников 2: 422) т. 5 «Рефлексы *о» или карты *led-ь* (**ledъ* < и.-е. **ledu-* ЭССЯ 14: 91), *nes-l-ь* (**nesъ* < и.-е. **nesti* < и.-е. **neĕk-, neĕk,* **ŋk-* Фасмер III: 67; ЭССЯ 25: 19); *pepel-ь* // *popel-ь* (**pepeļь* // **popelъ* < и.-е. **pel-/pol-* Фасмер III: 234; Шапошников 2: 117) т. 6 «Рефлексы *е» и др.

Плотный ареал лексем, имеющих праславянское происхождение, в восточно- и западнославянских языках и дискретный — в южнославянских является свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей. Эти ареалы сформировались в достаточно древний период, еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских. Показательно, что разрушение ареалов этих общеславянских лексем происходит именно в южнославянских диалектах, причем и на юго-восточной периферии (ср. ареалы лексем *on-ъ, ot-ъc-ъ, dom-ъ, kost-ъ, nog-a, gor-a, dъn-o*), и на юго-западной (ср. ареалы лексем *gost-ъ, sox-a, dъb-ъ*), и в центральной части (ср. ареалы лексем *ogn-ъ, ovsъ-ъ, pot-ъ, stol-ъ, topor-ъ, kръt-ъ*).

Другой такой периферией *terra Slavia*, где часто наблюдается разрушение ареалов праславянских лексем, являются русские диалекты, в которых лексемы, имеющие праславянское происхождение, локализуются часто или в латеральном ареале на границе с украинскими и белорусскими диалектами, или в небольшом островном ареале, ср., например, распространение лексемы *večer-j-a* (см. карту-схему 10) к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими; витальность этой древней лексемы в русских диалектах, граничащих с украинскими и белорусскими, во многом поддерживается благодаря именно этим диалектам, в которых она имеют повсеместное распространение; ср. также локализацию лексемы *(j)agn-ę* к. 29 Nsg '(j)agne' т. 2 «Животноводство», которая широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных и западнopoлесских говорах и микроареал — в южнорусских (пп. 841, 846).

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, в соответствии с которой архаизмы лучше сохраняются на окраине, нежели в центре.

Карты Атласа свидетельствуют о том, что ареалы архаизмов часто локализуются не на периферии, а в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Как свидетельствуют

карты Атласа, вся периферия Славии подвержена разрушительным процессам.

Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво говорят о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления. В этом смысле показательна сама типология процесса разрушения ареалов архаичных лексем: этот процесс связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой, в которой сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *krъt-ič-ic-a*, *krъt-in-a*, *krъt-ъk-ъ* на к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *žen-ъk-a* на к. 57 **žena* т. 6 «Рефлексы *е»; // *ež-ъk-ъ*, // *ež-ak-ъ*, // *ež-ik-ъ* на к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир»; *měst-ъc-e* на к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *myš-ъk-a* на к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *dъb-ov-in-a*, *dъb-ov-o dъrv-o* на к. 28 'древесина дуба' т. 3 «Растительный мир»; *zvěr-e*, *zvěr-in-a* на к. 1 'дикое животное, зверь' т. 1 «Животный мир»; *květ-ъk-ъ* на к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»; *pъs-ъk-ъ* на к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство», *tyrn-in-a* на к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир» и т. д.). Это говорит о том, что "историческая последовательность языковых событий записывается, так сказать, географией на данной территории, где запись эту остается только прочесть" (Теньер 1966: 114).

Таким образом, карты Атласа позволяют проследить, **как происходит разрушение ареала** праславянских лексем, имевших ранее общеславянское распространение.

В этом отношении чрезвычайно любопытен ареал лексемы *měst-o* (*měst-o* < и.-е. **meit(h)-*, и.-е. **mēit-* ЭССЯ 18: 206) к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточно- и западнославянских, особенно в польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *měst-ъc-e*; под влиянием польского языка происходит разрушение и восточнославянского ареала этой лексемы, так как в украинских и белорусских диалектах все более широкое распространение получает лексема *měst-ъc-e* (см. карту-схему 15).

Сходный ареал имеет и лексема *pъrst-en-j-ъ* к. 40 'кольцо с камнем, перстень' т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 152), которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в западнославянских, особенно в чешских и польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *pъrst-en-ъk-ъ*.

Таким образом, карта говорит о том, что **разрушение ареала праславянской лексемы происходит чаще всего за счет изменения ее словообразовательной структуры.**

В процессе языковой эволюции на основе базовых значений праславянских слов нередко возникают переносные, о чем свидетельствует метафорический характер значения некоторых лексем (ср. ареалы лексем *neb-o* к. 21 'нёбо' т. 9 «Человек»; *sold-ъk-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vyrxъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *konj-ъk-ъ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *do-by-t-ъk-ъ* к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство» и др.), характерных для восточно- и южнославянских диалектов). И это еще один путь разрушения ареала праславянского слова.

Таким образом, карта говорит о том, что материя не исчезает бесследно, на месте уходящих праславянских лексем появляются новые, в которых сохраняется как бы «мерцающий свет» старых. Так формируются новые ареалы слов, которые часто не знают государственных границ.

Образование этих новых ареалов происходит под воздействием двух противоположных, но тесно связанных эволюционных процессов — разрушительного и созидательного. Разрушительный процесс приводит к распаду славянского языкового континуума, к усложнению его пространственной структуры, т. е. в конечном итоге к диалектной дифференциации. Созидательный процесс, напротив, имеет интеграционный характер, так как в ходе дифференциации междиалектные контакты сохраняются, что ведет к образованию новых ареалов. Именно с этим связана высокая степень расчлененности диалектного ландшафта Славии.

Однако несмотря на его мозаичность на картах Атласа довольно четко просматривается разделение Славии по линии север ~ юг, ср.: север *съ-čest-bj-e* ~ юг *съ-řet-j-a*, *съ-rět-j-a* (см. карту-схему 147); север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ* (см. карту-схему 23); север *ten-ъ* ~ юг *xold-ъ*; север *les-ъ* ~ юг *sum-a*; север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ* (см. карту-схему 153); север *//ašč-er- (//ašč-er-ъ, //ašč-er-ic-a, //ašč-er-ъk-a)* ~ юг *gušč-er- (gušč-er-ъ, gušč-er-ic-a, gušč-er-ъk-a)*; север *kur-i-tъ* ~ юг *puš-i-tъ* (см. карту-схему 154) и т. д.), тогда как противопоставление по линии запад ~ восток практически не прослеживается. И эта ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы (см. Бернштейн 1961: 68).

Наличие обширных ареалов, локализующихся в северной Славии и противопоставляющих северную Слaviю южной (ср., например, ареалы лексем *nož-ik-ъ*; *uš-ъk-o*, *rč-ъk-a*, *nož-ъk-a*, *gor-ъk-a*, *pal-ъc-ъ*, *slov-o* (см. карту-схему 60), *съ-čest-bj-e* (см. карту-схему 147), невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные

языковые процессы. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди праславянских лексем, имеющих общеславянское распространение, особенно много тех, которые имеют разрушенный ареал именно в южнославянских диалектах, тогда как в восточно- и в западнославянских он до сих пор остается монолитным (ср., например, ареалы праславянских лексем, имеющих и.-е. соответствия **ovъs-ъ* < и.-е. **awiġ-* (Фасмер III: 113); **nes-l-ъ* < **nesti* < и.-е. **enēk-*, **neġk-*, **ŋk* (Фасмер III: 67); **bob-ъ* < и.-е. **bhābhā* (Фасмер I: 180); **voj-ъn-a* < и.-е. **ueia-*, **uei-* (Фасмер I: 334); **gor-a* < и.-е. **g^uer-* (Фасмер I: 438); **dom-ъ* < и.-е. **dōm-*, **dēm-*, **dŋ* (Фасмер I: 526); **dъn-o* < **dъbno* < и.-е. **dhub-/dheub-* (Фасмер I: 519); **(j)ež-ъ* // **ož-ъ* < и.-е. **eg'hjo* (Фасмер II: 10); **med-j-a* < и.-е. **medhio-* (Фасмер II: 592); **nog-a* < и.-е. **onogh-*, **ongh-*, **ŋgh-* (Фасмер III: 78); **ogn-ъ* < и.-е. **ognis* (Фасмер III: 78); **on-ъ* < и.-е. **eno-/ono-/no-* (Фасмер III: 140); **stol-ъ* < и.-е. **st(h)el-* (Фасмер III: 764); **sox-a* < и.-е. **kāk-* (Фасмер III: 729) и др.

Об этом свидетельствуют и факты праславянской фонетики (ср., например, судьбу сочетаний **ort*, **olt* в позиции начала слова, рефлексация которых объединяет восточные и западнославянские диалекты в их противопоставлении южнославянским; или явление аккомодации сонанта предшествующему гласному переднего ряда в интерконсонантных сочетаниях **tyrt*, **tylt*, наблюдающееся в диалектах северной Славии: рус. *v'er'voj*, *v'er'x*; укр. *ver'x*, *ser'p*; блр. *v'er'x*, *čas'v'er'x*; плс. *v'ešx*, *v'ežba*; луж. *w'er'ba*, *w'er'x*; чеш. *vil'k*; слц. *vil'k*; *vil'hotni* и т. д. (см. ОЛА т. 3 «Рефлексы **ьr*, **ьg*, **ьl*, **ьl*» Warszawa 1994).

При этом следует отметить, что большинство лексических и словообразовательных ареалов северной Славии имеет своим источником контактную конвергенцию и является иллюстрацией контактно-генетического родства восточно- и западнославянских диалектов. Об этом говорит наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем в роли **языка-донора** выступают чаще всего **западнославянские диалекты**, преимущественно польские и словацкие (ср., например, распространение таких лексем, как *stbkl-ĕn-ъk-a* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *gqs-in-a* к. 25 'мясо гуся' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *daj-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *olov-ъk-ъ* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *kravъc-ъ* к. 16 'человек, который шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *měst-ъc-e* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *qtr-ob-a* к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек» и др.), **реже украинские**

(ср., например, распространение лексем *сѣл-уш-ѣк-а* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *krin-ic-a* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») и **белорусские** (ср. распространение лексем *mold-iv-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *korm-y-sl-a* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»). Причем большая часть лексических параллелей представлена суффиксальными образованиями от праславянских основ (ср., например, лексемы *doj-ѣк-а*, *gъs-in-a*, *mold-iv-o*, *kraj-ѣѣ-ik-ѣ*, *za-bъd-e-tѣ* и др.), что указывает на поздний характер формирования их ареалов. Примечательно, что среди этих лексем нередко встречаются такие, которые являются собственно восточнославянскими или западнославянскими суффиксальными новообразованиями от праславянских основ (ср. вост.-сл. *za-bъd-e-tѣ*, *lѣj-ѣк-а*, *куп/-ѣт-ѣк-ѣ*, *doj-ar-ѣк-а*, *krъš-ѣк-у*; или зап.-сл. *podъ-večer-ѣк-ѣ*, *kraj-e-tѣ*, *stud-ъn-j-a*, которые, однако, в процессе языковой истории смогли расширить свои ареалы).

* * *

На картах атласа существует еще одна серия слов, имеющих локальные ограничения в своем распространении. Это **слова, характерные только для одной группы языков — восточных, западных или южных.**

И здесь также вырисовывается интересная картина. В Атласе практически не обнаруживается ареалов лексем, плотно покрывающих территорию западнославянских или южнославянских диалектов, тогда как восточнославянский диалектный континуум характеризуется высокой степенью гомогенности (особенно, когда речь идет об ареалах древних лексем, ср., например, ареалы лексем *ръt-ѣ* к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек», *//ѣd-a* к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *šeg-ѣ* к. 49 ‘шаг’ т. 9 «Человек», *vor-ѣ* к. 55 ‘человек, который крадет’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *ob-ѣd-a-j-e-tѣ* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *съ-kaž-e-tѣ* к. 64а ‘скажет’ (слово) т. 9 «Человек», *krop-iv-a* к. 22 ‘крапива’ т. 4 «Сельское хозяйство», *vis-ѣк-ѣ* к. 4 ‘висок’ т. 9 «Человек», *deš-ev-ѣ* к. 54 ‘дешевый, недорогой’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.).

Так, например, лексема *ob-ѣd-a-j-e-tѣ* (**obѣdati* < **obѣdъ* Шапошников 2: 36; ЭССЯ 27: 181) к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» имеет тотальное распространение во всех восточнославянских диалектах и только в юго-западных украинских и в отдельных белорусских диалектах она находится в отношениях конкуренции с лексемой *pol-u-dъn-a-j-e-tѣ*; или лексема *съ-kaž-e-tѣ* (**съkazati* < **kazati* Шапошников

2: 324) к. 64а ‘скажет’ (слово) т. 9 «Человек», которая плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *po-věst-b*; или лексема *ръt-b* (< **ръtь* < и.-е. **ru-to* < **reu-:rou-* Шапошников 2: 287) к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек» (см. карту-схему 110), которая широко распространена на территории всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *pyrk-b*, а в северо-западных белорусских — заимствованная из польских диалектов лексема *gɔb-a*. Примечательно, что разрушение ареала этих древних лексем постоянно происходит в юго-западных украинских говорах, явно под влиянием граничащих с ними западнославянских диалектов (ср., например, ареал лексемы *po-věs-tb* к. 64 ‘скажет’ (слово) т. 9 «Человек», которая широко распространена в польских, чешских и словацких диалектах).

Многие из этих лексем имеют индоевропейские соответствия, словообразовательная структура их часто не мотивирована на почве праславянского, а ареалы являются, как правило, обширными, хотя и со следами разрушения. В связи с этим можно предположить, что они являются иллюстрацией диалектного членения уже праславянского языка.

Системный, а главное континуальный характер ареалов этих лексем, говорит о том, что они могли сформироваться еще до распада восточнославянского языкового единства. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые из них зафиксированы в древнейших памятниках древнерусской письменности (например, лексема **съкажеть** в Остромировом евангелии XI в. СРЯ XI–XVII 24: 165; или **рътъ** в Надп. Соф. Новг. XI–XII в. СРЯ XI–XVII 22: 220).

Ареальная картина, характерная для восточнославянских языков, корреспондирует с данными исторической фонетики, свидетельствующими о том, что это единство своими корнями уходит в праславянскую эпоху (ср., например, судьбу сочетаний **tj*, **dj* или **kt*, **gt* перед *j* и гласными переднего ряда, судьбу сочетаний **tort*, **tert* с их полногласием, начальное **o* в словах типа *осень*, *олень*, *озеро*, деназализацию носовых, одинаковую рефлексацию редуцированных в сильной позиции и др.). Все эти фонетические процессы своей однотипностью выделяют восточнославянские языки на всем пространстве Славии.

Карт, иллюстрирующих гомогенный западно- или южнославянский ареал очень немного: в западнославянских диалектах это всего три карты: к. 26 ‘синица’ т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 155) с лексемой *sikork-a* (*sikorka*) (**sykorka* < **sykora* < **sykati* Brückner 1985: 490; Boryś 2005: 547), которая широко распространена в западнославянских диалектах и не выходит за их пределы, хотя в чешских и польских диалектах ее ареал является дисперсным, так как наряду с ней распространена и лексема *sikor-a*;

карта 28 ‘соловей’ т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 156) с лексемой *solv-ik-ъ* (*slavik, slovik*) (*solvikъ* < **solvьjъ* Boryś 2005: 559), которая плотно покрывает всю территорию западнославянских диалектов, хотя в чешских моравских говорах и в польских горах Силезии ее ареал ограничивает возникшая на ее основе лексема *solv-ič-ьk-ъ* (*slaviček*), а также карта 16 ‘птица’ т. 1 «Животный мир» с лексемой *pъt-ak-ъ* (< **pъtъ* < и.-е. **pōc-/rēc-/rū-* (Boryś 2005: 502), которая представлена во всех западнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточнословацких, где распространена возникшая на ее основе лексема *pъt-ač-ьk-ъ*, в лужицких, где зафиксирована лексема *pъt-aš-ьk-ъ*, в польских кашубских говорах, где отмечена лексема *pъt-ax-ъ*, а также в мазовецких, где под влиянием восточнославянских диалектов получила распространение лексема *pъt-aš-ьk-а*.

Обращает на себя внимание не только немногочисленность подобных ареалов, но и то, что эти лексемы являются производными от праславянских основ, что само по себе является свидетельством позднего формирования их ареалов (эти лексемы А. Брюкнером и В. Борышем относятся к XV в).

На фонетическом уровне черт, являющихся иллюстрацией единства западнославянских языков, также немного. Практически это лишь судьба сочетаний **kv, *gv* в позиции перед **ě*. Что касается других фонетических признаков, традиционно приводимых в качестве иллюстрации своеобразия западнославянских языков, а именно сочетаний **tl, *dl, *tort, *tolt* или **ort, *olt*, то они, скорее, свидетельствуют об их диалектной дифференциации, поскольку в среднесловацких диалектах в сочетании **tl, *dl*, в отличие от других западнославянских языков, произошла утрата взрывного элемента; в польских и лужицких диалектах, в отличие от чешских и словацких, сочетания **tort, *tolt* трансформировались в *trot, tlot*, тогда как в чешских и словацких — в *trat, tlat*, а сочетания **ort, *olt* в среднесловацких диалектах дали *rat, lat*, тогда как в чешских, польских и лужицких диалектах — *rot, lot*. Наконец, самой яркой иллюстрацией диалектной дифференциации западнославянских языков является разный результат рефлексии носовых (в частности, сохранение их назальности в польских диалектах, что выделяет их на всем пространстве terra Slavica), а также прояснения редуцированных в сильной позиции, совпадение рефлексов которых наблюдается лишь в польских и чешских диалектах, тогда как в остальных — картина более сложная (см. соответствующие тома «Общеславянского лингвистического атласа»: т. 2а «Рефлексы **ę*» (Москва 1990), т. 2б «Рефлексы **ǫ*» (Warszawa 1990), т. 3 «Рефлексы **ьг, *ьг, *ьл, *ьл*» (Warszawa 1994), т. 4а «Рефлексы **ь, *ь*» (Zagreb 2006), т. 4б «Рефлексы **ь, *ь*. Вторичные гласные» (Скопје 2003).

В южнославянских диалектах такая же ситуация, т.е. этот ареальный сценарий также встречается довольно редко, ср. распространение лексем *gušč-er-ъ, gušč-er-ic-a* (**guščerъ, guščerica* < и.-е. **geusker* ЭССЯ 7: 179) к. 30

‘ящерица’ т. «Животный мир» (см. карту-схему 157); *žit-o* (<и.-е. *žiti (Фасмер II: 57; ЕСУМ 2: 200) к. 57 ‘рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые’ т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 74), которая имеет обширный ареал в южной Славии, однако в словенских диалектах ее ареал ограничивает лексема *žit-ъ*, в хорватских — лексемы *žit-ъk-ъ* и *žyrn-ъj-e*, в болгарских — заимствованная из турецкого языка лексема (*zajr*)-e; или лексемы *zid-ar-ъ* к. 6 ‘человек, который строит каменные дома’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко представлена во всех южнославянских диалектах и не выходит за их пределы.

Из праславянской фонетики, иллюстрирующей своеобразие южнославянских языков, можно указать на судьбу сочетаний *ort, *olt, которые дали иную рефлексацию (*ra-*, *la-*) по сравнению с западно- и восточнославянскими диалектами (*ro-*, *-lo-*). Что касается других фонетических признаков, то они, скорее, свидетельствуют о дифференциации южнославянских диалектов, нежели об их единстве, ср., например, наличие вокальной долготы и тоновых различий гласных, которое выделяет словенские, сербские, хорватские диалекты; наличие билабиальной или лабиодентальной протезы перед инициальным *o в словенских диалектах или палатальной j-протезы в хорватских кайкавских говорах; разную рефлексацию носовых, повлекшую за собой ареальную дифференциацию южнославянских диалектов (ср., например, рефлексацию праславянского *e, с характерным для нее варьированием подъема гласного, являющегося его континуантом, от высокого гласного *i* (хрв., кайк., слн.) до самого низкого гласного *a* (мак., серб., слн., хрв.), *a*: (слн., хрв.), *a* (блг., хрв., кайк.), *a*: (блг., хрв., кайк.), а также его дифтонгизацию (слн., хрв., кайк.). Наконец, об этом свидетельствует и разная рефлексация редуцированных в сильной позиции.

Такая ареальная картина, представленная на картах «Общеславянско-го лингвистического атласа», позволяют по-новому взглянуть и на проблему существования в прошлом праюжнославянского и празападнославянского языков. Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков бывшее единство общезападнославянских и общеюжнославянских ареалов было разрушено временем, практическое отсутствие в них однородных ареалов лексем праславянского происхождения является серьезным аргументом против существования в прошлом их историко-культурного, территориального и языкового единства, говорившего бы о существовании в прошлом подлинной языковой общности, и в частности, существования праюжнославянского и празападнославянского языков.

На картах Атласа отчетливо видно, что лексемы праславянского происхождения и общеславянского распространения часто локализируются в одних и тех же ареалах. Это прежде всего чешские (особенно ляхские говоры, в частности п. 203), словацкие, лужицкие (особенно пп. 234, 236) диалекты,

юг польских (особенно говоры Силезии, в частности пп. 288 и 308), словенские и прилегающие к ним хорватские кайкавские и чакавские говоры; сербские (особенно зетско-сеникские, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры); македонские и юго-западные болгарские; а также юго-западные украинские. Территория этих говоров покрыта практически полностью лексемами, имеющими общеславянское распространение, но с локальными ограничениями.

И хотя современные диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеет четкой экспликации на плоскости праславянского, однако представляется, что повторение этих ареалов не является случайным.

Обширные материалы Атласа свидетельствуют о том, что мы имеем дело с массовыми показаниями лексики. И эту массовость невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя. В этом смысле карта является безальтернативным источником исторических сведений о слове. Несомненно, что лингвистическая карта несет в себе уникальную информацию, которая еще только начинает осмысляться. В этом отношении «Общеславянский лингвистический атлас» является бесценным источником для изучения истории праславянского слова.

* * *

Карты Атласа иллюстрируют не только ареалы разрушения праславянских лексем, но и ареалы образования новых лексем, не имеющих общеславянского распространения и индоевропейских соответствий, которые возникли в истории отдельных славянских языков довольно поздно и поэтому не относятся к праславянским. В целях повышения чистоты эксперимента к анализу привлекались лишь **денотативные инновации**, т.е. такие лексемы, в самом значении которых содержалось указание на их позднее происхождение. В опубликованных томах «Общеславянского лингвистического атласа» таких очевидных инноваций сравнительно немного, в основном это материалы восьмого тома Атласа «Профессии и общественная жизнь», в котором немало новообразований исторической эпохи и заимствований разного времени.

При сопоставлении ареалов архаизмов и инноваций первое, что бросается в глаза, — это отсутствие у инноваций обширных ареалов. Объясняется это, по-видимому, тем, что при возникновении нового диалектного явления зона его распространения является довольно ограниченной, и только лишь со временем она может увеличиваться¹. И уже этот факт является красноречивым свидетельством их позднего происхождения. Все

¹ Ср. в связи с этим следующее замечание А.Б. Джурова: «Теоретически допустимо, что в начале своего формирования диалектная зона имеет небольшую территориальную протяженность. По мере роста она как бы захватывает новые области, увеличивается и в период наибольшего расцвета достигает максимальной площади» (Джуров 1991: 118).

ареалы инноваций являются, как правило, локально ограниченными, однако и здесь прослеживается определенная повторяемость, позволяющая говорить об их типологии.

I. Лексема не имеет общеславянского распространения, но локализуется в диалектах трех славянских языковых групп

Репертуар этих ареальных сценариев довольно бедный, причем среди них чаще всего встречаются два, когда:

I.1. Лексема имеет обширный ареал в западнославянских диалектах и ограниченный — в восточно- и южнославянских, ср. распространение следующих лексем:

(*papir*)-ъ к. 39 ‘бумага’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 158): эта заимствованная из немецкого языка лексема широко распространена в западной Славии (за исключением лужицких диалектов, где она существует в форме *paper-a*) и в говорах Правобережной Украины; кроме того, она имеет разреженные ареалы в словенских (в доленских, штаерских, прекмурских и в говорах Каринтии), в хорватских (в кайкавских и славонских) и в сербских (в шумадийско-воеводинских и косовско-ресавских) диалектах; а из восточнославянских — островной ареал в юго-западных белорусских говорах.

Сходный ареал имеет заимствованная из немецкого языка лексема (*jar-mark*)-ъ к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 159), которая плотно покрывает всю территорию западной Славии, а также Украины, имеет небольшой островной ареал в говорах Словении (в основном в Каринтии); латеральный ареал — в белорусских диалектах (в юго-западных и западнополесских говорах) и микроареалы — в среднерусских (Твер. п. 726) и южнорусских говорах (Белгор. п. 844).

Эти лексемы, строго говоря, являются своеобразными европеизмами нового времени. В западнославянских языках лексема (*papir*)-ъ была заимствована из ср.-в.-нем. *paper* /*papyr*. Эта лексема, однако, является романским континуантом лат. *papyrus*, источником которого является греч. *παπῦρος*, восходящее к др.-егип. *pa-per-a* ‘относящийся к фараону’. В польском языке эта лексема утверждается в XVI в. (Boryś 2005: 411).

Лексема (*jar-mark*)-ъ также иноязычного происхождения (из ср.-в.-нем. *jārmaket*) и в польском языке появляется в XV в. (Boryś 2005: 204).

В украинском языке оба слова получили широкое распространение благодаря польскому посредничеству (ЕСУМ 4: 283).

Понятно, что эти лексемы давно уже утратили статус инноваций, так как для того, чтобы образовались обширные ареалы в западнославянском

и украинском диалектном континууме, нужно было время. Однако по отношению к праславянским архаизмам они, бесспорно, являются новообразованиями.

Что касается ограниченных ареалов этих лексем в южно- и восточнославянских диалектах, то они, скорее всего, являются результатом культурно-языкового влияния и поздних междиалектных контактов.

1.2. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в южно-, и в западнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, причем, как правило, это небольшие островные ареалы, и лишь иногда они могут быть довольно обширными, ср. распространение следующих лексем:

(*irk*)-а к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из венгерского языка лексема (венг. *irka*) имеет небольшие островные ареалы в западно- и восточнословацких диалектах, в юго-западных украинских и микроареалы — в словенских прекмурских (п. 149) и в хорватских кайкавских говорах (п. 153);

(*tek*)-а к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из нем. австр. *theke* < лат. *thēca*) имеет небольшие островные ареалы в хорватских (кайкавских и славонских), словенских (в приморских, прекмурских, белоукраинских), в сербских (в основном зетско-сенинских) диалектах и микроареалы — в восточнословацких (пп. 156) и юго-западных украинских (пп. 448, 484) говорах;

(*škol*)-j-ar-ъ к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 160) от лат. *schola*: лексема имеет дискретный ареал в украинских диалектах, небольшие островные ареалы — в хорватских чакавских, в восточнословацких и польских говорах Силезии и микроареалы — в словенских (пп. 1, 21), сербских (п. 51) болгарских (п. 167) и белорусских (п. 374) диалектах;

(*tint*)-а к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из нем. *tinte*) имеет плотный ареал в словенских и лужицких диалектах, островные ареалы — в кайкавских хорватских, в сербских диалектах Боснии и Герцеговины, в восточнословацких, в польских кашубских, мазовецких и силезских говорах, в украинских юго-западных говорах и микроареал — в болгарских говорах в Банате (п. 167);

(*fabrikant*)-ъ к. 40 ‘человек, который работает на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из нем. *fabrikant*) имеет небольшие островные ареалы в малопольских, а также в новых польских переселенческих говорах, в белорусских юго-западных, в севернорусских архангельских говорах,

а также в старожильческих говорах на территории Латвии и Литвы; микроареалы — в сербских переселенческих говорах (п. 168), в чешских ганацких и ляшских (пп. 198, 202) и в украинских юго-западных говорах (пп. 468, 524).

II. Лексема локализуется в диалектах двух славянских языковых групп

Среди ареальных сценариев этого типа представлен лишь один, когда лексема имеет ограниченные ареалы в диалектах обеих языковых групп.

II. 1. Лексема распространена в диалектах только восточно- и западнославянской языковых групп и не выходит за их пределы. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

(*škol*)-*ьn-ik-ъ* (от лат. *schola*) к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 161): лексема плотно покрывает территорию русских и белорусских диалектов, имеет небольшие островные ареалы в говорах Левобережной Украины, в польских мазовецких и малопольских и микроареалы — в чешских ляшских (п. 207) и восточнословацких (п. 233) говорах;

šy-ši-t-ъ к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет плотный ареал в чешских, польских и украинских диалектах и микроареал — в белорусских (пп. 332, 355);

(*kaje*)-*t-ъ* к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из французского языка лексема (франц. *cahier*) имеет дискретный ареал в польских диалектах и островной — в соседних с ними юго-западных белорусских говорах;

olov-ъk-ъ к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена в польских диалектах и имеет небольшие островные ареалы в юго-западных и среднебелорусских говорах;

olov-ъk-o к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет островные ареалы в юго-западных украинских диалектах и микроареал — в чешских (пп. 182, 185) и ганацких говорах (п. 196);

(*ceruz*)-*a* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из венгерского языка лексема (венг. *ceruza*) имеет островные ареалы в западно- и среднесловацких диалектах и в юго-западных украинских говорах;

(*ceruz*)-*ъk-a* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из венгерского языка лексема (от венг. *ceruza*) имеет островной ареал в среднесловацких говорах и микроареал — в юго-западных украинских (п. 467);

(*atrament*)-ъ к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта возникшая на базе лат. *atramentum* лексема имеет обширный ареал в польских, в западно- и среднесловацких диалектах и небольшие островные ареалы — в юго-западных украинских и белорусских говорах;

(*paper*)-а к. 39 ‘бумага’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из ср.-в.-нем. *paper/papyr*) плотно покрывает территорию лужицких диалектов и имеет островные ареалы в белорусских северо-восточных и юго-западных говорах;

(*kirmas*)-ъ к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из ср.-в.-нем. *kirmesse*) имеет разреженный ареал в белорусских диалектах, островные ареалы в польских силезских и в мазовецких говорах; микроареалы — в русских старожильческих говорах Литвы и Латвии (пп. 525, 526);

(*jarmark*)-а к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из нем. *jahrmarkt*) широко распространена в русских диалектах, имеет разреженный ареал — в белорусских, латеральный — в украинских северо-восточных полесских, а также в юго-западных говорах (пп. 499, 500); и микроареалы — в новых польских переселенческих говорах (п. 240).

II. 2. Лексема распространена в диалектах только западно- и южнославянской языковых групп и не выходит за их пределы. Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср. распространение следующих лексем:

(*pis-an-ъk*-а к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширный ареал в словацких диалектах, латеральный — в чешских ганацких и моравских говорах, островной — в македонских западных говорах; микроареалы — в словенских ровтарских и костелских (пп. 6, 13), в хорватских чакавских (пп. 25, 148а) и в сербских призренско-тимокских говорах (пп. 84, 87);

(*blajštift*)-ъ к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из нем. *bleistift*) имеет плотный ареал в лужицких диалектах, островные ареалы в словенских говорах Каринтии, а также в костелских и белокраинских и микроареал — в чешских (пп. 178, 195);

(*djak*)-ъ к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта греческого происхождения лексема (от греч. *δίακος*) имеет плотный ареал в сербских и хорватских диалектах и микроареал — в западнословацких говорах на территории Венгрии (п. 156);

(*heft*)-ъ к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из нем. *heft*) имеет небольшие

островные ареалы в польских и лужицких диалектах и микроареал — в чакавских хорватских говорах на территории Австрии (п. 146а).

II. 3. Лексема распространена в диалектах только восточно- и южнославянской языковых групп и не выходит за их пределы. Этот ареальный сценарий также встречается редко, ср. распространение следующих лексем:

(*tetrad*)-*ьk-a* к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта греческого происхождения лексема (от ср.-греч. *tetrádion*) имеет обширные ареалы в македонских, болгарских и в русских диалектах; островной ареал — в говорах Левобережной Украины и микроареал — в белорусских северо-восточных говорах (пп. 330, 349);

(*pijac*)-*ь* к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из итальянского языка лексема (из ит. *piazza*) имеет микроареалы в хорватских кайкавских говорах (пп. 32, 35), в сербских косовско-ресавских и призренско-тимокских (пп. 79, 84) и в украинских юго-западных говорах (п. 483);

(*vašar*)-*ь* к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из венгерского языка лексема (из венг. *vásár*) имеет обширный ареал в сербских диалектах, островной — в хорватских славонских и микроареал — в украинских юго-западных говорах (пп. 466, 483).

III. Лексема локализуется в диалектах одной славянской языковой группы

Этот тип ареала представлен лучше всего. Особенно в этом отношении продуктивны южно- и восточнославянские диалекты.

III. 1. Лексема распространена в диалектах только восточнославянской языковой группы и не выходит за ее пределы

III. 1.1. Лексема равномерно покрывает всю территорию восточной Славии: Этот ареальный сценарий в опубликованных томах Атласа отсутствует.

III. 1.2. Лексема имеет восточнославянское распространение, но в ее локализации существуют ограничения, ср. распространение следующих лексем:

(*karandaš*)-*ь* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из тюркских языков лексема (тюрк. *karadaş* Фасмер II: 192) плотно покрывает территорию России и Белоруссии и имеет разреженный ареал в украинских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *//olov-ьc-ь*, *//olov-ьk-o* и (*ceruz*)-*a*;

(*bumag*)-а к. 39 ‘бумага’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 162): эта заимствованная из итальянского языка лексема (из ит. *bambagia* < лат. *bombacium*, греч. *παμβάκιον*) имеет обширный ареал в русских диалектах и разорванные — в украинских и белорусских;

(*tetrad*)-ь к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта греческого происхождения лексема (от ср.-греч. *τετράδι(ον)*) имеет обширный ареал в русских и белорусских диалектах и разреженный — в украинских;

śb-ši-t-ьk-ь к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет небольшие островные ареалы в северо-восточных и юго-западных белорусских говорах и в юго-восточных украинских;

(*denǵ*)-у к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта татарского происхождения лексема (из тат. чагат. *täŋkä* или из тюрк. диал. *dengä* Шапошников 1: 217) имеет плотный ареал в русских диалектах и небольшие островные ареалы в северо-восточных белорусских говорах и в юго-восточных украинских;

(*groš*)-i к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта латинского происхождения лексема (от лат. *grossus*) широко распространена в украинских и белорусских диалектах; имеет микроареал — в южнорусских брянских говорах (пп. 812, 813);

orb-otj-ь к. 40 ‘человек, который работает на заводе или на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема полностью покрывает территорию белорусских и русских диалектов и имеет разорванный ареал — в украинских.

III. 2. Лексема распространена в диалектах только западнославянской языковой группы и не выходит за ее пределы

III. 2. 1. Лексема равномерно покрывает всю территорию западной Славии:

(*pěnež*)-e к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (из герм. *pfenning*);

III. 2. 2. Лексема имеет западнославянское распространение, но в ее локализации существуют ограничения, ср. распространение следующих лексем:

(*škol*)-j-ak-ь к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из латинского языка лексема (от лат. *schola*) имеет плотный ареал в чешских диалектах, островной — в западно- и среднесловацких и точечный — в польских кашубских говорах (п. 241);

(*žak*)-ь к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из греческого языка лексема (греч. *δίακος*) имеет разреженный ареал в чешских диалектах и островной — в западно- и среднесловацких;

(*škript*)-a к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из венгерского языка лексема (из венг. *scripta* < лат. *scripta*) имеет островной ареал в средне- и восточнословацких диалектах и микроареал — в польских говорах Силезии (п. 310);

III. 3. Лексема распространена в диалектах только южнославянской языковой группы и не выходит за ее пределы

III. 3. 1. Лексема равномерно покрывает всю территорию южной Славии. Этот ареальный сценарий в опубликованных томах Атласа отсутствует.

III. 3. 2. Лексема имеет южнославянское распространение, но в ее локализации существуют ограничения. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

děl-av-ьс-ь к. 40 'человек, который работает на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет плотный ареал в словенских диалектах и микроареал — в хорватских чакавских говорах (пп. 22, 25);

(*sold*)-i, (*šold*)-i к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из итальянского языка лексема (ит. *soldo*) имеет небольшие островные ареалы в словенских приморских и хорватских чакавских говорах;

сѣ{n-jьm}ъ, сѣ-jьm-ъ к. 48 'периодическая широкая торговля' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет разреженный ареал в словенских диалектах и островной — в прилегающих к ним хорватских чакавских и кайкавских говорах;

(*kart*)-a к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из итальянского языка лексема (ит. *carta*) имеет латеральный ареал в словенских приморских, в хорватских чакавских и в сербских зетско-сенинских говорах;

olov-ьk-a к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширный ареал в хорватских и сербских диалектах;

rad-ьn-ik-ъ к. 40 'человек, который работает на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена в хорватских и сербских диалектах;

нов-ьс-ь, нов-ьс-и к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширные ареалы в хорватских и сербских диалектах и микроареал — в словенских штаерских (п. 17) и в болгарских говорах в Банате (п. 167);

(*charti*)-j-a к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из греческого языка лексема (нов.-греч. *charti*) имеет обширный ареал в сербских и болгарских диалектах, микроареалы — в хорватских славонских (п. 39), а также в северных и центральномакедонских говорах (пп. 93, 98);

(*panadjur*)-ъ, (*panagir*)-ъ к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из греческого языка лексема (н.-греч. *πανηγύρι*) широко распространена в македонских и болгарских диалектах, имеет микроареалы — в сербских призренско-тимокских (п. 87), в восточно-герцеговинских (п. 68) и в хорватских чакавских говорах (пп. 42, 43);

mast-i-dl-o к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширные ареалы в болгарских, македонских и сербских диалектах;

(*par*)-i, (*par*)-e к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из турецкого языка лексема (тур. *para* < араб. *parā*) имеет обширный ареал в сербских, македонских и болгарских диалектах;

(*moliv*)-ъ к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из греческого языка лексема (греч. *μολύβι*) широко распространена в македонских и болгарских диалектах;

(*lapeš*)-ъ, (*lapiš*)-ъ, (*lapis*)-ъ к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из итальянского языка лексема (ит. *lapis*) имеет латеральный ареал в приморских словенских, в чакавских хорватских и сербских зетско-сенинских говорах;

kъnig-a к. 39 ‘бумага’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена в македонских диалектах и имеет островные ареалы в юго-западных и восточных болгарских говорах.

IV. Лексема локализуется в диалектах только одного славянского языка

Обращает на себя внимание тот факт, что эти инновации концентрируются в основном на славянском юге, особенно много их в диалектах словенского языка, где они чаще всего имеют обширные ареалы, а также в говорах Эгейской Македонии. Значительно меньше их в западнославянском ареале (где они локализируются в основном в чешских диалектах) и в восточнославянском.

Среди многочисленных ареальных сценариев отчетливо просматриваются два типа ареалов — обширный и ограниченный.

IV. 1. Лексема имеет обширный ареал в диалектах одного языка

Словенские диалекты

(*dъnar*)-ъ к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (из лат. *dēnārius*); *sъ-vez*//-ъk-ъ к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *svin-ъč-ъn-ik-ъ* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная

жизнь»; (*šol*)-*ar*-ъ к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (из ср.-в.-нем. *schuole* < ср.-лат. *scholārius* Bezlaĵ: 91).

Сербские диалекты

sz-vęz-ъk-a к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Чешские диалекты

děl-ъn-ik-ъ к. 40 ‘человек, который работает на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Лужицкие диалекты

děl-a-ter-ъ к. 40 ‘человек, который работает на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Украинские диалекты

//*olov-ъc-ъ* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

IV. 2. Лексема имеет ограниченный ареал в диалектах одного языка

Словенские диалекты

uč-en-ъc-ъ к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет микроареалы в горенских, доленских, штаерских и прекмурских говорах (пп. 9, 16, 19, 21).

Сербские диалекты

pro-pis-ъ к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет островной ареал в шумадийско-воеводинских говорах.

Хорватские диалекты

(*bělēž*)-*ъn-ic-a* к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из турецкого языка лексема (от тур. *beleg*) имеет небольшие островные ареалы в кайкавских и чакавских говорах; *tež-ak-ъ* к. 40 ‘человек, который работает на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет микроареалы в чакавских говорах (пп. 25, 146а).

Македонские диалекты

(*tefter*)-ъ к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из турецкого языка лексема (тур. *defter* < греч. *διφθέρα*) имеет островной ареал в говорах Эгейской Македонии; (*kondil*)-ъ к. 36 ‘карандаш’

т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из греческого языка лексема (из греч. *κοινὴ βίη*, *κοινὴ βίη*) имеет микроареалы в говорах Эгейской Македонии (п. 107) и Албании (п. 106); (*murekep*)-ъ к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из турецкого языка лексема (тур. *mürekkep* < *muräkkäb*) имеет небольшой островной ареал в западной группе македонских говоров; (*melan*)-ъ к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из греческого языка лексема (из греч. *μελανί(ον)* < *μελας*, *μελανονς*) имеет небольшой островной ареал в говорах Эгейской Македонии; (*kalam*)-ar-ъ к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из греческого языка лексема (из греч. *καλαμάριον*) имеет микроареал в говорах Эгейской Македонии (пп. 108, 109).

Чешские диалекты

дѣн-ѣн-ик-ъ к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет небольшие островные ареалы в чешских диалектах; *па-дѣн-ѣн-ик*-ъ к. 40 ‘человек, который работает на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет микроареалы в ляхских и моравских говорах чешских диалектов (пп. 202, 204); (*grejcar*)-i к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (нем. *kreuzer*) имеет микроареалы в ганацких, ляхских и моравских говорах чешских диалектов (пп. 201, 202, 206).

Русские диалекты

(*fabrič*)-ѣн-ик-ъ, (*fabrič*)-ѣн-ъ к. 40 ‘человек, который работает на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: эта заимствованная из немецкого языка лексема (из нем. *fabrikant*) имеет микроареалы в севернорусских вологодских и костромских говорах (пп. 597, 686), в среднерусских владимирско-поволжских (пп. 765, 770), новгородских (п. 658), в южнорусских курских (п. 833) и смоленских (п. 747) говорах.

Несмотря на то, что при создании этих инноваций были использованы древние славянские словообразовательные модели, все они являются реалиями нового времени, о чем говорит само их значение. И это еще одна особенность инноваций, указывающая на их позднее происхождение. Лексема *орб-отъ*-ъ к. 40 ‘человек, который работает на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», например, утверждается в русском языке в середине XIX в. (Шапошников 2: 249); а лексема *таст-и-дл-о* к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» входит в речевой обиход носителей болгарского языка в XVI в. (БЕР 3:681).

Позднее происхождение имеют и инновации иноязычного происхождения. Лексема (*χαῖτι*)-j-a к. 39 ‘бумага’ т. 8 «Профессии и общественная

жизнь» (от н-греч. *χάρτι*), широко распространенная в сербских и болгарских диалектах, утверждается в XVIII в. (Skok 1971: 658); лексема (*papir*)-ъ к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (из ср.-в.-нем. *paper/papyr*), имеющая обширный ареал в польском языке, появляется в XVI в. (Boryś: 411); лексема *olov-ъk-ъ* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», являющаяся калькой нем. *bleistift*, широко представленная в польских диалектах, — в XVIII в.; лексема (*kart*)-a к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (из ит. *carta*) распространяется в словенских диалектах в XVI–XVIII вв. (Bezljaj: 21); лексема (*karandaš*)-ъ к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (из тюрк. *kalamdaş*) входит в речевой обиход носителей русского языка в XVI–XVII вв. (Шапошников 1: 379); а лексема (*tetrad*)-ъ к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (от ср.-греч. *τετράδι(ov)*) — в XVII в. (Шапошников 2: 415) и т. д.

Таким образом, ареалы этих инноваций являются чаще всего продуктом позднего времени, возникшим в результате культурно-исторического влияния соседних языков или междиалектных контактов.

Лингвогеографический анализ показал, что эти лексемы, как правило, имеют ограничения в своем распространении. Наличие больших ареалов говорит о том, что лексема давно уже утратила «аромат новизны» и стала активно использоваться носителями данного языка (именно такую ситуацию можно наблюдать в ареалах лексем (*papir*)-ъ к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*jarmark*)-ъ или (*kirmas*)-ъ к. 48 'периодическая широкая торговля' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*škol*)-ъn-ik-ъ к. 33 'мальчик, который учится в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*tetrad*)-ъ к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*karandaš*)-ъ к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*bumag*)-a к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *orb-obtj*-ъ к. 40 'человек, который работает на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.). Все эти лексемы давно уже стали достоянием соответствующих литературных языков. Приобретая такой высокий статус, они усилили свои позиции и оказались способны выйти за рамки ареала своего языка и продолжить жизнь в соседних локусах (примером могут служить лексемы (*papir*)-ъ, (*jarmark*)-ъ, (*groš*)-i, которые благодаря польскому посредничеству получили широкое распространение в украинских диалектах (ЕСУМ 4: 283); или лексемы (*kirmas*)-ъ, (*groš*)-i, которые являются полонизмами в белорусском языке).

Однако таких случаев отмечено сравнительно немного, чаще всего инновации составляют принадлежность диалектов какого-либо одного языка. Особенно выделяются южнославянские диалекты (в частности, словенские и македонские), в которых представлен более разнообразный репертуар

этих лексем, причем как в плане их происхождения, так и значений. Примечательно, что с точки зрения топографии — это периферийная, а отнюдь не центральная зона современной Славии.

Значительно меньше инноваций наблюдается в восточно- и западнославянских языках. Здесь в основном выделяются польские, чешские и украинские диалекты, в которых чаще всего фиксируются подобные лексем.

Причем, как показало исследование, все эти ареалы могут локализоваться как в центре диалектного континуума того или иного языка, так и на его периферии (ср., например, распространение лексемы (*škol*)-*j-ar*-ъ к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 160) в хорватских, восточнословацких, польских, словенских диалектах, в которых она локализуется именно на периферии; или распространение лексем (*papir*)-ъ к. 39 ‘бумага’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 158) и (*atrament*)-ъ к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в белорусских, в которых они также отмечены на периферии; на периферии словенских диалектов локализуется и лексема (*jarmark*)-ъ к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. карту-схему 159), на периферии польских диалектов — лексема (*tint*)-а к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.).

По-видимому, это связано с тем, что периферийная зона менее устойчива и более проницаема для внешних влияний. Более того, именно на периферии, где наблюдается меньшее давление со стороны системы и большая свобода в междиалектных связях, благодаря контактной конвергенции складываются наиболее благоприятные условия для зарождения новых языковых явлений.

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа», таким образом, дают основания для нового взгляда на некоторые стереотипы лингвистической географии.

В этой связи заслуживают внимания и выводы М. А. Бородиной. Описывая лексические особенности лотарингского диалекта по данным «Лингвистического атласа Франции» Ж. Жильерона, она обнаружила, что “вопреки обычной картине, когда на окраинах сохраняются архаизмы, а неологизмы распространяются из центра, неологизмы оказываются на периферии; эти зоны образовались в конце XVIII — начале XIX в.; из всех рассмотренных зон это самые молодые зоны” (Бородина, 1966: 103).

Все это говорит о том, что выявленная топография инноваций свободна от авторского субъективизма. Вместе с тем представляется, что для окончательного решения проблемы локализации архаизмов и инноваций на современном этапе развития лингвистической географии необходимо начать

инвентаризацию славянских ареалов с учетом формально-картографических и лингвистических критериев.

Изучение материалов Атласа даст возможность провести полную каталогизацию и локализацию явлений славянской архаики, выстроить иерархию реликтовых зон, оценив их с точки зрения характера ареала, его исторической глубины и степени концентрации в нем архаизмов. Каталогизация ареальных сценариев позволит выявить закономерности в их организации, которые станут своеобразными ориентирами при их типологической интерпретации. Введение в научный оборот этих сведений создаст веские основания для верификации старых и разработки новых гипотез, связанных с этногенезом славян.

Думается, что инвентаризация ареалов славянской архаики позволит в будущем связать картину центрально-периферийной противопоставленности ареалов современной Славии с праславянской (или, по крайней мере, с позднепраславянской) и выявить исторический центр и периферию.

* * *

Карты Атласа говорят и о том, что ярче всего динамичность славянских диалектов проявляется в том, что они способны к активному порождению эксклюзивных лексем, определяющих их «портретное» своеобразие. Наличие эксклюзивных образований дает основание предположить, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия и от литературного языка, и от других диалектов.

Логика изложения материала требует рассмотрения ареалов и этих лексем, которые распространены в диалектах только **одного славянского языка**, т. е. являются, по сути дела, эксклюзивными.

Эксклюзивные лексемы — это лексемы, которые отличительно характеризуют диалекты лишь одного славянского языка и не выходят за его пределы (ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, как: *mur-aš-ь* к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; *zem-j-an-ъk-a* к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; *podъ-dorž-ъn-ik-ъ* к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *po-gost-ъ* к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи» и др.; **украинского**: *//ež-ak-ъ* к. 10 'еж' т. 1 «Животный мир»; *suc-en-e* к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; *gost-j-av-in-a* к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; **белорусского**: *zob-a* к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *po-par-ъ* к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сельское хозяйство»; *tъlst-ost-ъ, съ-dor-ъ* к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **польского**: *(j)ask-ol-ъk-a* к. 24 'ласточка' т. 1 «Животный мир»; *kot-ic-a* к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»;

ne-za-po-min-a-j-ьk-a к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; **лужицкого**: *potpul-a* к. 22 ‘перепелка’ т. 1 «Животный мир»; (*bar*)-ъ к. 5 ‘медведь’ т. 1 «Животный мир»; (*kast*)-ь к. 44 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; **чешского**: *ščík-a* к. 37 ‘щука’ т. 1 «Животный мир»; *čap-ъ* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *sěk-ač-ъ* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; **словацкого**: *smag-ъ* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*olovrant*)-ъ к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pač-i-tь <se>* к. 2 ‘нравится’ т. 10 «Народные обычаи»; **словенского**: (*pantegan*)-a к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»; *pět-el-in-ъ* к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; *čybel-ar-ъ* к. 27 ‘человек, который разводит пчел’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **хорватского**: *kuk-ov-ač-a* к. 21 ‘кукушка’ т. 1 «Животный мир»; *bor-ov-ic-a* к. 47 ‘брусника’ т. 3 «Растительный мир»; *děť-ьč-ьk-o* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; **сербского**: *kъr-ljusk-j-ъ* к. 39 ‘чешуя рыбы’ т. 1 «Животный мир»; *stъrv-in-a* к. 51 ‘падаль,дохлое животное’ т. 2 «Животноводство»; *съ-vęz-ьk-a* к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **македонского**: *mač-or-ьk-ъ* к. 10 ‘кот’ т. 2 «Животноводство»; *volk-ъn-a* к. 46 ‘шерсть’ т. 2 «Животноводство»; *o-paš-ьk-a* к. 48 ‘хвост’ т. 2 «Животноводство»; **болгарского**: *pri-lěp-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’ т. 1 «Животный мир»; *kъlv-ač-ъ* к. 20 ‘дятел’ т. 1 «Животный мир»; *bul-ьk-a* к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи» и др.).

Следует сразу сказать, что понятие эксклюзивной лексемы является относительным. Как показала история славянской лингвистической географии, и в частности работа над «Общеславянским лингвистическим атласом», в ходе обследования славянских диалектов нередко обнаруживается новая локализация той или иной эксклюзивной лексемы, в результате чего ее эксклюзивный статус утрачивается.

Не исключена и обратная ситуация, когда лексема фиксируется разными историческими, диалектными или этимологическими словарями, а в «Общеславянском лингвистическом атласе» (либо в силу ограниченного характера его сетки, либо в результате естественных эволюционных процессов) она является эксклюзивной, так как распространена в рамках диалектов лишь одного языка. Примером подобной ситуации может служить лексема *kur-ъ* к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»: фиксация ее в «Этимологическом словаре славянских языков» довольно внушительна — это и болгарские, и сербские, и чакавские хорватские, и чешские, и польские, и русские диалекты; между тем в ОЛА она имеет лишь небольшой ареал в польских кашубских (пп. 241–242, 244) и в мазовецких говорах (пп. 263–264, 274–275, 287).

Не случайно поэтому у ряда исследователей возникает определенный скепсис при выявлении эксклюзивных лексем, ср. в связи с этим следующее замечание Л.В. Куркиной: “Задача выявления специфических для

каждого региона изолекс едва ли выполнима в полном объеме хотя бы потому, что не так просто вести поиски эксклюзивных явлений в море славянской лексики, объем которой возрастает с выходом в свет новых лексико-графических источников” (Куркина 2012: 147).

Поэтому, говоря об эксклюзивной лексике, мы имели в виду лишь те лексемы, статус которых подтверждается материалами лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа».

Эксклюзивные лексемы могут быть **разных типов**.

Чаще всего это **лексические** (или точнее **лексико-словообразовательные**) эксклюзивы.

Иллюстрацией таких лексических эксклюзивов могут служить, например, русские эксклюзивные лексемы, обозначающие вечерний прием пищи //už-in-ъ, //už-in-a, //už-ъn-a к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которые выделяют русские диалекты на всем пространстве Славии. В мотивационных признаках этих лексем отразилась идея движения солнца, его пространственной локализации на небосклоне как указания на время приема пищи (из праславянского *jugъ Фасмер IV: 152), тогда как для большинства славян характерно внимание к самой идее времени, в частности, к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ъ*, *večer-j-a*).

Другой пример такого лексического эксклюзива можно найти на к. 14 ‘подходит, растет’ (о тесте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: если в большинстве славянских диалектов этот процесс осмысляется через идею «движения» (о чем говорят корни **xod(j)*-/ **xad(j)*- или **dviǵ-/ *dviž-*, распространенные в словенских, хорватских, польских, чешских и восточнославянских диалектах) или «роста» (корень **qrst-* в словацких, польских, южно- и восточнославянских диалектах), то в польских кашубских диалектах этот процесс осмысляется через идею «работы» (ср. корень **qrb-*: плс. *ro^ub’i*, *rob’i*).

Однако кроме лексических эксклюзивов на картах Атласа имеется немало и таких, которые являются чисто **словообразовательными**, так как они выделяют те или иные диалекты с точки зрения словообразовательной структуры представленных в них лексем.

Богатый материал словообразовательных эксклюзивов дает к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». На этой карте широко представлены лексемы с корнем *kraj-*. Однако в русских диалектах они имеют одно оформление (ср. *kraj-ux-a*, *kraj-uš-ъk-ъ*, *kraj-uš-ъk-a*), в словацких — другое (ср. *kraj-ik-ъ*), в болгарских — третье (*kraj-išč-e*), в словенских — четвертое (ср. *kraj-ъč-itj-ъ*), в сербских — пятое (ср. *kraj-ik-a*) и т. д. Причем все эти названия являются эксклюзивами.

Другой пример такого словообразовательного эксклюзива можно найти на к. 42 ‘белая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Во всех славянских диалектах эти названия образуются от корня *běl-*. Однако в русских диалектах отмечено распространение эксклюзивных лексем *běl-yš-b*, *běl-yš-bk-o*, в словенских — лексемы *běl-b=-ak-b*, в сербских — лексем *běl-ьс-ь*, *běl-ьс-е* и т. д.

Яркой иллюстрацией словообразовательного эксклюзива является и название полдника к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Во всех славянских диалектах получила распространение лексема с корнем *-už-* и суффиксом *in-*, т. е. *už-in-a*, и только в русских диалектах эта лексема имеет префиксальный элемент (ср. *pa-už-in-ь*, *pa-už-in-ьk-a*, *pa-už-in-ьk-y*, *pa-už-in-ьk-ь*, *pa-už-ьn-a*).

Наконец, самую небольшую в количественном отношении группу эксклюзивов составляют собственно **семантические**. К сожалению, в опубликованных томах Атласа представлено довольно немного семантических карт, которые в большинстве своем имеют лакуны в ответах, однако даже этот ограниченный материал позволяет говорить о существовании в славянских диалектах и семантических эксклюзивов.

Ярким примером такого семантического эксклюзива может служить значение ‘ячмень’ у лексемы *žito* к. 60 **žito* т. 4 «Сельское хозяйство» в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров и значение ‘хлебные культуры вообще, в зерне или на корню’ — в македонских. На остальной славянской территории эта лексема известна либо в значении ‘рожь’ (в западнославянских, украинских, белорусских и в некоторых южнорусских диалектах), либо в значении ‘пшеница’ (в болгарских, в некоторых сербских, словацких и чешских диалектах).

Другой пример представлен на к. 7 **čaša* т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Эта лексема, распространенная во всех славянских диалектах, известна в основном в значении ‘стакан’ (в хорватских, сербских, македонских, болгарских, чешских диалектах), однако только в русских диалектах (в вологодских и костромских говорах) она встречается в значении ‘миска’ // ‘большая миска, выточенная из дерева’, а в словенских приморских говорах — в значении ‘большой ковш’.

Общеславянская лексема **sěra* к. 32 т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах имеет значение ‘молоко коровы сразу после отела скота, молозиво’, однако в русских диалектах (в севернорусских и среднерусских владимирско-поволжских и тверских говорах) она, кроме того, может иметь значение ‘смола (сок) хвойных деревьев’, в болгарских западных, северо-восточных и некоторых юго-восточных говорах — ‘нестиранная овечья шерсть с жировыми выделениями’, а в отдельных северо- и юго-восточных говорах — ‘вода после стирки овечьей

шерсти', в сербских восточно-герцеговинских, косовско-ресавских и при-зренско-тимокских говорах — 'жировые выделения на шерсти овцы' и т. д.

Праславянская лексема *bljudo к. 56 *bl'udo т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах известна в значении 'большая глубокая тарелка', однако только в лужицких диалектах она встречается в значении 'стол', в болгарских диалектах — в значении 'поднос', кроме того, в западноболгарских говорах — в значении 'поминальный хлеб'; в севернорусских ладого-тихвинских говорах, а также в отдельных среднерусских (новгородских и тверских) и в западной группе южнорусских говоров — в значении 'таз'.

Материалы семантических карт Атласа показали, что эксклюзивные лексемы «не любят путешествовать». Возникнув в том или ином диалектном пространстве, они, как правило, остаются «верными» ему всю свою жизнь.

Основная **причина** появления эксклюзивов связана со **своеобразием номинативной логики** в лексической параметризации окружающего мира, с особенностями осмысления предметов и явлений внешнего мира языковыми средствами. Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий, и соответственно разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка, привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики. Давление же языковой системы способствовало тому, что освоение окружающего мира происходило по тем языковым моделям, которые были актуальными для данных диалектов. Другая причина появления эксклюзивных лексем связана нередко с **культурно-историческим влиянием других языков**.

В распространении эксклюзивных лексем прослеживаются два типа ареалов — обширный и ограниченный. Причем обширные ареалы, когда лексема плотно покрывала бы всю территорию диалектов того или иного языка или практически всю, встречаются довольно редко (иногда наблюдается и такая ситуация, когда подобный сценарий вообще отсутствует, как, например, в хорватских диалектах). Значительно чаще такие ареалы являются локально ограниченными. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры эксклюзивов.

1. Лексема имеет обширный ареал в диалектах одного языка

Словенские диалекты

děl-av-ъk-a к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (dъnar)-ъ к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (čebul)-ъ, (čebul)-j-a к. 19 'лук' т. 4

«Сельское хозяйство»; *čybel-ar-ь* к. 27 ‘человек, который разводит пчел’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *čyt-ě-j-e-tь* к. 50 ‘считает деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*glazh*)-ь к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gub-е* к. 23 ‘морщины’ т. 9 «Человек»; (*хохсет*)-ь к. 16 ‘свадьба’ т. 10 «Народные обычаи»; *kač-bj-ь pas-t-yrj-ь* к. 47 ‘стрекоза’ т. 1 «Животный мир»; *molt-it-j-ь* к. 77 ‘мужчина, который молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ne-rěz-ьс-ь* к. 7 ‘кабан’ т. 2 «Животноводство»; (*pantegan*)-а к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»; *//par-ьk-ьl-ь* к. 47 ‘копыто’ т. 2 «Животноводство»; *plav-ut-у* к. 38 ‘плавники рыбы’ т. 1 «Животный мир»; *sěj-av-ьс-ь* к. 36 ‘человек, который сеет’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *sěn-ьс-а* к. 6 ‘тень под деревом’ т. 3 «Растительный мир»; *sěn-ьс-а* к. 7 ‘тень человека’ т. 3 «Растительный мир»; *сь-věz//ьk-ь* к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *svin-ьč-ьn-ik-ь* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*šol*)-ar-ь к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*šol*)-ar-ic-a, (*šol*)-ar-ьk-a к. 34 ‘девочка, которая учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *štyrk-l-j-a, štyrk-l-j-e* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; (*štri-gel*)-j-ь к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»; (*trt*)-а к. 8 ‘виноград’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *u-gan-ьk-a* к. 78 ‘загадка’ т. 9 «Человек»; *věj-a* к. 4 ‘ветка хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; *věj-a* к. 5 ‘ветка лиственного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; (*žnid*)-ar-ь к. 16 ‘человек, который шьет одежду’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Сербские диалекты

сь-věz-ьk-a к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Македонские диалекты

(*biš*)-e, (*biš*)-ur-e к. 31 ‘поросенок’ т. 2 «Животноводство»; *grač-e-tь, grač-i-tь* к. 65 ‘гогочет’ т. 2 «Животноводство»; (*xaram*)-i-j-a к. 55 ‘человек, который крадет’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kljuk-o-dьrv-ьс-ь* к. 20 ‘дятел’ т. 1 «Животный мир»; (*koms*)-iv-ьk-a к. 3 ‘женщина, живущая в соседнем доме’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*miruš*)-a-j-e-tь к. 16 ‘пахнет’ т. 3 «Растительный мир»; *mys-ьn-ь* к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *or-ač-ь* к. 77 ‘мужчина, который молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *paš-ьk-a, o-paš-ьk-a* к. 48 ‘хвост’ т. 2 «Животноводство»; *pri-kaz-n-a* к. 77 ‘сказка’ т. 9 «Человек»; *pyt-ač-ь* к. 59 ‘человек, который просит милостыню’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pyt-ač-ьk-a* к. 60 ‘женщина, которая просит милостыню’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *sak-a-j-e-tь* к. 3 ‘любит’ т. 10 «Народные обычаи»; *сь-bor-ь, (laf)-ь* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек»; *volk-ьn-a* к. 46 ‘шерсть’ т. 2 «Животноводство».

Болгарские диалекты

bor-av-ъk-a к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *bul-ъk-a* к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *(buz)-a* к. 3 'щека' т. 9 «Человек»; *čel-u-va-j-e-tъ* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *cvil-i-tъ* к. 60 'ржет' (лошадь) т. 2 «Животноводство»; *(čam)-ъ* к. 19 'древесина сосны' т. 3 «Растительный мир»; *(čeis)-ъ* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *čer-up-ъk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *god-en-ik-ъ, съ-god-en-ik-ъ* к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *god-en-ic-a, съ-god-en-ic-a* к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *xvoj-ъn-a* к. 38 'можжевельник' т. 3 «Растительный мир»; *(ikindi)-j-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *klъv-ač-ъ* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *kobyl-ic-a* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *(mag')-(os)-ъn-ic-a* к. 21 'женщина, которая занимается колдовством' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-za-ob-вуч-a-j-e-tъ* к. 3 'любит' т. 10 «Народные обычаи»; *ръtpръd-ъkъ* к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; *rad-v-a-mъ <se>* к. 25 *1sg praes radujъ* (*se*) т. 10 «Народные обычаи»; *sinig-yr-ъ* к. 26 'синица' т. 1 «Животный мир»; *sin-ъč-ъc-ъ* к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sir-om-ak-in-a* к. 65 'бедная женщина' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skak-al-ъc-ъ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *съ-bog-u-v-a-j-e-tъ <se>* к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»; *tel-et-ъsk-o* (subst) к. 23 'мясо теленка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Чешские диалекты

čар-ъ к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *čub-a, čub-ъk-a* к. 15 'сука' т. 2 «Животноводство»; *čъ/u-x-a-j-e-tъ* к. 15 'нюхает' т. 3 «Растительный мир»; *děl-ъn-ik-ъ* к. 40 'человек, который работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *děl-ъn-ic-a* к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gospod-a* 'корчма' т. 10 «Народные обычаи»; *(grbitof)-ъ, (kerhof)-ъ, (krhof)-ъ* к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *grozd-ъn-ъ* к. 9 'гроздь, одна кисть винограда' т. 4 «Сельское хозяйство»; *xlup-у* к. 46 'шерсть' т. 2 «Животноводство»; *(fen)-a* к. 15 'сука' т. 2 «Животноводство»; *(funus)-ъ* к. 43 'похороны' т. 10 «Народные обычаи»; *jeтр-o-čěl-ъ* к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *каx-ъn-е, каx-ъn-ет-ъk-o, каx-ъn-ič-ъk-a* к. 34 'утенок' т. 2 «Животноводство»; *kejg-a-j-e-tъ* к. 65 'гогочет' т. 2 «Животноводство»; *kokъrg-a-j-e-tъ* к. 64 'поет' (о петухе) т. 2 «Животноводство»; *kur-o-pat-ъv-ъ* к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; *kvoč-ъn-a* к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *ljub-a-j-e-tъ, gob-ič-ъk-u-j-e-tъ*

к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *mod-r-in-ъ* к. 33 'лиственница' т. 3 «Растительный мир»; *petr-o* к. 21 'небо' т. 9 «Человек»; *po-men-ъk-a* к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *pъs-an-ъj-e* к. 38 'письмо' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *raj-ъč-е* к. 18 'помидор' т. 4 «Сельское хозяйство»; *raj-ъsk-o //abl-ъk-o* к. 18 'помидор' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sěk-ač-ъ* к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *skop-ov-O* (subst) к. 24 'мясо барана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *slěp-ic-a* к. 17 'курица' т. 2 «Животноводство»; *съ-сěp-ъл-in-a, съ-сěp-ъл-ot-in-a* к. 51 'падаль' т. 2 «Животноводство»; *съxorj-ъ, съxorj-ъ* к. 8 'хорек' т. 1 «Животный мир»; *val-ъk-a* к. 67 'война' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *vel-ik-o-nokt-ě, vel-ik-o-noč-ъn-i svet-ъk-y* к. 49 'пасха' т. 10 «Народные обычаи».

Словацкие диалекты

běd-ar-ъ к. 64 'бедный человек' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *boz-ъk-a-va-j-e-ть* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; (*ceruz*)-*a* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*faj*)-*ъč-ar-ъ* к. 20 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; (*faj*)-*ъč-i-ть* к. 19 'курит' т. 10 «Народные обычаи»; *lěv-ik-ъ* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*olovrant*)-*ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pač-i-ть <se>* к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; *pol-j-ov-ъk-a, pol-j-ov-ač-ъk-a* к. 57 'охота на диких зверей, птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Лужицкие диалекты

(*bar*)-*ъ* к. 5 'медведь' т. 1 «Животный мир»; *děl-a-ter-ъ* к. 40 'человек, который работает на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gol-j-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *xvoj-ъc-a* к. 17 'хвоя' т. 3 «Растительный мир»; (*kal*)-*ъ* к. 13 'капуста' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*kast*)-*ъ* к. 44 'гроб' т. 10 «Народные обычаи»; *ljub-u-j-e-ть* к. 3 'любит' (мать) т. 10 «Народные обычаи»; *o-puš-ъ, o-puš-ъ* к. 48 'хвост' т. 2 «Животноводство»; *pat-a* к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *potpul-a* к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; (*rat*)-*ъv-a* к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *rov-ъ* к. 45 'могила' т. 10 «Народные обычаи»; *sěč-ъk-ъ* к. 70 'мужчина который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*šar*)-*en-ъj-e* к. 11 'чучело, которое ставят в огороде для отпугивания птиц' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*trajd*)-*a* к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство».

Польские диалекты

//agn-ь=ak-ъ к. 29 'ягненок' т. 2 «Животноводство»; //aj-о к. 39 'яйцо' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (smentar)-ь, (smentar)-ь к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *derw-al-j-ь* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *got-u-j-e-tъ <se>* к. 47 'кипит' (вода) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gost-ъv-in-a* к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *gos-ь=ak-ъ* к. 33 'гусенок' т. 2 «Животноводство»; (*kolacij*)-а к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kol-ьс-ь* к. 13 'колючка' т. 3 «Растительный мир»; *kot-ic-a* к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»; *kot-ь=ak-ъ* к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *koż-ix-ъ* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*kukuryz*)-а к. 54 'кукуруза' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kur-ъč-ь=ak-ъ* к. 32 'цыпленок' т. 2 «Животноводство»; *lax-a-j-e-tъ <se>*, *lox-a-j-e-tъ <se>* к. 69 'бьется' (о свинье) т. 2 «Животноводство»; *mod-ro-derw-ь* к. 33 'лиственница' т. 3 «Растительный мир»; *mysl-iv-ъ* к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *ne-za-po-min-a-j-ьk-a* к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *ob-kruh-y* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ot-klad-ьn-j-a* к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pal-j-ač-ь* к. 20 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; *pors-ь=ak-ъ* к. 31 'поросенок' т. 2 «Животноводство»; *prav-ьd-iv-ьk-ъ* к. 55 'боровик' т. 3 «Растительный мир»; *pyś-en-ьn-a* к. 44 'пшеничная' (напр., солома) т. 4 «Сельское хозяйство»; *ry-j-ь* к. 49 'рыло' т. 2 «Животноводство»; *śčen-ь=ak-ъ* к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; *tel-ь=ak-ъ* к. 28 'теленки' т. 2 «Животноводство»; *zid-un-ъ* к. 7 'человек, который делает печи' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *żьn-iv-ь-ar-ь* к. 68 'мужчина, который жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *żьn-iv-ь-ar-ьk-a* к. 69 'женщина, которая жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство».

Украинские диалекты

baż-a-j-e-tъ к. 6 'желает' (здоровья) т. 10 «Народные обычаи»; *gost-j-av-in-a* к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; //ež-ak-ъ к. 10 'еж' т. 1 «Животный мир»; *klad-ov-išč-e* к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *kul-ь-bab-a* к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир»; *molt-ьn-ik-ъ* к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *olov-ьс-ь* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *per-vьrz-sl-o* к. 71 'соломенный жгут, которым перевязывают снопы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *stьlb-ur-ъ* к. 2 'ствол, часть дерева от земли до кроны' т. 3 «Растительный мир»; *stьln-ь-aś-ьn-ik-ъ* к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство»; *stьn-ьd-an-ьk-ъ* к. 58 'завтрак' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Русские диалекты

(*aist*)-ъ, (*kalist*)-ъ к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *bab-ъč-ъk-a* к. 45 ‘бабочка’ т. 1 «Животный мир»; *běl/-yš-ъ* к. 42 ‘белая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *češ-uj-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’ т. 1 «Животный мир»; *čest-j-a* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; *gōs-ix-a* к. 19 ‘гусыня’ т. 2 «Животноводство»; *gul-j-a-j-e-tъ <se>* к. 69 ‘бьется’ (о свинье) т. 2 «Животноводство»; *kur-i-tel-ъ* к. 20 ‘человек, который курит папиросы’ т. 10 «Народные обычаи»; *lg-ъč-i-tъ* к. 59 ‘кастрирует’ т. 2 «Животноводство»; *molt-il-ъšč-ik-ъ* к. 77 ‘мужчина, который молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *mur-aš-ъ* к. 41 ‘муравей’ т. 1 «Животный мир»; (*ogur*)-ъс-ъ к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pas-t-uš-ix-a* к. 24 ‘женщина, которая пасет скот’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pod-sъln-ъč-ъn-ik-ъ*, *pod-sъln-ux-ъ* к. 21 ‘подсолнечник’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *podъ-dorž-ъn-ik-ъ* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; *po-gost-ъ* к. 46 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи»; *sъ-kes-ъn-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *zem-j-an-ъk-a* к. 45 ‘земляника’ т. 3 «Растительный мир»; *žit-o* к. 46 ‘ячмень’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *žylt-yš-ъ* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Несмотря на то, что обширные ареалы эксклюзивных лексем встречаются не часто, среди них, однако, имеются такие, когда эксклюзивную лексему отличает **тотальное распространение** в тех или иных диалектах (ср., например, распространение таких лексем, как *čap-ъ* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *ljub-a-j-e-tъ*, *gōb-ič-ъk-u-j-e-tъ* к. 4 ‘целует’ т. 10 «Народные обычаи»; *sěk-ač-ъ* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство» в **чешских диалектах**; или (*olovrant*)-ъ к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lěv-ik-ъ* к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *boz-ъk-a-va-j-e-tъ* к. 4 ‘целует’ т. 10 «Народные обычаи»; (*faj*)-ъč-i-tъ к. 19 ‘курит’ т. 10 «Народные обычаи»; (*faj*)-ъč-ar-ъ к. 20 ‘человек, который курит папиросы’ т. 10 «Народные обычаи» — в **словацких**; или *jask-ol-ъk-a* к. 24 ‘ласточка’ т. 1 «Животный мир»; *lax-a-j-e-tъ <se>*, *lox-a-j-e-tъ <se>* к. 69 ‘находится в состоянии течки’ (о свинье) т. 2 «Животноводство»; (*kukuryz*)-а к. 54 ‘кукуруза’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *prag-ъn-en-ъj-e* к. 9 ‘желание потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*kolacij*)-а к. 62 ‘ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pal-j-ač-ъ* к. 20 ‘человек, который курит папиросы’ т. 10 «Народные обычаи» — в **польских**; *pat-a* к. 18 ‘курица, которая высидивает яйца’ т. 2 «Животноводство»; (*bar*)-ъ к. 5 ‘медведь’ т. 1 «Животный мир»; *sěč-ъk-ъ* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*kast*)-ъ к. 44 ‘гроб’ т. 10

«Народные обычаи»; *rov-ъ* к. 46 ‘могила’ т. 10 «Народные обычаи» — в **лужицких**; *//ež-ak-ъ* к. 10 ‘еж’ т. 1 «Животный мир»; *per-vyřz-sl-o* к. 71 ‘соломенный жгут, которым перевязывают снопы’ т. 4 «Сельское хозяйство» — в **украинских**; *mъrs-ъn-ъ* к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sak-a-j-e-ть* к. 3 ‘любит’ т. 10 «Народные обычаи» — в **македонских**; *kobyl-ic-a* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *tel-et-ъsk-o* (subst) к. 23 ‘мясо теленка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *god-en-ik-ъ, sъ-god-en-ik-ъ* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; *pri-lě-p-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’ т. 1 «Животный мир»; *klъv-ač-ъ, klju-v-ač-ъ* к. 20 ‘дятел’ т. 1 «Животный мир» — в **болгарских**; *horj-ъ, hor-ъk-ъ* к. 8 ‘хорек’ т. 1 «Животный мир»; *mor=ač-ъ* к. 41 ‘муравей’ т. 1 «Животный мир»; *(ogur)-ъc-ъ* к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство» — в **русских**).

При этом следует отметить, что только в русских диалектах это явление носит массовый характер, так как именно здесь эксклюзивы имеют часто самое широкое распространение (ср., например, ареалы таких русских эксклюзивных лексем, как *kri-dl-yš-ъk-o* к. 19 ‘крылышко’ т. 1 «Животный мир»; *(aist)-ъ* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *češ-uj-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’ т. 1 «Животный мир»; *bab-ъč-ъk-a* к. 45 ‘бабочка’ т. 1 «Животный мир»; *čest-j-a* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; *pod-sъln-ъč-ъn-ik-ъ* к. 21 ‘подсолнечник’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *//už-in-ъ* к. 62 ‘ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.).

Объяснить явление широкого распространения эксклюзивной лексики можно, по-видимому, тем, что она стала достоянием литературного языка (ср. **мак.** лит. *мрсен*; **блг.** лит. *кобилица, телешко*; **чеш.** лит. *čáp, kosáč, rajče, žizeň*; **слц.** лит. *olovrant, lievik*; **плс.** лит. *jaskółka, locha się, kukurydza, pragnienie, kolacja*; **н-луж.** лит. *pata, seck*, **укр.** лит. *іжак, перевесло*; **рус.** лит. *аист, бабочка, ужин, чешуя, чаща, огурец* и т. д.), что во многом способствовало укреплению ее «жизненной силы» и, соответственно, распространению. Благодаря этим лексемам происходило «портретное» оформление диалектов того или иного славянского языка.

Однако в целом таких случаев отмечено сравнительно немного, значительно чаще встречаются островные или даже точечные ареалы, причем в локализации этих ареалов также прослеживается определенная повторяемость.

2. Эксклюзивная лексема имеет ограниченный ареал в диалектах одного языка

Прежде всего следует отметить, что эксклюзивные лексемы имеются во всех славянских диалектах, что хорошо видно на сводной карте эксклюзивов (см. карту-схему эксклюзивов 148). Если в том или ином пункте они

и отсутствуют, то объяснить это можно, скорее всего, неполнотой материала. Более того, в распределении ареалов эксклюзивных лексем прослеживается определенная повторяемость, что позволяет говорить о том, что во всех славянских диалектах существуют своеобразные **очаги** эксклюзивных образований, т. е. эти диалекты обладают **высокой степенью «пассионарности»**, ярко выраженным стремлением к «индивидуальности», склонностью к образованию отличительно характеризующей их лексики. Обследование славянских диалектов в этом аспекте показало, что таким удивительным свойством обладают **словенские** диалекты (особенно горенские и ровтарские говоры), которые выделяются на всем пространстве terra Slavia.

Словенские диалекты

В словенских диалектах очаги эксклюзивов локализируются чаще всего в горенских (особенно в пп. 7, 9), ровтарских (особенно в п. 8), доленских (особенно в пп. 14, 16), штаерских (особенно в п. 18) и костелских (особенно в п. 13) говорах, ср. распространение следующих лексем: (*bal*)-а к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи»; *brin-ъj-e* к. 38 ‘можжевельник’ т. 3 «Растительный мир»; *deť-el-j-a* к. 80 ‘клевер’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*dil*)-j-a к. 32 ‘часть плуга, которая откладывает землю на бок’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*dokt*)-ar-ic-a, *съ-dorv-ъn-ic-a* к. 29 ‘женщина-врач’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *do-pad-e-tъ <se>* к. 2 ‘наравится’ т. 10 «Народные обычаи»; (*jurj*)-ъ, (*jurj*)-ъѣ-ъk-ъ к. 55 ‘боровик’ т. 3 «Растительный мир»; *kad-i-l-ъc-ъ* к. 20 ‘человек, который курит папиросы’ т. 10 «Народные обычаи»; (*kaštron*)-ъ к. 5 ‘кастрированный баран’ т. 2 «Животноводство»; *koš-ъn-j-a* к. 83 ‘время, когда косят траву на сено’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *koz-ar-ъc-ъ* к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *koz-ъл-іѣ-ъk-ъ* к. 30 ‘козленок’ т. 2 «Животноводство»; (*kumar*)-а к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *lon-ъѣ-en-ъ* к. 50 ‘глиняный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lusk-in-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’ т. 1 «Животный мир»; (*macesen*)-ъ к. 33 ‘лиственница’ т. 3 «Растительный мир»; (*mic*)-ъk-ъ, (*mic*)-ъk-a к. 25 ‘котенок’ т. 2 «Животноводство»; (*malc*)-а к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-lup-ъk-ъ* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pě-v-ъk-a* к. 31 ‘женщина, которая хорошо поет’ т. 10 «Народные обычаи»; (*pies*)-а к. 14 ‘свекла’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pļes-av-ъc-ъ* к. 28 ‘человек, который хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; *po-kop-j-e-tъ* к. 42 ‘похоронит’ т. 10 «Народные обычаи»; *polv-ic-a* к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *po-rqč-i-tъ <se>* к. 12 ‘выходит замуж’ т. 10 «Народные обычаи»; *po-slav-j-a-j-e-tъ se* к. 18 ‘прощается’

т. 10 «Народные обычаи»; (*punc*)-*ьk-a* к. 35 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; (*rac*)-*ьk-a* к. 34 ‘утенок’ т. 2 «Животноводство»; (*raigrat*)-*ь* к. 51 ‘одуванчик’ т. 3 «Растительный мир»; *reg-et-a-j-e-tь* к. 60 ‘ржет’ т. 2 «Животноводство»; (*rěv*)-*ьšč-in-a* к. 62 ‘бедность, нужда’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*rink*)-*a* к. 14 ‘кольцо с камнем’ т. 10 «Народные обычаи»; (*rink*)-*a* к. 15 ‘обручальное кольцо’ т. 10 «Народные обычаи»; *rutěn-ь-ak-ь* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *solm-ic-a* к. 78 ‘один стебель соломы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *сь-met-en-a* к. 36 ‘сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *сьn-ьс-е* к. 4 ‘висок’ т. 9 «Человек»; *сь-po-min-ьč-ic-a* к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; *сь-řet-j-a-j-e-tь <se>* к. 1 ‘встретит’ т. 10 «Народные обычаи»; (*trug*)-*a* к. 44 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; *uč-en-ik-ь* к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *uč-en-ьс-ь* к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *žen-im-ь, (fant)-ь* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; *žen-im-ь* к. 9 ‘мужчина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; *žę-tv-ь* к. 65 ‘время, когда жнут и убирают хлеба’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ži-v-ьl-ej-e* к. 40 ‘жизнь’ т. 10 «Народные обычаи»; (*žog*)-*a* к. 36 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи».

Кроме того, эксклюзивы очень часто локализуются в приморских говорах, а также в говорах Каринтии, ср.: (*bogn*)-*ar-ь* к. 8 ‘человек, который делает деревянные бочки и кадки’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*brajd*)-*a* к. 8 ‘виноград’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*fajf*)-*a-j-e-tь* к. 19 ‘курит’ т. 10 «Народные обычаи»; *kps-i-dl-o* к. 59 ‘обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*murk*)-*a, (kogumar)-ь* к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ne-děl-ь* к. 39 ‘праздник’ т. 10 «Народные обычаи»; (*novic*)-*a* к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; (*novič*)-*ь* к. 9 ‘мужчина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; (*pavk*)-*a* к. 23 ‘барабан’ т. 10 «Народные обычаи»; *per-qt-ьс-е* к. 32 ‘часть плуга, которая откладывает землю на бок’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*polm*)-*ь* к. 36 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи»; (*pungart*)-*ь* к. 1 ‘сад’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pust-j-a* к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*raj*)-*ov-ьс-ь* к. 28 ‘человек, который хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; (*raj*)-*ьk-a* к. 29 ‘женщина, которая хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; (*rink*)-*ic-a* к. 14 ‘кольцо с камнем’ т. 10 «Народные обычаи»; *сьn-o-сьk-ь* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *za-běl-ь, za-běl-a* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*vinaxl*)-*i* к. 48 ‘рождество’ т. 10 «Народные обычаи»; (*žegn*)-*ь* к. 46 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи».

Хорватские диалекты

В хорватских диалектах эксклюзивные лексемы также распространены неравномерно. Их очаги находятся чаще всего в кайкавских говорах (особенно в пп. 27, 29–30), ср. распространение следующих лексем: (*bic*)-*ьk-o* к. 7 ‘некастрированный самец свиньи’ т. 2 «Животноводство»; *cuc*-*ьk-ъ* к. 9 ‘собака’ т. 2 «Животноводство»; *gost-i*, *svat-i* к. 16 ‘свадьба’ т. 10 «Народные обычаи»; *kuk-ov-ač-a* к. 21 ‘кукушка’ т. 1 «Животный мир»; *mašč-a* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mold-en-ьk-a* к. 10 ‘невеста’ т. 10 «Народные обычаи»; *mold-en-ьk-a*, *ne-věst-ic-a*, *za-reč-ьn-ic-a* к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; *mold-o-žen-j-a*, *dět-ьč-ьk-o* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; *сь-pro-vod-ъ* к. 43 ‘похороны’ т. 10 «Народные обычаи»; *сь-sta-n-e-tъ* к. 1 ‘встретит’ т. 10 «Народные обычаи»; *šip-ar-ьj-e* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; (*tanc*)-*ač-ъ* к. 28 ‘человек, который хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc*)-*ač-ic-a*, (*tanc*)-*ar-ic-a* к. 29 ‘женщина, которая хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; *tor-ьc-ъ* к. 8 ‘хорь’ т. 1 «Животный мир»; *вьx-ьn-j-a* к. 37 ‘сметана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *вьx-ьn-ьj-e* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *вьx-ьn-ьj-e* к. 36 ‘сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žblt-j-an-ьk-ъ* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *зьn-j-ač-ъ* к. 68 ‘мужчина, который жнет серпом’ т. 4 «Сельское хозяйство».

Из других хорватских диалектов можно отметить чакавские и славонские говоры, в которых эксклюзивные лексемы также встречаются довольно часто, ср. распространение следующих лексем: *beb-ьk-a* к. 35 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; (*bělěž*)-*ьn-ic-a* к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *byk-a* к. 3 ‘некастрированный самец коровы’ т. 2 «Животноводство»; (*cimiter*)-*ъ* к. 46 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи»; (*gustož*)-*ъ* к. 65 ‘вкусный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*jač*)-*ьk-ar-ic-a*, (*kantur*)-*ic-a* к. 31 ‘женщина, которая хорошо поет’ т. 10 «Народные обычаи»; (*jag*)-*an-ьj-e* к. 57 ‘охота на диких зверей или птиц’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*kantur*)-*ъ*, (*kantator*)-*ъ*, (*kantadur*)-*ъ*, (*jač*)-*ьk-ar-ъ* к. 30 ‘человек, который хорошо поет’ т. 10 «Народные обычаи»; (*jač*)-*ьk-a* к. 32 *Nsg* **rěsнь* т. 10 «Народные обычаи»; (*karič*)-*ic-a* к. 14 ‘кольцо с камнем’ т. 10 «Народные обычаи»; (*kuntra*)-*j-e-tъ* к. 1 ‘встретит’ т. 10 «Народные обычаи»; (*meštar*)-*ъ* к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *qřz-sox-y* к. 30 ‘ручки плуга’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *qřs-ьč-itъ-ъ* к. 31 ‘поросенок’ т. 2 «Животноводство»; *qřčen-ьj-e* к. 58 ‘завтрак’ т. 6 «Домашнее хозяйство

и приготовление пищи»; *sop-ьс-ь* к. 22 'музыкант' т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc*)-*ur-ic-a*, (*balarin*)-*a* к. 29 'женщина, которая хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *tež-ak-ь* к. 40 'человек, который работает на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *věšt-j-ьk-a* к. 21 'женщина, которая занимается колдовством' т. 10 «Народные обычаи»; *za-rqč-ьn-j-ak-ь* к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *za-rqč-ьn-j-ak-ь* к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; (*žmul*)-*ь* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Сербские диалекты

В сербских диалектах очаги эксклюзивов локализуются чаще всего в косовско-ресавских говорах (особенно в пп. 70, 79–80, 82–83), зетско-сенинских (особенно в п. 73–75, 78) и в призренско-тимокских говорах (особенно в пп. 86–87), ср. распространение следующих лексем: *čar-on-ь=ak-ь* к. 47 'копыто коровы' т. 2 «Животноводство»; *čuk-a-j-e-ть* к. 57 'клюет' (о курице) т. 2 «Животноводство»; *čьbьr-ьn-j-ak-ь* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*doboš*)-*ь* к. 23 'барабан' т. 10 «Народные обычаи»; *dьrv-o-děl-j-a* к. 4 'человек, который строит деревянный дом' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gor-o-sěč-a* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *grob-ov-ьj-e* к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *gur-е* к. 31 'поросенок' т. 2 «Животноводство»; *jьz-paš-a*, *paš-a-(luk)-ь* к. 53 'неогороженное место, на котором пасется скот' т. 2 «Животноводство»; *klju-v-ьn-ic-a* к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *ko-bьrl-j-a-j-e-ть se* к. 38 'катится' (о мяче) т. 10 «Народные обычаи»; (*kolomboč*)-*ь* к. 54 'кукуруза' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kor-ub-a* к. 41 'скорлупа яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*krtol*)-*a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kyš-a* к. 49 'то, чем свинья роет землю, рыло' т. 2 «Животноводство»; *lěp-ь* к. 65 'вкусный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *molt-ač-ь* к. 74 'цеп, орудие для ручной молотьбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *mqrv-in-j-ak-ь* к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; *ob-ěd-ь* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *o-mold-i-l-a <se>* к. 72 'родила детенышей' (овца) т. 2 «Животноводство»; *pap-on-ь=ak-ь* к. 47 'копыто коровы' т. 2 «Животноводство»; *pa-volk-a* к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *perd-rqč-ьk-ь* к. 58 'завтрак' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *plov-ьč-е* к. 34 'птенец утки' т. 2 «Животноводство»; (*pop*)-*ic-a* к. 35 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; *pro-pis-ь* к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pros=j-ač-ic-a* к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *reb-et-j-e-ть* к. 60 'ржет' (лошадь) т. 2

«Животноводство»; *sb-b--/-agn-a*, *sb--/-agn-j-est-a* к. 71 ‘суягная, котная’ т. 2 «Животноводство»; *stbrv-in-a* к. 51 ‘падаль,дохлое животное’ т. 2 «Животноводство»; *šat-an-ъ* к. 13 ‘самец утки’ т. 2 «Животноводство»; *vil-in-ъ konj-ic-ъ* к. 47 ‘стрекоза’ т. 1 «Животный мир»; *vbr-ač-ar-ic-a* к. 21 ‘женщина, которая занимается колдовством’ т. 10 «Народные обычаи»; *žblt-ъc-e*, *žblt-ъc-ъ* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Из других сербских диалектов можно выделить восточно-герцеговинские и смедеревско-вершацкие говоры, в которых также довольно часто встречаются эксклюзивные лексемы, ср. распространение следующих лексем: *bir-e* к. 33 ‘птенец гуся’ т. 2 «Животноводство»; (*komš*)-*in-ъk-a* к. 3 ‘женщина, живущая в соседнем доме’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kreč-i-tъ* к. 65 ‘гогочет’ (гусь) т. 2 «Животноводство»; *kъrm-et-in-a* к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mot-ъk-a* к. 74 ‘цеп, орудие для ручной молотьбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pa-volk-a* к. 37 ‘сметана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *per-or-ic-a* к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *stbrn-ik-ъ* к. 43 ‘поле, с которого убрана пшеница’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *sb--/-agn-j-en-a* к. 71 ‘суягная, котная’ т. 2 «Животноводство»; *trav-ъn-ъ=ak-ъ* к. 53 ‘неогороженное место, на котором пастется скот’ т. 2 «Животноводство».

Македонские диалекты

В македонских диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в западной группе говоров (особенно в пп. 90, 92, 99, 101), в юго-западной и в центральной (особенно в пп. 94, 97, 100), а также в говорах Эгейской Македонии (особенно в пп. 107–109), ср. распространение следующих лексем: (*armas*)-*an-ъ*, (*armas*)-*ъn-ik-ъ*, *sb-vbrš-en-ik-ъ*, к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; (*armas*)-*ъn-ic-a*, *sb-vbrš-en-ic-a*, (*armas*)-*an-a* к. 10 ‘невеста’ т. 10 «Народные обычаи»; *bac-u-j-e-tъ* к. 4 ‘целует’ т. 10 «Народные обычаи»; (*bendi*)-(*s*)-*u-j-e-tъ <se>* к. 2 ‘нравится’ т. 10 «Народные обычаи»; *broj-e-tъ* к. 50 ‘считает’ (деньги) т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *buc-a-j-e-tъ <se>* к. 56 ‘бодается’ т. 2 «Животноводство»; *bъr-a-k-ъ* к. 16 ‘свадьба’ т. 10 «Народные обычаи»; *čest-ak-ъ* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; *čuk-a-dl-o*, *čuk-a-dl-ъk-a* к. 74 ‘орудие для ручной молотьбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *čur-i-dl-o*, *čur-i-dl-ъk-a* к. 49 ‘рыло’ т. 2 «Животноводство»; *gat-ъč-ъk-a* к. 77 ‘сказка’ т. 9 «Человек»; *gluš-ъc-ъ*, *golēm-ъ gluš-ъc-ъ* к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»; (*hor*)-*o-ži-j-a* к. 28 ‘человек, который хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; *jъz-peč-i-tъ* к. 15 3sg *praes asp perf* ‘печет’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*kondil*)-*ъ* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии

и общественная жизнь»; *kop-a-j-e-tb*, *kop-ač-i-tb*, *terb-i-t-ь* к. 25 'корчует' (корни деревьев) т. 4 «Сельское хозяйство»; *měš-un-ьk-a* к. 15 'стручок' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*murekep*)-ь, (*melan*)-ь, (*kalam*)-ar-ь к. 37 'чернила' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *or-dl-ic-i* к. 30 'ручки плуга' т. 4 «Сельское хозяйство»; *podь-kvas-ь* к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *po-rqč-ьk-ь* к. 58 'завтрак' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-u-j-e-tb se*, *prost-uv-a-j-e-tb se* к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»; *rip-un-ьc-ь* к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *rip-un-ьc-ь* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *pyrl-ic-a* к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; (*tefter*)-ь к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*tek-n*)-e к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *teg-av-ьc-ь* к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *tron-ьk-y* к. 19 'крошки' (хлеба); т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *věšt-j-er-ьk-a* к. 21 'женщина, которая занимается колдовством' т. 10 «Народные обычаи»; *za-kop-ь* к. 43 'похороны' т. 10 «Народные обычаи».

Из других македонских диалектов можно выделить северную и восточную группы говоров, где реже, но также встречаются эксклюзивы, ср. распространение следующих лексем: (*bendi*)-(s)-a-j-e-tb <se> к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; *poj-ač-ь*, *pě-sn-ar-(ij)-a* к. 30 'человек, который хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *prost-j-e-v-a-j-e-tb* <se> к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»; *sv-//rě/et-j-n-e-tb* к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *věšt-j-er-ic-a* к. 21 'женщина, которая занимается колдовством' т. 10 «Народные обычаи»; *u-tyr-ež-ь* к. 41 'смерть' т. 10 «Народные обычаи».

Болгарские диалекты

В болгарских диалектах высокая концентрация эксклюзивов наблюдается в юго-восточной группе говоров (особенно в пп. 140–145), в некоторых пунктах северо-восточной группы (пп. 124, 127, 129–131 135–138), а также в переселенческих говорах на территории Турции (пп. 852, 853), ср. распространение следующих лексем: *bac-ьk-a-j-e-tb* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *cig-ul-ar-ь* к. 22 'музыкант' т. 10 «Народные обычаи»; (*dermenži*)-j-a к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dorg-ost-ь* к. 26 'радость' т. 10 «Народные обычаи»; (*hor*)-o-bi-j-a к. 28 'человек, который хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; (*hor*)-o-bi-j-ьk-a к. 29 'женщина, которая хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; (*kartof*)-ь к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kor-en-i-tb*, *jьz-kor-en-ěv-a-j-e-tb* к. 25 'корчует' (корни деревьев) т. 4 «Сельское хозяйство»; *pat-ьk-isk-j-E* (subst) к. 25 'мясо

гуся' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pě-sn-ъ=-o-poj-ьka* к. 31 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *po-greb-va-j-e-tъ, za-ryv-a-j-e-tъ, za-rav-j-a-j-e-tъ, za-kop-a-va-j-e-tъ* к. 42 'похоронит' т. 10 «Народные обычаи»; *sinigyr-in-ъ, sinigyr-ъč-ę* к. 26 'синица' т. 1 «Животный мир»; *sin-ъc-ъ, sin-ъč-ъc-ъ* к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *skak-al-ъ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *съ-dorv-ъ* к. 72 'крепкий' (например, о перевясле) т. 4 «Сельское хозяйство»; *съ-rět-j-n-e-tъ* к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; (*tizek*)-ъ к. 34 'валик земли, откладываемый плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *tyrk-ul-čest-ъ, val-ъč-est-ъ* к. 37 'круглый' (о мяче) т. 10 «Народные обычаи»; *tyrk-ul-j-a-j-e-tъ se, vьrg-al-j-a-j-e-tъ se* к. 38 'катится' (о мяче) т. 10 «Народные обычаи»; *vьn-ъč-a-v-a-j-e-tъ <se>* к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; (*vrakčij*)-ъ, (*vrakčij*)-a к. 68 'мужчина, который жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *vьr-ač-ьk-a* к. 21 'женщина, которая занимается колдовством' т. 10 «Народные обычаи»; *u-mir-a-l-ъk-a* к. 41 'смерть' т. 10 «Народные обычаи».

Кроме того, эксклюзивы встречаются довольно часто в западных и северо-западных болгарских диалектах (особенно в пп. 114, 116 и 120), ср.: *bux-a-dl-ъk-a* к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*geran*)-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gъs-ъj-E* (subst) к. 25 'мясо гуся' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *cuk-n-e-tъ* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *jьz-pě-va-j-e-tъ* к. 33 'поет' т. 10 «Народные обычаи»; *klju-v-ač-ъ* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *mold-o-žen-j-ak-ъ* к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *or-ъn-ic-a* к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сельское хозяйство»; *šut-a* к. 8 'лист' (coll) т. 3 «Растительный мир».

Чешские диалекты

В чешских диалектах очаги эксклюзивов находятся чаще всего в западной группе говоров (особенно выделяются пп. 179–180 и 186), ср. распространение следующих лексем: *bor-ov-ъč-ъj-e* к. 43 'черника' т. 3 «Растительный мир»; (*brambor*)-a, (*brambor*)-ъ, (*ertepl*)-j-a к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство»; *brus-in-a, brus-in-ъk-a* к. 48 'один плод брусники' т. 3 «Растительный мир»; *сěl-ъn-ik-ъ* к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *čьrv-en-i svět-ъk-y* к. 49 'пасха' т. 10 «Народные обычаи»; *derv-o-rqb-ъc-ъ, lěs-ak-ъ* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *do-pis-ъ* к. 38 'письмо' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *drob-ъč-ъk-y* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dqbr-av-ъn-ik-ъ* к. 55 'боровик' т. 3 «Растительный мир»; *dьn-ъn-ik-ъ* к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *glem-yzs-jь* к. 34 'улитка с раковиной' т. 1 «Животный мир»;

god-ьb-ьn-ik-ъ к. 22 ‘музыкант’ т. 10 «Народные обычаи»; (*grejcar*)-*i* к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *grьb-ьl-ъk-o* к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»; *гь-pan-in-ъk-a* к. 35 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; *xlěb-ov-a mьk-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*kadl*)-*ęt-ъk-o*, (*kadl*)-*ęt-ъk-a*, (*švest*)-*ъk-a* к. 6 ‘слива’ (один под) т. 4 «Сельское хозяйство»; *каx-ьn-a* к. 22 ‘утка’ т. 2 «Животноводство»; (*kantor*)-*ъ* к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *meč-ud-a*, (*balon*)-*ъk-ъ* к. 36 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи»; *na-dьb-ьn-ik-ъ* к. 40 ‘человек, который работает на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *na-měst-ьj-e* к. 47 ‘рынок’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *ньkt-ič-ъk-y* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*ork*)-*y* к. 44 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; *ov-ьč-ak-ъ* к. 25 ‘овчар’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*pampel*)-*uš-ъk-a* к. 51 ‘одуванчик’ т. 3 «Растительный мир»; (*plex*)-*ъ* к. 32 ‘часть плуга, которая откладывает землю на бок’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *po-kljud-j-i-tь*, *po-kljud-j-a-j-e-tь* к. 58 ‘ухаживает за скотом’ т. 2 «Животноводство»; *porš-iv-ъk-a*, *porš-iv-in-a* к. 56 ‘ядовитый гриб’ т. 3 «Растительный мир»; (*roc*)-*ьn-a* к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»; *skot-ač-ъk-a*, *pas-ъk-a* к. 24 ‘женщина, которая пасет скот’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *snuьb-en-ъk-a* к. 10 ‘невеста’ т. 10 «Народные обычаи»; *snuьb-en-ьc-ь* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; *strěl-ьc-ь* к. 56 ‘человек, который охотится’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *stud-ьn-ic-a* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *stьkl-ěn-ic-a* к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svač-ьn-j-a* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *сь-doj-ъk-y* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*šnek*)-*ъ* к. 35 ‘улитка без раковины’ т. 1 «Животный мир»; *тьrdl-u-j-e-tь* к. 27 ‘танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; *zid-ьn-ik-ъ*, *pekt-j-ak-ъ*, *pekt-j-ьn-ar-ъ* к. 7 ‘человек, который делает печи’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*vanoc*)-*ьn-i svět-ъk-y* к. 48 ‘рождество’ т. 10 «Народные обычаи»; *vesel-ъk-a*, *vesel-ost-ъ* к. 16 ‘свадьба’ т. 10 «Народные обычаи»; *žuž-al-j-a* к. 36 ‘дождевой червь’ т. 1 «Животный мир»; *зьn-e-tь* к. 67 ‘косит’ (траву косой) т. 4 «Сельское хозяйство»; *зьv-yk-a-j-e-tь* к. 55 ‘жует жвачку’ т. 2 «Животноводство».

Из других диалектных групп заметно выделяются ганацкие говоры (особенно п. 195), в которых также достаточно часто встречаются эксклюзивы, ср. распространение следующих лексем: *gol-ъk-a* к. 84 ‘палка грабель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *grьb-ьl-ьc-e* к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»; *kur-ьl-j-ak-ъ* к. 20 ‘курильщик’ т. 10 «Народные обычаи»; *kys-an-ъ*

к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *nět-ъk-a* к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *po-děl-ъ* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *sъn-jъd-e-ть <se>* к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *tur-ъk-yn-j-ъ* к. 54 'кукуруза' т. 4 «Сельское хозяйство».

Словацкие диалекты

В словацких диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в западнословацких говорах (их высокая концентрация отмечена в пп. 211–212, 221), а также в среднесловацких (особенно в пп. 217–220, 224), ср. распространение следующих лексем: *bab-ik-a*, *gъ-pan-ič-ъk-a* к. 35 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; *běd-ar-ъk-a* к. 65 'бедная женщина' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bor-in-a* к. 18 'хвойный лес' т. 3 «Растительный мир»; *bor-ov-ъk-a* к. 38 'можжевельник' т. 3 «Растительный мир»; (*bralt*)-*a* к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; (*ceruz*)-*ъk-a* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*cinterin*)-*ъ* к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *čišor-ěd-ъk-a* к. 43 'черника' т. 3 «Растительный мир»; *derv-o-rъb-ač-ъ*, *rъb-ar-ъ*, (*šlog*)-*ar-ъ*, (*šajt*)-*ar-ъ* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *dъb-ak-ъ* к. 55 'боровик' т. 3 «Растительный мир»; (*gol*)-*a* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *ko-č-e* к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *kot-ul-ъk-a*, (*karič*)-*ъk-a* к. 15 'обручальное кольцо' т. 10 «Народные обычаи»; (*krumpl*)-*j-a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство»; *lyž-ic-a* к. 52 'ложка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mъld-o-žen-ix-ъ* к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-ved-j-a* к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ob-mъrv-in-y*, *ob-mъrv-in-ъk-y*, *ob-mel-in-ъk-y* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *orъ-lъč-i-ть <se>* к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»; *per-nog-y*, *plug-ov-ič-ě* к. 30 'ручки плуга' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*pohar*)-*ik-ъ* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *raj-ъč-in-a* к. 18 'помидор' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ran-ъ=a-j-ъk-y* к. 58 'завтрак' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*rat*)-*a-j-e-ть*, (*rat*)-*j-e-ть* к. 50 'считает деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skor-o-cěl-ъ* к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *sъ-ljub-en-ъc-ъ*, *vě-en-ъc-ъ*, *otъ-da-n-ъc-ъ*, (*braldigan*)-*ъ* к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *sъ-rъk-ov-an-a*, *sъ-ljub-en-ъk-a* к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc*)-*ul-j-a* к. 29 'женщина, которая хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *top-ъn-j-a* к. 6 'тень' т. 3 «Растительный мир»; *vin-ič-ъ* к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žig-ъl-j-av-a*, *pyg-ъl-j-av-a* к. 22 'крапива' т. 4 «Сельское хозяйство».

Значительно реже эксклюзивы локализируются в восточнословацких говорах, здесь, пожалуй, самыми заметными являются пп. 225, 230, в которых

чаще всего встречаются эксклюзивные лексемы, ср. распространение следующих лексем: (*bandur*)-*ьк-а* к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *kon-ar-ь* к. 4 ‘ветка хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; *kos-ь-аč-ь* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *modr-ač-ьк-а* к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *molt-j-ač-ь* к. 77 ‘мужчина, который молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *sъ-běs-ьn-ě-t-ъ* к. 73 ‘бешеный’ (о собаке) т. 2 «Животноводство»; *sъ-ljub-en-ic-a* к. 10 ‘невеста’ т. 10 «Народные обычаи»; (*stafiring*)-*ь* к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи»; (*valal*)-*ь* к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *vorž-ьк-yn-j-a* к. 21 ‘женщина, которая занимается колдовством’ т. 10 «Народные обычаи»; *vy-тъniš-ьк-u-j-e-t-ь* к. 59 ‘кастрирует’ т. 2 «Животноводство».

Лужицкие диалекты

В лужицких диалектах очаги эксклюзивов отмечены в отдельных пунктах как вернелужицких (чаще всего в п. 236), так и нижнелужицких диалектов (особенно в п. 234), ср. распространение следующих лексем: (*bal*)-*о* к. 36 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи»; *bog-ov-ь konj-ik-ь* к. 47 ‘стрекоза’ т. 1 «Животный мир»; (*gluk*)-*а* к. 7 ‘счастье’ т. 10 «Народные обычаи»; (*hon*)-*ак-ъ, (hon)-ač-ъ, (hon)-ьк-ъ* к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; *χod-ot-a* 21 ‘женщина, которая занимается колдовством’ т. 10 «Народные обычаи»; (*frejd*)-*а* к. 26 ‘радость’ т. 10 «Народные обычаи»; *kot-j-er* к. 10 ‘кот’ т. 2 «Животноводство»; *kostr-j-an-ьс-ь, kostr-j-an-ьк-ъ* к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *krot-ъ* к. 72 ‘крепкий’ (например, о перевясле) т. 4 «Сельское хозяйство»; *kvas-ъ* к. 16 ‘свадьба’ т. 10 «Народные обычаи»; (*kul*)-*ьк-а* к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ljub-j-q* ‘обещаю’ к. 4 Sm 2195 *lsg praes ljubjo, ljubimъ* т. 10 «Народные обычаи»; (*тъlin*)-*ик-ъ* к. 19 ‘человек, который мелет зерно на мельнице’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*nojlant*)-*ь* к. 26 ‘поле, вспаханное и засеянное впервые’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pri-nož-ič-ě* к. 30 ‘ручки плуга’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pust-O* (subst) к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*rej*)-*ov-ar-ьк-а* к. 29 ‘женщина, которая хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; *sъ-bož-bj-e, (šar)-it-ь* к. 12 ‘пугает, внушает страх’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ux-ač-ь* к. 11 ‘заяц’ т. 1 «Животный мир».

Польские диалекты

В польских диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в великопольских говорах (высокая концентрация их отмечена в пп. 260, 270), а также в кашубских (особенно в пп. 242 и 249) ср. распространение следующих лексем: *bor-ar-ь, (klaft)-j-ar-ь* к. 5 ‘человек, который рубит

лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bor-ъ* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *bъd-ыl-ыk-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *do-sta-va-j-e-ty* <*se*> к. 63 'зреет, спеет' (о хлебах) т. 4 «Сельское хозяйство»; *(draš)-u-j-e-ty* к. 73 'молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gvězd-ыk-a*, *god-ыn-y* *svět-ъ* к. 48 'рождество' т. 10 «Народные обычаи»; *xvoj-ak-ъ* к. 17 'хвоя' т. 3 «Растительный мир»; *хър-ъ* к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; *(jaxt)-a* к. 57 'охота на диких зверей, птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *йм-a-jet-ыk-ъ* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *jъz mьrtv-y* *vъz-st-an-ыj-e* к. 49 'пасха' т. 10 «Народные обычаи»; *kač-ъ=ak-ъ* к. 34 'гусенок' т. 2 «Животноводство»; *(kater)-ъ* к. 10 'кот' т. 2 «Животноводство»; *kop-an-j-ъ* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kop-ыt-i-ty* к. 19 'курит' т. 10 «Народные обычаи»; *kos-ыn-ik-ъ* к. 70 'мужчина который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kruš-in-y*, *ob-kruš-ыk-y* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kur-ak-ъ* к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *kur-ъ* к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *kyš-en-ъ* к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *molt-j-ar-ъ* к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *mъž-at-ыk-a* к. 13 'молодая женщина, недавно вышедшая замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *(mьlinar)-ъč-ik-ъ* к. 21 'сын мельника' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mьniš-i-ty* к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *ob-ber-ыk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ber-ыk-y*, *ob-ber-in-y*, *struž-in-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-kras-a* к. 27 'подкожный слой жира в свинине' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *o-pret-a-j-e-ty* к. 58 'ухаживает за скотом' т. 2 «Животноводство»; *ot-klad-ыn-ic-a* к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство»; *otъ-vit-a-j-e-ty* <*se*>, *sv-рет-a-j-e-ty* <*se*> к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»; *pas-t-ur-ыk-a*, *pas-t-or-ыk-a* к. 24 'женщина, которая пасет скот' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pas-ыn-ik-ъ* к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *prag-ыn-eč-ыk-a* к. 9 'желание потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prъja-j-e-ty* к. 3 'любит' (мать) т. 10 «Народные обычаи»; *(pyr)-ыk-a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pъs-ъ=ak-ъ* к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; *skop-ov-in-a* к. 24 'мясо барана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sox-y* к. 30 'ручки плуга' т. 4 «Сельское хозяйство»; *stьkl-arъ-ъ* к. 47 'стрекоза' т. 1 «Животный мир»; *sv-dъx-ыl-izn-a* к. 51 'падаль' т. 2 «Животноводство»; *sv-tъrv-ъ* к. 51 'падаль' т. 2 «Животноводство»; *sv-pě-v-ыk-a* к. 32 'песня' т. 10 «Народные обычаи»; *(šand)-y*, *(ped)-y* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер

на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*škol*)-*ьн-ъ* к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *šьv-ьč-ьk-a* к. 14 'жена сапожника' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *tet-a* к. 21 'женщина, которая занимается колдовством' т. 10 «Народные обычаи»; *tul-a-j-e-tь se* к. 38 'катится' (о мяче) т. 10 «Народные обычаи»; *tryk-ъ* к. 4 'баран' т. 2 «Животноводство»; *ььr-ьt-ьk-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*zark*)-*ъ* к. 44 'гроб' т. 10 «Народные обычаи»; *žьn-e-ть* к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Из других польских диалектов заметно выделяются мазовецкие говоры (особенно пп. 251, 262–263, 271, 274, 283, 285, 295) и малопольские, в которых также довольно часто встречаются эксклюзивы (особенно в п. 291), ср. распространение следующих лексем: *berg-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*brut*)-*ьk-a* к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *сус-ьk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *jьgr-aj-ьk-ъ* к. 22 'музыкант' т. 10 «Народные обычаи»; (*x*)*vij-uk-a-ть* к. 34 'свистит' т. 10 «Народные обычаи»; *krъš-ьč-in-y* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pal-ьt-j-ъ* к. 20 'курильщик' т. 10 «Народные обычаи»; *pas-t-ux-a* к. 24 'женщина, которая пасет скот' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skrob-in-y, ob-skrob-in-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šьv-ьс-ul-j-a* к. 14 'жена сапожника' т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Белорусские диалекты

Ситуация в белорусских диалектах интересна тем, что здесь зафиксировано меньше всего эксклюзивных лексем. Они, как правило, не имеют обширных ареалов и локализуются чаще всего в среднебелорусских (особенно в пп. 331, 338, 346, 367), в северо-восточных (особенно в пп. 332, 340, 348, 358, 368, 378) и в юго-западных говорах (особенно в пп. 345, 355), ср. распространение следующих лексем: (*bond*)-*a* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *dol-j-a* к. 7 'счастье' т. 10 «Народные обычаи»; *jal-ьс-ь, podъ-jal-ov-ьс-ь* к. 38 'можжевелик' т. 3 «Растительный мир»; *klad-ov-ьj-e, klad-ov-ьj-a* к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *kot-en-ь=о* к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *koz-ьl-ъ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *mold-en-ъ* к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *mur-av-ьj-ъ* к. 42 'муравейник' т. 1 «Животный мир»; *na-rog-ъ* к. 31 'железная часть плуга, которая подрезает землю снизу' т. 4 «Сельское хозяйство»; *or-at-ъ* к. 27 'человек, который пашет' т. 4 «Сельское хозяйство»; *рě-j-ux-a, рě-j-ul-j-a* к. 31 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *рě-j-un-ъ* к. 30 'человек,

который хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *podъ-mel-ьšč-ik-ъ* к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-xov-a-n-ьj-e* к. 43 'похороны' т. 10 «Народные обычаи»; *po-klad-a-j-e-tъ* к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *pol-j-ov-ьn-ič-ъ* к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *съ-po-tyk-n-e-tъ <se>*, *per-ъm-e-tъ*, *sq-dos-i-tъ* к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *сьrb-al-in-у* к. 41 'ежевика' т. 3 «Растительный мир»; *тъlst-ost-ъ*, *съ-dor-ъ* к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *тъšč-ъ*, *нѣ-съ-čet-ьn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *въlč-ъ=-ak-ъ* к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; *žen-ъ=-uk-ъ* к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *žerb-ъk-ъ* к. 1 'жеребец' т. 2 «Животноводство».

Украинские диалекты

В украинских диалектах эксклюзивных лексем представлено довольно много, однако плотность их ареалов невысока. Основные очаги их находятся в юго-западных говорах (особенно часто они встречаются в пп. 466–468, 471 и 485), а также в юго-восточных (особенно в пп. 492–493, 501–502), ср. распространение следующих лексем: (*babouk*)-а к. 35 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; (*barabol*)-j-a к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство»; *bi-dl-en-ъ* к. 76 'часть цепа, которым бьют по колосьям' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*bomb*)-а, (*mindž*)-а к. 36 'мяч' т. 10 «Народные обычаи»; *bqb-ьn-a*, *bux-a-dl-o* к. 23 'барабан' т. 10 «Народные обычаи»; *bqb-ьn-o*, *bqb-ьn-a*, *bqb-ьn-ъk-a* к. 24 'бубен' т. 10 «Народные обычаи»; *derv-išč-e*, (*koporsul*)-ъ к. 44 'гроб' т. 10 «Народные обычаи»; *dom-ov-in-a* к. 45 'могила' т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ъk-y*, *grob-y* к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *gelg-oč-e-tъ*, *gelg-ot-i-tъ* к. 65 'гогочет' т. 2 «Животноводство»; *gost-j-ak-ъ*, *xvost-j-a*, *xvost-j-ъ* к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *greb-ьl-ic-a* к. 52 'скребница' т. 2 «Животноводство»; (*xoroš*)-a-j-e-tъ, (*xoroš*)-ě-j-e-tъ, (*xoroš*)-e-j-e-tъ, *vy-čišč-a-j-e-tъ* к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *ka=-b-lqč-ъk-a* к. 15 'обручальное кольцо' т. 10 «Народные обычаи»; *kaxk-a-j-e-tъ*, *kaxk-ot-i-tъ* к. 66 'крякает' т. 2 «Животноводство»; (*kert*)-ъ к. 10 'огороженное место, где растут овощи' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kot-j-a-j-e-tъ se*, *kat-j-a-j-e-tъ se*, *kat-ul-j-a-j-e-tъ se* к. 38 'катится' (о мяче) т. 10 «Народные обычаи»; *kraš-en-ъk-a* к. 39 'яйцо' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kur-ěj-ъ* к. 20 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; *кyc-ъk-a* к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»; *кyp-et-j-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lěk-ar-ъš-a* к. 29 'женщина-врач' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *lušp-in-ьj-e* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *лъb-ъk-ъ* к. 18 'первый

кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mold-ic-a*, *děv-ъč-in-a* к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *mod-r-in-a*, (*kedr*)-*a* к. 33 'лиственница' т. 3 «Растительный мир»; (*muzik*)-*y* к. 22 'музыкант' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-věst-ъk-a* к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-věst-ъk-a*, *žen-ъk-a* к. 13 'молодая женщина, недавно вышедшая замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *ob-pro-vod-ъ*, *po-xov-ъk-ъ* к. 43 'похороны' т. 10 «Народные обычаи»; *ob-vod-ъc-ъ*, *ka-=b-lqč-ъk-a* к. 14 'кольцо с камнем' т. 10 «Народные обычаи»; *o-druž-u-j-e-tъ <se>*, *po-druž-u-j-e-tъ <se>* к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *ot-klan-j-u-j-e-tъ <se>* к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»; *pac-ę* к. 31 'поросенок' т. 2 «Животноводство»; *pac-ъ=uk-ъ* к. 8 'боров' т. 2 «Животноводство»; *pas-ov-išč-e*, *tolk-a*, (*jimaš*)-*ъ* к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *plęs-un-ъk-a*, (*tanc*)-*ur-ist-a* к. 29 'женщина, которая хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *plug-(ator)-ъ* к. 27 'человек, который пашет' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pol-j-ov-an-ъj-a* к. 57 'охота на диких зверей, птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *por-a-j-e-tъ*, *do-zir-a-j-e-tъ* к. 58 'ухаживает за скотом' т. 2 «Животноводство»; *pri-da-n-ъj-e*, *po-dar-ъk-y*, *pri-gon-ъ*, *po-stel-ъ*, *čęst-ъ* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *rak-ot-ic-a* к. 47 'копыто' т. 2 «Животноводство»; (*ravl*)-*ik-ъ* к. 35 'улитка без раковины' т. 1 «Животный мир»; *rod-j-bstv-ъn-y svęt-ъ* к. 48 'рождество' т. 10 «Народные обычаи»; *rqb-a-j-e-tъ* к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*serenč*)-*a* к. 7 'счастье' т. 10 «Народные обычаи»; *skor-up-aj-ъk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *star-ъk-a* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svęt-y vel-ik-ъ-dъn-j-i* к. 49 'пасха' т. 10 «Народные обычаи»; *съ-dyb-a-j-e-tъ <se>*, *съ-dyb-i-tъ* к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *съ-dъx-ъл-ъ=ak-a*, *съ-dъx-ъл-ъ=ak-ъ* к. 51 'падаль' т. 2 «Животноводство»; *съ-molt-j-ak-ъ* к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *съ-pě-v-ъc-ъ* к. 30 'певец' т. 10 «Народные обычаи»; *съ-prag-a* к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *съ-přet-e-tъ* к. 42 'похоронит' т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc*)-*ur-ist-a* к. 28 'человек, который хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *za-rqč-en-ъ*, *pa-qrb-ъk-ъ*, *xod-ъk-ъ*, *svat-ač-ъ* к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *zъl-y-dъn-i*, *xud-ob-bstv-o* к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *zъn-ъč-ix-a* к. 69 'женщина, которая жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство».

Русские диалекты

В русских диалектах очаги эксклюзивных лексем локализируются в основном в севернорусских архангельских (особенно часто в пп. 542–543, 549) и вологодских говорах (особенно в пп. 602–603), значительно реже

они встречаются в среднерусских новгородских (пп. 631, 637), псковских (п. 652) и тверских (п. 694) говорах, кроме того, высокая концентрация их отмечена в русских старожильческих говорах в Эстонии (п. 527), ср. распространение следующих лексем: *běl-yš-ьk-o* к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *brjuš-in-a*, *brjux-ov-in-a* к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек»; *dom-ov-išč-e* к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *ględ-n-e-tь <se>*, *kaž-e-tь se* к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; *gъrb-ьk-ь*, *gъrb-uš-ьk-ь*, *krom-ьč-ьk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *xol-ьk-a* к. 44 'верхняя часть ноги человека' т. 9 «Человек»; *xrjak-ь* к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; (*fabrič*)-ьn-ik-ь, (*fabrič*)-ьn-ъ к. 40 'человек, который работает на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kad-ьč-ьn-ik-ь*, *kad-uš-ьč-ьn-ik-ь* к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *klad-e-tь*, *lož-i-tь* к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *ključ-ь* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *klux-a*, *klus-a*, *klus-ьk-a*, *par-un-j-a*, *par-ux-a*, *sam-o-sěd-ьk-a*, *na-sěd-ux-a* к. 18 'курица, которая высидивает яйца' т. 2 «Животноводство»; *kočet-ь* к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *kol'd-a*, *kvaš-ьn-j-a*, *želb-ь* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korv-in-a*, *korv-ęt-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-ьk-a*, *kož-ur-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kos-ak-ь* к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ov-išč-e*, *kos-ov-ьj-e* к. 66 'палка, на которую насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *krъx-y*, *krъš-on-ьk-a* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kur-o-pъt-ь* к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; *lap-ost-ь* к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *molt-i-dl-o*, *pri-qz-a*, *pri-qz-ьj-e* к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *mur-aš-ь* к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; *na-zem-ь* к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ob-švar-ьk-y*, *ob-šur-ьk-y*, *vy-top-ьk-y*, *ob-top-ьk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ot-rěz-ь*, *nos-ь*, *nos-ьk-ь* к. 31 'железная часть плуга, которая подрезает землю снизу' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pa-už-in-ь*, *pa-už-ьn-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pě-sn-o-(xor)-ь* к. 30 'человек, который хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *pě-sn-o-(xor)-ьk-a* к. 31 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *pět-un-ь* к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *plet-ьn-ь* к. 26 'коса, заплетенные волосы у женщины' т. 9

«Человек»; *po-bir-aḡ-a*, *po-bir-aš-ʔk-a*, *po-bir-uš-ʔk-a*, *sʔ-bir-un-ʔ* к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-bir-uḡ-a*, *po-mir-uš-ʔk-a* к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pogan-yš-ʔ*, *pogan-ʔs-ʔ* к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; *po-gost-ʔ* к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-kos-ʔ* к. 83 'время, когда косят траву на сено' т. 4 «Сельское хозяйство»; *po-mel-ʔš-ʔk-ʔ*, *moḡ-o-mol-ʔ* к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-skot-in-a* к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *prost-o-kyš-a*, *kys-ʔl-ux-a* к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-ʔ* к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gy-t-ʔk-ʔ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *skor-ʔk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *streḡ-a-j-e-tʔ* к. 45 'варит, готовит' (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šʔv-ʔš-ʔḡ-a* к. 18 'женщина, которая шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *(tabaš)-ʔn-ʔk-ʔ* к. 20 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; *(vekš)-a* к. 7 'белка' т. 1 «Животный мир»; *vež-ʔk-a*, *sʔ-vež-ʔk-a* к. 71 'соломенный жгут, которым перевязывают сноп' т. 4 «Сельское хозяйство»; *vod-o-nos-ʔ* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ʔ* к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *už-ʔn-a*, *//už-in-a* к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ži-r-a* к. 40 'жизнь' т. 10 «Народные обычаи»; *žʔlt-yš-ʔk-o* к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žʔn-i-tv-in-a* к. 38 'поле, с которого убраны хлеба' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žʔv-ač-i-tʔ* к. 55 'жует жвачку' т. 2 «Животноводство».

Из других русских диалектов можно выделить южнорусские тульские (особенно п. 778) и орловские (особенно п. 825) говоры, ср. распространение следующих лексем: *buld-yž-ʔk-a* к. 44 'верхняя часть ноги человека' т. 9 «Человек»; *bʔš-ar-ʔ*, *bʔš-ar-ʔn-ʔk-ʔ* к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *sʔp-in-ʔk-a* к. 76 'часть цепа, которым бьют колосья' т. 4 «Сельское хозяйство»; *glin-ʔn-ʔn-ʔ* к. 50 'сделанный из глины' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *jʔgr-un-ʔ*, *pʔ-v-ʔš-ʔ* (subst) к. 30 'человек, который хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *jʔgr-un-ʔj-a*, *jʔgr-ux-a* к. 31 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *kys-ʔl-uš-ʔk-a* к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lotok-ʔ* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mełz-ʔj-e* к. 32 'молоко коровы сразу после отела' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

mold-aj-ьk-a к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *po-bir-aš-ьk-a, po-bir-uš-ьk-a* к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *svěž-in-a* к. 21 'мясо свиньи' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žul-ik-ъ* к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

* * *

Анализ эксклюзивных лексем, представленных в опубликованных томах лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа», показал, что эксклюзивы характерны для всех славянских диалектов, однако самая высокая концентрация их наблюдается в южно- и западнославянских диалектах, особенно в словенских, болгарских, чешских и словацких (см. карту-схему 148).

Причем во всех славянских диалектах можно и сегодня наблюдать процесс образования эксклюзивных лексем, о чем свидетельствуют их **микрореалы**, ср., например, распространение следующих эксклюзивных лексем в **словенских** диалектах: *děl-av-ьc-a* к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gost-(ij)-a, gost-iv-a-n-ьj-e* к. 16 'свадьба' т. 10 «Народные обычаи»; *modr-yš-ь* к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; *moř-ьn-ik-ъ* к. 15 'летучая мышь' т. 1 «Животный мир»; *ob-žen-i-tь <se>* к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *ples-a-l-ьc-ъ* к. 28 'человек, который хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *(punc)-a, ljub-a* к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *vesel-i-mъ se* к. 25 *Isg praes radujq (se)* т. 10 «Народные обычаи»; *vin-ik-a* к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство»; *vъrx-ьj-e, masl-o* к. 37 'сметана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; в **сербских**: *det-ьl-a* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *mqr-v-in-j-a-dl-o* к. 42 'муравейник' т. 1 «Животный мир»; *per-vod-i-tь <se>* к. 67 'находится в состоянии течки' (о корове) т. 2 «Животноводство»; *rov-ьc-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *u-bi-va-j-e-tь <se>* к. 56 'бодает' (о корове) т. 2 «Животноводство»; *za-bil-ъ* к. 53 'неогороженное место, на котором пасется скот' т. 2 «Животноводство»; в **македонских**: *da-v-a-j-e-tь <se>* к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *(hor)-o-bъr-ьk-a, (hor)-o-ži-j-a, (hor)-o-ži-j-ьk-a* к. 29 'женщина, которая хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *na-jьd-e-tь* к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *съ-vъrš-en-ъ* к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *съ-vъrš-en-a* к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *u-mъrt-ъ* к. 41 'смерть' т. 10 «Народные обычаи»; или в **польских**: *(brut)-ьk-a* к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *gul-j-ьc-ъ* к. 30 'человек, который хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *(knajp)-a* 'корчма' т. 10 «Народные обычаи»; *koх-an-ьk-ъ, za-let-ьn-ik-ъ* к. 8 'жених' т. 10 «Народные

обычай»; *kur-j-av-a*, (*faj*)-*bk-ar-ъ* к. 22 ‘курильщик’; *kost-ux-a*, *kost-o-trup-ic-a* к. 44 ‘смерть’ т. 10 «Народные обычаи»; *ljub-ъk-a-j-e-tъ*, *kox-a-j-e-tъ* к. 4 ‘целует’ т. 10 «Народные обычаи»; *let-i-tъ* к. 40 ‘катится’ (о мяче) т. 10 «Народные обычаи»; *o-dob-u-j-e-tъ* <*se*> к. 2 ‘нравится’ т. 10 «Народные обычаи»; *sveť-a* к. 40 ‘праздник’ т. 10 «Народные обычаи»; *toč-ъk-a* к. 37 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; *тъm-i-tъ* к. 21 ‘курит’ т. 10 «Народные обычаи»; *u-těx-a* к. 28 ‘радость’; *u-zъr-i-tъ* <*se*> к. 1 ‘встретит’ т. 10 «Народные обычаи»; *vy-ređ-a* к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи» и т. д.

Микроареалы всех этих лексем являются величинами позднего времени, о чем свидетельствует прежде всего их сложная словообразовательная структура. И это говорит о том, что в диалектах идет процесс постоянного обновления их лексического состава.

Когда возникли эксклюзивы?

Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно, так как практически каждая эксклюзивная лексема имеет свою историю, особенно когда речь идет о взаимодействии языков и культур. Вместе с тем карта, сама возможность пространственной визуализации ареалов эксклюзивных лексем делает реальной их относительную хронологию.

И здесь чрезвычайно важную роль играют топографические признаки ареала той или иной лексемы, а именно: какова степень его плотности, является ли он сплошным, размытым, островным или даже мерцающим, точечным? Объективность топографического критерия связана с тем, что он дает возможность выявить **закономерности** в формировании ареальных сценариев, существующих в разных пространственных контекстах.

Ареалогический анализ эксклюзивных лексем позволил выявить следующие особенности в распределении их ареалов.

Как уже отмечалось выше, ареал **эксклюзивной** лексемы может характеризоваться иногда высокой плотностью ее распространения, при этом контуры его оказываются практически ровными, часто **совпадающими с государственными границами**. Именно такой тип ареала имеют лексемы *gъrb-uš-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-čist-ъk-y* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 163); *//už-in-ъ* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *bab-ъč-ъk-a* к. 45 ‘бабочка’ т. 1 «Животный мир»; (*denъg*)-y ‘деньги’ к. 49 т. 8 «Профессии и общественная жизнь» в **русских диалектах**; *čар-ъ* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир» в **чешских диалектах**; *jask-ol-ъk-a* к. 24 ‘ласточка’ т. 1 «Животный мир» — в **польских**; (*pantegan*)-a к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный

мир»; *štyrk-l-j-a*, *štyrk-l-j-e* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *sěn-ьс-а* к. 6 'тень под деревом' т. 3 «Растительный мир»; *sěn-ьс-а* к. 7 'тень человека' т. 3 «Растительный мир»; (*stri-gel*)-*j-ь* к. 52 'скребница' т. 2 «Животноводство» — в словенских.

Такой тип ареала, несмотря на то, что он может быть довольно обширным, является свидетельством, скорее всего, позднего происхождения данной лексемы.

Это подтверждают и данные исторических и этимологических словарей (так, например, чешский эксклюзив *čap-ь* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир» В. Махек рассматривает как новообразование от ст.-чеш. *čap-a* < *čapla* (ESJČ: 94; то же Sławski 2: 112); ЭССЯ как отглагольное производное от *čapati* (ЭССЯ 4: 20); появление польского эксклюзива *jask-ol-ьк-а* к. 24 'ласточка' т. 1 «Животный мир» А. Брюкнер и В. Бoryщ (Brückner 1985: 200 и Boryś 2005: 206) относят к XV в., связывая его с народной этимологией; русский эксклюзив *//už-in-ь* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» впервые фиксируется в XVII в. (Черных II: 285) и получает широкое распространение в XVIII в. (Шапошников 2: 450); эксклюзивная лексема *bab-ьщ-ьк-а* к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир» в русском языке появляется лишь в нач. XVIII в. (Шапошников 1: 40); словенскую эксклюзивную лексему *štyrk-l-j-a*, *štyrk-l-j-e* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир» Ф. Безлай относит к XVI в. (Bezljaj: 117).

Кроме топографических признаков, чрезвычайно важное значение имеют и собственно лингвистические критерии, позволяющие установить относительную хронологию эксклюзивных лексем. Так, в частности, если обратить внимание на их словообразовательную структуру, то нетрудно заметить, что в большинстве своем они представлены производными лексемами, причем не только второй, но и третьей ступени производности, что само по себе свидетельствует об их позднем образовании (ср. **русские** эксклюзивы: *gъrb-ьк-ь*, *gъrb-ьщ-ьк-ь* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žblt-yš-ь*, *žblt-yš-ьк-ь*, *žblt-yš-ьк-о* к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *po-skot-in-a* к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *korv-in-a*, *korv-ьt-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kur-o-пъt-ь* к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; *na-sěd-ux-a*, *sam-o-sěd-ьк-а* к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *kos-ov-išč-e*, *kos-ov-ьj-e* к. 66 'палка, на которую насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *сь-klad-ьн-ьщ-ьк-ь* к. 20 *dem* 'ножик' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kvaš-en-ьк-а* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куса дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ьк-ь*, *сьn-jьt-ьк-у* к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

per-xvat-ъk-a к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pri-qz-ъj-e* к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *krъš-on-ъk-a* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šъv-ъč-iъ-a* к. 18 'женщина, которая шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *brjux-ov-in-a* к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек»; *сёр-in-ъk-a* к. 76 'часть цепа, которым бьют колосья' т. 4 «Сельское хозяйство»; *bъč-ar-ъn-ik-ъ* к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-bir-aš-ъk-a*, *po-bir-iš-ъk-a* к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mol'd-aj-ъk-a* к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *jъgr-un-ъ*, *pъ-sn-o-(xor)-ъ*, *pъ-v-ъč-B* (subst) к. 30 'певец' т. 10 «Народные обычаи»; *dom-ov-išъ-e* к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» и т. д.).

Примечательно, что многие из этих эксклюзивов образуются по продуктивным словообразовательным моделям, сложившимся в процессе эволюции словообразовательной системы того или иного языка (ср., например, **польские** эксклюзивы, обозначающие детенышей животных, которые образуются с помощью суф. =*ak-ъ*, ср. *kot-ъ*=*ak-ъ* к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *ščen-ъ*=*ak-ъ* к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; *tel-ъ*=*ak-ъ* к. 28 'теленочек' т. 2 «Животноводство»; *//agn-ъ*=*ak-ъ* к. 29 'ягненок' т. 2 «Животноводство»; *pors-ъ*=*ak-ъ* к. 31 'поросенок' т. 2 «Животноводство»; *kur-ъč-ъ*=*ak-ъ* к. 32 'цыпленок' т. 2 «Животноводство»; *gqs-ъ*=*ak-ъ* к. 33 'гусенок' т. 2 «Животноводство» и т. д.).

Такие эксклюзивные лексемы являются, по сути дела, вторичными новообразованиями от праславянских основ, ср., например, обширный ареал лексемы *//ež-ak-ъ* к. 10 'еж' т. 1 «Животный мир» в украинских диалектах; или *sěk-ač-ъ* к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство» — в чешских; эксклюзивную лексему *sěn-ъc-a* к. 6 'тень под деревом' т. 3 «Растительный мир»; *sěn-ъc-a* к. 7 'тень человека' т. 3 «Растительный мир» в словенских диалектах Ф. Безлай рассматривает как вторичное табуистическое деминутивное образование от праславянского **sěнь* (Bezlay: 227); ср. также собственно русское новообразование с суф. = *ux-ъ*: *pod-sъln-ux-ъ* к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство» от усеченной основы предложно-падежного словосочетания (Шапошников 2: 153) в русских диалектах.

Будучи производными от праславянских основ, эти эксклюзивы, как правило, не имеют прямых индоевропейских соответствий, что также свидетельствует об их позднем происхождении.

О позднем образовании многих эксклюзивов говорит и вторичный характер их значения (ср., например, польский эксклюзив *mysl-iv-ъ* к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», который

появляется в польском языке не ранее XVI в.; значение ‘охотник’ является у него вторичным, развитие этого значения происходило в направлении ‘мыслящий, разумный’ > ‘охотник’ (Boryś: 345). Вторичный характер значения отмечен и у русского эксклюзива //už-in-ъ к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», первоначальное, более древнее его значение ‘еда после полудня’ (Черных II: 285; Шапошников 2: 450). Значение словенской эксклюзивной лексемы *věj-a* к. 4 ‘ветка хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; *věj-a* к. 5 ‘ветка лиственного дерева’ т. 3 «Растительный мир» также является вторичным, развившимся на базе праславянского **vějъ*, *věja* ‘лист’ (Bezlaĵ: 291).

Нередко семантическая структура того или иного эксклюзива является результатом семантического развития слова и, в частности, метафоризации, что само по себе свидетельствует о вторичности его значения, ср.: **рус.** *nos-ъ*, *nos-ъk-ъ* к. 31 ‘железная часть плуга, которая подрезает землю снизу’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *gъrb-uš-a*, *gъrb-uš-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **блр.** *koz-ъл-ъ* к. 43 ‘кузнечик’ т. 1 «Животный мир»; *dol-j-a* к. 7 ‘счастье’ т. 10 «Народные обычаи» и т. д.

О позднем образовании эксклюзивной лексемы нередко говорит и само значение слова, отсылающее к реалиям современной жизни, ср.:

слн. (*bal*)-*a* к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи»; *čъt-ě-j-e-tъ* к. 50 ‘считает деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *děl-av-ъk-a* к. 41 ‘женщина, которая работает на заводе или на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*fajf*)-*a-j-e-tъ* к. 19 ‘курит’ т. 10 «Народные обычаи»; (*pavk*)-*a* к. 23 ‘барабан’ т. 10 «Народные обычаи»; (*punč*)-*ъk-a* к. 35 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; (*rink*)-*a* к. 15 ‘обручальное кольцо’ т. 10 «Народные обычаи»; *svin-ьč-ьн-ik-ъ* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *съ-vęz//-ъk-ъ* к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*šol*)-*ar-ъ* к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*šol*)-*ar-ic-a*, (*šol*)-*ar-ъk-a* к. 34 ‘девочка, которая учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*vinaxt*)-*i* к. 48 ‘рождество’ т. 10 «Народные обычаи»; (*žog*)-*a* к. 36 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи»;

чеш. *děl-ьн-ik-ъ* к. 40 ‘человек, который работает на заводе или на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *val-ъk-a* к. 67 ‘война’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

слц. (*ceruz*)-*a* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gъd-ьб-ьн-ik-ъ* к. 22 ‘музыкант’ т. 10 «Народные обычаи»; *gъran-in-ъk-a*, *gъran-ič-ъk-a* к. 35 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; (*faj*)-*ьč-ar-ъ* к. 20 ‘курильщик’ т. 10 «Народные обычаи» (*karič*)-*ъk-a* к. 15 ‘обручальное кольцо’ т. 10 «Народные обычаи»; *kur-ъл-j-ak-ъ* к. 20 ‘курильщик’ т. 10 «Народные

обычай»; *pus-ьk-a*, (*balon*)-*ьk-ъ* к. 36 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи»; *vel-ik-o-nokt-ě*, *čьrv-en-i svět-ьk-y* к. 49 ‘пасха’ т. 10 «Народные обычаи»;

укр. (*babolk*)-*a* к. 35 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; (*bomb*)-*a*, (*mindž*)-*a* к. 36 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи»; *bqb-ьn-a*, *bux-a-dl-o* к. 23 ‘барабан’ т. 10 «Народные обычаи»; *ka-=b-lqč-ьk-a* к. 15 ‘обручальное кольцо’ т. 10 «Народные обычаи»; *olov-ьc-ь* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *rod-j-ьstv-ьn-y svēt-ъ* к. 48 ‘рождество’ т. 10 «Народные обычаи»; *svēt-y vel-ik-ъ-dьn-j-i* к. 49 ‘пасха’ т. 10 «Народные обычаи»;

рус. (*tabač*)-*ьn-ik-ъ* к. 20 ‘человек, который курит папиросы’ т. 10 «Народные обычаи».

Наконец, об этом говорит и тот факт, что очень часто появление эксклюзивных лексем связано с культурно-историческим влиянием других языков.

Так, в частности, именно **немецкому влиянию** обязано существование эксклюзивов в лужицких, словенских, словацких, чешских и польских диалектах, ср., например, следующие эксклюзивные лужицкие лексемы: (*bar*)-*ъ* к. 5 ‘медведь’ (из нем. *bär* ‘медведь’); (*rat*)-*ьv-a* к. 13 ‘крыса’ (от нем. *ratte* ‘крыса’).

В южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских) к образованию эксклюзивов нередко вело **итальянское** культурно-языковое влияние, ср. слн. (*pantegan*)-*ъ*, (*pantegan*)-*a* к. 13 ‘крыса’ из ит. *pantegana* ‘крыса’ т. 1 «Животный мир». Из других романских языков можно отметить **румынское влияние**, причем оно характерно в основном для болгарских диалектов. Особенно ярко оно проявляется в болгарских говорах в Банате (п. 167), ср.: (*markul*)-*ъ* к. 5 ‘медведь’ из рум. диал. *mârcul* т. 1 «Животный мир»; (*patkal*)-*ъ* к. 13 ‘крыса’ из рум. диал. *potcan* т. 1 «Животный мир»; (*pitpъlak*)-*ъ* к. 22 ‘перепелка’ из рум. *pitpalaca*, *pipalac* т. 1 «Животный мир»; (*picigoj*)-*ъ* к. 26 ‘синица’ из рум. *pițigoi* т. 1 «Животный мир»; (*beşik*)-*y* к. 40 ‘жабры рыбы’ из рум. *beşikā* ‘жабры’ т. 1 «Животный мир».

В болгарских диалектах прослеживается и довольно сильное **турецкое влияние**, поскольку именно здесь больше всего отмечено эксклюзивов, имеющих в своей основе турцизмы, причем основной очаг их локализации находится в юго-восточных болгарских говорах (особенно в пп. 140–142, 852–853), ср.: (*geljunžuk*)-*ъ* к. 9 ‘ласка’ из тур. *gelincik* ‘ласка’ т. 1 «Животный мир»; (*gag*)-*a* к. 18 ‘клюв птицы’ из тур. *gaga* ‘клюв’ т. 1 «Животный мир»; (*kak*)-*a* к. 18 ‘клюв птицы’ из тур. диал. *kaka* ‘клюв’ т. 1 «Животный мир»; (*čič*)-*o-pěj-ъ* к. 26 ‘синица’ от тур. *çiçe* ‘синица’ т. 1 «Животный мир»; (*karabakal*)-*ъ* к. 27 ‘скворец’ из тур. диал. *karabakal* ‘скворец’ т. 1 «Животный мир»; (*koi*)-*ъ* к. 29 ‘аист’ из тур. *koğu* ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; (*kembelek*)-*ъ* к. 45 ‘бабочка’ из тур. *kelebek* ‘бабочка’ т. 1 «Животный мир»;

(*dingang*)-а к. 46 ‘гусеница’ из тур. диал. *göngalak, gongalak* ‘гусеница’ т. 1 «Животный мир» и т. д.

Интересно, что **греческое влияние**, которое, как известно, в целом было довольно сильным в славянских языках, не оставило какого-либо заметного следа при образовании эксклюзивных лексем. Показательно, что подобные эксклюзивы характерны в основном также для **болгарских диалектов**, ср. распространение следующих болгарских эксклюзивов греческого происхождения: *myš-ъk-yn-ъ* (*kaltat*)-а к. 9 ‘ласка’ из греч. диал. καλή τάττα т. 1 «Животный мир»; (*kaljman*)-ъk-а к. 9 ‘ласка’ от греч. καλή μάιν(v)α т. 1 «Животный мир»; (*skrapl*)-j-а к. 36 ‘дождевой червь’ из ср.-гр. εκорπίος т. 1 «Животный мир». Объяснить такую ситуацию можно, по-видимому, тем, что это влияние шло в основном через посредство других славянских языков, что, соответственно, снижало уровень эксклюзивности.

Интересным примером такого культурно-языкового влияния, отразившегося на образовании эксклюзивов в славянских диалектах, является название денег. На к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» практически отсутствуют славянские названия. Исключение представляют лишь сербские и хорватские диалекты, в которых широко распространена лексема *nov-ъc-i* (первая фиксация 1753 г.), являющаяся, по-видимому, универбом, восходящим либо к сочетанию *novi pjenez*, либо к сочетанию *novobradski pjenez*, где был когда-то монетный двор (Skok II: 526). В остальных славянских диалектах «прижились» лексемы неславянского происхождения: в русских диалектах эксклюзивная лексема татарского происхождения (*denъg*)-у (она была заимствована из тюрк. диал. *dengā* (Шапошников 1: 217) и вошла в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв.), в украинских и белорусских диалектах — лексема (*groš*)-i, восходящая к лат. *grossus*, в западнославянских диалектах, а также в словенских и в некоторых хорватских — лексема (*pěnez*)-e, (*pěnez*)-i германского происхождения (герм. *pfenning*), в сербских, македонских и болгарских диалектах — лексема *pari* (из тур. *para* < араб. *parā*), в словенских диалектах — лексема (*dъnar*)-ъj-e, имеющая латинские корни (лат. *dēnārius*), наконец в приморских словенских и в отдельных хорватских чакавских говорах получила распространение лексема (*sold*)-i, (*šold*)-i, которая восходит к итал. *soldo*.

Сам этот факт говорит о том, что появление большинства эксклюзивных лексем относится к периоду самостоятельного существования языка и является свидетельством позднего культурного заимствования. Не случайно среди них так много заимствований из немецкого, латинского, греческого, венгерского, тюркских и др. языков, ср., например, **польские** эксклюзивы: (*škol*)-ъn-ъ к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: этот эксклюзив возник в XIV в. на базе

лат. *schola*; позднее от него образовались производные типа *szkolny* → *szkolnictwo* (Boryś 2005: 604); или (*młynar*)-*ьс-ик-ъ* к. 21 ‘сын мельника’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: в основе этого польского эксклюзива лежит лат. *molīnārius*; слав. **mьlinь* ‘водяная мельница’, являющееся заимствованием из лат. (через посредство др.-в.-нем.), появляется в XIV в.². От него образовалось *młynarz* → *młynarka*, *młynarstwo* (Boryś 2005: 333); (*kolacij*)-*a* к. 62 ‘ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: от лат. *collation*, появляется в XVI в. (Bruckner 1985: 244); или **русские**: (*aist*)-*ъ* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»: слово известно с XVII в., вероятно, из нем. диал. *heister* (Шапошников I: 19); (*ogur*)-*ьс-ъ* к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство»: в русском языке слово появляется в XVI–XVII вв., заимствовано из позднегреческого *ἀγγούρος* (Шапошников II: 59); (*denьg*)-*y* ‘деньги’ к. 49 т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: слово вошло в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв., заимствовано из тюрк. диал. *dengā* (Шапошников I: 217); **словенские**: (*pantegan*)-*a* к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»: слово появляется в XVIII в. в результате заимствования из итал. *pantegana* (Bezljaj: 68); (*štrigel*)-*j-ъ* к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»: слово было заимствовано в XVI в. из ср.-в.-н. *strigel* < лат. *strigilis* (Bezljaj: 120); (*žnid*)-*ar-ъ* к. 16 ‘человек, который шьет одежду’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: слово было заимствовано в XVI в. из ср.-в.-н. *snider* (Bezljaj: 473) и т. д.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что многие из эксклюзивных лексем, имеющих обширные ареалы, стали достоянием литературного языка, что также указывает на то, что их утверждение в данном языке относится к национальному периоду его развития.

Вместе с тем нельзя исключить и тот факт, что некоторые эксклюзивные лексемы имеют достаточно древнюю историю, т. е. восходят к праславянскому или, точнее, позднепраславянскому периоду, ср., например, русские эксклюзивные лексемы, которые обладают обширными ареалами и имеют фиксацию в древнерусских памятниках письменности: *čest-j-a* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир», производное с суф. -j- от прилагательного *čestъ*, известно с 1097 г. (ЭССЯ 4: 109; Шапошников II: 515); *češ-uj-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’ т. 1 «Животный мир»: девербатив от глагола **česati*, *češu*, известно с 1096 г. (ЭССЯ 4: 91; Шапошников II: 525).

Практически все эти аргументы являются актуальными и при хронологической стратификации эксклюзивных лексем, имеющих **ограниченные** ареалы.

² Знакомство славян с водяными и ветряными мельницами, как и само их распространение в северной Европе шло с романских территорий, так как древние славяне знали лишь ручные мельницы (Boryś 2005: 333).

О позднем происхождении такой эксклюзивной лексемы свидетельствует, прежде всего, ограниченный характер ее распространения, особенно микроареалы. Эти микроареалы, существующие в рамках диалектов лишь одного языка, являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся, не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм. Напомню, что по теории волн И. Шмидта, каждое языковое нововведение появляется сначала в виде маленького пятна, которое постепенно расплывается во все стороны и становится настоящей площадью, пока не охватит целую территорию данного языка. “Естественно, что явление более древнее занимает большую площадь, чем явление позднее, ибо оно начало распространяться уже раньше” (Теньер 1966: 118).

Так, в частности, большинство из приведенных выше **русских** эксклюзивных лексем, имеющих ограниченные ареалы, появляются в памятниках письменности довольно поздно, в XVI–XVII вв. (ср. *na-zem-ъ* к. 28 ‘навоз’ т. 4 «Сельское хозяйство»: слово появляется в XVI в.: **И тѣмъ назмомъ землю назмятъ** (СРЯ XI–XVII 10: 90); *po-bir-aḡ-a* к. 59 ‘человек, который просит милостыню’ — в XVII в. (СРЯ XI–XVII 15: 127); *bṛč-ar-ъ*, *bṛč-ar-ъn-ik-ъ* к. 8 ‘человек, который делает деревянные бочки и кадки’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в XVII в. (СРЯ XI–XVII 1: 304); *brjuš-in-a* к. 51a ‘брюхо животного’ т. 9 «Человек» — в XVII в. (СРЯ XI–XVII 1: 342); *par-un-j-a* к. 18 ‘курица, которая высидивает яйца’ т. 2 «Животноводство» — в XVII в. (СРЯ XI–XVII 14: 157); *mol't-i-dl-o* к. 74 ‘цеп, орудие для ручной молотбы’ т. 4 «Сельское хозяйство» — в XVII в. (СРЯ XI–XVII 9: 252); *mur-aš-ъ* к. 41 ‘муравей’ т. 1 «Животный мир» — в XVII в. (СРЯ XI–XVII 9: 309); а некоторые — даже позже (ср. *žul-ik-ъ* к. 55 ‘человек, который крадет’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в сер. XIX в. из офенского жаргона (Шапошников 1: 276); и лишь немногие — ранее (ср. *po-gost-ъ* к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в XIV в. (СРЯ XI–XVII 15: 196); *po-skot-in-a* к. 53 ‘пастбище’ т. 2 «Животноводство» — в XV в.: **А в тѣхъ поскотинѣхъ скота не пущати, поскотина ѹ нихъ своя** (СРЯ XI–XVII 17: 170).

Кроме того, многие из них **либо отсутствуют в памятниках письменности** (ср., например, такие русские эксклюзивные лексемы, как *klux-a*, *kluš-a*, *kluš-ъk-a*, *par-ux-a* к. 18 ‘курица, которая высидивает яйца’ т. 2 «Животноводство»; *pēt-un-ъ* к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; *pogan-yš-ъ*, *pogan-ъc-ъ* к. 56 ‘ядовитый гриб’ т. 3 «Растительный мир»; *žъn-i-tv-in-a* к. 38 ‘поле, с которого убраны хлеба’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ak-ъ* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *svěž-in-a* к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *škvar-y*

к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ь* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-ьn-a* к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kvaš-ьn-j-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-top-ьk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ь, s'ьn-jьm-ьk-y* к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kraj-uš-ьk-ь, kraj-uš-ьk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *melz-ьj-e, mōld-ьj-e* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-o-кyš-a, kys-ьl-ux-a, kys-ьl-uš-ьk-a, s'ь-sěd-yš-ь* к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skor-ьk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-lup-ьk-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-in-ь, pa-už-in-ьk-a, pa-už-in-ьk-ь, pa-už-a, pa-už-ьn-a, pa-ob-ěd-ь, pa-ob-ěd-a, pa-ob-ěd-ьk-ь* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *zem-j-an-ьk-a* к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; *gul-j-a-j-e-tь <se>* к. 69 'бьется' (о свинье) т. 2 «Животноводство»; *pas-t-uš-iх-a* к. 24 'женщина, которая пасет скот' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gqs-ix-a* к. 19 'гусыня' т. 2 «Животноводство»; *lbg-ьč-i-tь* к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *kad-ьč-ьn-ik-ь, kad-uš-ьč-ьn-ik-ь* к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *lap-ost-ь* к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *s'ь-bir-un-ь* к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.), **либо фиксируются, но в ином значении** (ср., например, лексемы *ključ-ь* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **ключь** 'источник, родник' Срезн. I: 1233; СРЯ XI–XVII 7: 187; *vod-o-nos-ь* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **водонось** 'ведро' Срезн. I: 278; *želb-ь, kōld-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **желобь** 'желоб' Срезн. I: 849; **колода** 'толстое бревно' Срезн. I: 1255; *skot-ьn-ic-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **скотьница** 'казнохранилище' Срезн. III: 388; *vьrš-ьk-ь* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **вьршькь** 'верх, верхушка' Срезн. I: 468; *žir-ь* к. 27 'подкожный слой жира в свинине' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **жирь** 'богатство'

Срезн. I: 875; *syр-ъ, smol-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **сыръ** ‘творог, сыр’ Срезн. III: 876; **смола** ‘древесный сок’ Срезн. III: 445; *хоръ-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **хорошини** ‘красивый, прибранный’ Срезн. III: 1388; *sěra* ‘смола (сок) хвойных деревьев’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; и др.-рус. **сѣра** ‘жир’ Срезн. III: 899; *podъ-dorž-ъn-ik-ъ* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир» и др.-рус. **поддорожникъ** ‘грабитель на дорогах, разбойник’ СРЯ XI–XVII вв. 15: 252 и др.).

Нередко значение этих эксклюзивов отражает семантическое развитие слова, и в частности, процесс метафоризации, что само по себе говорит о том, что оно является поздним, ср.: **серб.** *lěp-ъ* к. 65 ‘вкусный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Skok 1971: 297); **плс.** *berg-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **укр.** *lʙb-ъk-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **рус.** *nos-ъ, nos-ъk-ъ* к. 31 ‘железная часть плуга, которая подрезает землю снизу’ т. 4 «Сельское хозяйство» и т. д.

На позднее происхождение многих эксклюзивов, имеющих ограниченные ареалы, указывает и само их значение, отсылающее нередко к реалиям современной жизни, ср.:

слн. *děl-av-ъc-a* к. 41 ‘женщина, которая работает на заводе или на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*dьnar*)-ъ к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *сѣ-dorъ-ъn-ic-a* к. 29 ‘женщина-врач’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *иѣ-en-ik-ъ* к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

хрв. (*bělēž*)-ъn-ic-a к. 35 ‘тетрадь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*meštar*)-ъ к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

серб. *dьrvo-děl-j-a* к. 4 ‘человек, который строит деревянный дом’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gor-o-sěč-a* к. 5 ‘человек, который рубит лес’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

мак. *broj-e-тъ* к. 50 ‘считает’ (деньги) т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

слц. (*ceruz*)-ъk-a к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*rat*)-a-j-e-тъ, (*rat*)-j-e-тъ к. 50 ‘считает деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

плс. *šьv-ъč-ъk-a, šьv-ъč-ul-j-a* к. 14 ‘жена сапожника’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

укр. *lěk-ar-ъš-a* к. 29 ‘женщина-врач’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.

Об этом говорит и **словообразовательная структура** этих эксклюзивов, поскольку в большинстве своем они являются производными, причем не только второй, но и третьей ступени производности, что само по себе свидетельствует об их позднем образовании, ср.:

слн. (*jurj*)-*ьщ-ьк-ъ* к. 55 ‘боровик’ т. 3 «Растительный мир»; *koz-ьl-ič-ьк-ъ* к. 30 ‘козленок’ т. 2 «Животноводство»; *ples-av-ьс-ъ* к. 28 ‘человек, который хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; *po-slav-j-a-j-e-tъ* сѣ к. 18 ‘прощается’ т. 10 «Народные обычаи»; *съ-dorv-ьн-ic-a* к. 29 ‘женщина-врач’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *съ-po-min-ьщ-ic-a* к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»;

хрв. *cuc-ьк-ъ* к. 9 ‘собака’ т. 2 «Животноводство»; *kuk-ov-ač-a* к. 21 ‘кукушка’ т. 1 «Животный мир»; *porc-ьщ-itj-ъ* к. 31 ‘поросенок’ т. 2 «Животноводство»; *šip-ar-ьj-e* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; *vyrx-ьн-j-a* к. 37 ‘сметана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *za-rqč-ьн-j-ak-ъ* к. 9 ‘мужчина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; *žьlt-j-an-ьк-ъ* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žьн-j-ač-ъ* к. 68 ‘мужчина, который жнет серпом’ т. 4 «Сельское хозяйство»;

серб. *grob-ov-ьj-e* к. 46 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи»; *klju-v-ьн-ic-a* к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир»; *morv-in-j-ak-ъ* к. 41 ‘муравей’ т. 1 «Животный мир»; *plov-ьщ-е* к. 34 ‘птенец утки’ т. 2 «Животноводство»; *trav-ьн-ь=ak-ъ* к. 53 ‘неогороженное место, на котором пасется скот’ т. 2 «Животноводство»; *vyr-ač-ar-ic-a* к. 21 ‘женщина, которая занимается колдовством’ т. 10 «Народные обычаи»;

мак. *čuk-a-dl-ьк-a* к. 74 ‘орудие для ручной молотбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *čur-i-dl-ьк-a* к. 49 ‘рыло’ т. 2 «Животноводство»; *rip-un-ьс-ъ* к. 20 ‘дятел’ т. 1 «Животный мир»; *съ-vьrš-en-ik-ъ* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; *teg-av-ьс-ъ* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; *věšt-j-er-ьк-a* к. 21 ‘женщина, которая занимается колдовством’ т. 10 «Народные обычаи»;

блг. *bux-a-dl-ьк-a* к. 74 ‘цеп, орудие для ручной молотбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *or-ьн-ic-a* к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pě-sn-ь=о-roj-ька* к. 31 ‘женщина, которая хорошо поет’ т. 10 «Народные обычаи»; *sin-ьщ-ьс-ъ* к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; *u-mir-a-l-ьк-a* к. 41 ‘смерть’ т. 10 «Народные обычаи»;

чеш. *bor-ov-ьщ-ьj-e* к. 43 ‘черника’ т. 3 «Растительный мир»; *сѣl-ьн-ik-ъ* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; *der-v-o-rqb-ьс-ъ* к. 5 ‘человек, который рубит лес’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *grьb-ьl-ьк-o* к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»; *porš-iv-ьк-a*, *porš-iv-in-a* к. 56 ‘ядовитый гриб’ т. 3 «Растительный мир»; *stbkl-ěn-ic-a* к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

слц. *čičor-ěd-ъk-a* к. 43 ‘черника’ т. 3 «Растительный мир»; *modr-ač-ъk-a* к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ob-mъrv-in-ъk-y*, *ob-mel-in-ъk-y* к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *plug-ov-ič-ě* к. 30 ‘ручки плуга’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *raј-ъč-in-a* к. 18 ‘помидор’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *skor-o-cěl-ъ* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; *žig-ъл-j-av-a*, *pyg-ъл-j-av-a* к. 22 ‘крапива’ т. 4 «Сельское хозяйство»;

плс. *mъž-at-ъk-a* к. 13 ‘молодая женщина, недавно вышедшая замуж’ т. 10 «Народные обычаи»; *ob-ber-ъk-y*, *ob-ber-in-y* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ot-klad-ъn-ic-a* к. 32 ‘часть плуга, которая откладывает землю на бок’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pas-ъn-ik-ъ* к. 53 ‘пастбище’ т. 2 «Животноводство»; *prag-ъn-eč-ъk-a* к. 9 ‘желание потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pri-lěp-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *съ-dъx-ъл-izn-a* к. 51 ‘падаль’ т. 2 «Животноводство»; *въr-ęt-ъk-ъ* к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

луж. *kostr-j-an-ъc-ъ*, *kostr-j-an-ъk-ъ* к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pri-nož-ič-ě* к. 30 ‘ручки плуга’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *(reј)-ov-ar-ъk-a* к. 29 ‘женщина, которая хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»;

блр. *kot-en-ъ=о* к. 25 ‘котенок’ т. 2 «Животноводство»; *нѣ-съ-čet-ъn-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-jal-ov-ъc-ъ* к. 38 ‘можжевелик’ т. 3 «Растительный мир»; *podъ-mel-ъšč-ik-ъ* к. 19 ‘человек, который мелет зерно на мельнице’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pol-j-ov-ъn-ič-ъ* к. 56 ‘человек, который охотится’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

укр. *bi-dl-en-ъ* к. 76 ‘часть цепа, которым бьют по колосьям’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *greb-ъл-ic-a* к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»; *kraš-en-ъk-a* к. 39 ‘яйцо’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *съ-molt-j-ak-ъ* к. 77 ‘мужчина, который молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pas-ov-išč-e* к. 53 ‘пастбище’ т. 2 «Животноводство»; *pri-da-n-ъj-e* к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи»; *съ-dъx-ъл-ъ=ak-ъ* к. 51 ‘падаль’ т. 2 «Животноводство»; *žъn-ъč-ix-a* к. 69 ‘женщина, которая жнет серпом’ т. 4 «Сельское хозяйство»;

рус. *brjux-ov-in-a* к. 51a ‘брюхо животного’ т. 9 «Человек»; *dom-ov-išč-e* к. 44 ‘гроб, в котором хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; *kad-uš-ъč-ъn-ik-ъ* к. 8 ‘человек, который делает деревянные бочки и кадки’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *korv-ęt-in-a* к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *na-sěd-ux-a*,

sam-o-sěd-ъk-a к. 18 'курица, которая высидивает яйца' т. 2 «Животноводство»; *pě-sn-o-(xor)-ъk-a* к. 31 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *po-bir-aš-ъk-a*, *po-bir-uš-ъk-a* к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-skot-in-a* к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство».

Наконец, об этом говорит и тот факт, что многие из них являются свидетельством культурно-исторического влияния соседних языков, ср., например, следующие эксклюзивные лексемы, появившиеся в результате освоения иноязычного слова:

слн. (*brajd*)-*a* к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство» из фриул. *braide*; (*malc*)-*a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из нем. *mahlzeit*; (*murk*)-*a* к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство» из австр. диал. *murke*; (*pungart*)-ъ к. 1 'сад' т. 4 «Сельское хозяйство» из ср.-в.-нем. *bungarte*;

хрв. (*jag*)-*an-ъj-e* к. 57 'охота на диких зверей или птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от нем. *jagt*; (*žmul*)-ъ к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из далмат.-ром. *muzul*;

серб. (*krtol*)-*a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» из/от нем. *kartoffel*;

чеш. (*brambor*)-*a*, (*brambor*)-ъ, (*ertepl*)-*j-a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» из/от нем. *brandenburg*; из нем. *erdäpfel*; (*kantor*)-ъ к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из лат. *cantor*; (*pampel*)-*uš-ъk-a* к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир» от нем. *pampelblum*;

слц. (*krumpl*)-*j-a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *grundbirne*; (*šajt*)-*ar-ъ* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от нем. *scheiten*;

луж. (*ku*)-*ъk-a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» от ср.-в.-нем. *kūle*; (*nojlant*)-ъ (*nojlant*) к. 26 'поле, вспаханное и засеянное впервые' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *neuland*;

плс. (*draš*)-*u-j-e-тъ* к. 73 'молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *dreschen*; (*pyr*)-*ъk-a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» от нем. *birne*; (*jaht*)-*a* к. 57 'охота на диких зверей, птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из нем. диал. *jaht*; (*škol*)-ъ*n-ъ* к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от лат. *schola*;

укр. (*barabol*)-*j-a* к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» от чеш. *brambor* (< нем. *brandenburg*); (*kert*)-ъ к. 10 'огороженное место, где растут овощи' т. 4 «Сельское хозяйство» из венг. *kert*;

рус. (*veks*)-*a* к. 7 'белка' т. 1 «Животный мир» из финно-угорс. (Фасмер I: 287).

На картах Атласа отчетливо видно, что география этих эксклюзивных заимствований, а также их объем разный. В этом отношении карты Атласа дают уникальный материал для решения вопроса о контактах славянских языков с языками неславянских народов (см., например, **сводные карты заимствований** в шестом томе ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», посвященные заимствованиям из тюркских, романских, германских, латинского, греческого, а также из албанского и венгерского языков). Причем наиболее распространенными и частотными являются заимствования из немецкого языка (они покрывают практически всю территорию Славии за исключением болгарских и македонских диалектов), за ними следуют заимствования из тюркских языков, характерные в основном для восточно- и южнославянских диалектов, далее идут заимствования из итальянского языка (они распространены в основном в словенских диалектах в Италии и в хорватских на побережье Адриатического моря), из греческого (они локализуются в основном в южнославянском ареале, причем главным образом в болгарских и македонских диалектах), а также из латинского (они характерны преимущественно для западнославянских диалектов, и прежде всего польских, а также частично южнославянских — словенских и хорватских), из венгерского (они отмечены главным образом в словацких диалектах, а также в юго-западных украинских и частично на юго-востоке чешских), из румынского языка (в юго-восточном ареале южнославянских языков, а также в юго-восточных словацких и украинских закарпатских говорах), наконец, самая немногочисленная группа заимствований из албанского языка (они свойственны в основном македонским диалектам). Интересно, что и в восьмом томе ОЛА «Профессии и общественная жизнь» эта картина в принципе повторяется, хотя число заимствований здесь значительно выше — 750 названий от 300 заимствованных корней (для сравнения в шестом томе всего 118 заимствований от 105 корней), однако и здесь лидируют заимствования из немецкого языка, за которыми следуют тюркские заимствования (подробнее см. Siatkowski 2003: 174–184).

Несмотря на различный характер ареалов эксклюзивных лексем, как обширные, так и ограниченные ареалы являются чаще всего величинами позднего времени, т. е. фактом собственной истории того или иного языка. Как видно из приведенных материалов, большинство эксклюзивных лексем сформировалось в период становления национального самосознания и оформления государственности. Процесс созревания этнополитического самосознания, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику, осознание своей общности и вместе с ней исключительности обретал в этих именах дополнительный стимул.

Таким образом, карты «Общеславянского лингвистического атласа» говорят не только о жизни праславянского слова, но и современного, т. е.

позволяют проследить динамику языковых процессов, приводящих к образованию эксклюзивной лексики. Они свидетельствуют о том, что в историческом развитии славянского диалектного континуума важную роль сыграли три фактора — фактор генетически унаследованного, фактор контактной конвергенции и фактор универсально-типологического.

* * *

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» фонетико-грамматической серии позволили по-новому взглянуть и на организацию фонетических систем славянских языков. Давая представление о шкале возможных и допустимых перемещений в исторической эволюции праславянских фонем, карты этой серии продемонстрировали эффективность синтеза сравнительно-исторического и лингвогеографического методов исследования. Они впервые открыли реальную возможность осмысления лингвистического ландшафта Славии в диахроническом аспекте.

Так, в частности, публикация фонетических томов Атласа позволила **критически оценить высказанные ранее гипотезы о фонетической субституции некоторых праславянских единиц** в позднепраславянском и современных славянских языках. Карты первого фонетического тома «Рефлексы *ě» дали возможность ответить на два принципиально важных вопроса, а именно: 1) какова была фонетическая природа *ě, в частности его линейный характер (являлся ли он дифтонгом или был монофтонгом); и 2) что представлял собой *ě в артикуляционном отношении (если это был дифтонг, то каковы были его компоненты, если монофтонг, то каково было его качество). Как известно, эти вопросы неоднократно обсуждались в славистике и имели разные решения, поскольку фонетическая субституция *ě связывалась то с долгим открытым *e*ː, то с долгим закрытым *e*ː, то с широким открытым гласным переднего ряда типа *'ä*, коррелирующим с гласным непереднего ряда нижнего подъема *a*, то с дифтонгами либо закрытого типа *ie*, либо открытого типа *ia*, *iä*, *ea*, *ea*, *eä* и т. д. (подробнее см.: Вендина 1998: 130). Такое многообразие точек зрения объясняется не только «загадочностью» самого предмета исследования (вызывавшего у некоторых ученых скептическое отношение к возможности решения проблемы реконструкции фонетического качества *ě), но, прежде всего, недостатком материала, необходимого для всестороннего анализа.

Публикация Атласа дала возможность в деталях выявить весь спектр рефлексов *ě во всем их диалектном разнообразии.

Анализ ареальной репрезентации рефлексов *ě показал, что на большей части современной Славии его континуантом является *e*. Обширность и во многих случаях системность ареала этого рефлекса *ě, а также нередко позиционная обусловленность его появления (особенно в польских

и некоторых чакавских говорах) свидетельствует, как представляется, о вторичности этой фонетической субституции *ě, поскольку архаизмы на картах атласа имеют, как правило, ограниченный, нередко островной ареал.

Вместе с тем интересным является и тот факт, что карты Атласа практически не обнаруживают диалектов, в которых в позиции максимального различия (а именно, под ударением, перед твердыми согласными) был бы последовательно представлен рефлекс типа 'ä или *ea* (как известно, именно на такой фонетической субституции *ě настаивали А. Мейе, Х. Педерсен, Ф. Рамовш, Р. Бошкович, Х. Бирнбаум). Исключение составляют лишь отдельные “островные” македонские говоры в Греции (район Солуны пп. 112, 113) и Албании (район Корча п. 106), а также словенские говоры Каринтии (п. 148).

На фоне синхронных ареальных показателей Атласа более убедительной представляется эволюционная теория *ě, когда в качестве исходной для одних диалектов признается широкая открытая артикуляция типа *ea* (*ea*, *eä*, 'ä), а для других — узкая закрытая типа *e* с последующим преобразованием их либо в сторону дальнейшего сужения (ср. модель *ea* > *e* > *iē* > *i* (*iie*), характерную для многих сербских, хорватских, словенских, а также, возможно, и некоторых севернорусских говоров, или *e* > *iē* > *i* — для украинских и некоторых севернорусских говоров, *ea* > *e* — для македонских, северо-восточных штокавских и западноболгарских), либо в сторону расширения (ср. модель *ea* > 'а > 'а, которая характерна для ряда восточноболгарских и македонских говоров или модель *e* > *e* — для многих русских говоров (подробнее см. Вендина, 1997: 209; Вендина 1998: 136).

Таким образом, карты Атласа говорят о том, что фонетическая система праславянского языка была чрезвычайно сложной и при этом диалектно дифференцированной. Включение в систему доказательств фактора пространства позволило не только определить фонетическую субституцию праславянской единицы, но и явилось убедительным свидетельством отсутствия единого в фонетическом и лексическом отношении «праславянского наречия» (Мейе 1951: 1), из которого традиционно выводились все славянские языки.

Неравномерность развития диалектных систем, помноженная на исключительное многообразие праславянских континуантов, представленных на фонетических картах Атласа, позволило проследить динамику и последовательность различных стадий исторической эволюции праславянских фонем, выявить типологию их развития, что дало возможность внести коррективы в сложившиеся в славистике представления об этих процессах.

Так, например, на картах фонетических томов, посвященных праславянским носовым, прослеживаются различные стадии процесса деназализации

рефлексов **o*, **e* и обнаруживаются факты, ранее неизвестные в славистике. Карты обоих томов показали, что носовой резонанс этих праславянских гласных характерен далеко не для всех польских диалектов: полностью, в виде вокальной назальности, он сохранился в кашубских, в отдельных мазовецких и малопольских говорах, кроме того, он наблюдается также в отдельных говорах Каринтии, хотя и только у представителей старшего поколения; в большинстве других польских диалектов, а также в южномакедонских говорах он представлен лишь в виде консонантной назальности (подробнее см. Topolińska, Видоески, 1990: 110).

Таким образом, карты Атласа свидетельствуют о высокой исторической информативности диалектного ландшафта Славии, ибо разрозненная фиксация языковых фактов, представленная в отдельных сравнительно-исторических грамматиках, выстраивается на его картах в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и времени.

Об этом же свидетельствуют и карты четвертого тома Атласа «Рефлексы **ьг*, **ьг*, **ьл*, **ьл*», которые позволяют пересмотреть взгляды на явление аккомодации сонанта предшествующему гласному переднего ряда, которое традиционно рассматривалось как исконно русское (ср. **рус.** *p'er'voj*, *p'er'vyj*, *v'er'x*, *v'ir'ba*, *v'er'ba*, *č'et'v'er'k*; *c'et'v'er'k*, *s'er'p*, *'cer'kva*, *'c'er'kof*, *'c'er'kaf* и др.), отражающее следы так называемого “второго полногласия”. Широкое распространение этого явления не только в русских, но и во многих западнославянских диалектах (ср. **плс.** *v'ešx*, *v'ežba*, *v'žba*, *v'ižba*, *šęřp*, *šešp*, *v'il'k* (<**vylkъ*), *w'il'k*, *v'il'gotny*; *w'il'gotnyj*; **луж.** *w'er'x*, *w'er'ba*; **чеш.** *vil'k*; **слц.** *vil'k*; *vil'hotni*), наличие разорванных (часто неконтактных) ареалов в отдельных украинских (прежде всего юго-западных, ср. **укр.** *vyr'x*, *ver'x*, *ver'x'*, *ser'p*, *čyt'vyr'*, *čet'ver'*, *'cer'kova*) и белорусских (витебско-могилевских) говорах (ср. **блр.** *v'er'x*, *čas'v'er'x*, *čyc'v'er'x*, *čas'v'er'*, *čas'v'er'h*) позволяет квалифицировать его как одно из диалектных праславянских явлений, которое охватило северные диалекты Славии, способствуя тем самым формированию диалектного различия, противопоставившего севернославянский ареал южнославянскому.

Таким образом, карта имеет уже не просто иллюстративную функцию, а становится важной теоретической составляющей сравнительно-исторического языкознания. Она нередко свидетельствует о том, что традиционно принятые аргументы при объяснении тех или иных фонетических явлений теряют свою объяснительную силу, как только в систему доказательств включается фактор пространства. Примером может служить интерпретация вокализации редуцированных **ь* и **ь* перед слогом с гласным полного образования в формах типа **тѣха*. Вторичные гласные показали, что это явление засвидетельствовано практически повсеместно

в западно- и восточнославянских языках, а также в словенских и некоторых сербских диалектах. Этот факт доказывает возможность фонетического обоснования развития редуцированных в данной праформе и подрывает традиционную точку зрения о влиянии морфологической аналогии, ибо морфологическая аналогия, проявляющаяся, как правило, индивидуально, вряд ли могла стимулировать изменение фонетического облика слова на таком обширном языковом пространстве. В противном случае это означало бы признание морфологической аналогии таким необъяснимым феноменом, который распространяется на огромной территории и на большой временной протяженности (ибо падение редуцированных в разных языках шло в разное время), что едва ли правомерно (подробнее см. Калнынь 1996: 40).

Следует отметить также, что карты фонетических томов Атласа, посвященных редуцированным, заставляют по-новому взглянуть и на проблему, которая до сих пор в славистике казалась давно уже решенной, а именно на оценку их «сильной» и «слабой» позиции. Карты ОЛА показывают, что в восточнославянских диалектах «правило Гавлика» в т. н. «слабой» позиции перед слогом с гласным полного образования «не работает», поскольку в этой позиции прослеживается вокализация «слабых» редуцированных (см., например, карты **trъstina*, **drъva*, **krъnavъ*, **krъstjenъ*, **xrbъbъtъ*, **trъbuxa*, **grъmitъ*, **blъxa*, **glъtalъ*, **jablъko*, **slъza*, **klynetъ*, **stъklo* и др.). Это обстоятельство заставляет историков языка вновь вернуться к вопросу о том, чем обусловлено прояснение редуцированных в данной позиции — влиянием морфологической аналогии (выравниванием основ в парадигме), как это традиционно считалось, но против чего «восстает» фактор пространства, или собственно фонетическими условиями, признанием того, что редуцированные и в этом случае находились в «сильной» позиции. Таким образом, и это правило должно быть откорректировано, ибо “те аргументы, какие могут быть выдвинуты для объяснения определенных явлений в истории отдельных славянских языков или диалектов и какие в этом случае могут считаться достаточными, — эти аргументы теряют свою доказательную силу, когда такие явления обнаруживаются на большом языковом пространстве. Именно подобное широкое языковое пространство представлено на картах ОЛА, и историки славянских языков уже теперь не могут не учитывать отраженные на них факты при изучении и интерпретации развития тех или иных процессов и явлений в определенном славянском языке или диалекте” (Иванов 1996: 17).

Проблемам диахронической эволюции фонетической системы праславянского языка посвящены и обобщающие фонетико-фонологические карты, репрезентирующие факт сохранения или утраты фонологической индивидуальности праславянской фонемы в ее отношении к другим

функциональным единицам фонологической системы праславянского языка независимо от ее современной фонетической реализации. Авторы этой серии карт (Б. Видоески и З. Тополинска) вскрывают сложные отношения континуантов картографируемой фонемы с другими единицами системы вокализма, которые во многих славянских диалектах возникли вследствие частичного позиционного или факультативного ее совпадения с другими фонемами. Используя специальную систему картографических средств, они показывают развитие взаимодетерминированных рефлексов, передавая хронологически самые ранние совпадения праславянской фонемы с другими единицами частной диалектной системы, дифференцируя объединения с двумя, тремя и даже четырьмя фонемами (см., например, такие карты этих авторов, как «Фонологический статус рефлексов *ě/*ĕ:» в томе «Рефлексы *ě» или «Фонологический статус рефлексов *ę/*ĕ:» в томе «Рефлексы *ę» и др.).

Не менее важным для компаративистики XXI в. является и другой аспект фонетико-грамматической серии Атласа — синхронно-типологический, который высвечивает проблемы типологии фонетических процессов. Во всех томах фонетико-грамматической серии ОЛА содержатся типологические карты, репрезентирующие фрагменты языковой системы. Типологические карты посвящены исследованию таких, например, вопросов, как влияние консонантного окружения, вокального количества и ударения на рефлексацию праславянских гласных. В большинстве сравнительно-исторических исследований эта информация отсутствует или носит эпизодический характер. Между тем карты Атласа продемонстрировали, как важен учет этих параметров при изучении фонетической системы праславянского языка, поскольку наличие или отсутствие влияния фонетического контекста может являться причиной возникновения древнейших диалектных различий.

Эти карты позволяют обратиться к изучению проблемы диахронической типологии фонетических процессов, повлиявших на развитие фонетической системы праславянского языка, поскольку здесь прослеживаются определенные закономерности, связанные с действием двух факторов — просодических (ударение, количество, тон) и позиционных (граница слова, качество предшествующего и последующего согласного, а также качество гласного следующего слога). Главными из них, как показывают карты Атласа, являются ударение (а точнее безударность), количество, а также мягкость соседнего согласного.

Вся эта информация является чрезвычайно важной для сравнительно-исторического языкознания и она, несомненно, будет использована компаративистами XXI в. при написании новой сравнительной грамматики славянских языков.

Сопоставительный анализ этих структурно-типологических карт Атласа позволит в будущем «нащупать» механизм развития многих праславянских вокалов и выявить внутренние связи сходных по своим результатам рефлексаций (например, **ě* и **e*), что в конечном итоге позволит создать типологию фонетико-фонологических систем славянских диалектов.

Таким образом, карты Атласа со всей очевидностью доказали, что реконструкция системы праславянского языка, понимание его истории невозможны без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвогеографии.

* * *

Сравнение материалов карт лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии Атласа свидетельствует о том, что в лексических и фонетических системах славянских языков процессы их дивергенции носили разный характер: если на фонетических картах мы можем довольно часто наблюдать четкое диалектное размежевание, своеобразные «разломы» на диалектном ландшафте *terra Slavia* (см., например, карты фонетических томов ОЛА, посвященных рефлексам носовых), то на лексических картах таких резких обрывов изоглосс не прослеживается, скорее здесь отражен процесс медленного разрушения праславянского единства, при котором следы прежней близости языков не только не утрачиваются, а, напротив, довольно долго сохраняются (хотя нередко и лишь в виде осколков). И эта разная картина эволюции славянских языков на фонетическом и лексическом уровне порождена кумулятивным принципом развития лексического состава каждого языка, когда новое не устраняет старое, а прекрасно «сосуществует» с ним, усложняя эту систему во времени и в пространстве.

Таким образом, карты Атласа дают исследователю возможность «реально представить» общую картину механизма эволюции славянских языков.

ГЛАВА 3

КАРТА И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Опубликованные тома «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно говорят о том, что Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности решать задачи компаративистики, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную — рассмотреть тот или иной славянский диалект как **этнографическую** единицу в общеславянском контексте, доказав возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии.

Благодаря Атласу компаративистика раздвинула рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию. На это обратил внимание Н.И. Толстой, указавший, что карты «Общеславянского лингвистического атласа» представляют “богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта” (Толстой 1995: 15), так как они являют собой образец культурно-языковой диалектологии, позволяющей реконструировать «живую старину» славян.

Это особенно актуально сегодня, поскольку лингвистика перешла на новую, антропоцентрическую парадигму исследования, в соответствии с которой в центре внимания ученых все чаще оказывается триада *язык — культура — человеческая личность*. В соответствии с идеями Э. Бенвениста, высшим уровнем языка в самой широкой его семиотической трактовке признается культура, которая в основе своей также семиотична, как и язык, поэтому без привлечения культуры язык не может быть осмыслен глубоко и полно.

Не случайно конец XX в. ознаменовался в лингвистике практически «полной сменой парадигмы» (Р.М. Фрумкина). Современную ситуацию в языкознании отличает многообразие научных направлений, концепций, теорий в стремлении познать язык не только «в самом себе и для себя» (Ф. де Соссюр), но и как средство понимания человека и того мира, в котором он существует. В соответствии с этой идеей логика развития *зачем/почему-лингвистики* требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики — «найти доступ к человеку через язык».

Именно через язык происходит «оживление» культурно-исторического опыта, формирование культурной идентичности субъекта, его самоотождествление с идеями, ценностями, традициями своей культуры. Человек в процессе воспитания усваивает культурные образцы (или социальные роли) и модели поведения. В ходе этой социальной идентификации происходит отождествление человека с культурной традицией, благодаря чему достигается преемственность культуры. Будучи инструментом культуры, язык формирует не только представления о реальном окружающем человеке мире, но и саму личность, которая, погружаясь в определенную культурную наследственность, через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего народа, специфический культурный образ мира, т. е. в конечном итоге осознает свою идентичность с носителем той или иной культуры.

Эта культурная идентичность субъекта выражается часто не только в желании сохранить этнический язык, но и в стремлении подчеркнуть самобытность, уникальность своей культуры и тем самым отличить себя от соседей. Так возникают эксклюзивные образования, отличительно характеризующие лексическую систему того или иного языка. На основе этой культурно-языковой отличительности формируется этническая идентичность. В связи с этим невозможно не вспомнить слова Э. Сепира о том, что «культуру можно определить как то, **что** данное общество делает и думает, язык же есть то, **как** думает» (Сепир 1993: 193).

Именно поэтому проект «Общеславянского лингвистического атласа» приобретает особое значение. Работу над Атласом следует расценивать не только как решение задач компаративистики и лингвистической географии, но и шире — как решение задачи создания диалектологии славянской народной культуры, поскольку наряду с диалектной дифференциацией карты Атласа иллюстрируют культурно-языковую дифференциацию славянских диалектов. Не случайно в обыденном сознании часто происходит фактическое отождествление языка и народа, поскольку именно язык как этнический идентификатор имеет наибольшее значение.

Карты Атласа говорят о том, что славянские диалекты хранят еще огромные, во многом неизвестные науке богатства древней славянской духовной культуры.

Яркое культурологическое разделение диалектного ландшафта Славии просматривается на карте 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ (т. 8 «Профессии и общественная жизнь»), так как на ней представлена своеобразная история освоения и получения сельскохозяйственных угодий славянами. На карте четко очерченные ареалы имеют лексемы с корнем **sel-** (*sel-o*, *sel-ъc-e*, *sel-išč-e*, *po-sel-ъk-ъ*) — восточно- и южнославянские диалекты, **vъs-** (*vъs-b*, *vъs-ъk-a*, *vъs-bn-ic-a*) — словенские, лужицкие,

польские, белорусские диалекты, **ďbrv-** (*ďbrv-yn-j-a*) — русские и белорусские диалекты, **děd-** (*děd-in-a*) — чешские и словацкие диалекты. Причем каждая из этих лексем говорит об определенном этапе освоения пахотных земель. Так, например, лексема *děd-in-a* употреблялась для обозначения за-други ‘совместного владения землей несколькими семьями, у которых был общий предок’, т. е. землю получала, культивировала и обрабатывала одна патриархальная семья, при этом слово *dědina* обозначало не просто территорию заселения, но именно такое владение, которым изначально владел самый старший в роду, т. е. *děd*. К этой же семантической группе относится и слово *sel-o*. Изначально этим словом называли землю сельскохозяйственных угодий — ‘пашню’, ‘вспаханное поле’ или же деятельность, связанную с обработкой земли, т. е. саму ‘вспашку, пахоту’. Западнославянский вариант этого слова, в котором сохранилась группа *-dl-* (т. е. слово *sedl-o* < **sed-*), первоначально обозначал ‘заселенное место, дворы’, ‘поле, земля’. Словом *vъs-ъ* назывался населенный пункт, в котором жили люди, принадлежащие к одному роду. В слове *ďbrv-yn-j-a* передан способ обработки сельскохозяйственных угодий. Первоначально это слово обозначало ‘пашню’, ‘вспаханное поле’, устар. ‘вспашку, пахоту’. Позднее значение слова расширилось, и слово стало обозначать прилегающие хозяйственные постройки и далее все поселение вместе с земельным наделом. Таким образом, перед нами предстает своеобразная история освоения и присвоения пахотных земель славянами, каждый этап которой получил свое наименование (подробнее см. Жиго 2011: 52).

Однако ярче всего дифференциацию культурного ландшафта Славии иллюстрируют так называемые мотивационные карты. Эти карты позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры. А это значит, что если топографические критерии распространения той или иной лексемы остаются без изменения, то среди лингвистических критериев на первый план выходит мотивационный признак, лежащий в основе картографируемого слова. Это связано с тем, что своеобразие номинативной логики при лексической параметризации внешнего мира, особенности его восприятия и категоризации не могли не отразиться на сегментации языковым сознанием диалектоносителей одного и того же семантического участка, поскольку каждая культура, облеченная в языковую оболочку, говорит на своем языке. Задача исследователя заключается в том, чтобы «прислушаться к ее языку».

Так, например, в томе «Народные обычаи» различия в мотивационных признаках, а значит и в культурологическом осмыслении, демонстрирует карта 55 ‘счастье’, материалы которой говорят о том, что в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека

долей, частью (*śb-čest-bj-e*: ср. **рус.** s'č'as'jo, **укр.** ščas'c'e, **блр.** ščas'c'a, **плс.** ščasće, **чеш.** šťastí, **слц.** sčascje; *dol-j-a*: **блр.** 'dol'a), у лужичан — это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей *śb-bož-bj-e* (zbžže), в то время как в южной Славии представления о счастье ассоциируются со встречаей (*śb-ręt-j-a*, *śb-rěť-j-a*: **слн.** srě:če, **хрв.** s'reća, **серб.** srěća, **мак.** s'reka, **блг.** sreka) как судьбой человека, поскольку “судьба осмысливается как предначертанный человеку свыше путь” (Славянские древности 5: 203). “Случайная непредвиденная встреча рассматривается в народе как знак, влияющий на дальнейший ход событий в жизни человека..., как знак некой высшей силы, которая наделяет человека счастьем. Первоначально этот знак соотносился с неожиданным приобретением «счастья», «удачи», «счастливой доли» (Плотникова 2013: 218).

В томе «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» находится мотивационная карта, посвященная названию ‘ужина’. На этой карте отчетливо видно, что в русской традиционной культуре в основе названий, обозначающих вечерний прием пищи //už-in-ъ, //už-in-a, //už-ъn-a, лежит мотивационный признак, связанный с идеей движения солнца, его пространственной локализации на небосклоне как указания на время приема пищи (из праславянского *jugъ Фасмер IV: 152), тогда как для большинства славян характерно внимание к самой идее времени, в частности, к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ъ*, *večer-j-a*).

Более сложная картина в распределении мотивационных признаков на языковом и культурном ландшафте Славии представлена на к. 54 ‘праздник’ в томе «Народные обычаи»: если в западнославянских диалектах, а также в хорватских в основе наименования лежит сакральный признак (ср. *svět-a*, *svět-o*, *svět-ъk-ъ*, *svět-ъk-y*, *svět-ъc-ъ*, *svět-ъ-dьn-ъ*: **плс.** šv'enta, **чеш.** sva:tek, sva:tečnī: den, **слц.** sva:tek, šveto, **хрв.** s'vɛ:tek и др.), то в русских, болгарских и словенских диалектах — профанный, указывающий на то, что это день ‘свободный от работы’ (ср. *porzd-ъn-ik-ъ*, *ne-děl-ъ*, *gul-ъ* = *a-n-bj-e*: **рус.** p'raz'n'ik, gu'l'an'ja, **блг.** p'raznik, **слн.** prá:znik, neđjau), а в украинских, белорусских, сербских и македонских диалектах в основе наименований праздника представлены оба признака (ср. **укр.** s'jato, p'raznik, **блр.** s'v'ata, p'raz'n'ik, **серб.** prà:znik, své:tac, **мак.** praznik, sveden).

Совершенно очевидно, что мотивационные карты Атласа — это надежный источник этнолингвистической информации, поскольку они позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры.

Так, например, в шестом томе Атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» находится мотивационная карта, посвященная названию ‘первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки’. На этой карте

наряду с пространственным и процессуальным мотивационными признаками (ср. *kraj-ъс-ъ*, *kraj-ъщ-е*, *kraj-išč-e*, *kraj-ък-а*, *kraj-ik-ъ*, *kraj-ik-а*, *kraj-ъщ-ik-ъ* или *kroj-ъ*, *съ-kroj-ък-ъ*; *pri-lěp-ък-а*, *съ-lěp-ък-ъ*; *qrb-ъ*, *qrb-ъщ-е*; *na-čēt-ък-ъ*, *na-čin-ък-ъ*, *ob-ber-ък-а*) представлен антропоморфный признак (ср. лексемы *gъrb-ux-а*, *gъrb-uš-а*, *gъrb-uš-ък-а*, *gъrb-uš-ък-ъ*, *gъrb-ък-ъ* и др., распространенные главным образом в русских и частично украинских и белорусских диалектах); или лексемы *peť-ък-а*, *peť-ič-ък-а* и др., характерные в основном для периферийных македонских, южнопольских и чешских диалектов; лексема *lъb-ък-ъ*, отмеченная только в украинских диалектах; лексемы *jan-ък-ъ*, *jan-ък-о* и др., встречающиеся в словацких и изредка в чешских диалектах. Все эти названия говорят о том, что хлеб в языках этих культурных традиций воспринимается как живое существо, имеющее свои «части тела». На это косвенно указывает и другая карта Атласа — ‘подходит, растет (о тесте)’, которая свидетельствует о том, что тесто практически во всех славянских диалектах уподобляется живому существу. Это существо **живет** (ср. лексемы *ži-v-e-tъ*, *za-ži-v-e-tъ*, *vy-ži-v-e-tъ* — севернорусские диалекты), **движется** (ср. лексемы *xod-e-tъ*, *xod-i-tъ*, *podъ-xod-i-tъ*, *възь-xod-i-tъ*, *vy-xod-i-tъ*, *do-xod-i-tъ*, *възь-xod-j-e-tъ*, *възь-xad-j-i-tъ*, *podъ-xod-j-i-tъ*, *vy-xad-j-i-va-je-tъ* и др. — восточнославянские, словенские и частично чешские диалекты; или *възь-jъd-e-tъ*, *podъ-jъd-e-tъ*, *nadъ-jъd-e-tъ* и др. — македонские, частично южнорусские, болгарские и сербские диалекты; *dviг-a-je-tъ se*, *dviž-e-tъ se*, *na-dviž-e-tъ se* и др. — лужицкие, хорватские и словенские диалекты), **растет** (ср. лексемы *qrst-e-tъ*, *qrst-ne-tъ*, *na-qrst-a-je-tъ*, *pod-qrst-a-je-tъ* и др. — польские, западноукраинские, сербские и македонские диалекты) и даже **работает** (ср. *qrb-i-tъ* и др. — кашубские диалекты), т.е. налицо антропологизация диалектного слова.

Этнолингвистическая информация может быть извлечена также из собственно лексических и лексико-словообразовательных карт. При этом ключом к декодированию культурно-исторических смыслов могут служить метафорические номинации, в которых нередко сохраняются следы мифологических воззрений славян на природу (в этом отношении чрезвычайно ценный материал содержат первые три тома Атласа «Животный мир», «Животноводство» и «Растительный мир»).

Так, например, если обратиться к лексико-словообразовательному тому Атласа «Животный мир», то этнолингвистическую информацию можно извлечь из таких карт Атласа, как к. 7 ‘белка’ (см., например, лексемы *kat-er-ic-а*, *kat-er-ič-ък-а*, в которых отразилась женская символика белки), к. 9 ‘ласка’ (лексема *nevest-а* и ее производные, в которых сохранилась брачная символика ласки). Но особенно ярко эта этнолингвистическая информация представлена на карте 44 ‘божья коровка’. Об этом говорят такие лексемы, как *съln-ъщ-ък-о*, *съln-ъщ-ък-о*, *съln-ič-ък-о*, которые прямо отсылают

к мифологическому сюжету «свадьба Солнца» (см. «Славянские древности» т. 1: 221), в котором **невеста** обозначается такими лексемами, как *boba-(mar)-a*, *let-(mar)-a*, *(len)-ъk-a*, *elen-ъk-a*, *(mandalin)-ъk-a*, *(majdalin)-ъk-a*, *(mangalen)-ъk-a*, *гъ-пан-ън-ъk-a*, а **жених** — лексемами *(iv)=aš-ъk-a*, *(van)-ъč-ъk-a*, *(ivan)-ъč-ъk-a*, *(van)-ъč-ik-ъ*, *(ivan)-ъč-ik-ъ*, *(petr)-ik-ъ*, *(petr)-uš-ъk-a*, *(andrej)-ъk-a*, *(andrej)-ъk-o*, *(fedor)-ъk-o* и др. Метафорическим обозначением невесты является и название *bož-bj-A korv-ъk-a*, широко распространенное у восточных славян. Лексемы *korv-ъk-a*, *korv-uš-ъk-a*, *korv-ič-ъk-a* отсылают к поверью, что это коровка Богородицы.

Метафорическая антропоморфизация отражена и на карте 33 ‘головастик’ (ср. лексемы с корнями *kaluger-*: серб., блг. *kalužer-ъ*, мак. *kalužer-ъk-a*, серб., блг. *kalužer-ic-a* и *pop-*; серб. *pop-it-j-ъ*, рус. *pop-ъk-ъ*, блг. *popadi-j-k-a*, *popad-ur-ъk-a*), поскольку в языковом сознании носителей диалектов подвижные объекты внешнего мира очень легко персонифицируются. То же можно отнести к картам 48 ‘светлячок’ (ср. словацкие лексемы *(jan)-ič-ъk-ъ*, *(jan)-oš-ik-ъ*), к. 43 ‘кузнечик’ (лексемы с корнем *konj-*: чеш., плс., *kon-ъ*, чеш., слц., плс. *kon-ik-ъ*, рус. *kon-ъk-ъ*; *kobyl-*: чеш., слц. *kobyl-ъk-a*, слн., хрв., серб. *//kobyl-ic-a*), к. 47 ‘стрекоза’ (серб., хрв. *kon-it-j-ъ*, чеш. *kobyl-ъk-a*), отражающие существующую во многих славянских фольклорных традициях символическую связь насекомых со скотом (подробнее см. Гура 1997: 501) и ко многим другим лексическим картам Атласа.

Или другой пример: в третьем томе Атласа, посвященном растительному миру, на к. 56 ‘ядовитый гриб’ представлена целая вереница названий, во внутренней форме которых наблюдается соотнесенность с различными животными (ср. *рьс-ъ-ak-ъ*, *sabač-ън-ъ-ak-ъ*, *vyľč-ъ-ak-ъ*, *myš-ъ-ak-ъ*) и гадами (ср. *gad-ъ-ač-ъk-a*, *qž-ov-ъk-a*). Объяснить эту мотивацию можно лишь в том случае, если принять во внимание общий принцип номинации грибов, установленный этнолингвистикой, в соответствии с которым названия несъедобных грибов часто являются отражением древних представлений славян о связи ядовитых грибов с нечистыми животными и растениями (Славянские древности 1: 548).

Интересное диалектное противопоставление мотивационных признаков, свидетельствующих о социальном статусе замужней женщины, просматривается и на к. 52 ‘выходит замуж’ в томе «Народные обычаи»: у большинства славян женщина выступает как пассивное лицо, ибо она идет «за мужа» (*vy-xod-i-tъ za mqž-ъ*, *za mqž-a*, *въ za mqž-ъ*) или отдается ему в жены (*vy-da-j-e-tъ <se>*, *vy-da-v-a-j-e-tъ <se>*), вместе с тем у некоторых южных и западных славян она выступает как активное лицо, приобретающее иной социальный статус, ибо она *žen-i-tъ <se>* (слн., хрв., мак., блг., луж., плс.), *o-žen-i-tъ <se>* (слн.), *mqž-i-tъ <se>* (слн., мак.), *o-mqž-i-tъ <se>* (слн.), *rqč-i-tъ <se>* (слн.), *rqk-u-j-e-tъ <se>* (хрв.) и т. д.

Таким образом, диалектное слово говорит о том, что выбор мотивационного признака не является случайным, он предопределен интересами человека и имеет свою культурную мотивацию. И в этом проявляется феномен влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации диалектного слова (влияние на язык психофизиологического механизма сенсорного восприятия) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык религиозно-мифологических, философских воззрений, социально-нормативных предписаний и запретов, существующих в традиционной славянской культуре).

Яркой иллюстрацией процесса **антропологизации** диалектного слова могут служить карты 12 тома Атласа «Личные черты человека», которые представляют человека как субъекта деятельности и носителя сознания в разных его «ипостасях», а именно — как организм и как личность.

Человек как организм (или «природный человек») предстает в виде совокупности его телесных и материальных свойств, генетически унаследованных от родителей и претерпевших лишь некоторые изменения в процессе жизненной эволюции. Сюда входят **названия человека по его внешнему виду, наследственным признакам**, в частности, такие карты Атласа, как: к. 1 ‘лысый’ (о человеке), к. 4 ‘кудрявый’, к. 5 ‘рыжий’, к. 8 пѣть(-ѣ), к. 10 ‘слепой человек’, к. 11 ‘косоглазый, с косыми глазами’ (о человеке), к. 16 ‘горбатый человек’, к. 19 ‘человек с большим животом’, к. 21 ‘толстый человек’, к. 23 ‘худой человек’, к. 24 ‘жилистый’, к. 25 ‘человек с большой головой’, к. 27 ‘человек с большой бородой’, к. 29 ‘человек с большими усами’, к. 30 ‘красивый’ (о человеке), **в том числе названия, отражающие состояние здоровья человека, его физические особенности**, см., например, к. 31 ‘сильный, обладающий физической силой’ (о человеке), к. 12 ‘глухой человек’, к. 17 ‘хромой’ (о человеке), к. 13 ‘человек, который работает левой рукой’; кроме того, некоторые соматические названия, например, к. 14 gъrba// gъrbъ, к. 6 ‘веснушки’. Кроме того, сюда входят карты, посвященные названиям, отражающим **склонности и привычки человека, обусловленные его психофизиологическими особенностями, воспитанием**, в частности, к. 36 ‘плаксивый, часто плачущий’ (о ребенке), к. 48 ‘человек, который много спит’, к. 49 ‘человек, который очень много ест’, к. 50 ‘человек, который любит вкусно поесть’, к. 51 ‘человек, который любит пить водку, пьяница’, к. 37 ‘пугливый’ и др.

Человек как личность рассматривается как социокультурный индивид, как субъект — носитель сознания и самосознания. Эта группа имен описывает, с одной стороны, **психологические** особенности человека, определяющие его индивидуальность (в единстве эмоционального и интеллектуального начал, см., например, к. 32 ‘глупый человек, дурак’, к. 39 ‘человек, котрый любит хвалиться, хвастун’, к. 42 ‘человек, который лжет’,

к. 43 'женщина, которая лжет', к. 44 'женщина, которая любит сплетничать'), а с другой — **социальные**, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе (см., например, к. 45 'охотно и хорошо работающий' (о человеке), к. 46 'ленивый, не любящий работать', к. 47 'ленивый человек', к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' и др.).

Большая часть карт тома представляет физического (или «природного») человека». Однако эти карты демонстрируют сравнительно низкую лингвокреативную активность диалектов, что само по себе указывает на то, что чувственная, физическая природа человека не представляла особого интереса для языка традиционной культуры славян. Не случайно именно на этих картах содержится больше всего лексем, имеющих общеславянский характер распространения (это такие лексемы, как *něm-Ź* к. 8 *němъ* (-jъ), *slěp-Ź* к. 9 *slěpъ* (-jъ), *xrom-Ź* к. 17 'хромой' (о человеке), *glux-Ź* к. 12 'глухой человек'). В качестве примера можно привести карту 27 'человек с большой бородой'. На этой карте представлены лексемы лишь с одним корнем *bord-* и только в чешских диалектах отмечена эксклюзивная лексема *//qs-ač-ъ*. И хотя диалектная дифференциация происходит за счет словообразовательных средств (ср. эксклюзивные словообразовательные модели: **укр.** *bord-aj-ъ* (bɔrɔ'daj), *bord-ěj-ъ* (boro'd'ij), *bord-an-ъ* (bɔrɔ'dan'), **мак.** *bord-ъл-o* (bradło), **плс.** *bord-al-j-a* (bro'dala), **рус.** *bord-ast-Ź* (boro'dastoj), однако это дела не меняет.

Среди карт, представляющих «природного» человека, выделяется карта 19 'человек с большим животом', поскольку она лексически нагружена сильнее всего (на ней представлено 220 лексем), причем, как свидетельствует внутренняя форма этих лексем, этот признак воспринимается в традиционной культуре славян явно отрицательно (ср. **зап.-сл., блр., укр.** *brjux-ač-ъ* (bri'xa:č, bru'xač); **вост.-сл.** *puZ-at-Ź* (pu'zaty), **хрв., бсн., серб.** *trъb/on-j-a* (tɤ:'boŋa), **мак.** *měš-ъk-o*, *měš-ъл-o* ('mešku, 'mešlo), **блг.** (*škembe*-(li)-j-a, (*škemb*)-ъ=*-ast-Ź* (*škembe*'lija, *š'kembes*) и т. д.

Если использовать такой лингвистический критерий, как количество словесных репрезентаций на единицу смысла, то нетрудно заметить, что самая высокая степень детализации этой семантики наблюдается в украинских диалектах, так как здесь представлено больше всего лексем с конкретизирующим значением, ср. **укр.** [*bebex*]-*ač-ъ* (bebe'xač), *brjux-ač-ъ* (bru'xač), *brjux-at-Ź* (bru'xatyj), *brjux-an-ъ* (bru'xan), *brjux-an-ъ* (bru'xan'), *brjuš-ъk-o* (br'uš'ko), *brjux-ъл-ěj-ъ* (brux'l'ej), *červ-at-Ź* (čɛrɛ'vatyj), *červ-ač-ъ* (čɛrɛ'vač), *červ-ěj-ъ* (čyɤ'yuj), *červ-aj-ъ* (čere'waj), *červ-al-ъ* (čyɤ'val'), *červ-an-ъ* (čɛrɛ'wan'), *glad-ъk-Ź* (hɫad'kyj), *grub-Ź* (h'rubyj), *grub-as-ъ* (h'rugas), *kal-ъ=-ux-ač-ъ* (kel'u'xač), *kal-ъ=-ux-at-Ź* (kel'u'xatyj), *kal-ux-ъ* (ko'l'ux), *puZ-at-Ź* (pu'zatyj), *puz//an-ъ* (pu'zan), *puz//an-ъ* (pu'zan'), *puZ-ač-ъ* (pu'zač), *puz-ěj-ъ* (pu'zej), *puz-aj-ъ* (pu'zaj), *puz-an-ъk-o* (puzan'ko), *puz-el-o* (pu'zelo),

puz-ъk-o (puz'ko), *puz-un-ъ* (pu'zun), *съ-dorv-Ъ* (zdo'rovyj), *тъlst-Ъ* (toys'tyj), *тъlb-at-Ъ* (təl'batyj), *тъlb-an-ъ* (tyl'ban'), *тъlb-ěj-ъ* (tal'b'ij), *тъlb-ux-ъ* ('telbux), *vel-ik-Ъ* (və'lykyj), *živ-ot-at-Ъ* (žywo'tatyj), *živ-ot-aj-ъ* (žyvo'taj'), *živ-ot-ač-ъ* (žywo'tač).

На тематически связанной с этой картой карте 21 'толстый человек' ситуация повторяется, так как лингвокреативная активность украинских диалектов снова выделяет их на всем пространстве Славии, ср. **укр.** *červ-al-ъ* (čyru'val'), *červ-ěj-ъ* (čere'v'jei), *červ-ač-ъ* (čere'vač), *červ-at-Ъ* (čərs'vaty'), *čit-av-ъ* (čytav'ij), *deb-el-Ъ* (de'bely), *glad-ъk-Ъ* (h'ladk'ij), *glad-un-ъ* (h'ladun), *glad-un-ъ* (h'ladun'), *glad-ъk-o* (h'lad'ko), *glad-ъ=otj-Ъ* (h'lad'učyj), *grub-Ъ* (h'rubj), *grub-as-ъ* (h'rubas), *grub-aš-ъ* (hru'baš), *grub-ak-ъ* (hru'bak), *grub-ač-ъ* (hru'bač), *grub-ez-ъn-Ъ* (hru'beznyj), *grub-o-těl-ist-Ъ* (h'rubit'elystyj), *kal-ъ=ux-at-ъ* (kel'u'xatyj), *puz-ač-ъ* (pu'zač), *puz-at-Ъ* (pu'zataj), *puz-ěj-ъ* (pu'z'ij), *puz-aj-ъ* (pu'zaj), *pъln-Ъ* (po'lnj), *съ-dorv-ъ* (zdo'rovyj), *съ-dorv-il-o* (zdara'wylo), *s/yt-ъ* ('sytyj), *tuč-ъn-Ъ* (tuč'nyj), *тъlb-at-ъ* (tal'batyj), *тъlst-Ъ* (toys'tyj), *тъlst-ъ=ak-ъ* (toys't'ak), *тъlst-ak-ъ* (toystak), *тъlst-ъ=ak-a* (toys't'aka), *тъlst-un-ъ* (toys'tun), *тъlst-otj-Ъ* (toys'tučyj), *тъlst-an-ъ* (toys'tan'), *тъlst-en-ъn-Ъ* (toys'ten'ny), *тъlst-il-o* (toys'tylo), *тъlst-el-a* (toys'tela), *тъlst-un-ъc-ъ* (toys'tu'nec'), *u-pas-ъ=an-ъ* (u'pas'ani), *въ-dat-ъn-Ъ* (u'datni'), *za-gor-ъk-on-at-ъ* (za'huzkavaty), *žir-ъn-Ъ* (žirni).

К группе имен «природного человека» примыкает блок карт, на которых представлены названия, отражающие склонности и привычки человека, обусловленные его **психофизиологическими особенностями, воспитанием**, в частности, такие карты, как к. 36 'плаксивый, часто плачущий' (о ребенке), к. 48 'человек, который много спит', к. 49 'человек, который очень много ест', к. 50 'человек, который любит вкусно поесть', к. 51 'человек, который любит пить водку, пьяница', к. 37 'пугливый'. Среди них наибольшей лексической плотностью обладают карты 49 'человек, который очень много ест' к. 50 'человек, который любит вкусно поесть' (на них представлено более двухсот наименований). Таким образом, образуется определенная корреляция с первым блоком карт. В этих названиях проявилось отрицательное отношение человека к превышению нормы, ко всякого рода излишествах.

Лексическая плотность этих карт по диалектам варьируется. На карте 49 'человек, который очень много ест' наибольшей лексической плотностью характеризуются украинские диалекты, а на карте 50 'человек, который любит вкусно поесть' — русские, ср.:

карта 49 'человек, который очень много ест': **укр.** (*bylpokloš*)-ъ (byl'pokloš), *ěd-t-ov-it-Ъ* (jisto'vytyj), *ěd-t-ov-ъn-Ъ* (jis't'ijnyj), *ěd-un-ъ* (ji'dun), *kład-ъk-o* (kład'ko), *kal-ъ=ux-ač-ъ* (kyl'u'xač), *koryt-ъn-ik-ъ* (ko'rytnyk), *lup-et-a* (lu'peta), *ne-na-ěd-a* (ne'najida), *ne-na-ěd-ъn-Ъ* (nena'jidnyj), *ne-na-ěd-t-ъn-Ъ*

(nəna'jistnyj), *ne-na-syt-ьn-ъ* (ny'nasytnyj), *ne-na-žer-a* (nəna'žera), *ne-na-žer-ьl-iv-ъ* (nəna'žerlyvyj), *ne-na-žir-ьl-iv-ъ* (nəna'žirlywj), // *ob-Žer-a* (hoβ'žora), *ob-žer-ьl-iv-ъ* (ob'žerlyvyj), *ob-žer-ьc-ь* (ub'žyrc'), *ob-žir-a* (ob'žyra), *ob-žir-ьc-ь* (ob'žyrc'), *ob-žir-ьl-iv-ьc-ь* (ob'žyrlivec'), *ob-žir-ьl-iv-ъ* (ob'žirlyvyj), *ob-žir-aj-ьl-o* (obžə'rajlo), *pa-žer-a* ('pažera), *pa-žer-ьn-ъ* ('pažernyj), *pa-žir-a* ('pažyra, 'pažyro), *pa-žer-ьl-iv-ъ* ('pažerlyvj), *pro-ěd-t-ьl-iv-ъ* (prajes't'ivy), *pro-žer-ъ* (pro'žor), *pro-žer-ь* (pro'žor'), *pro-Žer-a* (pro'žera), *pro-žir-ov-at-ъ* (pro'ž'iruvat'), *pro-žir-ьn-ъ* (pro'žirni), *pro-žir-a* (pro'žyra), *pro-žir-ьl-iv-ъ* (pro'žirlyvy), *pro-ž'ьr-ьl-iv-ъ* (pro'žorlywyj), *po-žьr-ьl-iv-ъ* (po'žerləwəj), *za-žer-a* (za'žera), *za-žer-ьl-iv-ъ* (za'žerlyvyj), *za//-žьr-t-ъ* (zar'žertəj), *zъl-y-dьn-ьn-ъ* (zl'i'den'i), *žer-ьn-ъ* (žərn'i), *žer-ob-a* (žə'roba), *žer-un-ъ* (žə'run), *žer-ov-it-a* (žero'vyta), *žir-ot-ěj-a* (žyrot'i'ja), *žir-ot-ěj-ak-a* (žyrot'i'jaka);

карта 50 'человек, который любит вкусно поесть': рус. *čem-o-xva-dl-o* (čomux'valo), *či-xvost-ъ* (č'ix'vos), *las-ъ* ('lasɨj), *las-//-un-ъ* (la'sun), *las-un-ьč-ik-ъ* (la'sun'čyk), *las-un-ьj-a* (la'sunja), *las-ux-a* (la'suxə), *las-uš-ьn-ik-ъ* (la'sušn'ik), *las-ьn-ic-a* ('lasn'isa), *liz-un-ъ* (l'i'zun), *liz-o-(bljud)-ъ* (l'izab'l'ut), *liz-o-(bljud)-ьn-ik-ъ* (l'izab'l'ud'n'ik), *ob-žer-a* (ab'žora), *qlk-om-ьc-ь* ('lakom'ec), *qlk-om-ьk-a* ('lakomka), *qlk-om-ik-ъ* ('lakom'ik), *qlk-om-ьn-ik-ъ* ('lakom'n'ik), *qlk-om-ic-a* ('lakom'ica), *qlk-om-ъ* ('lakomoj), *qlk-om-ьn-ъ* ('lakomnoj), *qlk-om-ьšč-ik-ъ* ('lakəmš'ɨk), *qlk-om-ov-ьc-ь* ('lakomovec'), *po-liz-uš-ьn-ik-ъ* (pol'i'zušn'ik), *sold-t-en-a* (slas't'ona), *sold-t-j-en-a* (sla's':onə), *sold-t-en-ik-ъ* (slas't'on'ik), *sold-t-en-ьn-ik-ъ* (slas't'on':ik), *sold-t-ьn-ik-ъ* (slas'n'ik), *sold-t-un-ъ* (slas'tun), *sold-ьk-o-ěd-j-ьk-a* (slatka'ješka), *sold-ьk-o-ěd-ьk-a* (slatko'jetka), *sold-ьk-o-ěd-ъ* (slatko'jet), *sold-ьk-o-ěd-j-ъ* (slatko'ješ), *sold-ьk-o-ěd-j-a* (slatko'ježa), *sold-t-ьk-o-ěd-ъ* (slastko'jed), *sold-ьn-ik-ъ* (sla'n'ik), *sold-ov-ьn-ik-ъ* (sla'dovn'ik), *sold-ex-a* (sla'd'oxa), *sold-t-en-ic-a* (slas't'on'ica), *sold-t-en-ьn-ic-a* (slas't'on':əca), *sold-t-ьn-o-ěd-ъ* (sləsna'jet), *sold-t-ьn-o-ěd-j-ьk-a* (slasna'ješkə), *sold-t-o-ljub-ьc-ь* (sləsta'l'ub'ic), *sold-t-o-ěd-ъ* (slasta'jet), *sold-t-o-ěd-j-ьk-a* (sləsta'ješka), *sold-t-o-ěd-ьn-ik-ъ* (slasta'jedn'ik), *sold-t-ьn-o-ěd-ьn-ik-ъ* (sləsna'jedn'ik), *sold-ьk-o-ěd-j-ьn-ik-ъ* (slatka'ješn'ik), *sold-ьk-o-ljub-ъ* (slətko'l'up), *съ-met-an-ьn-ik-ъ* (sm'a'tan':ik), *sa-m-o-ljub-ъ* (samo'l'ub), *(smal)-ь* = *-ug-a* (sma'l'uga).

Если обратить внимание на такой лингвистический критерий, как количество словесных репрезентаций на единицу смысла, то нетрудно заметить, что самая **высокая степень** лексической загруженности наблюдается на картах, посвященных репрезентации человека как **личности социальной и духовной**, ср., например, карты 32 'глупый человек, дурак', к. 44 'женщина, которая любит сплетничать', к. 42 'человек, котрый лжет' к. 47 'ленивый человек' (на них зафиксировано более 200 наименований, для сравнения можно привести к. 8 пѣтъ (-jь), где представлено всего 47 лексем).

При этом в разных славянских языках лексическая и словообразовательная плотность карт варьируется.

Так, например, в **хорватских** диалектах среди карт, посвященных человеку как личности социальной и духовной, самыми лексически нагруженными являются карты:

к. 32 ‘глупый человек’: (*bed*)-*ak*-ъ (*bedā:k*), (*bedav*)-Ъ (*ʼbe:daf*), *glup-an*-ъ (*glúpan*), [*xlep*]-*ač*-ъ (*xʼlepa:č*), (*xor*)-*m*=-*ak*-ъ (*xorʼmā:k*), *lep-ux*-ъ (*ʼlepuh*), *lud*-ъ (*lù:d*), *ne-verm-en-ъn*-Ъ (*nɛvrɛmɛ:n*), (*nor*)-*ъc*-ъ (*ʼnorc*), (*samar*)-ъ (*samā:r*), (*sord*)-*ast*-Ъ (*sò:rɔast*), *tjudj-ъk*-ъ (*tùojk*);

к. 45 ‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке): *dě-l-av-ъn*-Ъ (*diɛlovan*), (*fatiijatun*)-Ъ (*fatiʼjatù:n*), *mar-ъl-iv*-Ъ (*marʼli:f*), *po-sъl-en*-Ъ (*pò:slen*), *rad-ъn*-Ъ (*râ:dan*), *rad-in*-Ъ (*ʼradi:n*), *rad-iš-ъn*-Ъ (*raʼdišan*), *rad-ъl-iv*-Ъ (*ʼrâdlʼif*), *rad-ov-ъn*-Ъ (*râdovan*), *sъ-lož-en*-Ъ (*sʼljožen*), *skъrb-ъn*-Ъ (*sʼkʁban*), *val-ъ*=-*at*-Ъ (*válat*), (*verd*)-ъn-Ъ (*vré:dan*), *žest-ok*-Ъ (*žèsto:k*).

В **македонских** диалектах среди карт, посвященных человеку как личности социальной и духовной, самыми лексически нагруженными являются карты:

к. 47 ‘ленивый человек’: (*ajnaži*) (*ajnaʼži*), (*aj-naži*)-*j-a* (*ajnaʼžija*), (*aj-lak*)-ъ (*ajʼlak*), (*dembel*)-ъ (*demʼbel*), (*kjopek*)-ъ (‘коpek из тур. *köpek* ‘собака’), (*leš*)-ъ (*leš* из перс. *lās* ‘туша’ через тур. *leş* ‘зловонный’), *lěn-ъšč-in-a* (*lenšʼtina*), *lěn-ъl-o* (‘lenlo), *lěn-ъl-iv*-Ъ (‘lenliv), *lěg-ač*-ъ (‘legač), *mъrz-ъl-o* (mʁzʼlo), *mъrz-ъl-iv*-Ъ (mərʒʼlif), *mъrz-ъl-iv-ъk-o* (mərʒʼlifko), *mъrz-ęt-in-a* (mʁʼzetina);

к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’: (*čašit*)-ъ*k-a* (čaʼšitka), *dup-ač-ъk-a* (duʼpačka), *dup-en-ič-ъk-a* (dupeʼnička), *klev-et-ъn-ic-a* (klevetʼnica), (*kodo-š*)-ъ (*koʼdoš*), (*kodoš*)-ъn-*ic-a* (koʼdošnica), (*kodo-š*)-ъ*k-a* (koʼdoška), (*kavgaž*)-*ik-a* (kavgaʼžika от тур. *kavgacı* ‘тот, кто любит ссориться, ругаться’), (*manafak*)-ъč-*ik-a* (manafakʼčika от тур. *munafik* ‘лицемер’), (*muzafir*)-ъ*k-a* (muzaʼfırka), *měš-al-en-ъk-a* (meʼšalenka), *prqđ-ot-ъk-a* (pruʼdotka), *per-nos-ač-ъk-a* (prenoʼsačka), *reš-et-ar-ъk-a* (rəšəʼtarka).

В **болгарских** диалектах такими картами являются:

к. 47 ‘ленивый человек’: (*ajnaži*)-*j-a* (hajnaʼžijʌ), (*ajlak*)-ъ (xajʼlʼak), (*dembel*)-*in*-ъ (demʼbelʼin), (*xajlaz*)-*in*-ъ (xajʼlazin) (*kal-pazan*)-*in*-ъ (kəʁpəʼzannin), *lěn-ъl-b*=-*o* (ʼlenlʼo), *lěn-ъt-b*=-*o* (ʼlʼantʼu), *lěn-ъt-b*=-*ag-a* (lenʼtʼaga), *lěn-ъč-o* (ʼlenču), *lež-ъl-b*=-*ak*-ъ (ʼležlʼak), *lež-ač*-ъ (leʼžač), *lež-bj-ak*-ъ (ʼležjak), *lež-e-val-ъn-ik*-ъ (ležoʼvajnik), *mъrz-ъl-b*=-*o* (mʼʔzlʼo), *mъrz-el-an*-ъ (mərʒeʼlan), *mъrz-el-b*=-*an*-ъ (mʁʒeʼlan), *mъrz-ъl-iv*-Ъ (mʁʔzlʼif), *mъrz-el-iv*-Ъ (mərʒaʼlʼif), *mъrz-el-an-ъk-o* (mərʒeʼlanku), *mъrz-el-iv-ъc*-ъ (mərʒeʼlivec), *mъrz-el-iv-ъk-o* (mərʒeʼlifko), *mъrz-el-b*=-*ak*-ъ (mʁʒeʼlʼak), (*muɣʼluz*)-*in*-ъ (muɣʼluzin), *ne-qrb-ot-ъn-ič-in-a* (neraʼbotničina), *pro-pad-l-j-a* (proʼpadʼa), (*trъntur*)-ъ (tʼrəntur);

к. 39 ‘человек, котрый любит хвалиться, хвастун’: *xval-i-gqz-ic-a* (fa'ligazica), *xval-bk-o* (fal'kɔ), *xval-/(ži)-j-a* (fal'žijə), *xval-bb-A-(ži)-j-a* (vələbbə'žij), *xval-i-pɐrd-ɔl-b=-o* (falip'rədl'u), *xval-ič-b* (fə'lič), *xval-bb-ič-b* (fəl'i'bič), *xval-bc-b* (fa'əc), *xval-ač-b* (fa'lač), *xval-i-pɐrc-bk-o* (falop'ræcku), *xval-i-pɐrc-ɔl-b=-o* (fə'lipræcl'u), *xval-ič-bk-o* (fa'ličku), *xval-b=-o-pɐrd-ɔl-b* (fil'up'rət), *xval-b=-o-pɐrd-b=-ov-bc-b* (fal'o'pɐrdjovec), *xval-i-trɐc-bk-o* (falit'ræcku), (*fɐlos*)-ɔ (fə'los), [*fuk*]-ɔl-j-o ('fukl'o), [*fuk*]-ɔl-j-a ('vukl'a), (*kuraš*)-(li)-j-a (kuraš'lija), *po-xval-i-gqz-ɔ* (pofa'ligas), *po-xval-bc-ɔ* (puhə'le:c), *po-xval-ič-ɔ* (puva'lič), *po-xval-i-gqz-ic-a* (pova'liguzica), *sam-o-xval-ɔk-o* (samo'falku), [*tɐrtɐr*]-am-ɔ (tərtə'ram), (*žambaz*)-ɔ (žəmbə'zə).

В словенских диалектах самая высокая степень лексической вариативности наблюдается на картах:

к. 32 ‘глупый человек, дурак’: (*bed*)-ak-ɔ (be'də:k), *bož-ev-bc-ɔ* ('bɔ:žavec), *but-ɔl-b* (bú:təl), *but-ast-B* ('bɔutast), *bɐk-b* ('bək), *čuk-ast-B* ('čukast), [*dond*]-ɔk-ɔ ('dundek), *jɐz-mɔt-j-en-B* (z'mɔɔcən), (*mat*)-ast-B (mà:təst), *ne-um-ɔn-B* (nəvú:mən), *nɐm-ak-ɔ* (ni'ma:k), (*nor*)-B ('nɔr), (*nor*)-ak-ɔ (no'rək), (*nor*)-bc-ɔ ('no:rec), *osɔl-ɔ* (ɔ:su), *pɐr-prost-B* (p'reprast), *pri-smɔd-a* (pərs-mɔɔda), *pri-[xvɐrk]-n=-en-ɔ* (pri'fɪrkjen), (*šlevd*)-ɔ (š'leɔt), (*štupit*)-B (š'tupet), (*šempj*)-o (š'e:mpjo), *trɔt-ɔ* (trù:t), *tɐp-bc-ɔ* ('tɐp), *tɔrp-ɔ* (t'rap), *tɔrp-a* (trá:pa), *tɔrp-ast-B* (t'ra:past);

к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’: (*avar*)-ɔ (a'var), [*cvit*]-av-B (c'vi:taɔ), (*gajtik*)-ɔ (gájtaɔ), (*gajteš*)-ɔn-B (hà:jtəšɔ), (*klug*)-ɔ (ʔlù:x), *skɔp-ux-ɔ* (skarù:x), *skɔp-ux-ast-B* (skopù:xəst), *sɔ-tisk-n-en-B* (š'ti:šɲen), *skrip-av-B* (šk'ri:paɔ), *sKɔp-B* (s'ku:p), *tvɐrd-B* (t'a:rt), (*voxr*)-ɔn-B (wò:xərn), (*voxr*)-ɔsk-B ('vɔxərski) и т. д.

Среди карт, представляющих человека по его отношению к труду, собственности, наиболее лексически нагруженными являются карты 47 ‘ленивый человек’ и к. 45 ‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке). Причем так же, как и в предшествующей группе, лексическая плотность карт варьируется. На карте 47 ‘ленивый человек’ наибольшей лексической плотностью обладают украинские диалекты, а на карте 45 ‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке) — русские, ср.:

к. 47 ‘ленивый человек’: **укр.** *gul-bt-aj-b* (wul't'aj), *gni-l-bk-ɔ* (hny-'l'ek), *gni-l-B* (hny'ty'), *lɐ//n-b* (lan'), *lɐn-bt-b=-aj-b* (lyn't'aj), *lɐn//-b=-ux-ɔ* (li'n'ux), *lɐn-iv-B* (le'niv), *lɐn-iv-bc-ɔ* (l'i'nyvəc'), *lɐn-bc-ɔ* (l'enec), *lɐn-bt-b=-aj-ug-a* (lyn't'a'juha), *lež-ɔn-b* ('ležin'), *lež-ač-isk-o* (leža'čysko), *lež-ɔn-b=-ux-a* (ləž'n'uha), *lɐg-aj-b* (tə'gai), *lɐg-un-ɔ* (le'hun), *le-da-čɔt-o* (le'daščo), *le-da-čɔt-j-ic-a* (l'adaščyc'a), *le-da-t-j-ug-a* (l'ada'c'uha), (*ledar*)-ɔ ('ledar), (*lajd*)-ak-ɔ (laj'd'ak), (*lajd*)-ak-a (laj'daka), (*lodar*)-ɔ ('ledar), (*lodar*)-isk-o (loda'rysko), (*lodar*)-ux-a (lada'ruha), *ne-qrb-ɔ* ('nerob), *ne-qrb-a* (ny'roba), *ne-po-terb-ɔn-B* (nyput'r'imnyj), *pust-B* (pu'styj), *val-b=-ug-a* (va'luha), *val-b=-ak-a* (wa'l'aka);

к. 45 ‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке): **рус.** *bez-ot-v'eť-ьн-Ъ* (b'izat'v'etnaj), *čьst-ьн-Ъ* (č'esnoj), *dě-l-ьн-Ъ* (d'el'noj), *dě-l-ov-Ъ* (d'elo'voj), *na-xod-ьl-iv-Ъ* (na'xodl'ivij), *[krop]-ot-ьl-iv-Ъ* (kropotl'ivoj), *orb-ot-ętj-Ъ* (rabo't'aš:ij), *orb-ot-ьн-Ъ* (ro'botnoj), *orb-ot-j-Ъ* (ra'bočaj), *orb-ot-aj-ь* (robo'taj), *orb-ot-ęg-a* (robo't'aga), *orb-ot-ьl-iv-Ъ* (robotl'ivoj), *orb-ot-ьн-ik-ь* (ro'botn'ik), *orb-ot-qtj-Ъ* (rabo't'aš:ij), *orb-ot-ęž-ьн-ik-ь* (rəba't'až-n'ik), *or-b-ot-ь=ug-a* (rəba't'uga), *rad-ěl-ьн-Ъ* (ra'd'el'nyj), *star-a-tel-ьн-Ъ* (sta'rat'il'noj), *star-al-ьн-Ъ* (stə'ral'nəj), *star-a-tel-ь* (sta'rat'el'), *trud-j-en-ьн-ik-ь* (t'ružen'ik), *trud-j-en-ьн-ic-a* (t'ružen'icə), *trud-ętj-Ъ* (tru'd'aščoj), *trud-o-ljub-iv-Ъ* (trudəl'u'b'ivij), *trud-o-lju-b-im-Ъ* (trudol'u'b'imoj), *trud-ьн-ik-ь* (t'rudn'ik), *trud-ov-Ъ* (trudo'voj), *tru-d-ьl-iv-Ъ* (trudl'ivoj), *trud-ov-ik-ь* (trudo'v'ik), *zab-ot-ьн-Ъ* (za'botnəj), *zab-ot-j-Ъ* (za'bočij), *za-vist-ьн-itj-Ъ* (za'v'isnyj), *za-dor-ьн-Ъ* (za'dornij), *u-da-l-Ъ* (uda'loj), *žęd-ьн-Ъ* (žadnyj).

Очевидно, что в такой лексической плотности этих карт мы имеем дело со стремлением языка украинской и русской традиционной культуры осмыслить поведение человека с точки зрения его отношения к моральным нормам общества, так как чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его.

При этом, несмотря на многообразие характеризующих имен, отчетливо просматривается тенденция, в соответствии с которой описание человека ведется с позиции социальной нормы. Это свидетельствует о том, что при взаимодействии биологических и социальных факторов происходит их преобразование под влиянием социокультурного опыта человека. Во всех этих именах прослеживается ярко выраженная моральная рефлексия с ее социально-нормативными предписаниями и запретами традиционной культуры. Разная культурная социализация человека в этих языках привела к их диалектной дифференциации.

Среди карт, рисующих человека как существо духовное, выделяются карты, посвященные названиям человека, отражающим его умственные способности (карта 32 ‘глупый человек, дурак’), особенности поведения, характеризующие отношение человека к себе, окружающим и моральным нормам (к. 39 ‘хвастун’, к. 42 ‘человек, который лжет’, к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’).

Среди этих карт особо выделяются карты к. 32 ‘глупый человек, дурак’, к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’ и к. 42 ‘человек, который лжет’, которые обладают чрезвычайно плотным лексическим полем. Причем и в этом случае семантическая емкость этих карт распределяется между русскими и украинскими диалектами. На карте 32 ‘глупый человек, дурак’ и к. 42 ‘человек, который лжет’ наибольшей лексической плотностью обладают русские диалекты, а на карте 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’ – украинские, ср.:

к. 32 ‘глупый человек, дурак’: рус. (*bald*)-а (ba'l'da от туп. balta, Фасмер I: 114); *bez-pqt*-Ъ (b'es'putoj), *bez-po-//e-t-ьn*-Ъ (b'espo'n'atnoj), *bez-dar-ov-an-ьn*-Ъ (b'ezda'rovan:oj), *bez-тьlč-ь* (b'estoľoč'), *bez-um-ьn*-Ъ (b'e'zumny), *bez-тьlk-ov-Ъ* (b'estoľ'kovoj), *bqb-al-a* ('bubaľa), (*čum*)-ov-Ъ (čumo'voj), *dur-a* ('dura), *dur-ač-in-a* (dura'čyna), *dur-an-ь* (du'ran), *dur-in-a* (du'r'ina), *dur-išč-a* (du'r'išč:a), *dur-ьn*-Ъ (dur'noj), *dur-ьn-ь* ('dur'en'), *dur-ak-ь* (du'rak), *dur-ač-ьk-ь* (dura'č'ok), *dur-al-ěj-ь* (dura'l'ej), *dur-i-dl-o* (du'r'ilo), *dur-ьk-ov-at-Ъ* (durkə'vatyj), *gLup*-Ъ (g'ľupyj), *glup*-Ъ (g'ľup'i), *glup-ьc-ь* (gľu'p'ec), *glup-ak-ь* (gľu'pak), *glup-ov-at-Ъ* (gľupə'vatyj), *glup-en-ьk-Ъ* (g'ľup'en'koj), *glup-ьš-ь* (g'ľupyš), *glup-ar-ь* (gľu'par'), *glum-ьn*-Ъ (g'ľumnyj), *glum-ak-ь* (gľu'mak) [*xlɣst*]-nq-t-Ъ (xľys'nutaj), *xud*-Ъ (xu'doj), *dik*-Ъ (d'i'koj), *dik-ar-ь* (d'i'kar'), (*idiot*)-ь (ad'i'ot), *mal-o-qrz-um-ьn*-Ъ (maľora'zumnoj), *nag-//l-ьn*-Ъ (na'göl'naj), *ne-(normal)-ьn*-Ъ (n'inar'mal'naj), *ne-qrz-vi-t-Ъ* (n'e'raz'v'itoj), *ne-do-qrz-vi-t-Ъ* (n'ida'razv'itaj), *ne-pro-šbd-l-Ъ* (n'e'prošľoj), *ne-um-ьn*-Ъ (n'e'umnyj), *mal-o-um-ьn*-Ъ (maľo'umnoj), *pol-o-um-ьk-ь* (poľu'umok), *pol-o-um-ьn*-Ъ (poľoumnyj), *pol-o-dur-ьk-ь* (poľu'durək), *po-lub-ě-l-Ъ* (poľu'b'e-vyj), *pri-dur-ьk-ь* (pr'i'durak), *prosT*-Ъ (pras'toj), *prost-en-ьk-Ъ* (p'ros'en'koj), *prost-o-(fil)-j-a* (prašta'f'il'a), *slab-o-um-ьn*-Ъ (slabo'umnoj), *slab*-Ъ (s'ľabyj), *šal-ьn*-Ъ (šal'noj), [*tum*]-ak-ь (tu'mak), *тьm-ьn*-Ъ (t'o'mnaj), *тьlk-uš-ьk-a* (tal'kuška);

к. 42 ‘человек, который лжет’: рус. *ba-xval-ь* (bax'vaľ), *baz-l-a* (baz'ľa), *bo-xval-ь* (box'val), [*brex*]-ь (br'ox), [*brex*]-un-ь (br'i'xun), [*brex*]-ьl-o (br'ax'ľo), [*brex*]-ьliv-Ъ (br'ex'l'ivaj), [*brex*]-ux-a (b'r'axuxa), [*brex*]-ьn-Ъ (b'r'oxn'ij), *bьlt-un-ь* (bow'tun), *xval-ь=un-ь* (xva'l'un), [*xlɣst*]-ь (xvyst), *xvast-un-ь* (fas'tun), *xvost-un-ь* (xvos'tun), *jal-ьd-yg-a* (jaľdyga), (*jembed*)-ьn-ik-ь ('jab'edn'ik), *ľg-un-ь* (ľgun), *ľž-un-ь* (ľžun), *ľž-ьc-ь* (ľžec), *ľž-ьn-ik-ь* ('ľožn'ik), *ľyg-a* ('ľyga), *ľg-un-iš-a* (ľgu'n'iša), *man-ь* (man), *man-ь=ox-ь* ('man'ox), *man-ь=un-ь* (ma'n'un), *man-ь=un-j-a* (ma'n'un'ja), *na-pras-ь//n-ik-ь* (nap'ras'l'in'ik), *//ob-man-ьšč-ik-ь* (ob'manš'ыk), *plet-ьn-ь* (p'l'et'en'), *plqt-ь* (plut), *сьr-al-ь* (sral'), *trep-ač-ь* (tr'e'pač), *trep-un-ь* (tr'o'pun), *trep-ьl-o* (tr'ap'ľo), *trep-ьl-uš-ьk-a* (tr'ap'ľuška), *вьr-un-ь* (vrun), *вьr-al-ь* (vral'), *вьr-al-j-a* (v'ral'a), *вьr-al-ь* (vraľ), *вьr-al-a* (v'raľa), *вьr-uš-a* (v'ruša), *вьr-al-išč-e* (vra'l'išč'o), *вьr-ak-un-ь* (vra'kun), *вьr-al-o* (v'raľo), *вьr-al-in-a* (vra'l'ina), *вьr-al-ьj-a* (v'ral'ja), *вьr-an-ic-a* (vra'n'ic'a), *вьr-un-iš-ьk-a* (vru'n'iškə), *za-[xlɣst]-ь* (zah'ľыs), *za-ľyg-al-a* (zaľы'gaľa);

к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’: укр. [*brex*]-а (b'rexa), [*brex*]-ux-a (br'əxuxa), [*brex*]-ač-ьk-a (bre'xačka), [*brex*]-un-ьk-a (br'i'xunka), [*cok*]-ot-ux-a (coko'tuxa), *dur-o-plet-ьk-a* (durop'l'otka), *xvost-o-mel-j-a* (fəst'u'mel'a), *//ezyk-at-A* (jazy'kata), *//ezyk-ar-ьk-a* (jazy'karka), *klev-et-ux-a* (kləvə'tuxa), *lop-a* ('ľopa), *lopot-ux-a* (ľəpy'tuxa), *lop-ьk-a* ('ľopka), *lop-ot-a* ('ľapo'ta), *my-j-ьl-a* ('mejľa), *my-j-ьk-a* ('myjka), *per-nos-ьk-a* (pere'nuska),

[plesk]-ač-ьk-a (pləs'kačka), plet-ьn-ic-a (p'l'otnɛs'a), plet-ьk-ar-ьk-a (p'l'ot-'karka), plet-ux-a (p'l'utuxa), plet-ь=-uš-ьk-a (plɛ't'uška), plet-ьk-a (p'l'otka), plet-ьk-ač-ьk-a (p'l'ot'kačka), plet-ьk-aš-ьk-a (plɛ't'kaška), (pošt)-a (pošta), (pošt)-ar-ьk-a (poštarka из нем. *post* 'почта'), сь-plet-ьn-ic-a (sp'l'etn'ica), сь-plet-ьn-ic-ьk-a (sp'l'otn'ička), сь-vod-ьn-ic-a (z'vuodn'ica), сьt-o-[brex]-a (stob'rexa), trep-ьl-o (trepl'o), trep-ux-a (tre'puxa).

При этом в диалектах, принадлежащих разным языковым группам, лексическая и словообразовательная плотность карт варьируется. Так, например, в **болгарских** диалектах среди карт, посвященных человеку как личности социальной и духовной, самой лексически загруженной является карта 39 '**человек, который любит хвалиться**', а в польских диалектах — к. 32 '**глупый человек, дурак**', ср.:

к. 39 'человек, который любит хвалиться, хвастун': блг. *xval-ьk-o* (fal'ko), *xval-/(ži)-j-a* (fal'žijə), *xval-i-goz-ic-a* (fa'ligazica), *xval-ič-ьk-o* (fa'ličku), *xval-ь=-o-pьrd-ь* (fil'up'rət), *xval-ь=-o-pьrd-ь=-ov-ьc-ь* (fal'o'pɾdjo-vec), *xval-i-[trɛc]-ьk-o* (falit'ræcku), *xval-ьb-a-(ži)-j-a* (vələbəl'žij), *xval-i-pьrd-ьl-ь=-o* (falip'rædl'u), *xval-ič-ь* (fə'lič), *xval-ьb-ič-ь* (fəl'i'bič), *xval-ьc-ь* (fa'ləc), *xval-ač-ь* (fa'lač), *xval-i-pьrc-ьk-o* (faɫop'ræcku), *xval-i-pьrc-ьl-ь=-o* (fəlu-p'ræcl'u), (fɛlos)-ь (fə'los), [fuk]-ьl-j-o ('fukl'o), [fuk]-ьl-j-a ('vukl'a), (žambaz)-ь (žəmbə'zə:), (kuraš)-(li)-j-a (kuraš'lija), *po-xval-ič-ь* (puva'lič), *po-xval-ьc-ь* (puχʌ'le:c), *po-xval-i-goz-ь* (pofa'ligas), *po-xval-i-goz-ic-a* (pova'liguzica), *sam-o-xval-ьk-o* (samo'faɫku), [tɔrtɔr]-am-ь (tərtə'ram);

к. 32 'глупый человек, дурак': плс. *dur-ьn-ь* (durny), *dur-ьn-ь* (dureń), *dur-ak-ь* (durak), *gɫup-ь* (gɫupy), *glup-ь* (gɫupi), *glup-ьk-ь* (gupek), *glup-ьc-ь* (gɫupɛc), *glup-ak-ь* (gɫupak), *glup-ь=-ak-ь* (gɫupək), *glup-ьt-ak-ь* (guptək), *glup-ьt-as-ь* (gɫuptaš), *glup-ьt-as-ь* (guptaš), *glup-ov-at-ь* (gɫupovaty), *glup-ьk-ov-at-ь* (gɫupk'oʔvaty), *glup-iš-ь* (gɫəpiš), *glup-ьk-a* (gɫupka), *glup-ěl-ьc-ь* (gɫupʔelec), *glup-ěl-ak-ь* (gɫupelok), *glup-al-ь* (gɫupəl), *glu-p-as-ь* (glepasi), (mišugen)-ь (mišugen от идиш *meszugene*, *miszugene*), *nadъ-rъv-an-ь* (nadervańi), *pri-glup-ь* (priɫɫupi), *pri-glup-ьk-ь* (pšyɫɫupɛk), *polъ-glup-ьk-ь* (puɫɫupɛk), *pri-glup-ьt-av-ь* (pšyɫɫuptavy), (tuman)-ь (tuman из тур. *tuman* 'туман'), (varyjat)-ь (varyjot от лат. *variātus*).

Мотивационные признаки, лежащие в основе этих имен свидетельствуют о том, что описание человека ведется, как правило, с позиций социальной нормы, тех регулятивных категорий, которыми определяются нормы человеческого общежития. Таким образом, и эта небольшая группа имен является свидетельством нравственно ориентированного отношения человека традиционной культуры к миру. Все признаки, атрибутирующие человека как личность, оказываются связанными с морально-нормативными предписаниями и запретами традиционной духовной культуры славян.

За всеми этими именами вырисовывается определенный социально-психологический тип языковой личности, которая, осмысляя жизнь в соответствии с традициями и глубинными установками своей культуры, создавала эти имена.

Этот тезис можно проиллюстрировать ситуацией в **болгарских диалектах**, поскольку здесь вырисовывается несколько иная картина. На картах, представляющих «природного человека», наиболее лексически нагруженными среди всех южнославянских диалектов являются три карты — к. 15 ‘горбатый человек’, к. 11 ‘косоглазый, с косыми глазами’ (о человеке), к. 13 ‘человек, который работает левой рукой, левша’, ср.:

к. 15 ‘горбатый человек’: блг. *gъrb-ъĉ-o* ('gъpĉo), *gъrb-av-ъĉ-b* ('gъrbav-ec), *gъrb-ak-ъ* (gъr'bak), *gъrb-ul-ъ* (gъr'bul'), *gъrb-ъl-e* (gъb'le), *gъrb-ъl-o* (g'rablo), *gъrb-ъl-b=-o* (g'rabl'o), *gъrb-uš-ъ* (gъr'buš), *gъrb-uš-a* ('gъrpša), *gъrb-at-ъk-o* (gъr'batku), *gъrb-uĉ-ъ* (gъr'buĉ), *gъrb-al-an-ъk-o* (gъrbə'lanku), *gъrb-uš-ъk-o* (gъr'bušku), (*kambur*)-ъ (kəm'bur);

к. 11 ‘косоглазый, с косыми глазами’ (о человеке): блг. (*ĉakar*)-ĉst-ъ (ĉakəres), (*empir*)-ĉst-ъ (em'pires), (*jangjoz*)-ъ (an'g'os), (*jan-gjoz*)-(li)-j-a (jang'uz'lijə), *kriv-o-glĕd-ъ* (krivog'let), *mъrž-av-ъ* ('meržaf), *na-zъr-b=-ast-ъ* (na'zəres), *oъz-ok-av-ъ* (ra'zokaf), *oъz-ъn-o-ok-ъ* (razno'ok), *oъz-ъn-o-glĕd-ъ* (raznog'let), *oъz-ъn-o-glĕd-av-ъ* (rə'zoglĕdɛf), *oъz-mĕr-ъn-ik-ъ* (raz'mernik), (*šaš*)-av-ъ ('šešəu), (*šaši*)-j-ast-ъ (ša'sies), (*šaši*)-j-av-ъ (ša'sief);

к. 13 ‘человек, который работает левой рукой, левша’: блг. *lĕv-ak-ъ* (le'vak), *lĕv-iĉ-ar-ъ* (leve'ĉar), *lĕv-iĉ-er-ъ* (levi'ĉer), *lĕv-oĉ-ar-ъ* (levu'ĉ'ar), *lĕv-bĉ-ar-ъ* (lef'ĉar), *lĕv-bĉ-o* ('lefĉo), *lĕv-iĉ-er-in-ъ* (livi'ĉer'an), *lĕv-iĉ-ar-in-ъ* (levi'ĉarin), *lĕv-oĉ-ar-in-ъ* (levu'ĉarin), *lĕv-ok-ar-ъ* (levo'kar), *lĕv-ok-ar-bĉ-b* (levu'g'arec).

Лексическая плотность этих карт демонстрирует повышенное внимание болгарских диалектов к приметным особенностям человека, страдающего каким-либо физическим недостатком.

Среди карт, представляющих человека социального, выделяются карты, посвященные названию **ленивого человека** (к. 47 ‘ленивый человек’ и к. 46 ‘ленивый’). Их лексическая плотность свидетельствует о своеобразии болгарских диалектов в южнославянском языковом континууме, ср.: блг. (*ajnaži*)-j-a (hajna'žijə), (*ajlak*)-ъ (xaj'l'ak), (*dembel*)-in-ъ (dem'be'l'in), (*xajlaz*)-in-ъ (xaj'ləzin), (*kalpazan*)-in-ъ (kəlpə'zanin), *lĕn-ъl-b=-o* ('len-l'o), *lĕn-bt-b=-o* ('l'ant'u), *lĕn-bt-b=-ag-a* (len't'aga), *lĕn-bĉ-o* ('lenĉu), *lež-ъl-b=-ak-ъ* ('ležl'ak), *lež-aĉ-ъ* (le'žaĉ), *lež-bj-ak-ъ* ('ležjak), *lež-e-val-ъn-ik-ъ* (ležo'vajnik), *mъrz-ъl-iv-ъ* (mъz'lif), *mъrz-el-iv-ъ* (mъrza'l'if), *mъrz-el-an-ъk-o* (mъrže'lanku), *mъrz-el-iv-bĉ-b* (mъrže'livec), *mъrz-el-iv-ъk-o* (mъrže'lifko), *mъrz-ъl-b=-o* (m'zl'o), *mъrz-el-an-ъ* (mъrže'lan), *mъrz-el-b=-an-ъ* (mъrže'l'an), *mъrz-el-b=-ak-ъ* (mъrže'l'ak), (*muxljuz*)-in-ъ (muu'l'uzin), (*mixljus*)-ъ (mix'l'us),

ne-orb-ot-bn-ič-in-a (nera'botničina), *pro-pad-l-j-a* (pro'padl'a), (*pahin*)-in-ъ (pə'inin), (*trəntur*)-ъ (t'rəntur), в то время как в остальных южнославянских диалектах наибольшей лексической загруженностью обладает карта L 1987 'охотно и хорошо работающий (о человеке)'.

Среди карт, посвященных названию человека духовного, можно отметить карту 39 '**человек, который любит хвалиться, хвастун**', лексическая плотность которой также выделяет болгарские диалекты на всем пространстве южной Славии, ср.

к. 39 'человек, который любит хвалиться, хвастун': блг. *xval-ъk-o* ('fal'kə), *xval-/(žj)-j-a* (fal'žijə), *xval-ъb-a-(žj)-j-a* (vələbə'žij), *xval-i-pъrd-ъl-ъ=o* (falip'rədl'u), *xval-ič-ъ* (fə'lič), *xval-ъb-ič-ъ* ('fal'bič), *xval-ъc-ъ* ('faləc), *xval-ač-ъ* (fa'lač), *xval-i-pъrc-ъk-o* (falop'ræcku), *xval-i-pъrc-ъl-ъ=o* (fəlu-p'rəcl'u), *xval-i-gqz-ic-a* (fa'ligazica), *xval-ič-ъk-o* (fa'ličku), *xval-ъ=o-pъrd-ъ* (fil'up'rət), *xval-ъ=o-pъrd-ъ=ov-ъc-ъ* (fal'o'pɹɹdjovec), *xval-i-[trъc]-ъk-o* (falit'ræcku), [*fuk*]-ъl-j-o ('fukl'o), [*fuk*]-ъl-j-a ('vukl'a) (*fъlos*)-ъ (fə'łos), (*kuraš*)-(li)-j-a (kuraš'lija), (*žam-baz*)-ъ (žəmbə'zə:), *po-xval-ič-ъ* (puva'lič), *po-xval-ъc-ъ* (puxə'le:c), *po-xval-i-gqz-ъ* (pofə'ligas), *po-xval-i-gqz-ic-a* (pova'liguzica), *sam-o-xval-ъk-o* (samo'falku), [*tъrtъr*]-am-ъ (tərta'ram).

Эти карты свидетельствуют не только о своеобразии языка болгарской традиционной культуры, в котором повышенное внимание уделяется именно этим качествам человека, но и проливают свет на природу ценностей и императивов традиционной культуры болгар, в которой правила поведения и взаимодействия людей регулируются принятой в обществе моралью как одного из важнейших элементов культуры.

В связи с этим возникает вопрос, с чем связана диалектная культурно-историческая дифференциация *terra Slavii*, почему именно эти признаки характеризуются такой лексической плотностью и вариативностью, порождающей своеобразные «участки языкового напряжения»? Какой логикой руководствовался язык при отборе именно этих признаков в качестве ведущих?

Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в языке самой традиционной культуры, в котором действует **принцип разной культурной разработанности частных смыслов**, в соответствии с которым одни участки семантической системы языка оказываются детально проработанными в языковом плане, другие — довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны, ибо, чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его, поскольку "смысл никогда не ограничивается «пространством» одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу" (Топоров 1992: 16). Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов позволяет проникнуть в глубинные смыслы языка культуры.

Кроме того, лексическая система языка — это социально детерминированная система, в которой важную роль играет этический элемент. Номинативная логика названий человека, атрибутирующих те или иные его качества и свойства, свидетельствует не только об их социальной значимости, но и проливает свет на их моральную оценку общественным сознанием. Поэтому при отборе тех или иных признаков, характеризующих человека, при их семантизации учитывался принцип их этической значимости, который, естественно, в культурах варьируется. Отсюда следует, что различия в лексической плотности карт свидетельствуют о разной культурной социализации человека в тех или иных диалектах, которая и привела к их дифференциации.

Поэтому чтобы понять ту логику, которая лежит в основе этой «наивной социологии», нужно найти «участки языкового напряжения», в которых наблюдается повышенная вариативность языковых форм, свидетельствующая о своеобразных «сгустках» языкового смысла, так как механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость и дает возможность понять, **что** является важным для языкового сознания человека той или иной культуры. Все это говорит о том, что лексическая дублетность мотивирована не только функционально, но и культурологически. Отсюда и различия в конфигурации смыслов и лексической плотности карт.

Об этом свидетельствует и тот факт, что номинация человека как личности социальной и духовной ведется, как правило, с позиций социальной нормы, тех регулятивных категорий, которыми определяются нормы человеческого общежития. Все мотивационные признаки, лежащие в основе субъектных имен, оказываются связанными с морально-нормативными предписаниями и запретами традиционной духовной культуры славян. Именно этим объясняется высокая лексическая плотность карт, посвященных названию человека глупого, ленивого, скупого или лгуна и сплетницы. В этих именах отражены глубинные установки традиционной культуры славян, которая повелительно требует от человека следовать социальной этике, быть существом деятельным, причастным к труду, т. е. сам материал этих карт является свидетельством нравственно ориентированного отношения человека традиционной культуры к миру.

Таким образом, карты «Общеславянского лингвистического атласа» наряду с диалектной дифференциацией иллюстрируют и культурно-языковую дифференциацию славянских диалектов, поскольку лексическая вариативность мотивирована не только функционально, но и культурологически. Отсюда и различия в конфигурации смыслов и лексической плотности карт.

Если же принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами (типом культуры, конкретными условиями общественной жизни), благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую.

Таким образом, карты Атласа говорят о том, что именно через язык происходит «оживление» культурно-исторического опыта, формирование культурной идентичности субъекта, его самоотождествление с идеями, ценностями, традициями своей культуры. Человек в процессе воспитания усваивает культурные образцы (или социальные роли) и модели поведения. В ходе этой социальной идентификации происходит отождествление человека с культурной традицией, благодаря чему достигается преемственность культуры. Будучи инструментом культуры, язык формирует не только представления о реальном окружающем человека мире, но и саму личность, которая, погружаясь в определенную культурную наследственность, через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего народа, специфический культурный образ мира, т. е. в конечном итоге осознает свою идентичность с носителями той или иной культуры.

Эта культурная идентичность субъекта выражается часто не только в желании сохранить этнический язык, но и в стремлении подчеркнуть самобытность, уникальность своей культуры и тем самым отличить себя от соседей. Так возникают **эксклюзивные** образования, отличительно характеризующие лексическую систему того или иного языка. На основе этой культурно-языковой отличительности формируется этническая идентичность.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о высоких интерпретационных возможностях карт «Общеславянского лингвистического атласа». Они реабилитируют данные лексики и словообразования в качестве диагностирующих признаков при изучении диалектной дифференциации Славии. Картографирование сегодня рассматривается как эвристический метод, с помощью которого осуществляется не просто сопоставление изучаемых явлений, но и их систематизация и стратификация во времени и пространстве. В этой связи работу над Атласом следует расценивать не только как решение задач компаративистики и лингвистической географии, но и шире — как решение задачи создания диалектологии народной культуры славян. Карты «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно свидетельствуют о том, что изучение проблемы дифференциации славянских языков по материалам Атласа обещает выявить не только

новые интересные данные для компаративистики в плане взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского, но и для культурной антропологии, поскольку адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные языка.

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа», таким образом, являются яркой иллюстрацией одного из положений культурной антропологии, согласно которому «культура живет и развивается в «языковой оболочке», влияя на ее характер и состояние» (Кармин 1997: 86). При этом каждая культура «говорит» на своем языке, словарный состав которого во многом определяется его культурной мотивацией, тем культурным содержанием, которое связано с осмыслением мира природы и общества. Задача исследователя поэтому заключается в том, чтобы «прислушаться» к ее языку, ибо, по мысли немецкого философа М. Хайдеггера, не люди говорят «языком», а язык «говорит людям».

Мы рассмотрели лишь некоторые карты, входящие в том «Личные черты человека». Однако субъектные номинации представлены и в других томах Атласа, в частности, в т. 4 «Сельское хозяйство» (карта 27 ‘человек, который пашет’, карта 36 ‘человек, который сеет’, карта 68 ‘мужчина, который жнет серпом’, карта 70 ‘мужчина, который косит косой’, карта 77 ‘мужчина, который молотит цепом’, карта 87 ‘мужчина, который копат землю’), в т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (карта 34 ‘женщина, которая доит коров’), в т. 10 «Народные обычаи» (карта 8 ‘женinx’, карта 21 ‘женщина, которая занимается колдовством’, карта 28 ‘человек, который хорошо пляшет’, карта 30 ‘человек, который хорошо поет’), наконец, карты т. 9 «Профессии и общественная жизнь». Если извлечь все эти карты из соответствующих томов, то можно увидеть, что человек в славянских диалектах имеет множество разных обозначений (по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным отношениям и проч.). Все это в будущем может лечь в основу отдельного тома Атласа, посвященного **портрету славянина** в общеславянском контексте. Внимание к мотивационному признаку слова позволит провести лингвистическую реконструкцию его когнитивной структуры, выйти в **культурную диалектологию** и выявить истинную картину языкового сознания человека традиционной духовной культуры славян со всеми ее сложностями и нюансами. В этом смысле остаются по-прежнему актуальными слова Н. И. Толстого, сказанные им в 90-х годах: “Подобно тому, как славянская диалектология в современных условиях не может обойтись без лингвистической географии, этнолингвистика, фольклористика и этнография нуждаются в активном развитии такой автономной дисциплины, как культурологическая

география” (Толстой 1997: 15), становлению которой во многом способствует проект «Общеславянского лингвистического атласа».

Информация, которую несет в себе лингвистическая карта, еще только начинает изучаться. Думается, однако, что умение «читать карту» открывает широкие перспективы не только в исследовании эволюции единиц языка, но и в решении вопроса об истории формирования этнических общностей, ибо карта во многом имеет бесспорные преимущества перед другими лингвистическими источниками, а иногда она просто безальтернативна (подробнее см. Гриценко 2004: 86). Наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность оценить своеобразие национального языкового сознания в сложном процессе восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности.

Этнолингвистический подход к репрезентации материала карты, предполагающий объясняющую интерпретацию лингвистической карты, открывает, таким образом, большие перспективы перед «Общеславянским лингвистическим атласом» в картографической репрезентации духовной культуры славян. Расширение практики мотивационной картографии “позволит отвлечься от формальных различий между языками и сосредоточиться на сходных или одинаковых идеологических и культурных представлениях для исследования «мотивационного метаязыка», общего для всех языков мира” (Донадзе 2004: 107).

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно свидетельствуют о том, что носители славянских диалектов хранят еще огромные, во многом неизвестные науке богатства древней славянской духовной культуры. И лингвистические методы могут быть с успехом применены к ее исследованию. Благодаря Атласу культурная антропология получит не только новые эмпирические данные (причем данные полевых исследований), но и совершенно иные фундаментальные установки и методы, в частности метод концептуального и лингвогеографического анализа, поскольку адекватная характеристика психологии народа и соответственный его культуры может быть получена только с опорой на данные языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приступая к написанию монографии, автор имел своей целью сделать карты «Общеславянского лингвистического атласа» самостоятельным объектом исследования, рассмотреть славянский диалектный континуум в пространственно-временном аспекте и тем самым попытаться «заставить заговорить» пространство.

О чем же говорят карты Атласа?

1. Они говорят прежде всего о судьбе праславянского слова в славянских диалектах, его ареале. Причем карта позволяет выявить не только границы этого ареала, но и определить его тип (системный, дискретный, островной, латеральный, микроареал и т. д.), а также проследить его динамику, что чрезвычайно важно при интерпретации диалектного слова.

2. Системный характер ареалов праславянских лексем, представленных на картах «Общеславянского лингвистического атласа», многие из которых имеют индоевропейские соответствия, свидетельствует **о реальном существовании праславянского языка**, причем не просто как некой абстрактной научной модели, а как живого языка, во всем его диалектном многообразии.

Именно об этом говорят ареалы лексем, над которыми время оказалось не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образуют т. н. системные ареалы (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a* к. 33 **voda* т. 5 «Рефлексы *о», *kon-j-ъ* к. 26 **konjъ* т. 5 «Рефлексы *о», *pol-j-e* к. 29 **polje* т. 5 «Рефлексы *о», *mor-j-e* к. 29 **moгje* т. 5 «Рефлексы *о», *sol-ъ* к. 19 **solъ* т. 5 «Рефлексы *о», *snop-ъ* к. 20 **snopъ* т. 5 «Рефлексы *о», *rog-ъ* к. 23 **rogъ* т. 5 «Рефлексы *о», *ros-a* к. 43 **rosa* т. 5 «Рефлексы *о», *kor-a* к. 45 **kora* т. 5 «Рефлексы *о» и др.; или распространение лексем *med-ъ* к. 12 **medъ* т. 6 «Рефлексы *е», *(j)ezер-o* // *ozer-o* к. 5 **(j)ezero* т. 6 «Рефлексы *е», *(j)elen-ъ* // *olen-ъ* к. 6 **(j)elenъ* т. 6 «Рефлексы *е», *per-o* к. 29 **pero* т. 6 «Рефлексы *е», *sestr-a* к. 44 **sestra* т. 6 «Рефлексы *е» и др.).

Работа над «Общеславянским лингвистическим атласом» со всей очевидностью доказала, что реконструкция системы праславянского языка, решение вопроса о локализации прародины славян невозможно без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвогеографии. Язык всегда и везде связан с территорией. Эта связь обусловлена историческими и пространственно-временными закономерностями развития общества. В этом смысле «Общеславянский лингвистический атлас» является уникальным источником сведений о судьбе праславянских диалектизмов и в целом о диалектном ландшафте Славии и тех языковых процессах, которые протекали в славянских диалектах в древности и протекают сегодня.

Вот почему на современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее значение приобретают данные лексики. Именно данные лексики дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. И это прекрасно доказали карты «Общеславянского лингвистического атласа». Оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, делает исследование более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождения славянских языков. Поэтому сегодня лексический материал не только не игнорируется в сравнительно-исторических штудиях, но и активно привлекается как полноценный критерий, представляющий самостоятельную ценность для этих исследований.

Карты Атласа содержат богатую **информацию об ареалах** многочисленных явлений как фонетико-грамматических, так и лексико-словообразовательных, локализация которых ранее была неизвестна в славистике. При этом они не подтверждают традиционной точки зрения о существовании **единого в лексическом отношении праславянского языка**. Благодаря его материалам “на смену представлению о первоначально бездиалектном праславянском языке приходит учение о диалектно сложном древнем языке славян с сильно развитым диалектным словарем” (Трубачев 1985: 236).

О диалектном многообразии праславянского языка свидетельствуют и ареалы многих лексем, имеющих индоевропейское происхождение, но не имеющих статус общеславянских, ср., например, распространение лексем *vol/s-y* (**vol/sъ* < и.-е. **wel-k'* - Фасмер I: 343; Шапошников I: 137; **цел(э)* Boryś 2005: 704) к. 25 ‘волосы человека’ т. 9 «Человек», *brъv-i* (< **bry* < и.-е. **bhrūs* ЭССЯ 3: 64) к. 11 ‘брови’ т. 9 «Человек», *žel-qd-ъk-ъ* (**želqdbъkъ* < и.-е. **ghelond-*, **gholond-*: Фасмер II: 44; Шапошников I: 267; **g^hel-on-d-o* Boryś

2005: 755) к. 52 ‘желудок’ т. 9 «Человек», *lyž-bk-a* (**lyžbka* < **lyga* < и.-е. **leu-*, **lu* ЭССЯ 17: 63) к. 52 ‘ложка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.), которые отсутствуют в южнославянских языках. В связи с этим механизм развития праславянского языка сегодня переосмыслиется: “прямолинейные схематичные построения в духе теории родословного древа уступают место более сложным представлениям о процессе развития, вытекающим из положения о динамичности праславянского языка, незаМКнутости, проницаемости занимаемой им территории” (Куркина 1985: 61).

3. Карты Атласа говорят о жизни праславянского слова в современных славянских диалектах.

Судьба его оказалась разной. Одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образовали т.н. системные ареалы (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a*, *kon-j-b*, *pol-j-e*, *mor-j-e*, *osm-b*, *moj-b*, *moj-a*, *sol-b*, *snop-b*, *rog-b*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о»; или распространение лексем *zem-j-a*, *med-b*, *sedm-b*, *šest-b*, *tret-bj-b*, *vesel-bj-e*, *ber-e-tb*, *devet-b*, (j)*ezer-o* // *ozer-o*, (j)*elen-b* // *olen-b*, *per-o*, *sestr-a* и др. в томе «Рефлексы *е» и др.). Повторяемость в локализации ареалов лексем, представленных в диалектах всех трех славянских языковых групп, а главное — их континуальность свидетельствуют о том, что эти ареалы сформировались еще в праславянский период.

Вместе с тем, картографирование лексем, имеющих общеславянский характер распространения, показало, что они локализируются в пространстве terra Slavia неравномерно. Если попытаться обобщить приведенные факты, то нельзя не заметить, что **самая высокая степень сохранности праславянских лексем, имеющих непроеизводные основы и индоевропейские соответствия, наблюдается в южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских), за ними следуют западнославянские (и прежде всего польские и чешские) диалекты и далее — восточнославянские (причем преимущественно украинские).**

Другие праславянские лексемы оказались подвержены влиянию времени, ибо их ареалы являются свидетельством диалектной дробности праславянского языка (ср., например, ареалы лексем *ot-bc-b*, *ov-bc-a*, *ovbs-b*, *gost-b*, *krbt-b*, *mok-a*, *sq-sěd-b*, *pros-i-tb* и др.).

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй — широко распространенное. Разрушение ареалов праславянских лексем прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии.

О разрушительных процессах, протекающих в славянских диалектах, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы *ovъs-ъ* (**ovъsъ* < и.-е. **jewo-*: **jew-es-*: **jow-es*) (Фасмер III: 113; Шапошников 2: 57) к. 50 'овес' т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 4), которая плотно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет разорванный ареал — в южной: она широко представлена в словенских, македонских и болгарских диалектах, тогда как в сербских и хорватских ее ареал ограничивает лексема *zob-ъ*; о былом существовании этой лексемы в южнославянских диалектах свидетельствует возникший на ее основе дериват, ср. мак., блг. *ovъs-išč-e* 'поле с которого убран овес'.

Вместе с тем и одни, и другие слова говорят о реальном существовании праславянского языка.

Несмотря на праславянский характер лексем, отобранных для картографирования в «Общеславянском лингвистическом атласе», в славянских диалектах отсутствует единство в их распространении. Материалы Атласа красноречиво говорят о том, что, не порывая общности и контактов, славянские языки шли по пути самостоятельного развития, поэтому наряду со сходством, в них отчетливо выявляются и различия. Они проявляются в бесконечной вариативности, отклонениях, несовпадениях в использовании лексико-словообразовательных средств, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая. Не опровергая самого родства языков, они свидетельствуют о своеобразии каждого языка в систематизации форм человеческого мышления при помощи лексико-словообразовательных средств. Поэтому в каждом томе Атласа можно найти обширный материал, говорящий о лексической индивидуальности практически всех славянских языков.

На картах Атласа отчетливо видно, что в процессе эволюции славянского диалектного континуума сложилось **два типа лексических ареалов**:

— первый, когда праславянская лексема имеет **тотальное распространение** (ср., например, ареалы лексем *vod-a* к. 33 **voda* т. 5 «Рефлексы *о», *kon-j-ъ* к. 26 **konъ* т. 5 «Рефлексы *о», *mor-j-e* к. 29 **morje* в томе «Рефлексы *о»; *zem-j-a* к. 47 **zemja* т. 6 «Рефлексы *е», *med-ъ* к. 12 **medъ* т. 6 «Рефлексы *е», *per-o* к. 29 **pero* т. 6 «Рефлексы *е» и др.);

— второй, когда **в ее локализации существуют ограничения** (ср. распространение лексем *kryt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир», *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» или *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир» и др.).

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй — широко распространенное.

Карты Атласа говорят о том, что праславянские лексемы могут локализоваться не только в диалектах трех славянских языковых групп, но и в **диалектах двух славянских языковых групп** (ср. распространение лексем *qs-y*, *qs-a*, *vqs-y*, *vqs-a*, *qs-ě*, *vqs-ě* (**qs-y* < и.-е. **цond-so-* < **цend-* (Boryś 2005: 1500) к. 24 ‘усы’ т. 9 «Человек»; *žit-o*, *žit-a*, *žit-ь* (**žito* < и.-е. **g^wei-*, **g^uei-* (Фасмер II: 57; Pokorny I: 467) к. 57 ‘рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры вместе взятые’ т. 4 «Сельское хозяйство») и даже в одной (ср. распространение лексем *lis-a* (**lisa* < и.-е. диал. *(*ц*)*leipk-* (ЭССЯ 15: 137) к. 3 ‘общее название лисицы и лисицы-самки’ т. 1 «Животный мир»; *gqb-a* (**gqba* < и.-е. **g^heyb^h* (Boryś 2005: 158) к. 2a ‘лицо’ т. 9 «Человек»; *drъv-o* (**drъvo* < и.-е. **dru(ц)*, **dreу* (ЭССЯ 5: 142) к. 1 ‘растущее дерево’ т. 3 «Растительный мир» и др.).

Картографирование праславянских лексем показало, что в разных пространственных контекстах они сохранились по-разному. Если в общеславянском контексте высокая степень сохранности праславянских лексем наблюдается и в южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских), и в западнославянских (и прежде всего в польских и чешских), и в восточнославянских (причем преимущественно в украинских), то в рамках двух славянских языковых групп их плотная концентрация наблюдается в западнославянских языках (особенно в польских диалектах), а в ареале одной языковой группы — в южнославянских (хорватских и сербских диалектах).

И уже этот факт говорит о том, что на картах Атласа устойчиво повторяются одни и те же ареальные сценарии. Эта повторяемость ареалов убедительно свидетельствуют о том, что лексические изоглоссы не являются чем-то случайным, индивидуальным, характерным лишь для одного слова. Каждое «отдельно взятое слово» обнаруживает на лингвистических картах Атласа не «свои собственные границы распространения» (как считал Н. С. Трубецкой), а границы языков и их диалектов, позволяя тем самым выявить отношения этих диалектов в общеславянском контексте.

Убедительным свидетельством повторяемости лексических ареалов является и тот факт, что на многих картах Атласа довольно четко прослеживается **гомогенность восточнославянского континуума** (особенно, когда речь идет об ареалах древних лексем, ср., например, распространение таких лексем, как *ръt-ь* (**ръtъ* < и.-е. **reu-*: **rou-* (Фасмер III: 507) к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек»; *//ěd-a* (**ěda* < и.-е. **edā* (ЭССЯ 6: 38) к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krok-ь* (**krokъ*, **korkъ* < и.-е. *(*s*)*ker-* (ЭССЯ 12: 183; Boryś 2005: 261) к. 49 ‘шаг’ т. 9 «Человек»; *ob-ěd-a-j-e-tь* (**obědati* < **obědъ*

Шапошников 2: 36; ЭССЯ 27: 181) к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sy-kaž-e-tь* (**sykazati* < **kazati* Шапошников 2: 324) к. 64а 'скажет' (слово) т. 9 «Человек» и др.).

Ареальная картина, характерная для восточнославянских языков, корреспондирует с данными исторической фонетики, свидетельствующими о том, что это единство своими корнями уходит в праславянскую эпоху (ср., например, судьбу сочетаний **tj*, **dj* или **kt*, **gt* перед *j* и гласными переднего ряда, судьбу сочетаний **tort*, **tert* с их полногласием, начальное **o* в словах типа *осень*, *олень*, *озеро*, деназализацию носовых, одинаковую рефлексацию редуцированных в сильной позиции и др.). Все эти фонетические процессы своей однотипностью выделяют восточнославянские языки на всем пространстве Славии.

Карт, иллюстрирующих **гомогенный западнославянский ареал** очень немного, ср., например, ареалы лексем:

sikor-ъk-a (< **sykora* < **sykati* (Brückner 1985: 490; Boryś 2005: 547) к. 26 'синица' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 155): лексема широко распространена в западнославянских диалектах и не выходит за их пределы, хотя в чешских и польских диалектах ее ареал является дисперсным, так как наряду с ней распространена и лексема *sikor-a*;

solv-ik-ъ (< **solvybъ* Boryś 2005: 559) к. 28 'соловей' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 156): лексема плотно покрывает всю территорию западнославянских диалектов, хотя в чешских моравских говорах, а также в польских говорах Силезии ее ареал ограничивает возникшая на ее основе лексема *solv-ič-ъk-ъ*.

pъt-ak-ъ (< **pъtъ* < и.-е. **pōcъ*/**pēcъ*/**pŕŕŕ*- (Boryś 2005: 502) к. 16 'птица' т. 1 «Животный мир»): лексема представлена во всех западнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточнословацких диалектах, где распространена возникшая на ее основе лексема *pъt-ač-ъk-ъ*, в лужицких, где зафиксирована лексема *pъt-aš-ъk-ъ*, в польских кашубских говорах, где отмечена лексема *pъt-ax-ъ*, а также в мазовецких, где под влиянием восточнославянских диалектов получила распространение лексема *pъt-aš-ъk-a*.

Обращает на себя внимание не только немногочисленность подобных ареалов, но и то, что эти лексемы являются производными от праславянских основ, что само по себе является свидетельством позднего формирования их ареалов.

На фонетическом уровне черт, являющихся иллюстрацией единства западнославянских языков, также немного. Практически это лишь судьба сочетаний **kv*, **gv* в позиции перед **ě*. Что касается других фонетических признаков, традиционно приводимых в качестве иллюстрации своеобразия западнославянских языков, а именно сочетаний **tl*, **dl*, **tort*, **tolt*

или **ort*, **olt*, то они, скорее, свидетельствуют о диалектной дифференциации, поскольку в среднесловацких диалектах в сочетании **tl*, **dl*, в отличие от других западнославянских языков, произошла утрата взрывного элемента; в польских и лужицких диалектах, в отличие от чешских и словацких, сочетания **tort*, **tolt* трансформировались в *trot*, *tlot*, тогда как в чешских и словацких — в *trat*, *tlat*, а сочетания **ort*, **olt* в среднесловацких диалектах дали *rat*, *lat*, тогда как в чешских, польских и лужицких диалектах — *rot*, *lot*. Наконец, самой яркой иллюстрацией диалектной дифференциации западнославянских языков является разный результат рефлексации носовых (в частности, сохранение их назальности в польских диалектах, что выделяет их на всем пространстве *terra Slavica*), а также прояснения редуцированных в сильной позиции, совпадение рефлексов которых наблюдается лишь в польских и чешских диалектах, тогда как в остальных — картина более сложная (см. соответствующие тома «Общеславянского лингвистического атласа»: т. 2а «Рефлексы *ę» (Москва 1990), т. 2б «Рефлексы *q» (Warszawa 1990), т. 3 «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa 1994), т. 4а «Рефлексы *ь, *ь» (Zagreb 2006), т. 4б «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје 2003).

В южнославянских диалектах сходная ситуация, так как ареальный сценарий, демонстрирующий единство южнославянских языков, также встречается довольно редко, ср. распространение следующих лексем:

gušč-er-ъ, *gušč-er-ic-a* (< и.-е. **geu-sker* (ЭССЯ 7: 179) к. 30 'ящерица' т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 157);

žit-o (<и.-е. **žiti* (Фасмер II: 57; ЕСУМ 2: 200) к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство» (см. карту-схему 74): лексема имеет обширный ареал в южной Славии, однако в словенских диалектах ее ареал ограничивает лексема *žit-ъ*, в хорватских — лексемы *žit-ъk-ъ* и *žyrn-bj-e*, в болгарских — заимствованная из турецкого языка лексема (*zajr*)-e;

zid-ar-ъ к. 6 'человек, который строит каменные дома' ОЛА т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах, только в македонских и болгарских ее ареал ограничивает заимствованная из греческого языка лексема (*mastor*)-ъ и из турецкого — лексема (*d'ulger*)-in-ъ.

Из праславянской фонетики, иллюстрирующей своеобразие южнославянских языков, можно указать лишь на судьбу сочетаний **ort*, **olt*, которые дали иную рефлексацию (*ra-*, *la-*) по сравнению с западно- и восточнославянскими диалектами (*ro-*, *lo-*). Что касается других фонетических признаков, то они, скорее, свидетельствуют о дифференциации южнославянских диалектов, нежели об их единстве, ср., например, наличие вокальной долготы и тоновых различий гласных, которое выделяет словенские,

сербские, хорватские диалекты; наличие билабиальной или лабиодентальной протезы перед инициальным *o в словенских диалектах или палатальной j-протезы в хорватских кайкавских говорах; разную рефлексацию носовых, повлекшую за собой ареальную дифференциацию южнославянских диалектов (ср., например, рефлексацию праславянского *ǣ, с характерным для нее варьированием подъема гласного, являющегося его континуантом, от высокого гласного i (хрв., кайк., слн.) до самого низкого гласного a (мак., серб., слн., хрв.), a: (слн., хрв.), a (блг., хрв. кайк.), a: (блг., хрв. кайк.), а также его дифтонгизацию (слн., хрв. кайк.). Наконец, об этом свидетельствует и разная рефлексация редуцированных в сильной позиции.

Такая ареальная картина, представленная на картах «Общеславянского лингвистического атласа», позволяют по-новому взглянуть и на проблему существования в прошлом праюжнославянского и празападнославянского языков.

Таким образом, в этом море языковых фактов прослеживаются определенные контекстуальные закономерности, которые свидетельствует против мозаичности и калейдоскопичности лексических изоглосс.

4. Карты Атласа позволяют выявить пространственно-временные предпочтения славянских диалектов. Если использовать методику индуктивно-дедуктивно анализа, то, изучая различные топографические сценарии, можно увидеть, что **ареалы многих картографируемых явлений повторяются**. То, что на первый взгляд кажется произвольным в топографии ареальных сценариев, на самом деле вписывается в типологию ареалов и обретает свой глубокий смысл. И это само по себе имеет значение, так как позволяет отвести фактор случайности. За этим стоят факты истории языковых явлений, локализация которых на пространственно-временной оси позволяет говорить о разных языковых «предпочтениях» славянских диалектов. Так, в частности, наличие плотного восточно-западнославянского ареала праславянских лексем говорит о существовании в позднепраславянском восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы; или высокая концентрация южнославянских изоглосс в чешских и словацких диалектах свидетельствует в пользу предположения о существовании в древности словацко-моравской языковой зоны, тесно связанной с южнославянской группой языков и до сих пор сохраняющей древние изоглоссные параллели, сформировавшиеся еще на праславянской почве.

Думается, что в настоящее время следует начать каталогизацию ареальных сценариев с тем, чтобы выявить закономерности в их организации, которые явятся своеобразными ориентирами в типологической интерпретации ареалов. Изучая типологию ареалов, мы сможем перейти от эмпирических

данных лингвистической географии к их интерпретационному анализу и подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения, ибо “смысл лингвогеографического метода — в его эвристических возможностях, в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис” (Мартынов 1983: 5).

В связи с этим можно сделать вывод, что карты Атласа могут и должны стать надежным инструментом сравнительно-исторических и этимологических исследований.

5. Карты Атласа говорят о том, что изоглоссы, иллюстрирующие ареальные связи славянских диалектов, проецируются в разновременные плоскости.

Возможность пространственной визуализации межъязыковых лексических сходжений делает реальной и временную стратификацию картографируемых лексем, подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка, ибо в соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени.

В общей картине ареальных связей славянских диалектов отчетливо просматриваются, по крайней мере, два хронологических среза — древний, относящийся к истокам формирования славянского языкового единства, и более поздний, связанный с процессами, основанными на общности предшествующей эпохи, но протекавшими в разных частях Славии самостоятельно, приведшими к их последующему диалектному членению и образованию современных славянских языков. Поэтому на картах Атласа предстает довольно сложная картина диалектной дифференциации *terra Slavica*, поскольку “современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи” (Куркина 1985: 64).

Среди множества ареалов, представленных на картах Атласа, отчетливо просматривается несколько групп:

первую группу ареалов образуют слова, которые имеют глубокие корни и восходят к периоду праславянской языковой общности (это ареалы общеславянских лексем или слов, которые распространены в диалектах трех славянских языковых групп);

вторая группа ареалов детерминирована факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции

славянских диалектов, их образуют ареально ограниченные диалектизмы, восходящие часто к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

существование третьей группы ареалов определяется факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и/или параллельным развитием того или иного языкового явления;

наконец, четвертая группа ареалов связана с формированием этнополитического самосознания, стремлением через язык выразить свою культурно-национальную специфику (это ареалы так называемой эксклюзивной лексики).

Поэтому “нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции” (Толстой 1968: 342).

Это соответственно допускает возможность стратификации диалектного материала в пространственно-временном аспекте, разграничения архаизмов и инноваций, определения центров иррадиации новых явлений. И эту возможность предоставляет именно карта. Она позволяет не только установить пространственно-временную локализацию изучаемого языкового явления и представить его в виде хроно-топо-изоглоссы, но и объяснить это явление. И в этом проявляется такое ее свойство, как **экспланаторность** (или «объяснительность»). В этом смысле карта является чрезвычайно важным источником информации, так как ни один диалектный словарь не дает возможности визуально оценить или объяснить картину выявленных схождений.

Самым ярким проявлением экспланаторности лингвистической карты является **отражение на ней причинно-следственных отношений** в развитии того или иного языкового явления. И поскольку на картах Атласа эксплицитно выражена топологическая и имплицитно хронологическая маркированность диалектных явлений, исследователь имеет уникальную возможность изучать механизмы разворачивания диахронии в синхронии, более того, проследивать цепочечное развитие диалектных зон, которые, образуя звенья такой цепочки, представляют последовательные этапы исторического развития как картографируемого явления, так и самой лингвотерритории.

Фактор пространства, а также неравномерность развития диалектных систем, сохраняющих архаические элементы языка, предоставляют исследователям уникальную возможность восстановить причинно-следственные отношения в эволюции того или иного языкового феномена в виде последовательных стадий его исторической трансформации и проследить общее направление развития. Это, в свою очередь, позволяет выявить центр иррадиации и направление инновационных потоков.

Так, например, на карте 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» просматривается довольно четкий ареал лексемы *ob-kraj-ьс-ь* (укр. ok'rajес', блр. ak'rajас, рус. ak'rajес): это украинские и белорусские диалекты, а также прилегающие к ним говоры южнорусского наречия. Для понимания и интерпретации этого ареала необходимо ответить на вопрос, в каком направлении шло распространение этой лексемы, какой язык был «донором», а какой «реципиентом»? И ответ на этот вопрос подсказывает сама карта. Довольно плотный ареал лексемы *ob-kraj-ьс-ь* в говорах Левобережной Украины, а также резаные контуры границ ее ареала являются свидетельством того, что иррадиация шла в направлении Левобережная Украина — Белоруссия. Эта информация (хотя и в имплицитном виде) содержится и в ареале лексемы *ob-kraj-ьк-ь* (укр. ok'rajок), которая генетически соотносится с лексемой *ob-kraj-ьс-ь*. Эта лексема на восточнославянской территории зафиксирована только в украинских диалектах, причем на той же территории, а иногда и в тех же пунктах (см. пп. 500, 508), что и лексема *ob-kraj-ьс-ь*, т. е. ареал этой лексемы дает нам точные ориентиры для определения направления иррадиации. Наконец, об этом говорит и распространение лексемы *ob-kraj-ьщ-ик-ь* (блр. ak'rajщык), которая характерна в основном для белорусских диалектов, причем генетически она тоже соотносится с лексемой *ob-kraj-ьк-ь* как ее производное, являясь ее ареальным продолжением. Таким образом, обе производных лексемы *ob-kraj-ьс-ь* и *ob-kraj-ьщ-ик-ь* генетически соотносятся с лексемой *ob-kraj-ьк-ь*, распространенной в диалектах Украины, что делает предположение о направлении иррадиационных потоков лексемы *ob-kraj-ьс-ь* вполне аргументированным.

Так разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов выстраивается на картах Атласа в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и времени. Картографирование имеет уже не просто иллюстративную функцию, а становится **важной теоретической составляющей сравнительно-исторического языкознания и лингвогеографии, поскольку любая лингвистическая карта помогает восстановить историю формирования моделей производных слов** — членов одной лексико-семантической группы. Таким образом, карта является безальтернативным источником лингвогеографической и исторической информации, так как ни один диалектный словарь такой возможности не имеет.

Однако экспланаторные возможности карты этим не исчерпываются, поскольку в отличие от диалектных и этимологических словарей она позволяет реально увидеть пространственные отношения славянских диалектов и эксплицировать их ареальные связи. Выявляя пространственную локализацию межъязыковых схождений, карта дает возможность оценить их

с ареальной точки зрения, так как эти схождения могут иметь разный характер — точечный (ср., например, ситуацию на той же карте с лексемой *roḃ-bŭ-ĕ* ('turĕ), зафиксированной в отдельных пунктах сербских (п. 85) и македонских говоров (п. 90), или лексемами (*jan*)-*ъk-ъ* (janek), (*jan*)-*ъk-o* (jaŋko), характерными для отдельных чешских (п. 206) и словацких (п. 214) диалектов) или системный, когда они охватывают значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и/или более диалектами, см., например, украинско-белорусский ареал лексемы *ob-kraj-bc-b* (укр. ok'rajec'; блр. ak'rajac); или локализацию лексемы *gъrb-uš-ъk-a* (gor'buška, ŋar'buška) преимущественно в русских, частично в украинских и белорусских диалектах; или ареал лексемы *kraj-itj-ъn-ik-ъ* (k'rajšnik) в македонских и болгарских диалектах. Поэтому ценность карты определяется еще и тем, что она предоставляет возможность визуально **оценить «значимость»** (valeur) каждой изоглоссы в общеславянском масштабе, так как география и характер ареала многое проясняют в природе возникновения схождения. Понятно, что классификационный вес точечного ареала или системного, а также изоглосс, связывающих пограничные диалекты разных языков и диалекты, не имеющие точек соприкосновения, будет разным.

Другим, не менее ярким свойством карты является ее **экспансионизм**, который порожден самой лингвистической географией. Благодаря лингвистической географии исследователь может выйти за пределы собственно языка и обратиться к географии и истории изучаемой территории. Так, в частности, если попытаться дать интерпретацию указанных ареалов лексем, представленных на карте 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', то следует признать, что ареал лексемы *gъrb-uš-ъk-a* сформировался достаточно поздно, по-видимому, уже в рамках самостоятельного существования русского языка. Об этом свидетельствует, с одной стороны, характер очертания ее ареала (края его довольно ровные, практически совпадающие с государственной границей, что в соответствии с теорией ареалов является свидетельством инновации), а с другой — данные исторических словарей («Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского), в которых эта лексема не фиксируется. Что касается ее спорадического распространения в украинских и белорусских диалектах, то его следует признать, по-видимому, фактом междиалектных контактов. О позднем появлении лексемы *gъrb-uš-ъk-a* на этой территории свидетельствует и островной характер ее ареала, но, что, пожалуй, существеннее — отсутствие проявления последовательности в распространении, так как в большинстве пунктов, где она зафиксирована, наблюдается явление конкуренции с другой лексемой (ср. п. 454 *ĕl-uš-ъk-a*, *gъrb-uš-ъk-a* (har'buška, s'i'luška); пп. 328, 519 *ob-kraj-bc-b*, *gъrb-uš-ъk-a*

(ak'rajic, ɣar'buška); пп. 349, 368, 388 *ob-kraj-ьč-ik-ъ*, *gъrb-uš-ьk-a* (ak'rajčыk, ɣar'buška); п. 363 *ob-suš-ьk-ъ*, *gъrb-uš-ьk-a* (o'sušok, ɣor'buška) и т. д.).

Экспланаторность карты оказывается тесно связана и с таким ее свойством, как **антропоцентризм**, поскольку, стремясь найти объяснение представленным на карте явлениям, исследователь волей или неволей обращается к человеку как носителю языка. Антропоцентризм карты ярче всего проявляется в тех мотивационных признаках, которые положены в основу зафиксированных на ней названий, в данном случае 'первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки'. Анализ мотивационных признаков лексем, представленных на этой карте, свидетельствует о том, что точкой отсчета в этих названиях являлся человек. Об этом говорит тот факт, что во многих мотивационных признаках, лежащих в основе названий горбушки, ярко высвечивается антропоморфное восприятие хлеба (ср. в русских диалектах *gъrb-ьk-ъ* (gor'bok), *gъrb-ьč-ьk-ъ* (gor'boč'ek), *gъrb-ux-a* (gor'buxa), *gъrb-uš-a* (gar'buša), *gъrb-uš-ьk-ъ* ('gorbyšok, gorby'šok), *gъrb-uš-ьk-a* (gor'buška, ɣar'buška); в украинских *ľb-ьk-ъ* (ľo'bok, ľu'bok); в чешских и польских *pět-ьk-a* (чеш. patka; плс. p'entka); в македонских *pět-ič-ьk-a* (pe'tička); в чешских и словацких — *jan-ьk-ъ* (janek), *jan-ьk-o* (jaŋko), *pan-ik-ъ* (paŋik), *pan-ič-ьk-ъ* (paŋiček) и т. д.). Это же антропоморфное восприятие хлеба наблюдается и в названиях, представленных на других картах Атласа, в частности на карте 13 'поставит, замесит тесто' и на карте 14 'подходит, растет' (о тесте). Материалы обеих карт раскрывают древние воззрения славян на хлеб как на живое существо. Наличие лексем с корнями **tvor-/*tvar-* (рус. rast'vor'it) на карте 13 'поставит, замесит тесто' говорит о том, что процесс выпекания хлеба (так же, как и создания человека) был связан с идеей «сотворения», ибо эти лексемы формально и семантически (хотя, возможно, и вторично) связаны с глаголом **tvoriti*, т. е. имеют в своей основе древний образ «(со)творения» хлеба. Восприятие хлеба как живого существа отражено и в лексемах с корнем **ži-v-* на карте 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. žы'v'ot). Причем, как свидетельствуют материалы карты, это существо не просто «живет», но обладает способностью «двигаться» (о чем говорят корни **xod(j)-/*xad(j)-*, распространенные в словенских (слн. usxà:ja, s'xa:ja), хорватских (хрв. sxà:jà), польских (плс. potxożi), чешских (ч. sxa:zi:) и в восточнославянских диалектах (рус. pot'xod'it, pat'xod'it'; укр. p'id'xode; блр. pat'xoz'a); или корни **dvig-/*dviž-* в хорватских (хрв. 'diže se) диалектах), «расти» (корень **qrst-* в словацких (слц. rośhé), польских (плс. rośhé), южнославянских (слн. 'rastə; хрв. ra-s'te; серб. rá:ste, ra:s'te; мак. rastet) диалектах), «развиваться» (корни **kyp-* в чешских (ч. kine) и словенских (слн. 'ki:pne) диалектах, **kys-* в чешских (ч. kiše, kisa:), словацких (слц. kisne, kiśné), хорватских (хрв. 'kisa, 'kysa), македонских (мак. 'kisnet), болгарских (блг.

'kisne) диалектах) и даже «работать» (корень **orb-* в польских кашубских диалектах (плс. *ro'b'i*, *rob'i*).

Таким образом, карта имеет еще одно предпочтение перед любым диалектным или этимологическим словарем: она позволяет сразу увидеть пространственную стратификацию всей лексико-семантической группы картографируемого слова на территории Славии. А наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность оценить своеобразие национального языкового сознания в сложном процессе чувственно-мыслительного восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности.

Антропоцентризм лингвистической карты оказывается тесно связан с таким ее свойством, как **функциональность**, которая проявляется прежде всего в возможности оценить ареал с точки зрения его **функциональной нагруженности**: чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале (ср. в связи с этим ситуацию в русских диалектах на той же карте, где с одним только корнем *kraj-* зафиксировано семь лексем — *kraj-ь* (рус. *kraj*), *kraj-ux-a* (рус. *kra'juħa*), *kraj-uš-ьk-a* (рус. *k'rajuška*, *kra'juška*), *kraj-uš-ьk-ь* (рус. *k'rajušok*, *k'rajušek*), *kraj-ьc-ь* (рус. *k'rajic*), *ob-kraj-ьc-ь* (рус. *ak'rajec*), *kraj-ьč-ik-ь* (рус. *k'rajč'ik*). Возможность визуализации ареалов различных словообразовательных моделей, представленных на карте, позволяет выявить и описать прогрессирующие (расширяющиеся) и регрессирующие (сужающиеся) ареалы. Так, в частности, применительно к нашей карте ареал лексемы *kraj-ьč-ik-ь* (*k'rajč'ik*), локализуемой в говорах Полесья, а также в западной группе южнорусских говоров (в основном смоленских и Брянских), может быть охарактеризован как регрессирующий, поскольку он испытывает давление со стороны других лексем с корнем *kraj-*: в белорусских и украинских диалектах со стороны лексем *ob-kraj-ьc-ь* (укр. *ak'rajec*, *ok'rajec'*; блр. *ak'rajec*, *ak'rajic*) и *ob-kraj-ьč-ik-ь* (укр. *ok'rajčuk*; блр. *ak'rajčyk*), в русских — лексемы *kraj-uš-ьk-a* (*kra'juška*).

6. Карты «Общеславянского лингвистического атласа» заставляют по-новому взглянуть и на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности, на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы (см. Бернштейн 1961: 68).

Карты Атласа недвусмысленно говорят о том, что этот процесс был намного сложнее. Прерывистые изоглоссы, связывающие разные славянские диалекты на всем пространстве *terra Slavia*, являются отражением более сложных и многомерных диалектных отношений, чем существующее сегодня в славистике представление о разделении праславянского языка

сначала по вертикали на запад и восток, а затем по горизонтали с вычленением северного и южного ареалов.

Несмотря на высокую степень расчлененности и мозаичности диалектного ландшафта Славии, на картах Атласа довольно четко прослеживается разделение Славии по линии **север ~ юг**, ср.: север //ašč-er- (//ašč-er-ъ, //ašč-er-ic-a, //ašč-er-ъk-a) ~ юг gušč-er- (gušč-er-ъ, gušč-er-ic-a, gušč-er-ъk-a) к. 30 'ящерица' т. 1 «Животный мир»; север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ* к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»; север *ten-ъ* ~ юг *xold-ъ* 'тень под деревом' к. 6 т. 3 «Растительный мир»; север *les-ъ* ~ юг *sum-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; север *съ-čest-bj-e* ~ юг *съ-rêt-j-a, съ-rêt-j-a* к. 7 т. 10 «Народные обычаи»; север *kur-i-ть* ~ юг *puš-i-ть* к. 19 'курит' т. 10 «Народные обычаи»; север *slov-o* ~ юг *besěd-a* (слн.), *dum-a* (блг., мак.), *rěč-ъ* (хрв., серб.), *съ-bor-ъ* (мак.) к. 76 'слово' т. 9 «Человек»; север *kot- (kot-ъ, kot-j-ur-ъ)* ~ юг *mač- (mač-ъk-ъ, mač-or-ъ, mač-or-ъk-ъ)* к. 10 'самец кошки' т. 2 «Животноводство»; север *baran-in-a* ~ юг *ov-ъč-êt-in-a, ov-ъč-ъj-E* (subst) (блг.) к. 24 'мясо барана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; север *čel-u-j-e-ть* ~ юг *ljub-i-ть* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»), север деминутивные суффиксы с консонантным элементом -к- (*-ik-ъ, -ъk-ъ, -ъk-ъ, -ъk-o, -ъk-a, -ič-ъk-a, -ъč-ъk-a, -ič-ъn-ъk-a, -ъč-in-ъk-a* и др.) ~ юг деминутивные суффиксы с консонантным элементом -с- (*-ic-a, -ъc-ъ, -ъn-ъc-e, -ъc-e, -ъš-ъc-e, -ič-ic-a, -ъč-ъc-e, -en-ъc-e, -ъč-en-ъc-e, -ъč-ic-e* и др.) и -č- (*-ič-ъ, -ъč-e, -ič-e* и др.) к. 66 'деминутивные суффиксы' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и т. д.), тогда как противопоставление по линии **запад ~ восток** практически не прослеживается. И эта ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы.

Наличие обширных ареалов, локализующихся в северной Славии и противопоставляющих северную Славию южной (ср., например, ареал лексемы *slov-o* к. 76 'слово' т. 9 «Человек») невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянском восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди лексем, имеющих общеславянское распространение, особенно много тех, которые имеют разрушенный ареал именно в южнославянских диалектах, тогда как в восточно- и западнославянских он до сих пор остается монолитным, и это при том, что все эти лексемы являются праславянскими и имеют индоевропейские соответствия (ср., например, ареалы праславянских лексем, представленных в фонетических томах Атласа **ovъs-ъ* (< и.-е. *awīgъ- Фасмер III: 113) к. 6 **овъsъ* т. 5 «Рефлексы *o»; **bob-ъ* (<

и.-е. *bhābhā Фасмер I: 180) к. 13 *bobъ т. 5 «Рефлексы *о»; *gor-a (< и.-е. *g^uer- Фасмер I: 438) к. 47 *goga т. 5 «Рефлексы *о»; *dom-ъ (< и.-е. *dōm-, *dēm-, *dm̥ Фасмер I: 526) к. 18 *domъ т. 5 «Рефлексы *о»; *dъn-o (< *dъbno < и.-е. *dhub-/dheub- Фасмер I: 519) к. 50 *dъno т. 5 «Рефлексы *о»; *(j)ežъ-b // *ožъ-b (< и.-е. *eg'hjo Фасмер II: 10) к. 1 *(j)ežъ т. 6 «Рефлексы *е»; *ognъ-b (< и.-е. *ognis/*egnis Фасмер III: 78) к. 3 *ognъ т. 5 «Рефлексы *о»; *stolъ-b (< и.-е. *st(h)el- Фасмер III: 764) к. 17 *stolъ т. 5 «Рефлексы *о»; *sox-a (< и.-е. *kāk- Фасмер III: 729) к. 38 *soxa т. 5 «Рефлексы *о» и др.).

Об этом свидетельствуют и факты праславянской фонетики (ср., например, судьбу сочетаний *ort, *olt в позиции начала слова, рефлексация которых объединяет восточные и западнославянские диалекты в их противопоставлении южнославянским; или явление аккомодации сонанта предшествующему гласному переднего ряда в интерконсонантных сочетаниях *tъrt, *tъlt, наблюдающееся в диалектах северной Славии: рус. *p'er'voj, v'er'x*; укр. *ver'x, ser'p*; блр. *v'er'x, љac'v'er'x*; плс. *v'ešx, v'ežba*; луж. *w'er'ba, w'er'x*; чеш. *vil'k*; слц. *vil'k; vil'hotni* (см. ОЛА т. 3 «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» Warszawa 1994).

Наконец, об этом свидетельствуют и факты славянского словообразования. Изучение проблемы дифференциации славянских языков по данным словообразования показало, что в словообразовательных системах славянских языков существуют два противопоставленных ареала — славянского севера и юга, внутри которых имеются более дробные языковые зоны и пояса: в-луж. — слн., укр. — слц., чеш. — слц., слн. — сх., мак. — блг., рус. — блр. — плс. и т. д. (подробнее см. Вендина 1990: 157).

При этом следует отметить, что большинство лексических и словообразовательных ареалов северной Славии имеет своим источником контактную конвергенцию и является иллюстрацией контактно-генетического родства восточно- и западнославянских диалектов. Об этом говорит наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем в роли **языка-донора выступают чаще всего западнославянские диалекты, преимущественно польские** (ср., например, ареалы таких лексем, как *stbkl-ĕn-ъk-a* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *podъ-večerъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *gqs-in-a* к. 25 'мясо гуся' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *doj-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *olovъk-ъ* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *kravъc-ъ* к. 16 'человек, который шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *městъc-e* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *//qtr-ob-a* к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек» и др.), **реже украинские** (ср., например,

обширные ареалы украинских лексем *сѣl-uš-ьk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и *krin-ic-a*, *krъn-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») и **белорусские** (ср. ареалы лексем *mold-iv-o*, *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korm-y-sl-a* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.).

Причем большая часть лексических параллелей представлена суффиксальными образованиями от праславянских основ (ср., например, лексемы *doj-ьk-a*, *gqs-in-a*, *mold-iv-o*, *kraj-ьč-ik-ъ*, *za-bqd-e-tъ* и др.), что указывает на поздний характер формирования их ареалов. Примечательно, что среди этих лексем нередко встречаются такие, которые являются собственно восточнославянскими или западнославянскими суффиксальными новообразованиями от праславянских основ (ср. вост.-сл. *za-bqd-e-tъ*, *lěj-ьk-a*, *куп/-et-ьk-ъ*, *doj-ar-ьk-a*, *krъš-ьk-y*; или зап.-сл. *podъ-večer-ьk-ъ*, *kraj-e-tъ*, *studъn-j-a*), которые, однако, в процессе языковой истории смогли расширить свои ареалы.

Таким образом, противопоставление северной и южной Славии обязано своим происхождением тем инновационным процессам, которые протекали в этих ареалах независимо друг от друга.

Такие ландшафтные закономерности являются своеобразными ориентирами в типологической интерпретации ареалов. И это само по себе является значимым, так как свидетельствует против мозаичности и калейдоскопичности лексических изоглосс и позволяет отвести фактор случайности.

7. Карты Атласа позволяют выявить и некоторые тенденции, которые прослеживаются на диалектном ландшафте Славии.

Это прежде всего тенденция к сужению ареалов праславянских лексем за счет широкого распространения региональных диалектизмов, поскольку карты Атласа говорят о том, что **большинство ареалов праславянских лексем подвержено разрушению**. И это обстоятельство чрезвычайно повышает ценность лингвогеографического критерия при определении диалектов, отличающихся наибольшей концентрацией лексической архаики.

Эта тенденция прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии.

О разрушительных процессах, протекающих в славянских диалектах, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареалы лексем *dqb-ъ* к. 26 'дуб' т. 3

«Растительный мир» или *tok-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которые широко распространены в северной Славии, но имеют ограниченные ареалы — в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ними конкурируют лексемы *xvorst-ъ*, *gor-un-ъ*, *cer-ъ* на к. 26 ‘дуб’ и *borš-bn-o*, *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o* на к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’). О былом существовании этих лексем в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на их базе дериваты, ср. серб., хрв., мак. *dqb-ov-in-a*, серб., мак. *dqb-ov-o derv-o* к. 28 ‘древесина дуба’ т. 3 «Растительный мир»; серб., мак. *dqb-ov-a šuma*, серб. *dqb-ov-a gor-a* к. 27 ‘дубовый лес’ т. 3 «Растительный мир»; или блг., мак. *мучник*, болг. *мъчник* ‘ларь, в который ссыпается мука на мельнице’).

8. На картах Атласа отчетливо видно, где происходит чаще всего разрушение ареала праславянских лексем.

Карты Атласа говорят о том, что разрушение ареала праславянских лексем может происходить **как в центре** современной Славии (ср., например, ареал лексемы *žen-a* к. 57 *žena т. 6 «Рефлексы *е» в украинских и белорусских диалектах, который являются разорванным, поскольку в этих диалектах она активно вытесняется лексемой *žen-ъk-a*), так и **на периферии**, причем часто на юго-востоке южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии (ср., например, распространение лексемы *skop-ъ* к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека»), либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексемы *tok-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Другой такой периферией terra Slavia являются русские диалекты, в которых праславянские лексемы, имеющие общеславянское распространение, локализуются часто или в **латеральном ареале** на границе с украинскими и белорусскими диалектами (ср., например, распространение лексемы *gnoj-ъ* к. 28 ‘навоз’ т. 4 «Сельское хозяйство», которая имеет обширный ареал в западнославянских, украинских, белорусских, словенских и хорватских диалектах, тогда как в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими); или в **небольшом островном ареале**, ср. распространение лексемы *//agn-е* к. 29 *Nsg (j)agne* т. 2 «Животноводство», которая широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы

в белорусских юго-западных и западнopolесских говорах и микроареал — в южнорусских белгородских говорах (пп. 841, 846).

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, в соответствии с которой архаизмы лучше сохраняются на окраине, нежели в центре.

Карты Атласа говорят о том, что ареалы архаизмов часто локализуются не на периферии, а в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления.

9. Карты Атласа позволяют проследить, как происходит разрушение ареала праславянских лексем.

Разрушение ареала праславянских лексем, имевших ранее общеславянское распространение, является неизбежным следствием языковой эволюции. В этом смысле показательна сама **типология этого процесса**, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Однако в этой новой лексеме сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *krъt-ič-ic-a*, *krъt-in-a*, *krъt-ъk-ъ* на к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир» или *//ež-ъk-ъ*, *//ež-ak-ъ*, *//ež-ik-ъ* на к. 10 'ёж' т. 1 «Животный мир» и др.). Так формируются новые ареалы слов, которые часто не знают государственных границ.

В этом отношении чрезвычайно любопытен ареал лексемы *měst-o* (*měst-o* < и.-е. **meit(h)*-, и.-е. **měit*- ЭССЯ 18: 206) к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточно- и западнорусских, особенно в польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *měst-ъc-e*; под влиянием польского языка происходит разрушение и восточнославянского ареала лексемы *měst-o*, так как в украинских и белорусских диалектах все более широкое распространение получает лексема *měst-ъc-e*.

Нередко в процессе языковой эволюции на основе базовых значений праславянских слов возникают переносные, о чем свидетельствует метафорический характер значения некоторых лексем (ср. ареалы лексем *neb-o* к. 21 'небо' т. 9 «Человек»; *sold-ъk-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vrъxъ* к. 36 'густой жирный верхний

слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *konj-ьk-ь* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *do-by-t-ьk-ь* к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»; *gor-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир» и др., характерных для восточно- и южнославянских диалектов), и это еще один путь разрушения ареала праславянских лексем.

В этом смысле научная ценность карт Атласа заключается в том, что общеславянская перспектива дает возможность **понять, какие из этих изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.**

Таким образом, карта говорит о том, что материя не исчезает бесследно, на месте уходящих праславянских слов появляются новые, в которых сохраняется как бы «мерцающий свет» старых. Так формируются новые ареалы лексем, которые часто не знают государственных границ.

10. Карты Атласа позволяют проследить не только процесс разрушения ареалов праславянских слов, но и процесс формирования новых ареалов, т.е. карты «Общеславянского лингвистического атласа» иллюстрируют **динамику** языковых процессов, протекающих в славянских диалектах.

Наглядной иллюстрацией этих процессов могут служить микроареалы эксклюзивных лексем, существующих во всех славянских диалектах, однако самая высокая концентрация их наблюдается в южно- и западнославянских диалектах, особенно в словенских, болгарских, чешских и словацких (ср., например, распространение эксклюзивных лексем в **словенских** диалектах: *mqrč-ьn-ik-ь* к. 15 'летучая мышь' т. 1 «Животный мир»; *vin-ik-a* к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство»; *modr-уѣ-ь* к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; *vyx-ьj-e, masl-o* к. 37 'сметана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *děl-av-ьc-a* к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gost-(ij)-a, gost-iv-a-n-ьj-e* к. 16 'свадьба' т. 10 «Народные обычаи»; *vesel-i-mъ se* к. 25 *Isg praes radujq (se)* т. 10 «Народные обычаи»; *plēs-a-l-ьc-ь* к. 28 'человек, который хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *ob-žen-i-tъ <se>* к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи» и др.). Микроареалы всех этих лексем являются величинами позднего времени, о чем свидетельствует прежде всего их сложная словообразовательная структура.

Объяснить явление широкого распространения эксклюзивных лексем можно, по-видимому, тем, что они стали достоянием литературного языка (ср. слн. лит. *dělavьca, obženiti se*; мак. лит. *mpcen*; блг. лит. *кобилица*,

телешко; чеш. лит. *čáp, kosáč, rajče, žizeň*; слц. лит. *olovrant, lievik*; плс. лит. *jaskółka, locha się, kukurydza, pragnienie, kolacja*; н-луж. лит. *pata, seck*; укр. лит. *іжак, перевесло*; рус. лит. *аист, бабочка, огурец, чешуя, чаща, ужин* и т. д.), что во многом способствовало укреплению их «жизненной силы» и соответственно распространению.

Другая причина появления эксклюзивных лексем нередко связана с культурно-историческим влиянием других языков. Причем в западнославянских и словенских диалектах особенно часто немецкого языка, а в южнославянских — турецкого. Фонетическое и морфологическое освоение иноязычного слова в соответствии с языковой системой «принимающих» диалектов часто вело к образованию эксклюзивной лексемы. Благодаря этим лексемам происходило «портретное» оформление диалектов того или иного славянского языка.

Все это говорит о том, что в славянских диалектах идет процесс перманентного обновления их лексического состава. Существование различных типов ареалов эксклюзивных лексем в славянских диалектах является ярким свидетельством процесса их постоянного изменения и языковой эволюции. Это еще раз подтверждает тезис о том, что ареалы — это пространственно-временные образования, ибо время — лишь одна из форм существования материи, тогда как другой ее формой является пространство. И разные временные фазы находят соответствия в своих пространственных структурах.

В историческом развитии славянского диалектного континуума важную роль сыграли, несомненно, три фактора — фактор генетически унаследованного, фактор контактной конвергенции и фактор универсально-типологического.

11. Карты Атласа говорят о неравномерной диалектной дифференциации современной Славии.

На разных картах Атласа степень лексической и словообразовательной дифференциации неодинакова: на одних картах она чрезвычайно дробная (см., например, карты на вопросы L 87 ‘головастик’ или L 95 ‘дождевой червь’ в 1 томе Атласа «Животный мир»), на других — более ровная, характеризующаяся двумя-тремя ареалами (см., например, карты на вопросы FM 2 ‘зверь’, SI 15 ‘лиса’), а иногда даже монотонная (см., например, карты на вопросы F27 ‘еж’, FP28 ‘заяц’ в том же томе).

В целом можно сказать, что более дробная и мозаичная картина диалектной дифференциации характерна для южно- и западнославянских языков, тогда как в восточнославянских диалектах картина более однородная (см., например, карту LSL 23 ‘белка’: распространение лексемы *běl-ъk-a*; или карту F(Sm) 4 ‘divъ(-jъ)// divъ(-jъ)// dikъ(-jъ)’: ареал лексемы *dik-ъ* и др. в 1 томе Атласа «Животный мир»).

Праславянские лексемы, имеющие общеславянский характер распространения, производные основы и индоевропейские соответствия, локализируются в пространстве *terra Slavica* неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума. Высокая степень их сохранности наблюдается и в **южнославянских** диалектах (особенно в словенских белокраинских (п. 15), приморских (пп. 5, 12), штаерских (пп. 10, 17), доленских (пп. 14, 16), ровтарских (пп. 6, 8), паннонских (п. 20) и костелских (п. 13), хорватских (причем преимущественно кайкавских, пограничных со словенскими, особенно в пп. 26–29, 32) и отдельных сербских (зетско-сенинских говорах пп. 75, 77–78), и в **западнославянских** (и прежде всего в чешских диалектах, причем в основном в западночешских, особенно в пп. 175–184, 186–190), значительно меньше в ганацких (пп. 193, 195–196, 199), ляхских (пп. 197, 202–203) и моравских (пп. 200, 204–206) говорах; а также в польских диалектах, причем чаще всего в малопольских (особенно в пп. 291–294, 300–302, 304–307, 310–311, 313, 315, 317, 320–322, 324–326) и значительно меньше в мазовецких говорах (в пп. 263, 266, 271–275, 283, 285–287, 295–297), великопольских (в пп. 256, 259–261, 269–270, 278, 280–281), кашубских (пп. 245, 249–250) и силезских (пп. 299, 308), и в **восточнославянских** диалектах, причем преимущественно в украинских юго-западных (особенно в пп. 412–416, 419–422, 427, 429, 432–434, 448, 450, 454, 456, 466–471, 484, 488, 490, 496, 500, 507, 516, 523–524), полесских (особенно в пп. 402, 404, 417–418, 424–425, 436, 440, 442–447, 459–461, 463) и в отдельных юго-восточных (особенно в пп. 458, 464, 477–478, 491–494, 501–502, 504, 508–511, 513–514, 518–519, 521).

12. Карты Атласа говорят о том, что между типом ареала, его локализацией в пространстве и временем образования существует определенная связь.

Один и тот же тип ареала может иметь разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности в разных пространственных контекстах (например, системный восточнославянский ареал в общеславянском контексте может служить иллюстрацией праславянских языковых отношений, ср., например, распространение лексемы *krъtъ* к. 12 ‘крот’ т. 1 «Животный мир» или *ръš-en-ic-a* к. 42 ‘пшеница’ т. 4 «Сельское хозяйство»), в западнославянском контексте — **позднепраславянских** (ср., например, распространение лексемы *nož-ikъ* к. 20 *dem* ‘ножик, ножичек’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» или *slov-o* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек»); **а вне этого контекста — собственной истории восточнославянских языков и поздних междиалектных контактов** (ср., например, распространение лексемы *ob-ěd-a-j-e-tъ* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» или *ръtъ* к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек»).

И наоборот — разные ареалы в одном и том же пространственном контексте могут иметь одну и ту же временную интерпретацию (например, системный ареал лексемы *ovъs-ъ* к. 50 ‘овес’ т. 4 «Сельское хозяйство» в северной Славии, островной ареал лексемы *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах (за исключением польских), латеральный ареал лексемы *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» в русских диалектах являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху, так как все эти ареалы существуют в общеславянском контексте).

Поэтому при характеристике ареала чрезвычайно важным оказывается не только его тип (конфигурация, размер, плотность и континуальность), но и локализация. Пространственный контекст во многом определяет статус ареала, ибо он может свидетельствовать как об архаичности, так и о вторичности картографируемого языкового явления. Отсюда следует, что интерпретация ареала зависит от того пространственного контекста, в котором он существует.

13. Карты «Общеславянского лингвистического атласа» дают основания для нового взгляда не только на некоторые стереотипы компаративистики, но и лингвистической географии. Атлас предоставил исследователям богатейший диалектный материал, и этот новый языковой материал является главным итогом международного проекта. Благодаря этому материалу появилась возможность критически осмыслить некоторые представления и теории, существующие сегодня в славистике, поскольку они во многом мифологизированы и входят в явное противоречие с картами Атласа.

Это, прежде всего, миф об **отмирании диалектов** в условиях социальной интеграции и индустриализации общества. Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно доказывают, что эти прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в славянских диалектах, а потому нуждаются в серьезной корректировке. Они свидетельствуют о консервативности славянских диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Более того, сопротивляемость славянских диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствует консервации отдельных узколокальных лексем, что ведет к появлению эксклюзивов. Наличие эксклюзивных образований, многие из которых имеют обширные ареалы, говорит не только о высокой степени сопротивляемости славянских диалектов, их пассионарности,

но и об их саморазвитии, так как возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов. Причина этой лексической устойчивости диалектов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских странах, кроется в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия. Поэтому это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, в котором семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для крестьянина практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире.

Поэтому пока будет жива традиционная духовная культура, до тех пор будут существовать и диалекты. В этой связи нельзя не вспомнить слова Ф. де Соссюра, говорившего о том, что “в самом языке нельзя найти возможности прекращения его существования, только случайное событие, насилие или непреодолимая высшая сила внешнего характера могут уничтожить его” (Соссюр 1990: 17).

Кроме того, это **миф о нерелевантности лексических данных для изучения вопроса о диалектном членении праславянского языка**, поскольку в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости они не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Этот миф во многом поддерживался благодаря прочно укоренившемуся мнению об индивидуальных границах каждого отдельного слова. “Всякое отдельно взятое слово распространяется в своих собственных границах, — писал Н. С. Трубецкой в статье «Фонология и лингвистическая география», — и поэтому границы географического распространения звуковых изменений никогда не могут быть установлены надежно и точно” (Трубецкой 1987: 32). Отсюда представление о пестроты и калейдоскопичности лексических изоглосс. Поэтому лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка. Однако карты «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствуют о необоснованности этих упреков компаративистов.

Это и **миф о центрально-периферийной противопоставленности ареалов инноваций и архаизмов**. Теория о центрально-периферийной противопоставленности ареалов инноваций и архаизмов получила широкую известность благодаря работам романской неолингвистической школы (и прежде всего М. Бартоли). Согласно этой теории центр, являющийся

креативной зоной, рождает инновации. Распространяясь радиально на окружающие территории, они разрушают ареалы архаизмов и оттесняют их на периферию. Поэтому **островные ареалы архаизмов существуют чаще всего на периферии.**

Типология ареальных сценариев архаизмов и инноваций, существующих в «Общеславянском лингвистическом атласе», убедительно свидетельствует о том, что противопоставление центрального и периферийного ареалов в современной Славии как зон инноваций и архаики в славянском диалектном континууме является упрощенной схемой их отношений, которые в действительности оказываются значительно сложнее.

Как показало исследование, ареалы инноваций могут локализоваться не только в центре диалектного континуума того или иного языка, но и на периферии (ср., например, распространение лексемы (*škol*)-*j-ar-ъ* к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» в хорватских, восточнословацких, польских, словенских диалектах, в которых она локализуется именно на периферии; или распространение лексем (*papir*)-*ъ* к. 39 ‘бумага’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и (*atrament*)-*ъ* к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в белорусских, в которых они также отмечены на периферии; на периферии словенских диалектов локализуется и лексема (*jarmark*)-*ъ* к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.). Это связано с тем, что периферийная зона менее устойчива и более проницаема для внешних влияний. Более того, именно на периферии, где наблюдается меньшее давление со стороны системы и большая свобода в междиалектных связях, благодаря контактной конвергенции складываются наиболее благоприятные условия для зарождения новых языковых явлений.

Что касается ареалов архаизмов, то они также могут сохраняться как на периферии, так и в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы (ср., например, обширные ареалы праславянских лексем *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о», *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о», *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о», *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о», *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о и др.) в фонетическом томе «Рефлексы *о»; или распространение лексем *berz-a*, *vrb-a* в 3 томе «Растительный мир»).

Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления (ср., например, ареалы производных от праславянских лексем

krūt-ic-a, *krūt-ič-ic-a*, *krūt-in-a*, *krūt-ъk-ъ* на к. 12 ‘крот’ т. 1 «Животный мир»; *//ež-ъk-ъ*, *//ež-ak-ъ*, *//ež-ik-ъ* на к. 10 *(j)ežь т. 1 «Животный мир»; *myš-ъk-a* на к. 14 *мышь т. 1 «Животный мир»; *zvěr-ę*, *zvěr-in-a* на к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир»; *rys-ъk-ъ* на к. 9 ‘собака’ т. 2 «Животноводство»; *ov-ъč-ъk-a* на к. 5 *овьса т. 5 «Рефлексы *о»; *žen-ъk-a* на к. 57 *žena т. 6 «Рефлексы *е»; *dqb-ov-in-a*, *dqb-ov-o derv-o* на к. 28 ‘древесина дуба’ т. 3 «Растительный мир»; *květ-ъk-ъ* на к. 14 ‘цветок’ т. 3 «Растительный мир»; *sq-sěd-ъk-a* на к. 3 ‘женщина, живущая в соседнем доме’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-ъc-e* на к. 46 ‘место’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.). Таким образом, “историческая последовательность языковых событий записывается, так сказать, географией на данной территории, где запись эту остается только прочесть” (Теньер 1966: 114).

В демифологизации нуждается и теория волн И. Шмидта, в основе которой лежит идея постепенных, незаметных переходов между не имеющими четких границ диалектами индоевропейских языков, поэтому каждый отдельно взятый индоевропейский язык по отношению к другому можно рассматривать как переходный. Теория волн, таким образом, **предполагает иррадиацию из одного центра с постепенным затуханием того или иного языкового явления**. Между тем карты Атласа заставляют внести и в эту теорию ряд поправок, поскольку они красноречиво свидетельствуют о существовании четких границ в распространении того или иного языкового явления. Яркой иллюстрацией существования подобных границ служат ареалы эксклюзивных лексем, которые иногда могут покрывать обширные пространства диалектов того или иного языка, но при этом не выходить за их пределы, т. е. идея «колышущейся нивы», лежащая в основе этой теории, здесь явно не работает (ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, как: *mur-aš-ъ* к. 41 ‘муравей’ т. 1 «Животный мир»; *zem-j-an-ъk-a* к. 45 ‘земляника’ т. 3 «Растительный мир»; *podъ-dorž-ъn-ik-ъ* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; *po-gost-ъ* к. 46 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи» и др.; **украинского**: *//ež-ak-ъ* к. 10 ‘еж’ т. 1 «Животный мир»; *cuc-en-ę* к. 26 ‘щенок’ т. 2 «Животноводство»; *gost-j-av-in-a* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; **белорусского**: *zob-a* к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир»; *po-par-ъ* к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *tułst-ost-ъ*, *съ-dor-ъ* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **польского**: *(j)ask-ol-ъk-a* к. 24 ‘ласточка’ т. 1 «Животный мир»; *kot-ic-a* к. 16 ‘кошка’ т. 2 «Животноводство»; *ne-za-po-min-a-j-ъk-a* к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; **лужицкого**: *potpul-a* к. 22 ‘перепелка’ т. 1 «Животный мир»; *(bar)-ъ* к. 5 ‘медведь’ т. 1 «Животный мир»; *(kast)-ъ* к. 44 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; **чешского**: *ščík-a* к. 37 ‘щука’ т. 1 «Животный

мир»; *čar-ъ* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *sěk-ač-ъ* к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; **словацкого**: *smag-ъ* к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*olovrant-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pač-i-tь* <se> к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; **словенского**: (*pantegan*)-а к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *pět-el-in-ъ* к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *čybel-ar-ъ* к. 27 'человек, который разводит пчел' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **хорватского**: *kuk-ov-ač-a* к. 21 'кукушка' т. 1 «Животный мир»; *bor-ov-ic-a* к. 47 'брусника' т. 3 «Растительный мир»; *dět-ъč-ъk-o* к. 8 'женех' т. 10 «Народные обычаи»; **сербского**: *kъr-ljusk-j-ъ* к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *stъrv-in-a* к. 51 'падаль,дохлое животное' т. 2 «Животноводство»; **македонского**: *mač-or-ъk-ъ* к. 10 'кот' т. 2 «Животноводство»; *volk-ъn-a* к. 46 'шерсть' т. 2 «Животноводство»; *o-paš-ъk-a* к. 48 'хвост' т. 2 «Животноводство»; **болгарского**: *pri-lěp-ъ* к. 15 'летучая мышь' т. 1 «Животный мир»; *kъlv-ač-ъ* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *bul-ъk-a* к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи» и др., подробнее см. Вендина 2014).

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» позволяют критически взглянуть и на проблему **существования праяужнославянского и празападнославянского языков**, так как на картах Атласа практически не обнаруживается ареалов лексем, плотно покрывающих территорию западнославянских или южнославянских диалектов, тогда как восточнославянский диалектный континуум характеризуется высокой степенью гомогенности (ср., например, ареалы лексем: *//ěd-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krъš-ъk-y* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šeg-ъ* к. 49 'шаг' т. 9 «Человек»; *vor-ъ* к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*pasx*)-а к. 49 'пасха' т. 10 «Народные обычаи»; *prošč-a-j-e-tь se* к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи» и др.). Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков их былое единство было разрушено временем, практическое отсутствие общезападнославянских и общееужнославянских изоглосс является серьезным аргументом против существования в прошлом их историко-культурного, территориального и языкового единства, говорившего бы о существовании в древности подлинной языковой общности.

Таким образом, благодаря ««Общеславянскому лингвистическому атласу» компаративистика XXI в. смогла критически освоить опыт предшествующего поколения, касающийся пространственной интерпретации проекции многих языковых явлений.

Карты Атласа позволили обратиться и к **рассмотрению типологии ареалов**, их величины, конфигурации, иерархии и задуматься над

закономерностями, действующими в лингвистическом пространстве, а именно над такими лингвоареальными явлениями, как **системность ареала** (когда на огромном географическом пространстве наблюдается последовательное распространение одного и того же рефлекса или одной и той же лексемы, см., например, карты первого лексико-словообразовательного тома «Животный мир»: карта 1 ‘зверь’, к. 9 ‘ласка’, к. 10 ‘еж’, к. 11 ‘заяц’ или карты, посвященные рефлексам носовых и редуцированных, в частности, в восточнославянских диалектах, демонстрирующих удивительную монолитность диалектного ландшафта и однотипность рефлексов) и противоположная ей **асистемность, размытость ареала** (когда на сравнительно небольшой территории наблюдается огромное разнообразие рефлексов или высокая концентрация разнорексемых номинаций, ср., например, словенские диалекты, где чаще всего наблюдается такая ситуация, которую можно сравнить, пожалуй, с эффектом «прибрежных волн»).

Исследование лингвистического пространства Славии показало, что то, что, на первый взгляд, кажется произвольным или случайным в распространении того или иного слова при его изолированном рассмотрении, на самом деле вписывается в типологию ареалов и обретает свой глубокий смысл. За всем этим стоят факты истории языковых явлений, локализация которых на пространственно-временной оси свидетельствует об определенных тенденциях в их распределении.

Поэтому распространение того или иного слова происходит не в его собственных границах, а определяется повторяющимися закономерностями, позволяющими говорить о типологии ареалов.

Карты Атласа свидетельствуют о том, что диалектный ландшафт Славии характеризуется сегодня чрезвычайной дробностью. Разрушительные процессы, протекающие во всех славянских диалектах, привели к образованию нескольких типов **локально ограниченных** ареалов: разорванного, дискретного (или разреженного), фрагментарного (или островного), латерального и микроареала (или «мерцающего»). При этом расчлененность лингвистического континуума, как правило, не соответствует характеру административно-политического деления terra Slavica.

Ареалы, выявляющиеся на картах Атласа, отличаются не только своей конфигурацией и местоположением (островной, центральный, маргинальный, контактный, дистантный), но и своими сущностными характеристиками. Даже так называемые «чистые» ареалы (в которых отсутствуют существенные диалектные различия), а тем более «мозаичные» (степень дифференциации которых так высока, что изоглоссы также не выявляются) являются свидетельством тех сложных внутридиалектных процессов, которые и определили специфику этих ареалов.

14. Карты «Общеславянского лингвистического атласа» наряду с диалектной дифференциацией иллюстрируют и культурно-языковую дифференциацию славянских диалектов.

Диалектное слово говорит о том, что выбор его мотивационного признака не является случайным, он предопределен интересами человека и имеет свою культурную мотивацию. И в этом проявляется феномен влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации диалектного слова (влияние на язык психофизиологического механизма сенсорного восприятия) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык религиозно-мифологических, философских воззрений, социально-нормативных предписаний и запретов, существующих в традиционной культуре).

Если принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами (типом культуры, конкретными условиями общественной жизни), благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую.

Иллюстрацией культурно-языковой дифференциации славянских диалектов может служить процесс антропологизации диалектного слова, ярко выраженный на картах 12 тома Атласа «Личные черты человека». Карты, входящие в этот том, представляют человека как субъекта деятельности и носителя сознания в разных его «ипостасях», а именно — как организм и как личность.

Человек как организм (или «природный человек») предстает в виде совокупности его телесных и материальных свойств, генетически унаследованных от родителей и претерпевших лишь некоторые изменения в процессе своей жизненной эволюции (см., например, к. 1 'лысый' (о человеке), к. 4 'кудрявый', к. 5 'рыжий', к. 8 пѣтъ(-жь), к. 10 'слепой человек', к. 11 'косоглазый, с косыми глазами' (о человеке), к. 16 'горбатый человек', к. 19 'человек с большим животом', к. 21 'толстый человек', к. 23 'худой человек', к. 25 'человек с большой головой', к. 27 'человек с большой бородой', к. 29 'человек с большими усами', к. 30 'красивый' (о человеке), к. 31 'сильный, обладающий физической силой' (о человеке), к. 12 'глухой человек', к. 17 'хромой', к. 13 'человек, который работает левой рукой, левша' и др.).

Человек как личность рассматривается как социокультурный индивид, как субъект — носитель сознания и самосознания: эта группа имен описывает, с одной стороны, **психологические** особенности человека, определяющие его индивидуальность в единстве эмоционального и интеллектуального начал (см., например, карты 32 'глупый человек, дурак',

к. 39 ‘человек, который любит хвалиться, хвастун’, к. 42 ‘человек, который лжет’, к. 43 ‘женщина, которая лжет’, к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’), а с другой — **социальные**, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе (см., например, карты 45 ‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке), к. 46 ‘ленивый, не любящий работать’, к. 47 ‘ленивый человек’, к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ и др.).

При этом карты, представляющие «природного» человека, демонстрируют сравнительно низкую лингвокреативную активность диалектов, что само по себе указывает на то, что чувственная, физическая природа человека не имеет особого интереса для языка традиционной культуры славян. Не случайно именно на этих картах содержится больше всего лексем общеславянского характера распространения (это такие лексемы, как *něm-Ĺ* к. 8 *něť(-jъ)*, *slěp-Ĺ* к. 9 *slěpъ(-jъ)*, *xrom-Ĺ* к. 17 ‘хромой’ (о человеке), *glux-Ĺ* к. 12 ‘глухой человек’ и др.).

Тогда как самая высокая степень лексической загруженности наблюдается на картах, посвященных репрезентации человека как личности социальной и духовной, ср., например, к. 32 ‘глупый человек, дурак’, к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’, к. 47 ‘ленивый человек’ (на которых зафиксировано более двухсот наименований, для сравнения можно привести к. 8 *něť(-jъ)*, где представлено всего 47 лексем).

Причем в разных славянских языках лексическая и словообразовательная плотность карт варьируется.

Так, например, в **хорватских** диалектах среди карт, посвященных человеку как личности социальной и духовной, самыми лексически нагруженными являются карты:

к. 32 ‘глупый человек, дурак’ хрв.: (*bed*)-*ak-ъ* (*bedâ:k*), (*bedav*)-*Ĺ* (*‘be:daf*), *glup-an-ъ* (*glúpan*), [*xlep*]-*ač-ъ* (*x‘lepa:č*), (*xor*)-*m=ak-ъ* (*xor‘mâ:k*), *lep-ux-ъ* (*‘lepux*), *lud-ъ* (*lù:d*), *ne-verm-en-ъn-Ĺ* (*nevremè:n*), (*nor*)-*ъc-ъ* (*‘norc*), (*sa-mar*)-*ъ* (*samâ:r*), (*sord*)-*ast-Ĺ* (*sò:rđast*), *tjudj-ъk-ъ* (*tùojk*);

к. 45 ‘охотно и хорошо работающий’ хрв.: *dě-l-av-ъn-Ĺ* (*dělovan*), *fatiĵatun-Ĺ* (*fati‘ĵatù:n*), *mar-ъl-iv-Ĺ* (*mar‘li:f*), *po-sъl-en-Ĺ* (*pò:slen*), *rad-ъn-Ĺ* (*râ:dan*), *rad-in-Ĺ* (*‘radi:n*), *rad-iš-ъn-Ĺ* (*ra‘dišan*), *rad-ъl-iv-Ĺ* (*‘râdl‘if*), *ra-d-ov-ъn-Ĺ* (*râdovan*), *skъrb-ъn-Ĺ* (*s‘kъban*), *sъ-lož-en-Ĺ* (*s‘lųožen*), *val-ъ=at-Ĺ* (*vâlat*), (*verd*)-*ъn-Ĺ* (*vrè:dan*), *žest-ok-Ĺ* (*žèsto:k*).

В **болгарских** диалектах такими картами являются:

к. 47 ‘ленивый человек’ блг.: *ajnaži-j-a* (*hajna‘žijA*), *ajlak-ъ* (*xaj‘l‘ak*), *dembel-in-ъ* (*dem‘bel‘in*), *xajlaz-in-ъ* (*xaj‘lazin*), *kal-pazan-in-ъ* (*kəlpəzanin*), *lěn-ъl-ъ=о* (*‘lenl‘o*), *lěn-ъt-ъ=о* (*‘l‘ant‘u*), *lěn-ъt-ъ=ag-a* (*len‘t‘aga*), *lěn-ъč-o* (*‘lenču*), *lež-ъl-ъ=ak-ъ* (*‘ležl‘ak*), *lež-ač-ъ* (*le‘žač*), *lež-ъj-ak-ъ* (*‘ležjak*), *lež-e-val-ъn-ik-ъ* (*ležə‘vajnik*), *mъrz-ъl-ъ=о* (*m‘rzl‘o*), *mъrz-el-an-ъ* (*mərze‘lan*), *mъrz-el-ъ=an-ъ* (*mъrze‘l‘an*), *mъrZ-ъl-iv-Ĺ* (*mъrzl‘if*), *mъrz-el-iv-Ĺ* (*mərza‘l‘if*),

mərz-el-an-ək-o (mərʒe'lanku), *mərz-el-iv-ɛc-ɛ* (mərʒe'livec), *mərz-el-iv-ək-o* (mərʒe'lifko), *mərz-el-ɛ=-ak-ɛ* (mərʒe'l'ak), *muxljuz-in-ɛ* (muɬl'uzin), *ne-orb-ot-ɛn-ič-in-a* (nera'botničina), *pro-pad-l-j-a* (pro'padl'a), *trəntur-ɛ* (trəntur);

к. 39 'человек, который любит хвалиться, хвастун' блг.: *xval-i-gəz-ic-a* (fa'ligazica), *xval-ɛk-o* (fal'kə), *xval-/(ži)-j-a* (fal'žijə), *xval-ɛb-A-(ži)-j-a* (vələbə'žij), *xval-i-pərd-ɛl-ɛ=-o* (falip'rədl'u), *xval-ič-ɛ* (fə'lič), *xval-ɛb-ič-ɛ* (fəl'i'bič), *xval-ɛc-ɛ* (fa'ɛc), *xval-ač-ɛ* (fa'lač), *xval-i-pərc-ɛk-o* (faɬop'ræcku), *xval-i-pərc-ɛl-ɛ=-o* (fə'liprəcl'u), *xval-ič-ɛk-o* (fa'ličku), *xval-ɛ=-o-pərd-ɛ* (fil'up'rət), *xval-ɛ=-o-pərd-ɛ=-ov-ɛc-ɛ* (fal'o'pɔrdjovec), *xval-i-[trɛc]-ɛk-o* (fali'træcku), *(fɛ-los)-ɛ* (fə'los), *fuk-ɛl-j-o* (fukl'o), *fuk-ɛl-j-a* (vukl'a), *kuraš-(li)-j-a* (kuraš'lija), *po-xval-i-gəz-ɛ* (pofa'ligas), *po-xval-ɛc-ɛ* (puɬa'le:c), *po-xval-ič-ɛ* (puva'lič), *po-xval-i-gəz-ic-a* (pova'liguzica), *sam-o-xval-ɛk-o* (samo'faɬku), *tər-tər-am-ɛ* (tərta'ram), *žambaz-ɛ* (žəmbə'zə).

В словенских диалектах самая высокая степень лексической вариативности наблюдается на картах:

к. 32 'глупый человек, дурак' слн.: *bed-ak-ɛ* (be'də:k), *bož-ev-ɛc-ɛ* (bo:žavec), *but-ɛl-ɛ* (bú:təl), *but-ast-ɛ* (b'ɔɬast), *ɛk-ɛ* (bək), *čuk-ast-ɛ* (čukast), *dond-ɛk-ɛ* (d'undek), *jɛz-mət-j-en-ɛ* (z'muɔcən), *mat-ast-ɛ* (mà:təst), *ne-um-ɛn-ɛ* (nəvú:mən), *nēm-ak-ɛ* (ni'ma:k), *nor-ɛ* (n'ɔr), *nor-ak-ɛ* (no'rə:k), *nor-ɛc-ɛ* (no:rec), *osɛl-ɛ* (ô:su), *pɛr-prost-ɛ* (p'reprast), *pri-smɔd-a* (pərsmuɔda), *pri-xvɛrk-n=-en-ɛ* (pri'fɪkjen), *šlevd-ɛ* (š'leuɐ), *štupit-ɛ* (š'tupet), *šempj-o* (š'e:mpjo), *trɔt-ɛ* (trù:t), *tep-ɛc-ɛ* (tepc), *torp-ɛ* (t'rap), *torp-a* (trá:pa), *torp-ast-ɛ* (t'ra:past);

к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' слн.: *avar-ɛ* (a'var), *cvit-av-ɛ* (c'vi:taɐ), *gajtik-ɛ* (gájtaɐ), *gajteš-ɛn-ɛ* (hà:jtešɐ), *klug-ɛ* (?lù:x), *skɔp-ux-ɛ* (skapù:x), *skɔp-ux-ast-ɛ* (skopù:xəst), *sɛ-tisk-n-en-ɛ* (š'ti:šnéen), *skrip-av-ɛ* (šk'ri:paɐ), *sKɔp-ɛ* (s'ku:p), *tvɛrd-ɛ* (t'ə:rt), *(voxr)-ɛn-ɛ* (wò:xərn), *(voxr)-ɛsk-ɛ* (ʰoɬəxərski) и т. д.

В русских диалектах такая ситуация наблюдается на картах:

к. 32 'глупый человек, дурак' рус.: *bald-a* (baɫ'da от тур. balta, Фасмер I: 114); *bez-pət-ɛ* (b'es'putoj), *bez-po-//ɛ-t-ɛn-ɛ* (b'espo'n'atnoj), *bez-dar-ov-an-ɛn-ɛ* (b'ezda'rovan:oj), *bez-tɔlč-ɛ* (b'estoɬoč'), *bez-um-ɛn-ɛ* (b'e'zumny), *bez-tɔlk-ov-ɛ* (b'estoɬ'kovoj), *bɔb-al-a* ('bubaɫa), *čum-ov-ɛ* (čumo'voj), *dur-a* ('dura), *dur-ač-in-a* (dura'čyna), *dur-an-ɛ* (du'ran), *dur-in-a* (du'r'ina), *dur-išč-a* (du'r'išč:a), *dur-ɛn-ɛ* (du'r'noj), *dur-ɛn-ɛ* ('dur'en'), *dur-ak-ɛ* (du'rak), *dur-ač-ɛk-ɛ* (dura'c'ok), *dur-al-ěj-ɛ* (dura'l'ej), *dur-i-dl-o* (du'r'ilo), *dur-ɛk-ov-at-ɛ* (durkə'vatyj), *glɔp-ɛ* (g'ɬupɐj), *glɔp-ɛ* (ɣ'ɬup'i), *glɔp-ɛc-ɛ* (gɬu'p'ec), *glɔp-ak-ɛ* (gɬu'pak), *glɔp-ov-at-ɛ* (ɣ'ɬupə'vatyj), *glɔp-en-ɛk-ɛ* (g'ɬup'en'koj), *glɔp-yš-ɛ* (g'ɬupɐjš), *glɔp-ar-ɛ* (gɬu'par'), *glum-ɛn-ɛ* (ɣ'ɬumnyj), *glum-ak-ɛ* (ɣ'ɬu'mak), *xɫyst-nɔ-t-ɛ* (xɫys'nutaj), *xud-ɛ* (xu'doj), *dik-ɛ* (d'i'koj), *dik-ar-ɛ* (d'i'kar'), *idiot-ɛ* (ad'i'ot), *mal-o-qrz-um-ɛn-ɛ* (maɬora'zumnoj), *nag-//l-ɛn-ɛ* (na'ɣol'naj),

ne-normal-ьн-Ъ (n'inar'mal'naj), *ne-orz-vi-t-Ъ* (n'e'raz'v'itoj), *ne-do-orz-vi-t-Ъ* (n'ida'razv'itaj), *ne-pro-šbd-l-Ъ* (n'ep'rošloj), *ne-um-ьн-Ъ* (n'e'umnyj), *mal-o-um-ьн-Ъ* (mal'o'umnoj), *pol-o-um-ьк-Ъ* (poľu'umok), *pol-o-um-ьн-Ъ* (po'ľoumnyj), *pol-o-dur-ьк-Ъ* (poľu'durək), *po-lub-ě-l-Ъ* (poľu'b'evyj), *pri-dur-ьк-Ъ* (pr'i'durak), *prosT-Ъ* (pras'toj), *prost-en-ьк-Ъ* (p'ros'en'koj), *prost-o-(fil)-j-a* (prašta'f'il'a), *slab-o-um-ьн-Ъ* (slabo'umnoj), *slab-Ъ* (s'ľabyj), *šal-ьн-Ъ* (šal'noj), *tum-ak-Ъ* (tu'mak), *ьтм-ьн-Ъ* (t'o'mnaj), *ьľk-uš-ьк-a* (tal'kuška);

к. 42 'человек, который лжет' рус.: *ba-xval-Ъ* (bax'val), *baz-l-a* (baz'ľa), *bo-xval-Ъ* (box'val), *brex-Ъ* (br'ox), *brex-un-Ъ* (br'i'xun), *brex-ьл-o* (br'ax'ľo), *brex-ьliv-Ъ* (br'ex'l'ivaj), *brex-ux-a* (b'r'axuxa), *brex-ьн-Ъ* (b'r'oxn'ij), *ьbľt-un-Ъ* (bow'tun), *xval-ь=un-Ъ* (xva'l'un), *xlýst-Ъ* (xvyist), *xvast-un-Ъ* (fas'tun), *xvost-un-Ъ* (xvos'tun), *jal-ьd-yg-a* (jaľ'dyga), (*jembed*)-ьн-ik-Ъ ('jab'ėdn'ik), *ьľg-un-Ъ* (ľgun), *ьľž-un-Ъ* (ľžun), *ьľž-ьс-Ъ* (ľžec), *ьľž-ьн-ik-Ъ* ('ľožn'ik), *ьľg-a* ('ľыга), *ьľg-un-iš-a* (ľgu'n'iša), *man-Ъ* (man), *man-ь=ox-Ъ* ('man'ox), *man-ь=un-Ъ* (ma'n'un), *man-ь=un-j-a* (ma'n'un'ja), *na-pras-ь//n-ik-Ъ* (nap'ras'l'in'ik), *//ob-man-ьšč-ik-Ъ* (ob'manš:ыk), *plet-ьн-Ъ* (p'l'et'en'), *plėt-Ъ* (plut), *сьr-al-Ъ* (sral'), *trep-ač-Ъ* (tr'e'pač), *trep-un-Ъ* (tr'o'pun), *trep-ьл-o* (tr'ap'ľo), *trep-ьл-uš-ьк-a* (tr'ap'ľuška), *ьvr-un-Ъ* (vrun), *ьvr-al-Ъ* (vral'), *ьvr-al-j-a* (v'ral'a), *ьvr-al-Ъ* (vraľ), *ьvr-al-a* (v'raľa), *ьvr-uš-a* (v'ruša), *ьvr-al-išč-e* (vra'l'išč'o), *ьvr-ak-un-Ъ* (vra'kun), *ьvr-al-o* (v'raľo), *ьvr-al-in-a* (vra'l'ina), *ьvr-al-ьj-a* (v'ral'ja), *ьvr-an-ic-a* (vra'n'ic'a), *ьvr-un-iš-ьк-a* (vru'n'iškə), *za-xlyst-Ъ* (zah'ľыs), *za-ľyg-al-a* (zaľы'gala).

В **украинских** диалектах самая высокая степень лексической вариативности наблюдается на **к. 44 'женщина, которая любит сплетничать' укр.:** *brex-a* (b'rexa), *brex-ux-a* (br'əxuxa), *brex-ač-ьк-a* (br'e'xačka), *brex-un-ьк-a* (br'i'xunka), *cok-ot-ux-a* (coko'tuxa), *dur-o-plet-ьк-a* (durop'l'otka), *xvost-o-mel-j-a* (fəstu'mel'a), *//ęzyk-at-A* (jazy'kata), *//ęzyk-ar-ьк-a* (jazy'karka), *klev-et-ux-a* (klėvə'tuxa), *lop-a* (l'opa), *lopot-ux-a* (ləpu'tuxa), *lop-ьк-a* (l'opka), *lop-ot-a* (l'apo'ta), *my-j-ьл-a* ('mejľa), *my-j-ьк-a* ('mьjika), *per-nos-ьк-a* (pere'nuska), *plesk-ač-ьк-a* (pləs'kačka), *plet-ьн-ic-a* (p'l'otnəs'a), *plet-ьк-ar-ьк-a* (p'l'ot'karka), *plet-ux-a* (ply'tuxa), *plet-ь=uš-ьк-a* (pl'e't'uška), *plet-ьк-a* (p'l'otka), *plet-ьк-ač-ьк-a* (pl'ot'kačka), *plet-ьк-aš-ьк-a* (plet'kačka), (*pošt*)-a ('pošta), *pošt-ar-ьк-a* (pošt'arka из нем. *post* 'почта'), *сь-plet-ьн-ic-a* (sp'l'etn'ica), *сь-plet-ьн-ic-ьк-a* (sp'l'otn'ička), *сь-vod-ьн-ic-a* (z'vuodn'ica), *сьt-o-brex-a* (stob'rexa), *trep-ьл-o* (trep'ľo), *trep-ux-a* (tre'puxa).

В связи с этим возникает вопрос, с чем связана такая диалектная дифференциация terra Slavii, почему именно эти признаки характеризуются такой лексической плотностью и вариативностью, порождающей своеобразные «участки языкового напряжения»? Какой логикой руководствовался язык при отборе именно этих характеризующих человека признаков в качестве ведущих?

Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в языке самой традиционной культуры, в котором действует принцип разной культурной разработанности частных смыслов. В соответствии с этим принципом одни участки семантической системы языка оказываются детально проработанными в языковом плане, другие — довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны. Это объясняется тем, что чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его, поскольку “смысл никогда не ограничивается «пространством» одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу” (Топоров 1992: 16). Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов и позволяет понять тончайшие нюансы глубинных смыслов языка культуры.

Кроме того, эти карты говорят о том, что система языка — это социально детерминированная система, в которой важную роль играет этический элемент. Номинативная логика названий человека, атрибутирующих те или иные его качества и свойства, свидетельствует не только об их социальной значимости, но и проливает свет на их моральную оценку общественным мнением. Поэтому при отборе тех или иных признаков, характеризующих человека, при их семантизации учитывался принцип их этической значимости, который, естественно, в разных культурах варьируется.

Все это говорит о том, что лексическая дублетность на картах мотивирована не только функционально, но и культурологически. Отсюда и различия в конфигурации смыслов и лексической плотности карт.

Об этом свидетельствует и тот факт, что номинация человека как личности социальной и духовной ведется, как правило, с позиций социальной нормы, тех регулятивных категорий, которыми определяются нормы человеческого общежития. Все мотивационные признаки, лежащие в основе субъектных имен, оказываются связанными с морально-нормативными предписаниями и запретами традиционной духовной культуры славян. Именно этим объясняется высокая лексическая плотность карт, посвященных названию человека глупого, ленивого, скупого или лгуна и сплетницы. Обращает на себя внимание тот факт, что «сгущение мысли» (А. А. Потебня) прослеживается в основном в негативных номинациях. Это говорит о том, что в диалектном лексиконе обвинительные мотивы явно преобладают над оправдательными. В этих именах отражены глубинные установки традиционной культуры славян, которая повелительно требует от человека следовать социальной этике, быть существом деятельным, причастным к труду, т. е. сам материал этих карт является свидетельством нравственно ориентированного отношения человека традиционной культуры к миру.

Отсюда следует, что различная лексическая плотность карт говорит о разной культурной социализации человека в тех или иных диалектах,

которая и привела к их дифференциации. Чтобы понять ту логику, которая лежит в основе этой «наивной социологии», нужно найти «участки языкового напряжения», в которых наблюдается повышенная вариативность языковых форм, свидетельствующая о своеобразных «сгустках» языкового смысла, так как механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость и дает возможность понять, **что** является важным для языкового сознания человека той или иной культуры.

В этом смысле карты «Общеславянского лингвистического атласа» представляют “богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта” (Толстой 1995: 15), поскольку они являют собой образец культурно-языковой диалектологии, позволяющей реконструировать «живую старину» славян (иллюстрацией такой диалектологии является, например, карта 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», на которой отражена целая история освоения и присвоения пахотных земель славянами, каждый этап которой получил свое наименование).

Ярче всего дифференциацию культурного ландшафта Славии иллюстрируют мотивационные карты. Эти карты позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры. Своеобразие номинативной логики при лексической параметризации внешнего мира, особенности его восприятия и категоризации привели к разной сегментации языковым сознанием диалектоносителей одного и того же семантического участка. А это значит, что каждая культура, облеченная в языковую оболочку, говорит на своем языке. Задача исследователя заключается в том, чтобы «прислушаться к ее языку» (см., например, карту 55 ‘счастье’ т. 10 «Народные обычаи», материалы которой говорят о том, что в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека долей, частью (*śъ-čest-bj-e*, *dol-j-a*), у лужичан — это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей (ср. *śъ-bož-bj-e*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются со встречаей (*śъ-rět-j-a*, *śъ-rět-j-a*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмысливается как предначертанный человеку свыше путь» Славянские древности т. 5: 203).

Интересное противопоставление мотивационных признаков, свидетельствующих о социальном статусе замужней женщины, просматривается и на к. 52 ‘выходит замуж’ (т. 10 «Народные обычаи»): у большинства славян женщина выступает как пассивное лицо, ибо она идет «за мужа» (*vy-χod-i-tb za mqž-b*, *za mqž-a*, *vъ za mqž-b*) или отдается ему в жены (*vy-da-j-e-tb <se>*, *vy-da-v-a-j-e-tb <se>*), вместе с тем у некоторых южных славян

она выступает как активное лицо, приобретающее иной социальный статус, ибо она в слн., хрв. *žen-i-tb* <se>, в слн., блг. *o-žen-i-tb* <se>, в слн., мак. *mōž-i-tb* <se>, в слн. *o-mōž-i-tb* <se>, в слн. *rōč-i-tb* <se>, в хрв. *rōk-u-j-e-tb* <se> и т. д.

Карты Атласа позволяют не только увидеть разные мотивационные признаки в пространстве языка той или иной культуры, но и провести глубинную смысловую реконструкцию метафорических образов, лежащих в основе этих мотивационных признаков. Так, например, многочисленные диалектные названия божьей коровки, представленные на карте 44 ‘божья коровка’ т. 1 «Животный мир», являют собой осколки разбитого славянского мифа «свадьба солнца», которые рассыпаны по всем славянским диалектам. Глобальная оппозиция формируется мифологемами жених и невеста, которые реализуются в разных мотивационных признаках — либо **антропоморфных** (*ivan-ьč-ik-ъ, petr-ik-ъ, nikolaj-ьč-ik-ъ, andrej-ьk-o, ne-věst-a, pan-ъn-a, sir-ot-ьk-a, rod-in-ьk-a, pas-t-uš-ьk-a, po-vem-ьk-a, god-in-ьk-a, kat-ar-in-ьk-a, marg-et-ic-a* и др. в чешских, польских, украинских, белорусских, южнославянских диалектах), либо **зооморфных** (*bož-ьj-a kōrv-ьk-a, kōrv-ic-a, kōrv-uš-ьk-a, ov-ьc-ič-a, vol-ъ, bož-ьj-ъ vol-ьk-ъ, baran-ъ, baraš-ьk-ъ, koz-ar-ьk-a* и др., в основном в русских, отчасти в украинских и белорусских, а также в отдельных хорватских, сербских и македонских диалектах), либо **солярных** (*sъln-ič-ьk-o, sъln-ьč-ьk-o, sъln-ьč-ьn-ik-ъ, sъln-yš-ьk-o* и др., в основном в лужицких, чешских, отчасти польских и юго-восточных украинских диалектах, подробнее см. Вендина 2000: 193). Материалы Атласа являются не только бесценным источником для реконструкции и прочтения этого мифа, но и сами могут быть осмыслены и поняты при условии их соотнесенности с данными фольклора и духовной культуры славян.

Таким образом, карта наряду с ареальной дифференциацией славянских диалектов иллюстрируют и культурно-языковую, поскольку лексическая вариативность мотивирована не только функционально, но и культурологически. Отсюда и различия в конфигурации смыслов и лексической плотности карт.

Разработка типологии мотивационных признаков, выявление устойчивых моделей мотивации открывает большие перспективы в картографической проекции языка духовной культуры славян.

В этой связи работу над Атласом следует расценивать не только как решение задач компаративистики и лингвистической географии, но и шире — как решение задачи создания диалектологии народной культуры славян. Материалы «Общеславянского лингвистического атласа», таким образом, являются яркой иллюстрацией одного из положений культурной антропологии, согласно которому “культура живет и развивается в «языковой оболочке», влияя на ее характер и состояние” (Кармин 1997: 86), при

этом каждая культура «говорит» на своем языке, словарный состав которого во многом определяется его культурной мотивацией, тем культурным содержанием, которое связано с осмыслением мира природы и общества.

Выход лингвистической географии в герменевтическое пространство языка культуры позволит развить культурно-языковую диалектологию, так как адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на содержательную функцию языка, поскольку именно диалектное слово является своеобразным «концентратом культуры нации» (Лихачев 1996: 29). Поэтому изучение проблемы дифференциации славянских языков по материалам «Общеславянского лингвистического атласа» обещает выявить новые интересные данные не только для компаративистики в плане взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского, но и для культурной антропологии.

* * *

Информация, которую несет в себе лингвистическая карта, еще только начинает изучаться. Не случайно современный этап развития лингвистической географии нередко определяют как этап становления «объясняющей лингвогеографии» (Гриценко 1993: 7), имеющей своей целью глубинную интерпретацию лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Следует, однако, сказать, что увидеть и оценить ареалы тех или иных лексем оказалось значительно проще, чем **интерпретировать** эти ареалы. Эта задача сопряжена с кропотливым трудом, связанным с рекартографированием материала, представленного на карте, поскольку перед исследователем стоит задача выявить не всегда четкие, порой слабо выраженные контуры изоглосс, проступающих сквозь толщу истории, проверкой материалов по этимологическим и историческим словарям, разработкой методологии интерпретации ареалов, методологии, которая, к сожалению, пока еще отсутствует. И даже после этой проделанной работы мы должны признать, что изоглоссы не несут однозначной информации о своем происхождении, так как они могут свидетельствовать не только о праславянской архаике, но и о миграционных перемещениях славян.

При этом чрезвычайно важным является не просто каталогизация фактов, а установление объективных связей и отношений между ними. Иначе говоря, ценность фактов не в их количестве, а в их организации и взаимосвязи. Благодаря этим связям и отношениям становится возможным переход от одного факта к другому, объяснение одного факта на основе других. А это значит, что становится возможным не только реконструкция тех или иных языковых явлений, но и прогнозирование тенденций их развития. Только так

мы сможем выявить закономерности, существующие в этом море фактов, и подойти к их объяснению. Эта задача продиктована современным уровнем развития славянской лингвистической географии, когда все очевиднее становится необходимость перехода от эмпирических наблюдений над диалектным материалом, т. е. от простой констатации соответствий отдельных элементов и структур к типологической интерпретации этих явлений.

Поэтому умение «читать карту» открывает широкие перспективы не только в исследовании эволюции единиц языка, но и в решении вопроса об истории формирования этнических общностей, ибо во многом карта имеет бесспорные преимущества перед другими лингвистическими источниками, а иногда она просто безальтернативна. Обширные материалы Атласа свидетельствуют о том, что мы имеем дело с массовыми показаниями лексики. И эту массовость невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя. Все зависит только от интерпретации этого материала. Знание закономерностей ареального распределения картографируемых явлений и в целом организации лингвистического пространства является ключом к интерпретации любой карты.

Однако уже сегодня можно сказать, что информация, содержащаяся на картах «Общеславянского лингвистического атласа», опровергает скептическое отношение ряда ученых к возможностям лингвистической географии.

Думается, что приведенные факты убедительно свидетельствуют о высоких интерпретационных возможностях карт «Общеславянского лингвистического атласа». Они реабилитируют данные лексики и словообразования в качестве диагностирующих признаков при изучении диалектной дифференциации Славии. Картографирование сегодня рассматривается как эвристический метод, с помощью которого осуществляется не просто сопоставление изучаемых явлений, но их систематизация и стратификация во времени и пространстве.

Поэтому Атлас, бесспорно, явится прочным фундаментом для новых сравнительно-исторических и синхронно-типологических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

Несомненно, что лингвистическая карта несет в себе уникальную информацию. Сегодня, когда “развитие лингвистической географии достигло столь большого размаха, совершенно очевидно, что этот этап в развитии языкознания — один из поворотных этапов, которому принадлежит большое будущее” (Бородина 1966: 11).

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно доказали, что представленные на них диалектизмы — это не «хаос изоглосс»,

пересекающих диалектную территорию в разных направлениях без какой-либо закономерности, а организованная определенным образом совокупность, обнаруживающая четкие тенденции к группировке в более или менее компактные пучки изоглосс.

Карты Атласа явились великолепным дополнением к праславянским этимологическим словарям, иллюстрацией реальной пространственной стратификации огромного пласта праславянской лексики. В этом смысле Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную — рассмотреть те или иные диалекты в общеславянском контексте, став бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов, и в частности, вопроса о диалектной основе праславянского языка и о праславянском элементе в словарном составе того или иного славянского языка.

Думается, что изучение проблемы дифференциации славянских языков по материалам «Общеславянского лингвистического атласа» обещает выявить новые интересные данные в системе взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского, поскольку ключ к решению данной проблемы дает лингвогеография с ее методом картографирования и рекартографирования, методом изоглосс и их ретроспективного анализа, позволяющего установить наиболее значимые межславянские языковые связи. Не случайно лингвогеографический метод исследования прочно вошел в арсенал этимологических разысканий, когда решение о диалектных отношениях праславянской эпохи во многом опирается на территориальное распределение этимологических связей и соответствий.

В настоящее время изучение ареальных связей славянских языков как неотъемлемой части более общей проблемы — проблемы славянского этногенеза сопряжено с такой объективной трудностью, как **отсутствие надежной фактографической лингвогеографической базы**. Между тем “науку двигают вперед... не общие теории, а факты, накопление фактов. Мы стремимся сосредоточиться на изучении последних, не оставляя, впрочем, надежды, что совокупное или достаточно однозначное свидетельство фактов найдет отражение и в формулировке общих идей и теорий, без которых также невозможен научный прогресс” (Трубачев 2003: 453). В этой связи бесценным источником новых фактов и новых возможностей является, несомненно, «Общеславянский лингвистический атлас», позволяющий локализовать межязыковые связи и оценить их с ареальной точки зрения. Исследование славянского диалектного континуума с учетом всех микрозон его лингвистического пространства позволит **создать принципиально новую фактографическую**

базу для решения проблемы реконструкции праславянского языка в его общих и диалектных чертах. Понятно, что для такого рода исследований необходим большой полевой материал, и этот материал дает «Общеславянский лингвистический атлас». Думается, что накопление изоглосс самого разного характера со временем даст возможность ответить на вопрос, **что** в диалектной структуре современных славянских языков является продолжением праславянского наследия, а **что** сложилось позднее, в эпоху миграций, под влиянием факторов культурно-исторического характера.

Современная компаративистика является матрицей будущего. Об этом свидетельствует четко прослеживающаяся тенденция к расширению ее границ, осознание того факта, что для адекватного познания языка и, в частности, решения генетических проблем славянских языков необходимы выходы в другие области гуманитарного знания и прежде всего в лингвистическую географию.

Благодаря этому прорыву в лингвистическую географию произошло укрупнение компаративистских исследований, расширилась сама их парадигма, так как предметом изучения стала не просто структура слова, его этимология, но и его ареал и время возникновения. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство компаративистики XXI в., исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени. Поэтому для ее успешного развития следует начать «лингвистические раскопки», прочесть и интерпретировать данные «Общеславянского лингвистического атласа». Зафиксированную на картах жизнь языка “необходимо проследить во всех ее предшествующих фазах, чтобы понять, как и на какой основе сложилось нынешнее положение вещей” (Йорган 1971: 229). Лишь строгое соотнесение данных сравнительно-исторического языкознания с данными лингвистической географии позволит ответить на вопросы, которые неизменно волнуют исследователей: *Что? Когда? Куда? Откуда?*

Несомненно, с выходом новых томов Атласа будет постепенно расширяться исследовательская и фактографическая база, что создаст надежную основу для разработки методов генетической и ареально-типологической интерпретации межславянских диалектных связей. Каталогизация ареальных сценариев карт «Общеславянского лингвистического атласа» позволит в будущем не только провести стратификацию картографируемых лексем с целью определения праславянского лексического фонда, но и подойти к решению главной проблемы славистики — древнего диалектного членения славянского языкового пространства и локализации прародины славян. Вот почему выявление лексических изоглосс, связывающих славянские диалекты в пространстве terra Slavia, остается одной из насущных задач славистики.

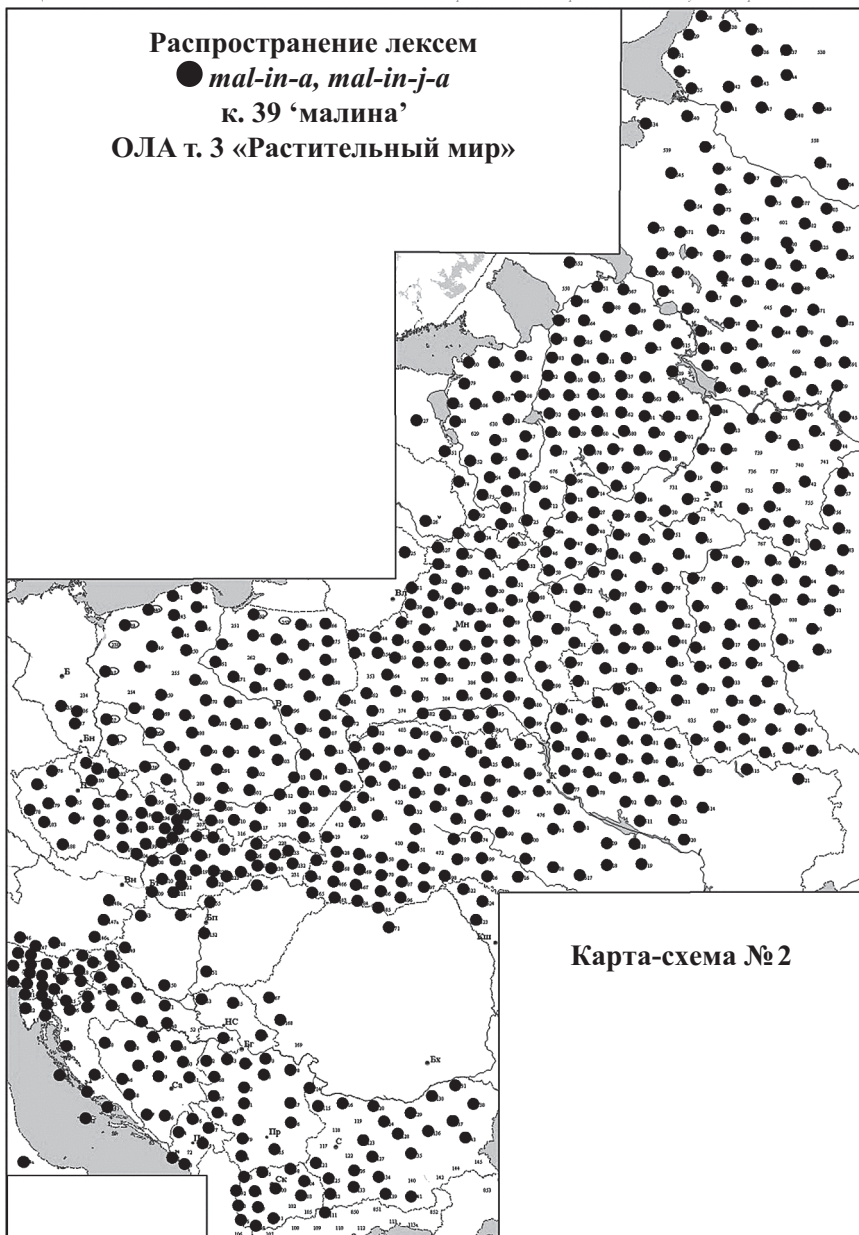
ПРИЛОЖЕНИЕ

(карты-схемы)

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

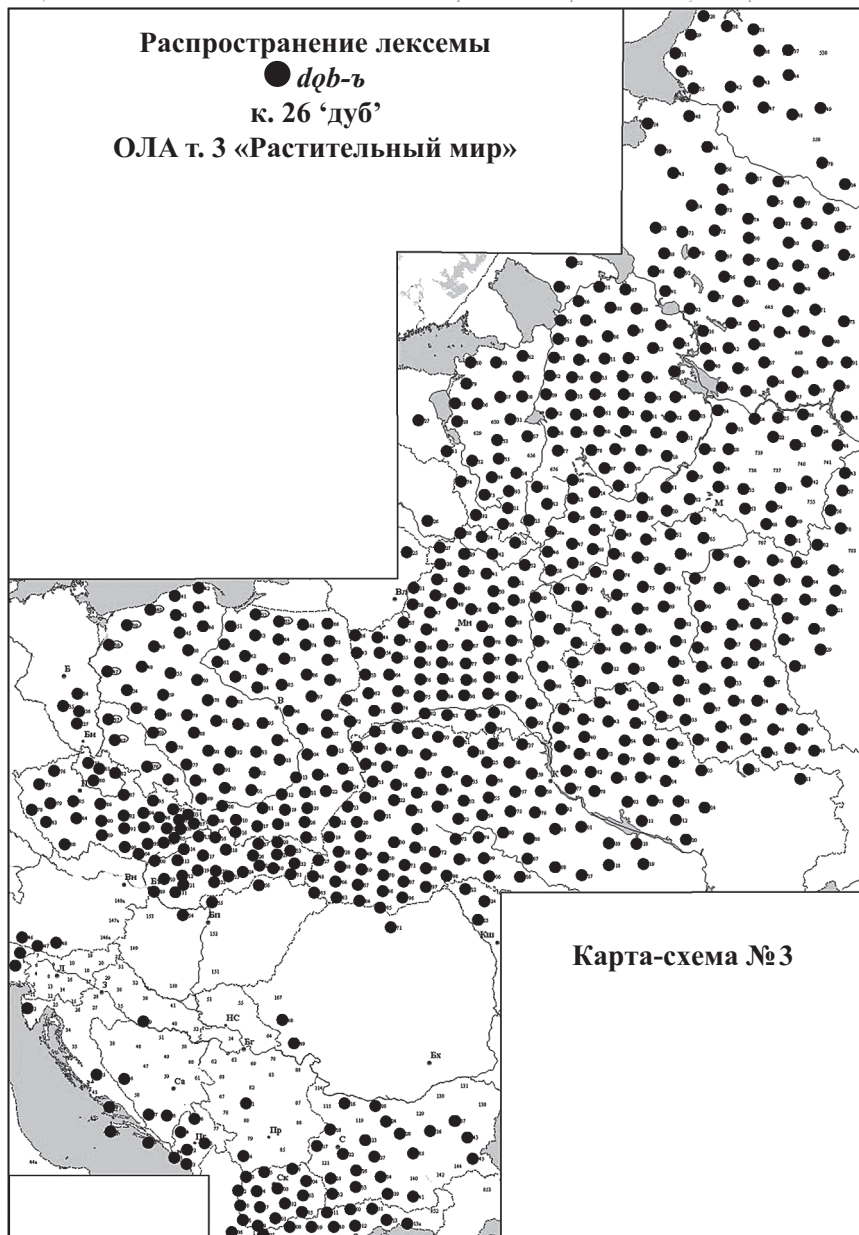
Распространение лексем
● *mal-in-a*, *mal-in-j-a*
к. 39 'малина'
ОЛА т. 3 «Растительный мир»

Карта-схема № 2

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

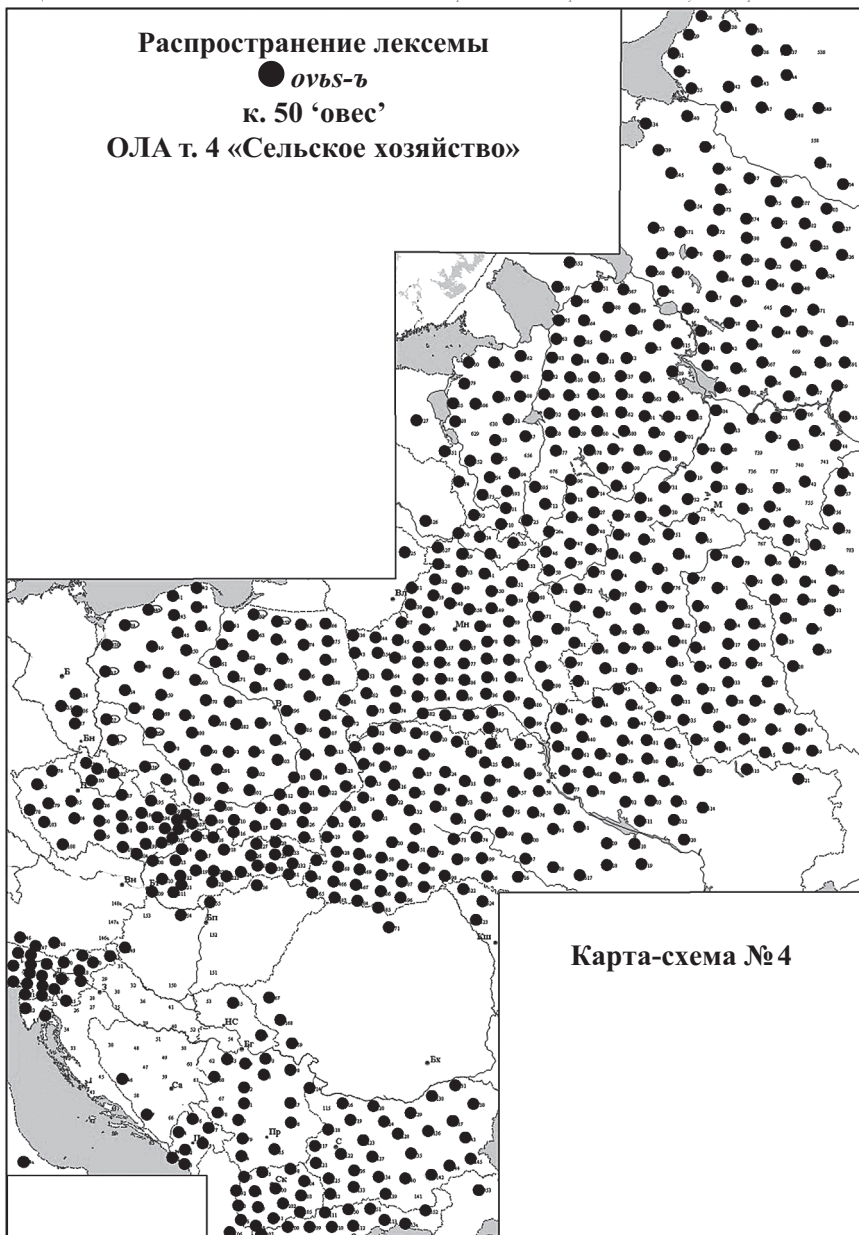
Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

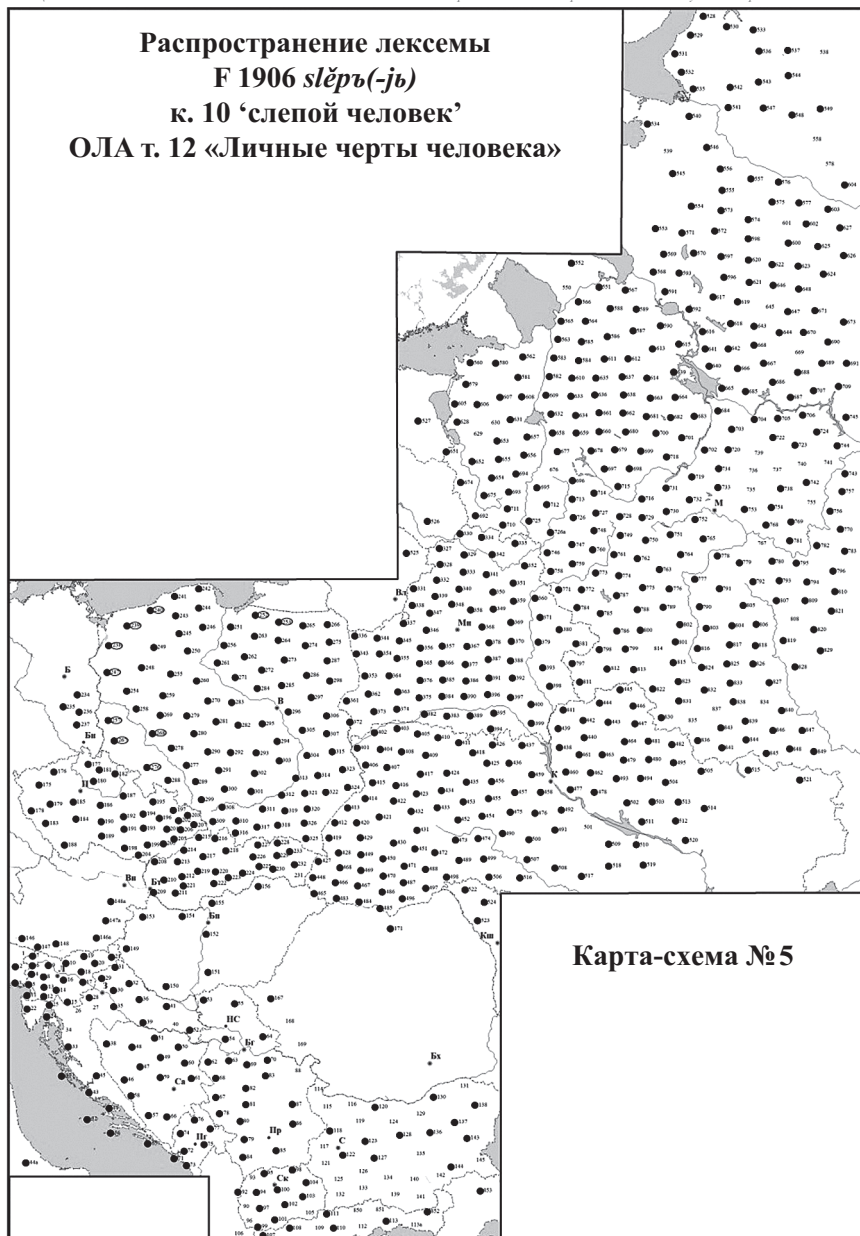

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

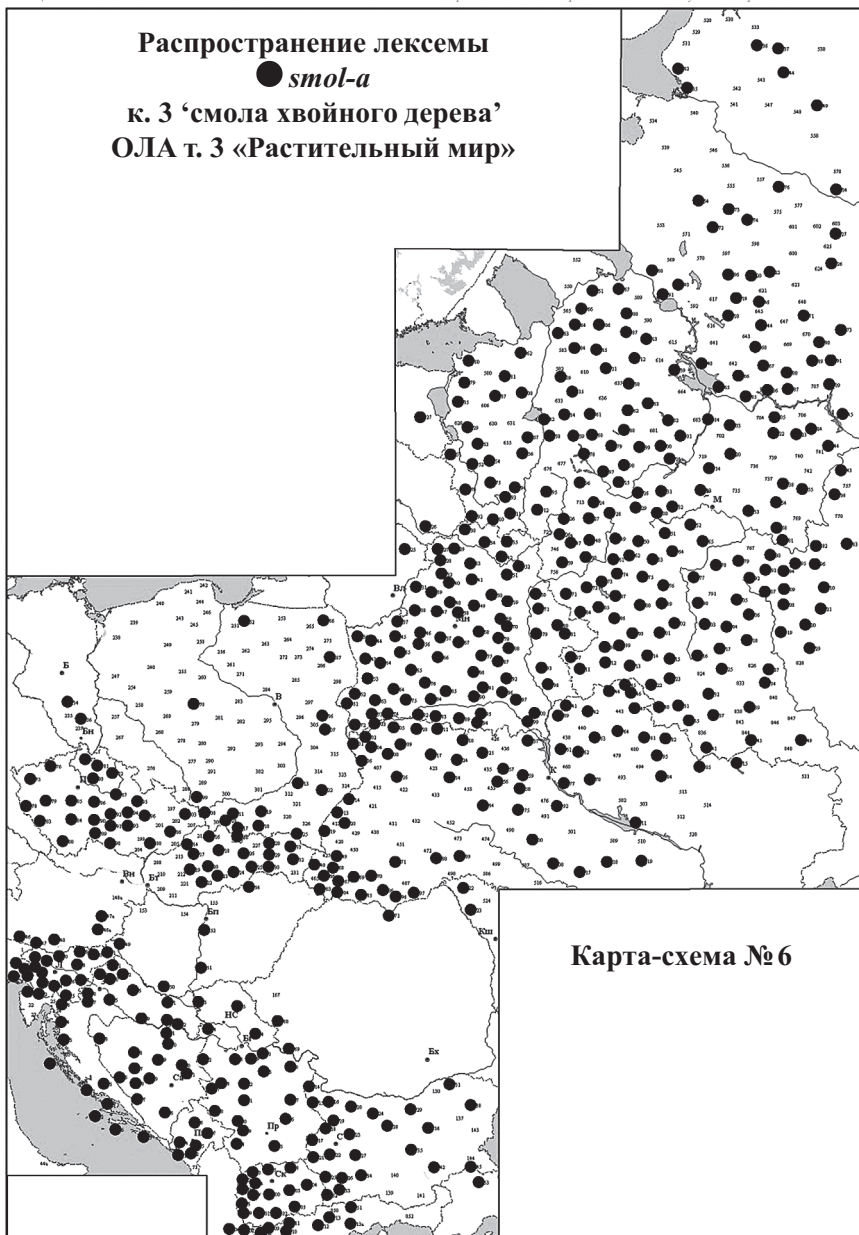
Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

Распространение лексемы
● *ovъs-ъ*
к. 50 'овес'
ОЛА т. 4 «Сельское хозяйство»

Распространение лексемы
● *smol-a*
к. 3 'смола хвойного дерева'
ОЛА т. 3 «Растительный мир»

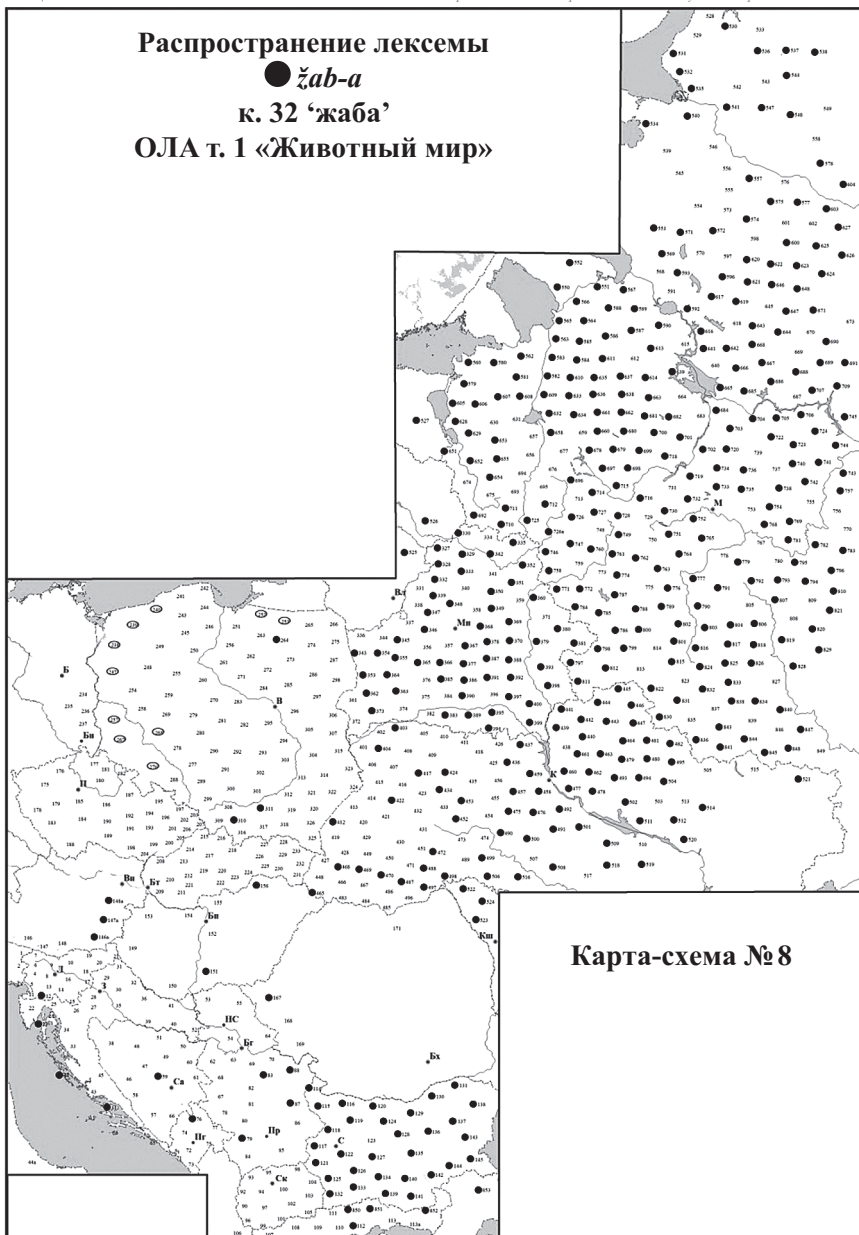
Карта-схема № 6

Распространение лексемы

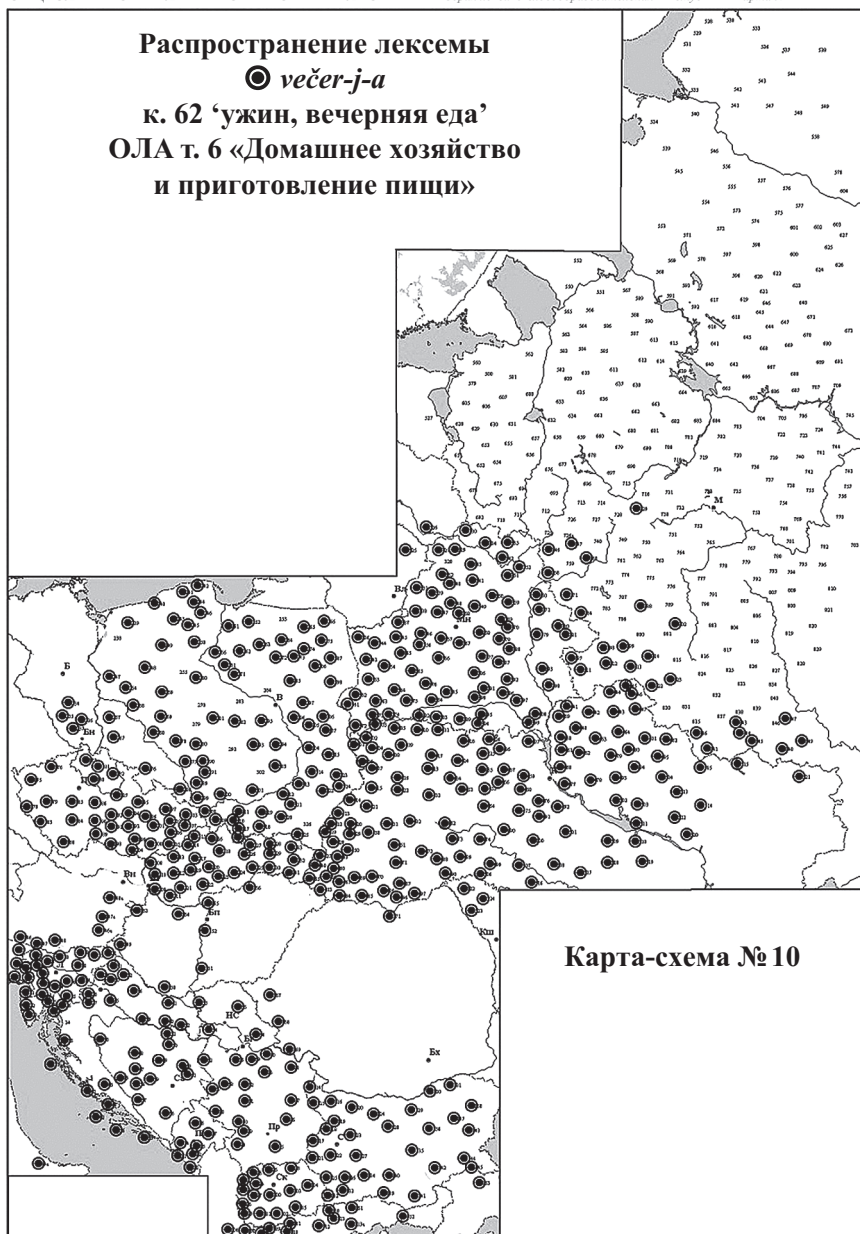
● *žab-a*

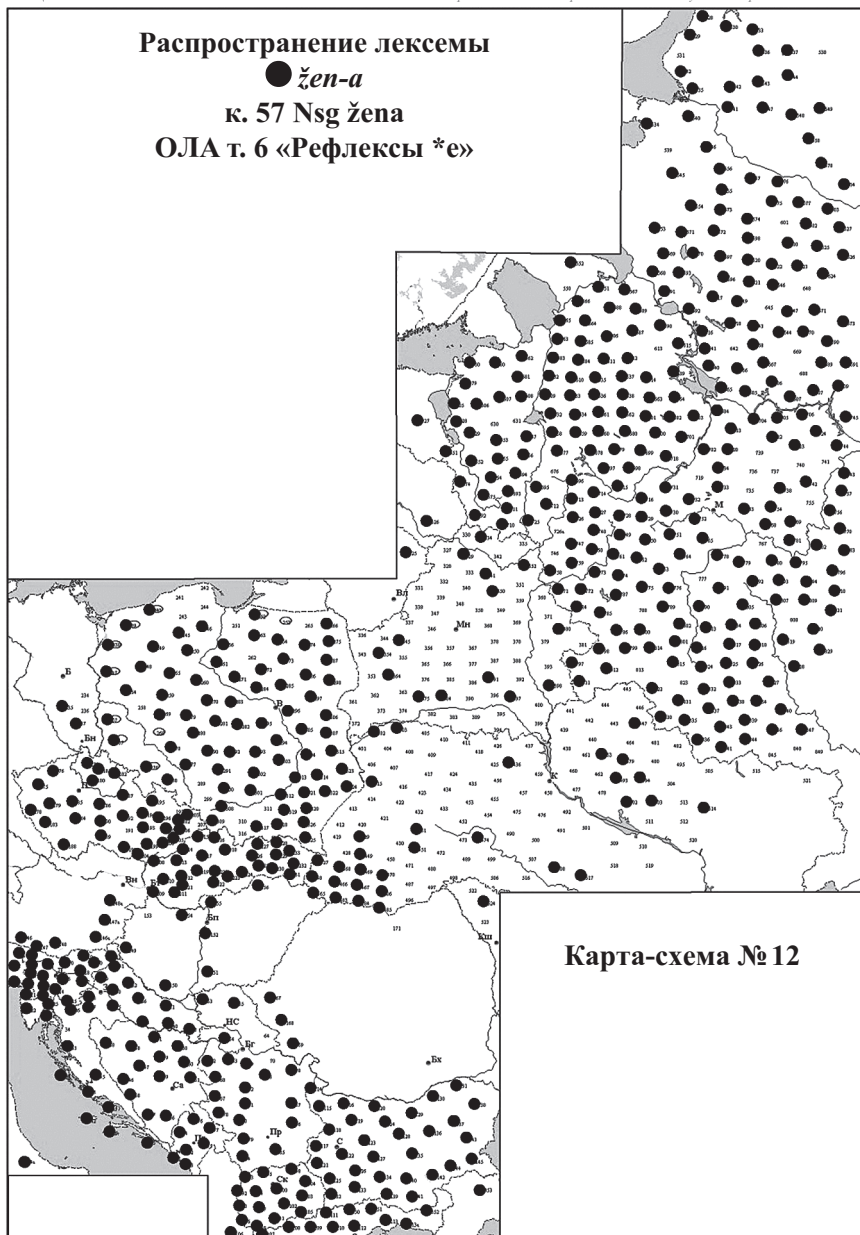
к. 32 'жаба'

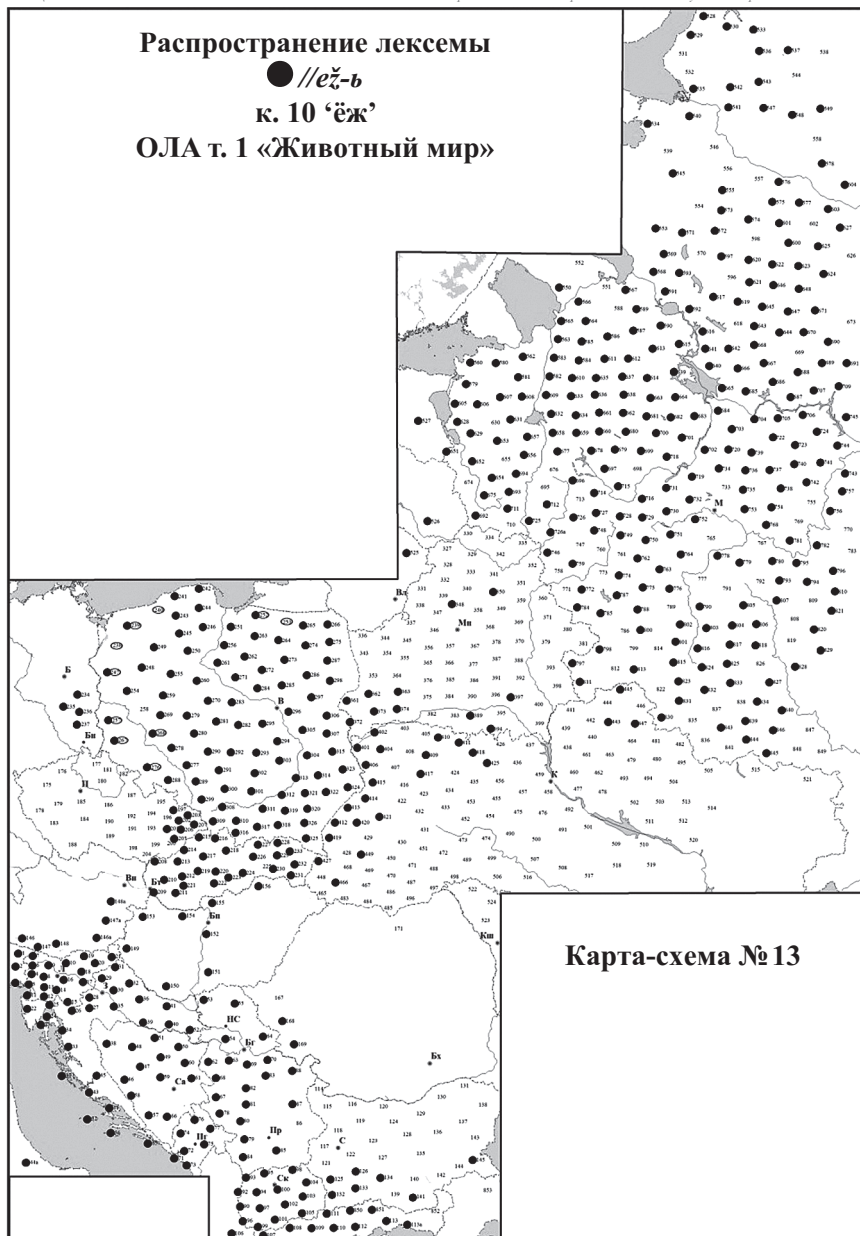
ОЛА т. 1 «Животный мир»

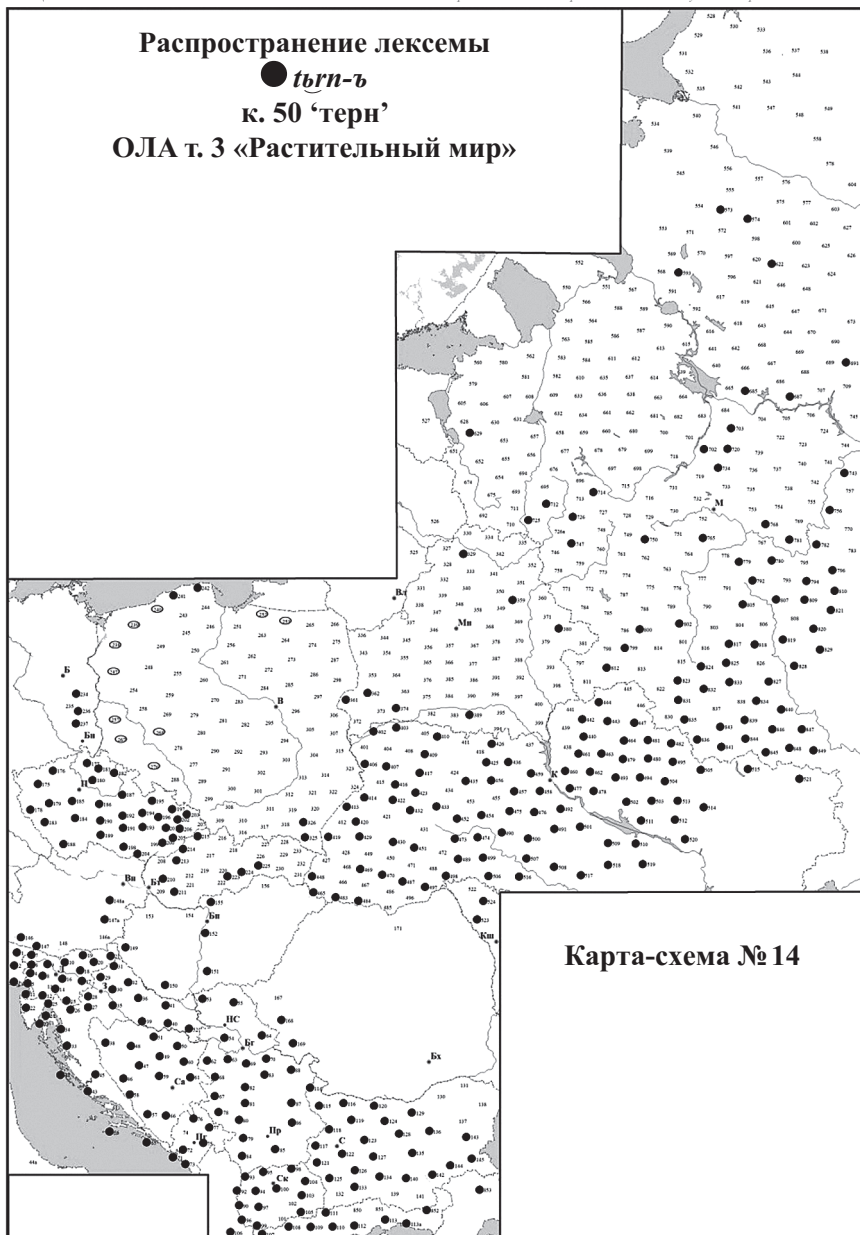

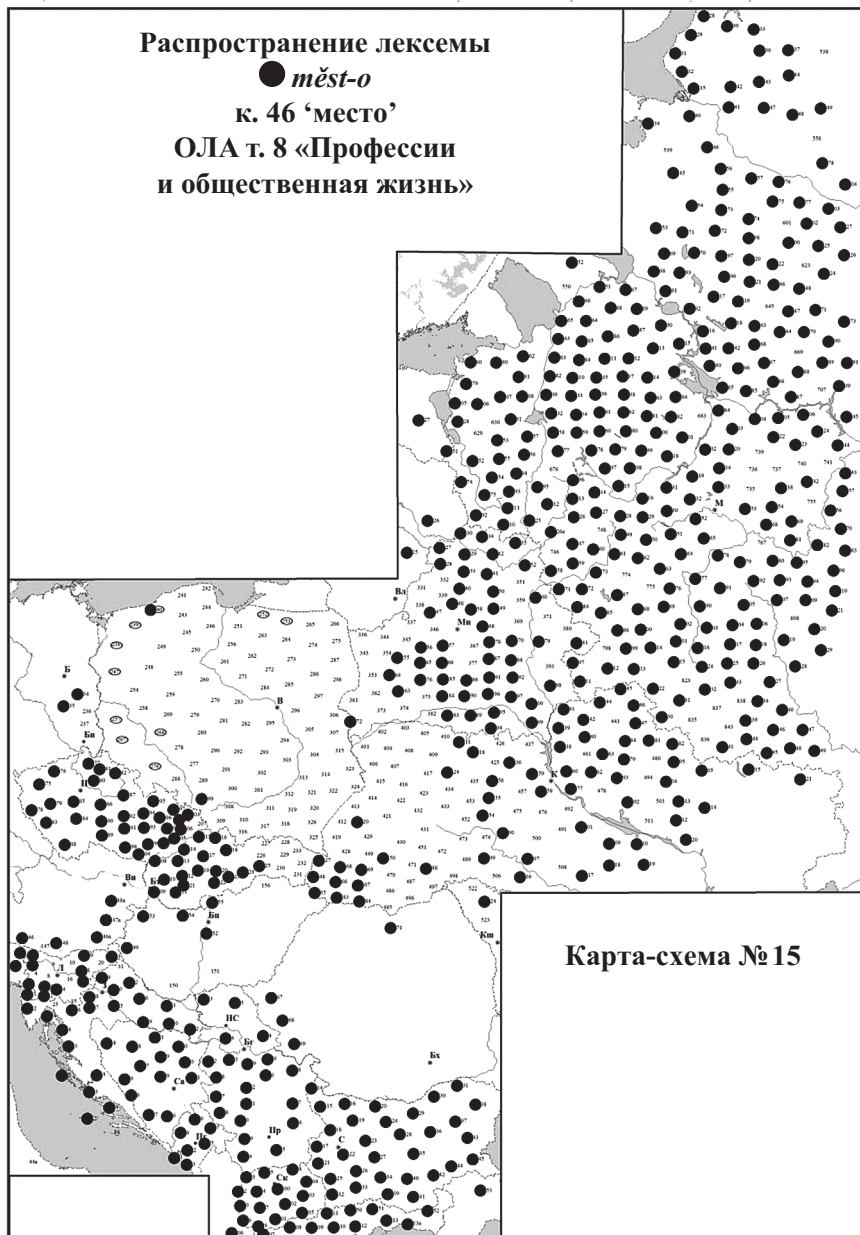
Карта-схема № 8

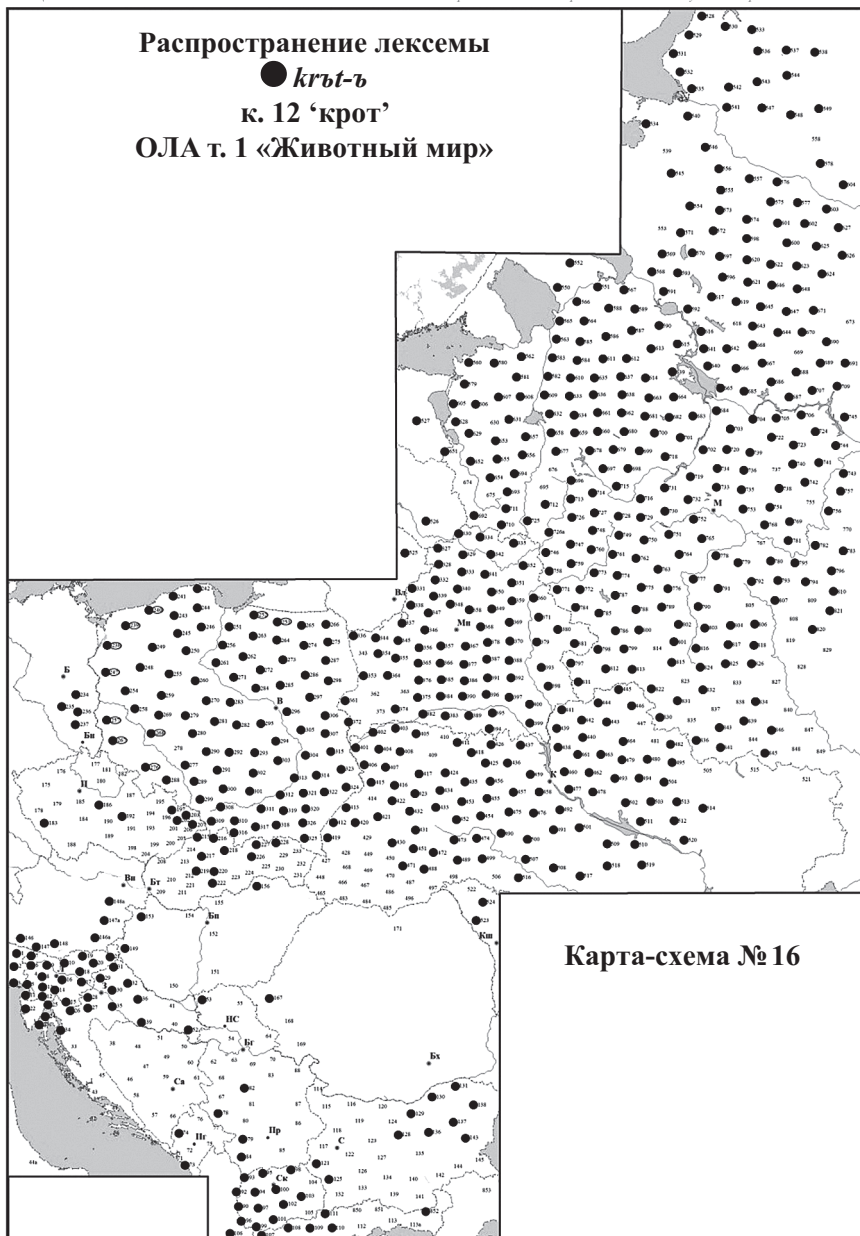

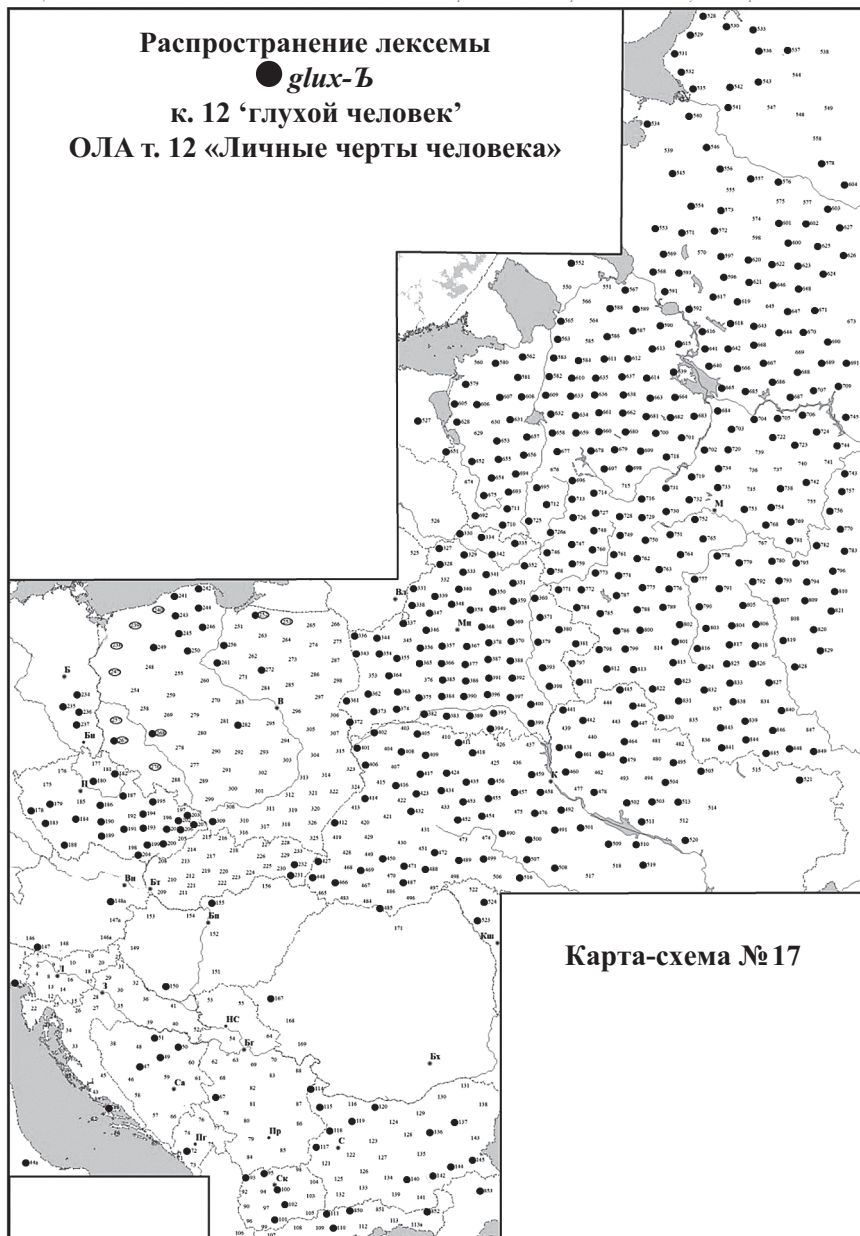
Распространение лексемы

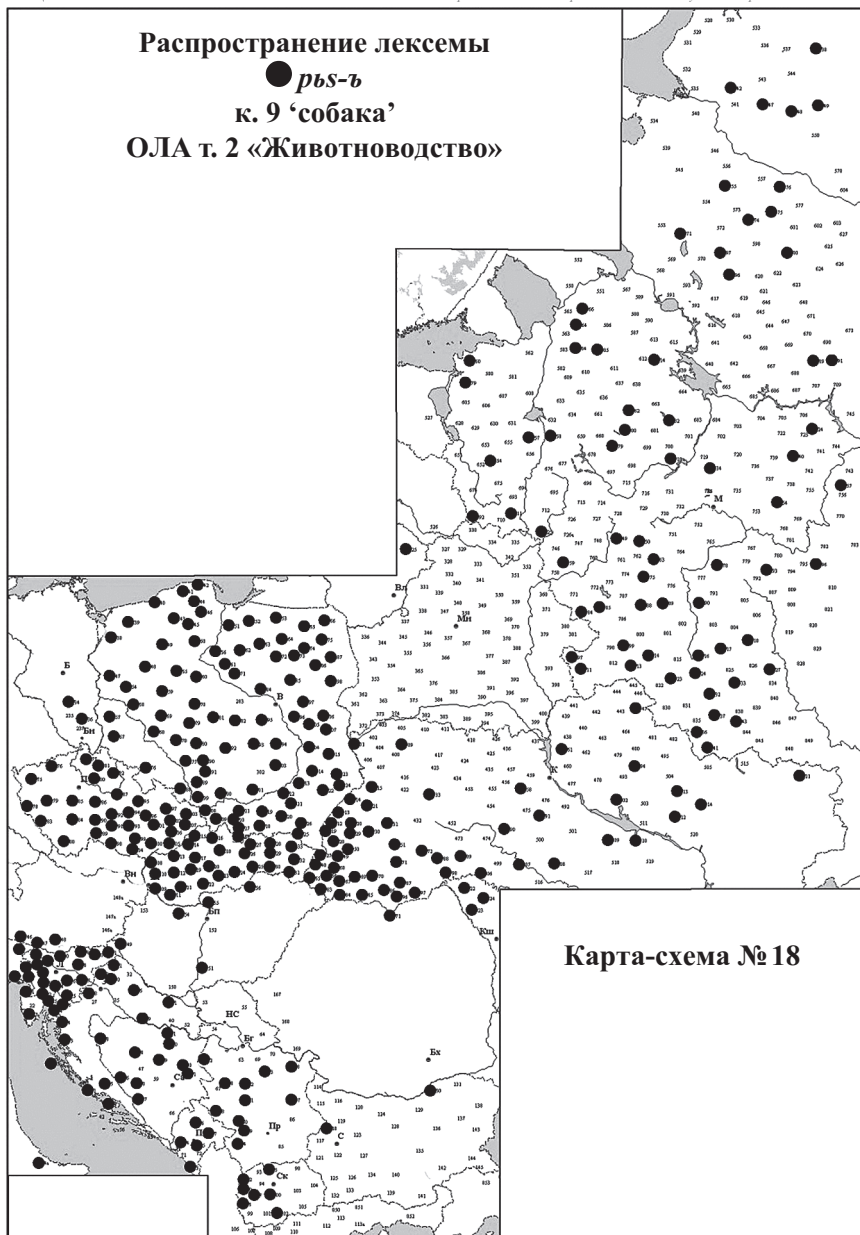
● *krýt-ъ*

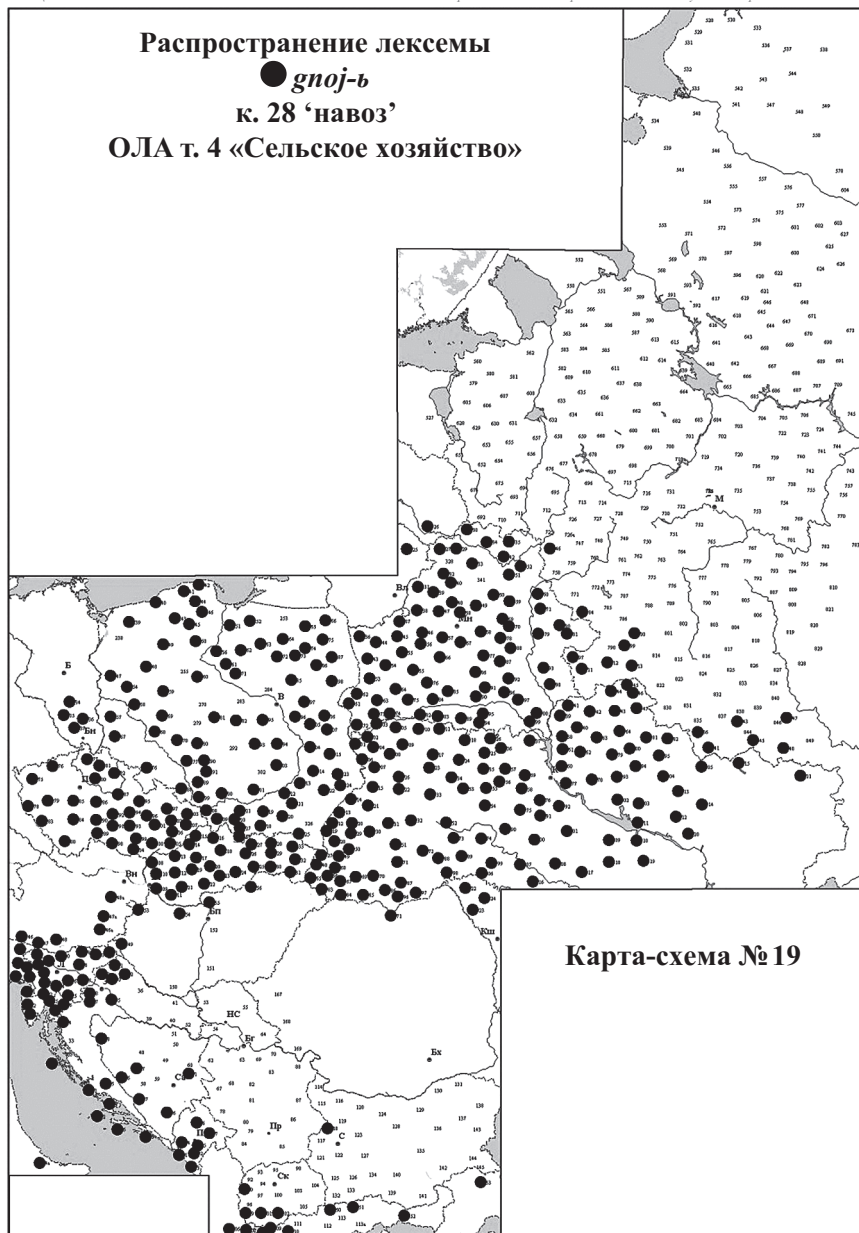
к. 12 'крот'

ОЛА т. 1 «Животный мир»

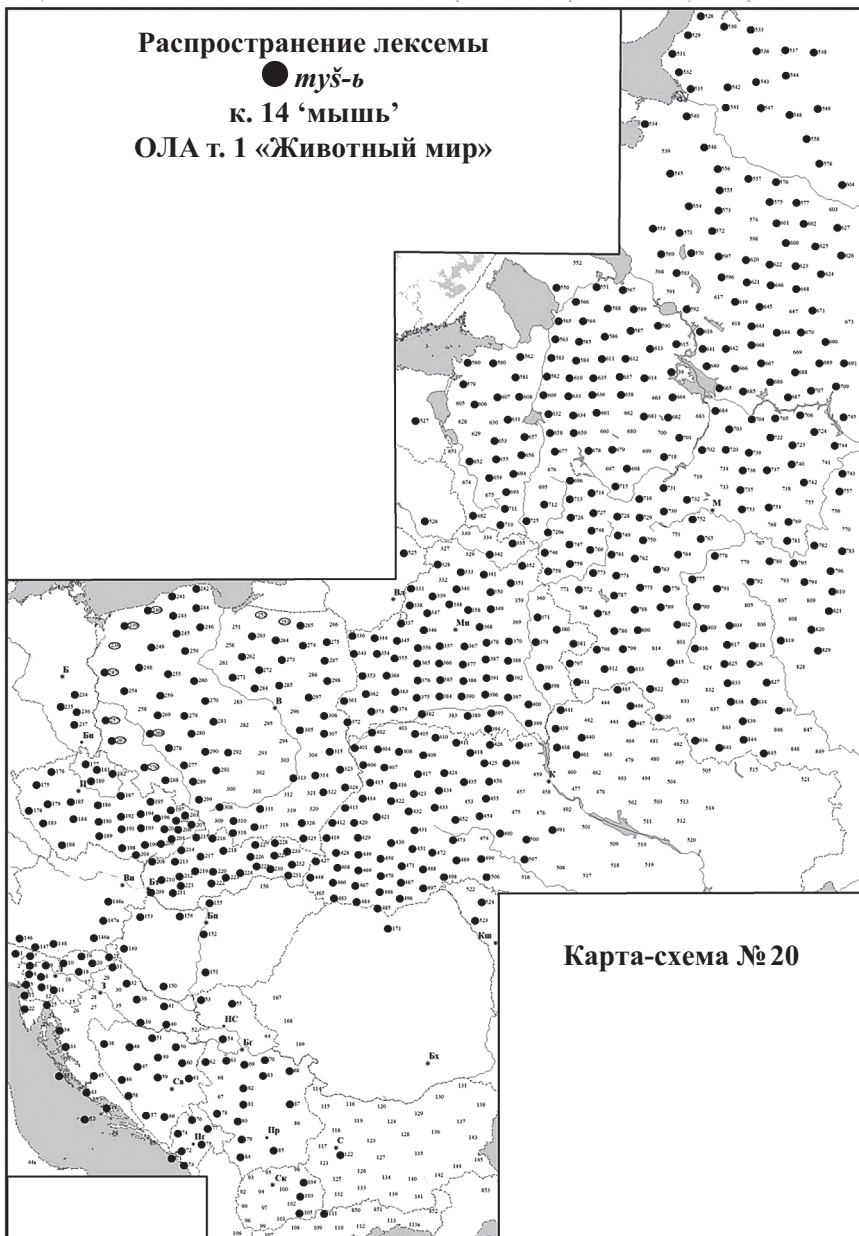

Распространение лексемы

● *туѣ-ѡ*

к. 14 'мышь'

ОЛА т. 1 «Животный мир»

Карта-схема № 20

Распространение лексемы

● *sěr-a*

**к. 32 'молоко коровы сразу после отела,
молозиво'**

**ОЛА т. 6 «Домашнее хозяйство
и приготовление пищи»**

Карта-схема № 22

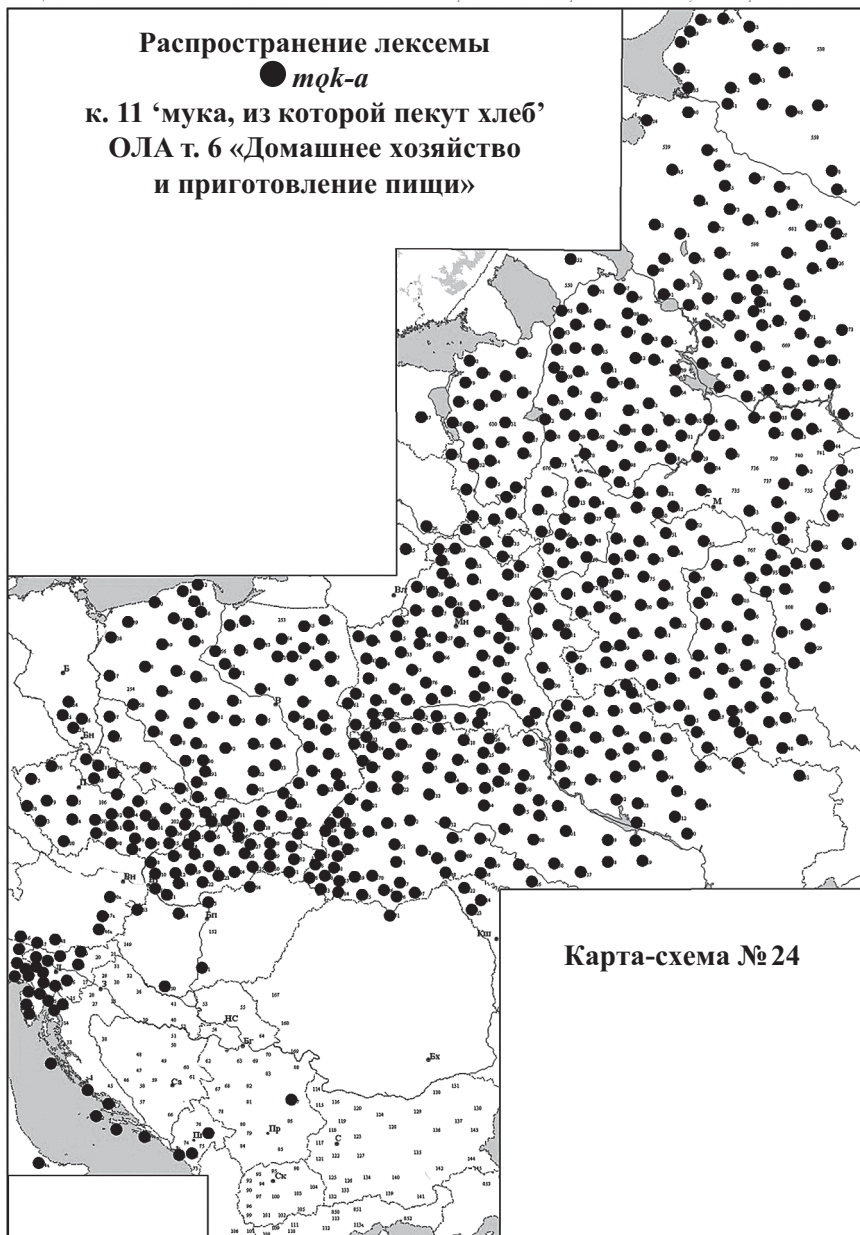
ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

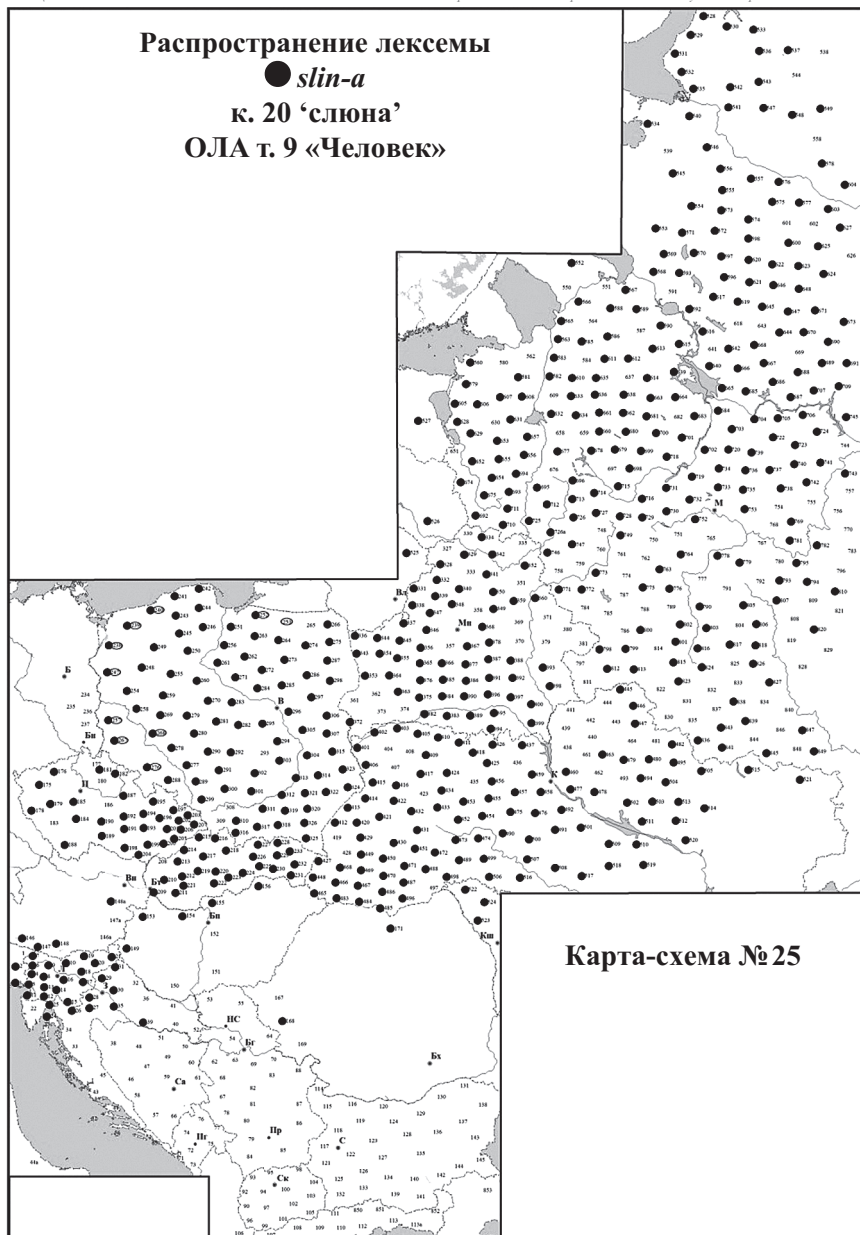
Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

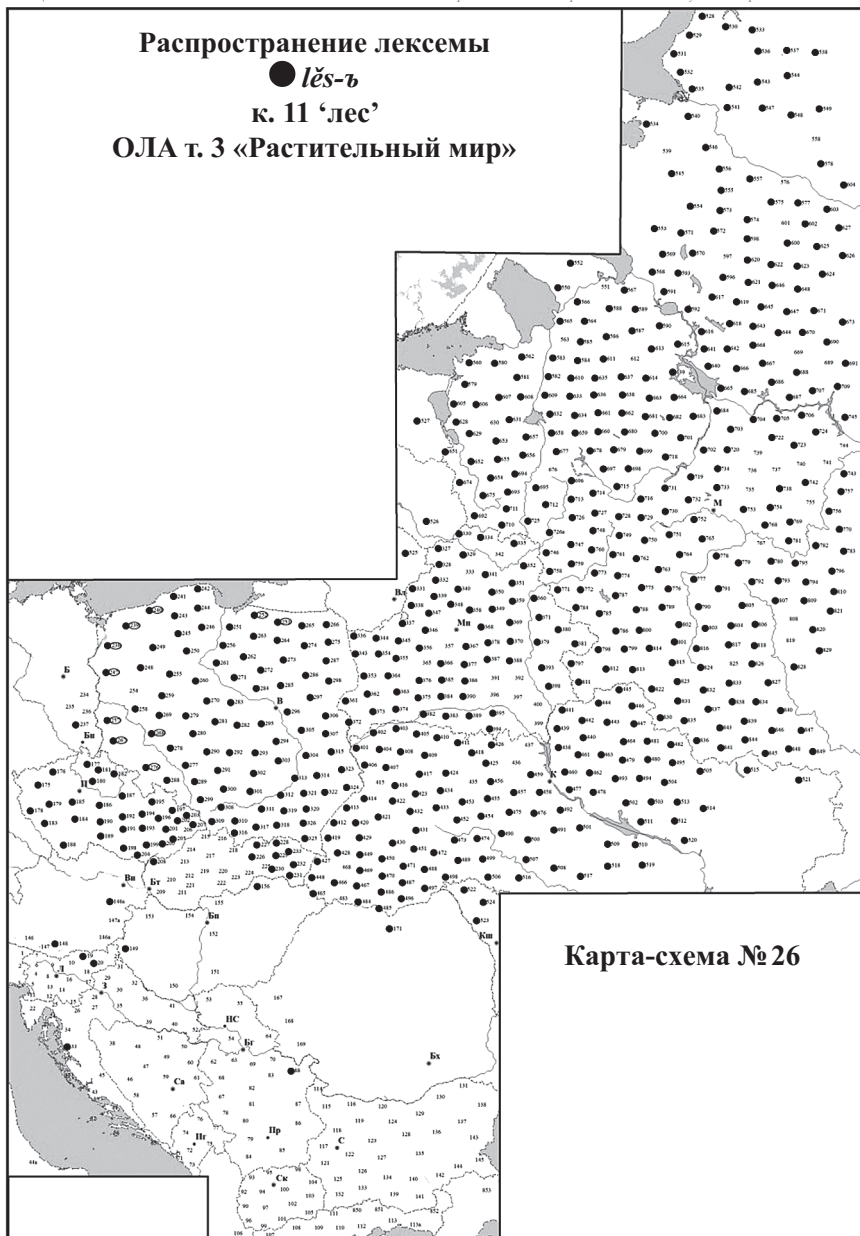
ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

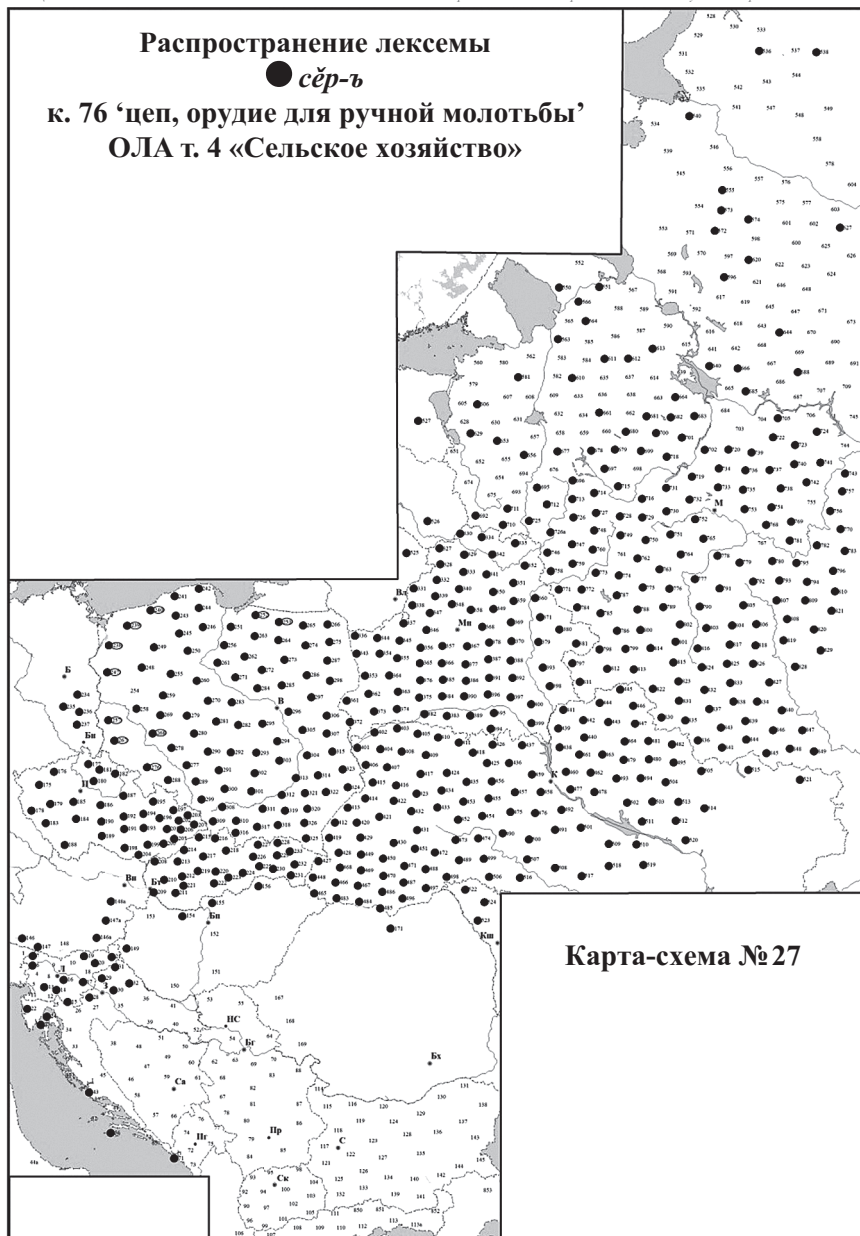
Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

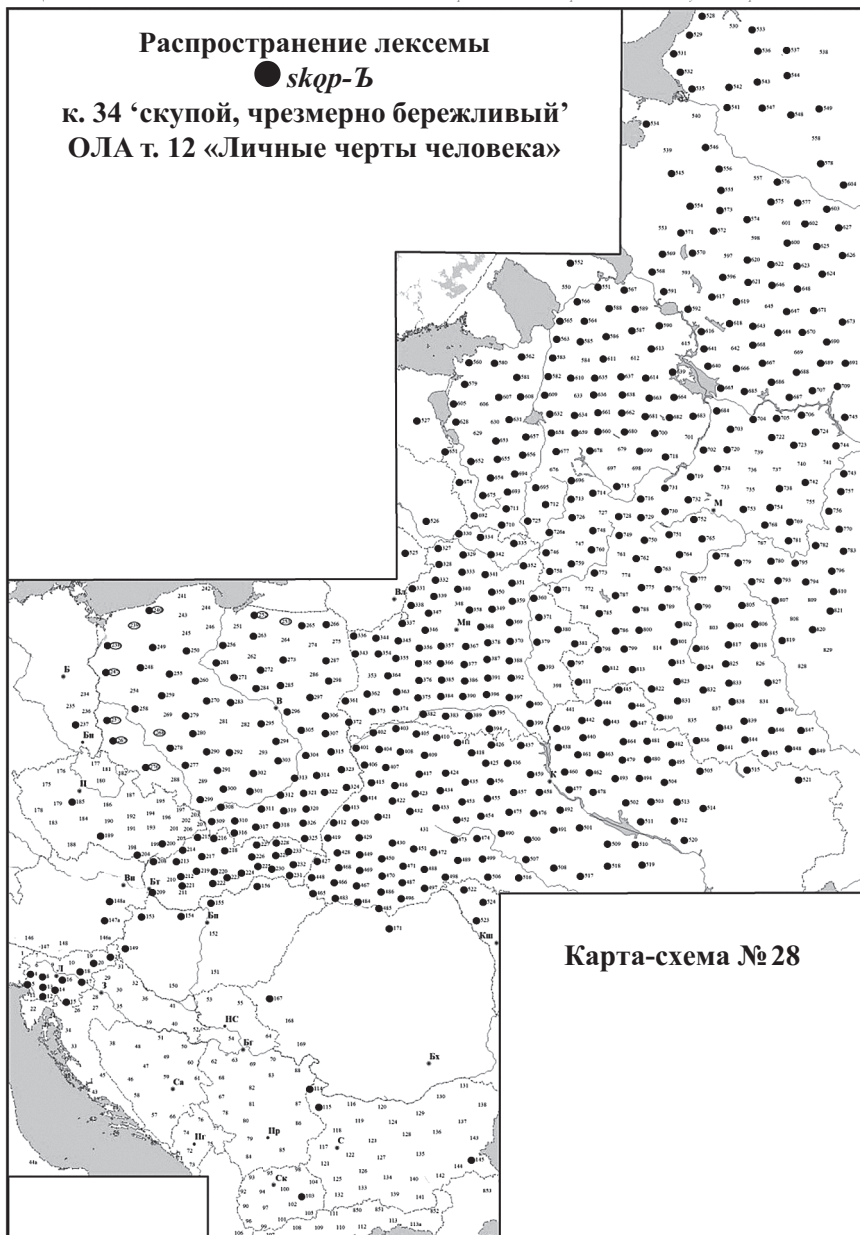

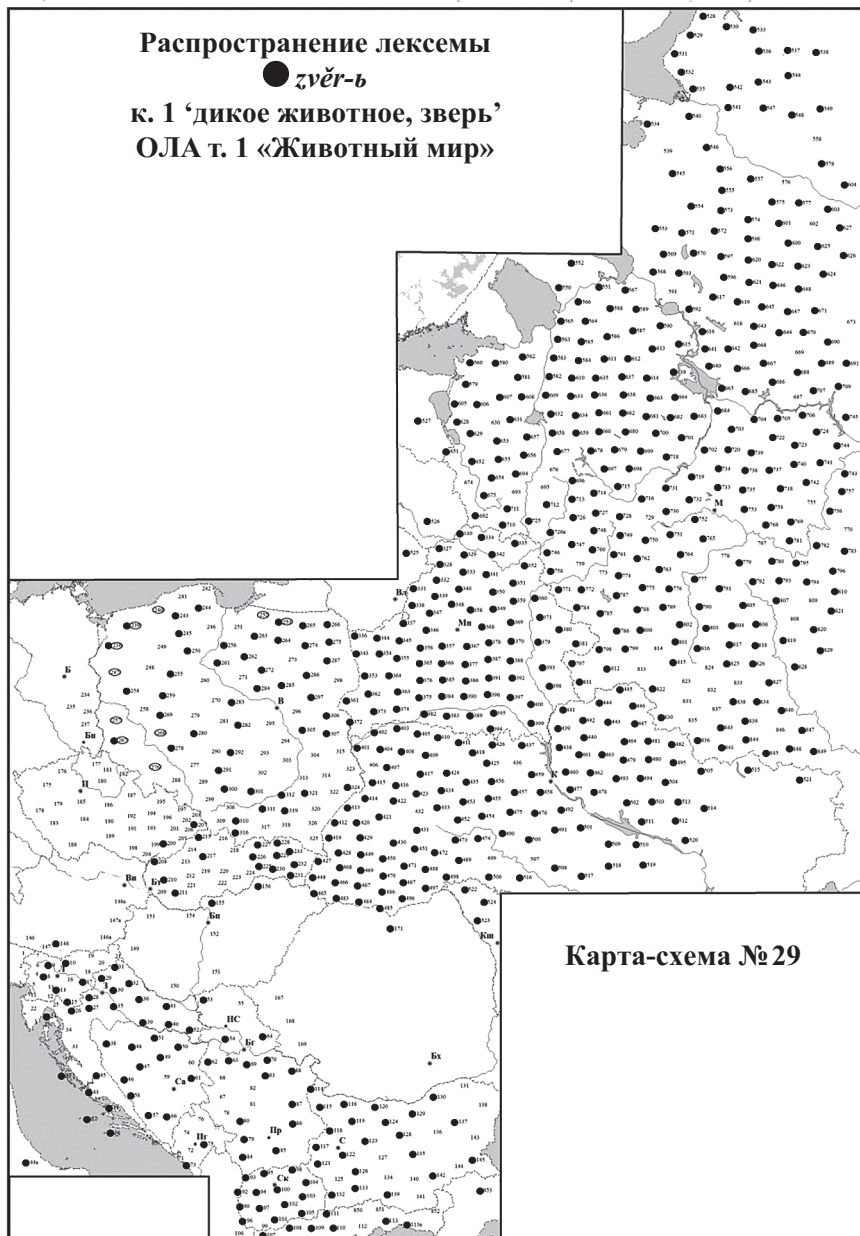

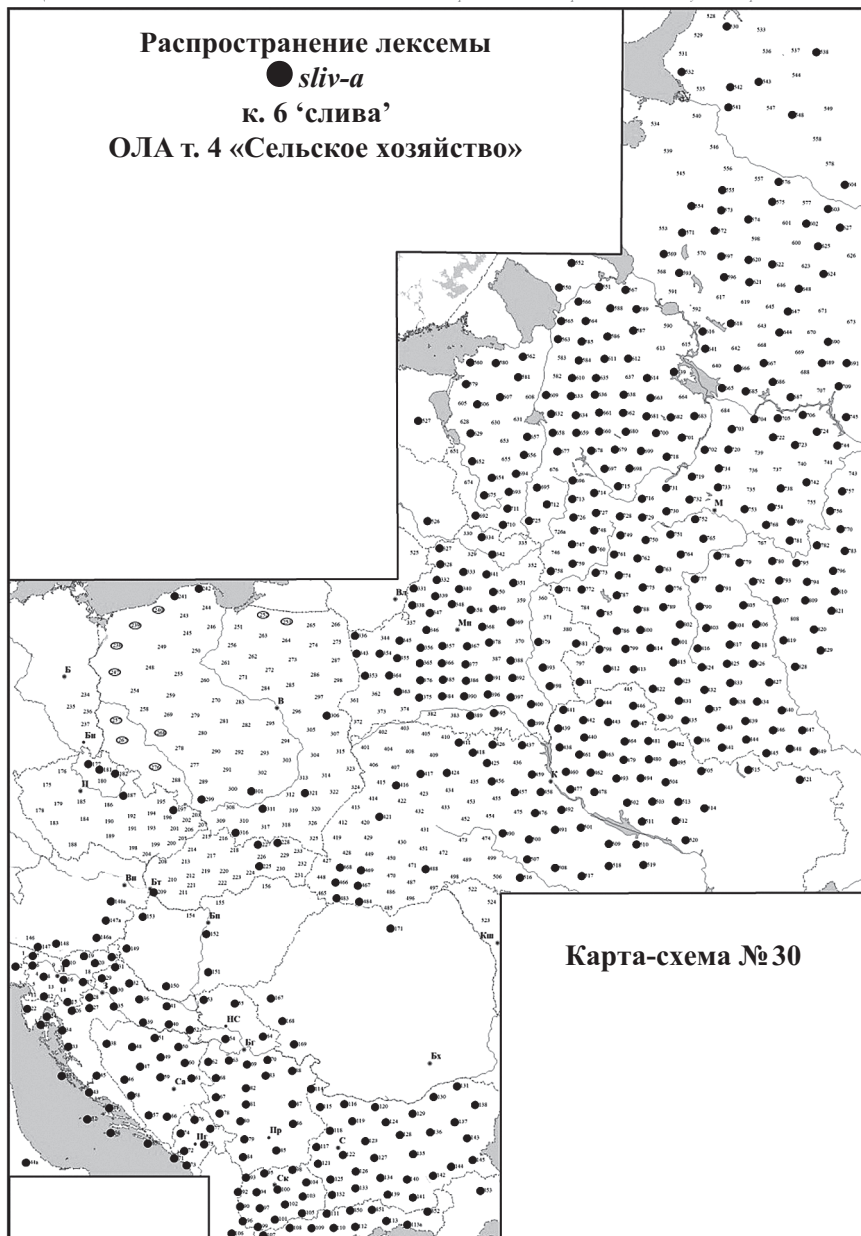
Распространение лексемы
● lěs-ъ
к. 11 'лес'
ОЛА т. 3 «Растительный мир»

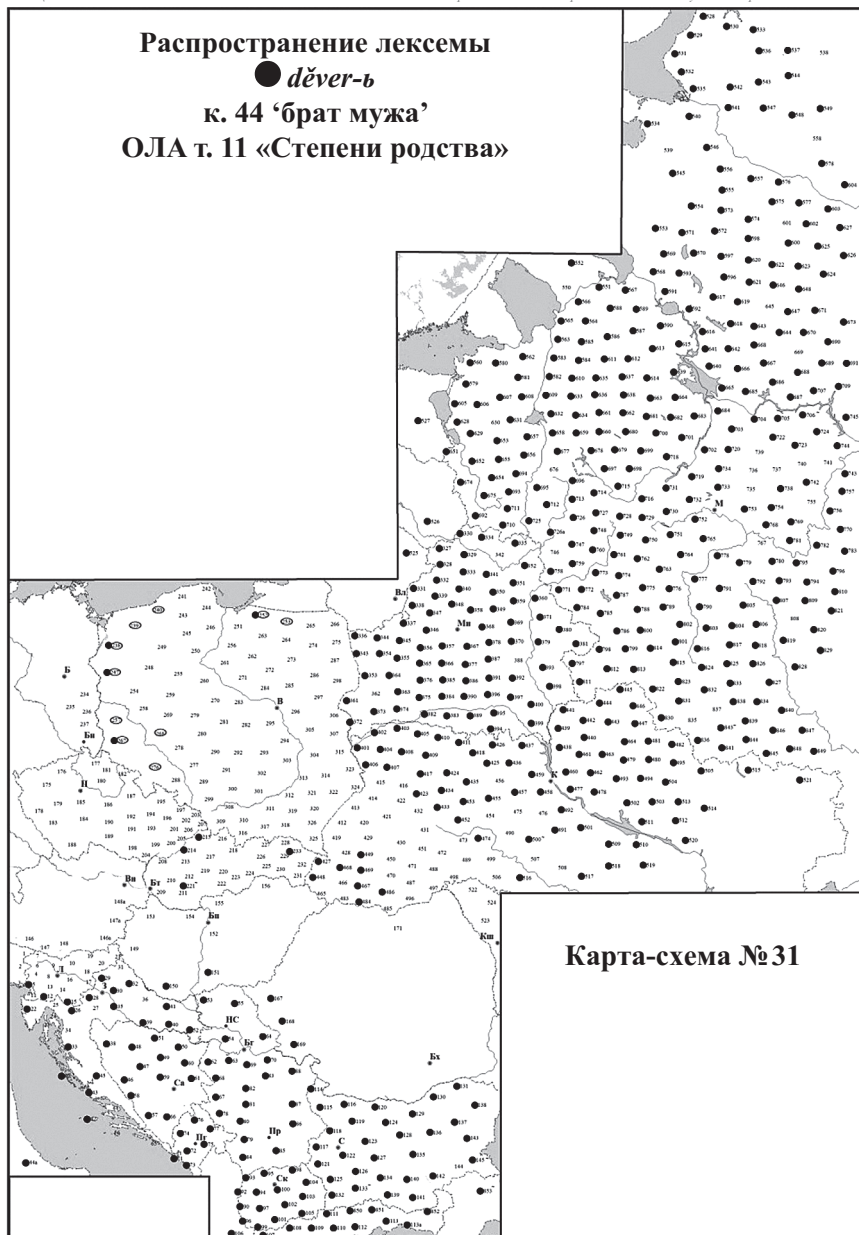

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

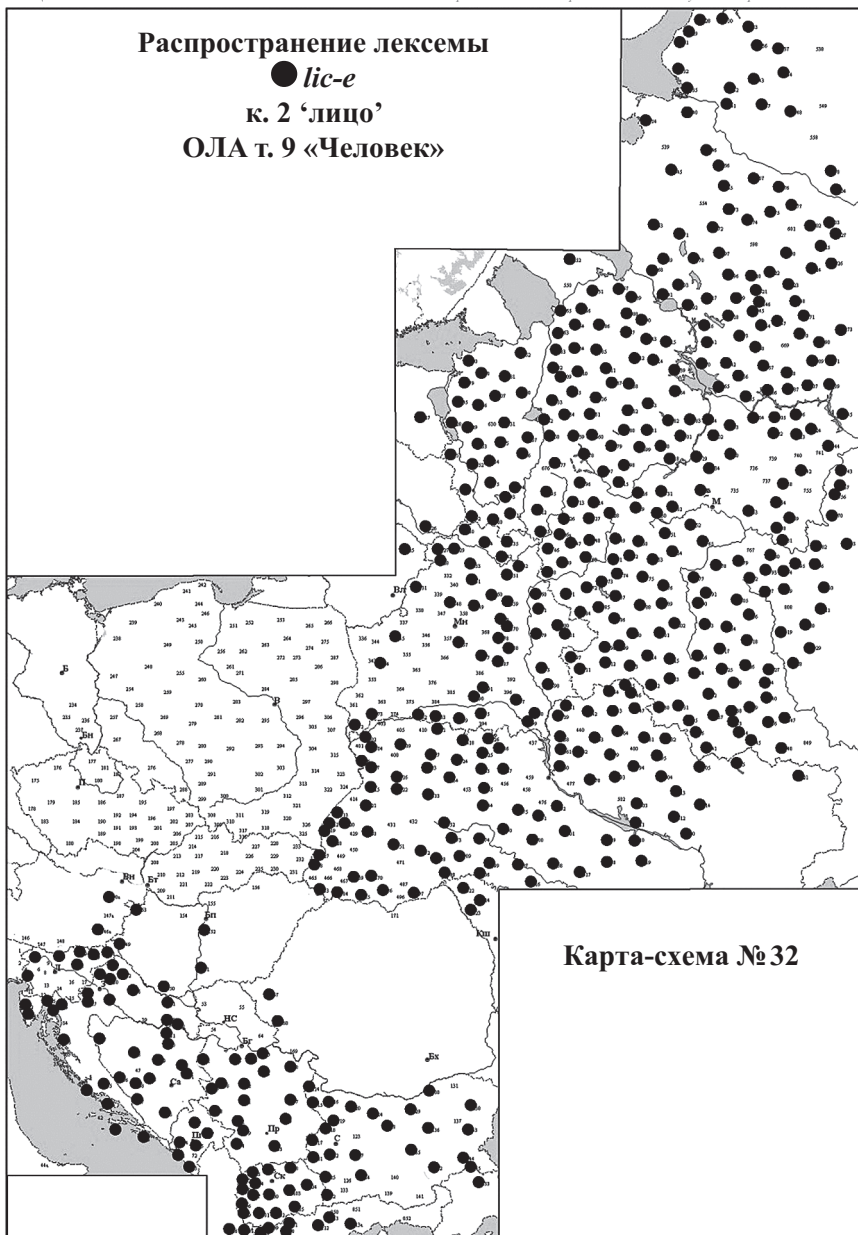
Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

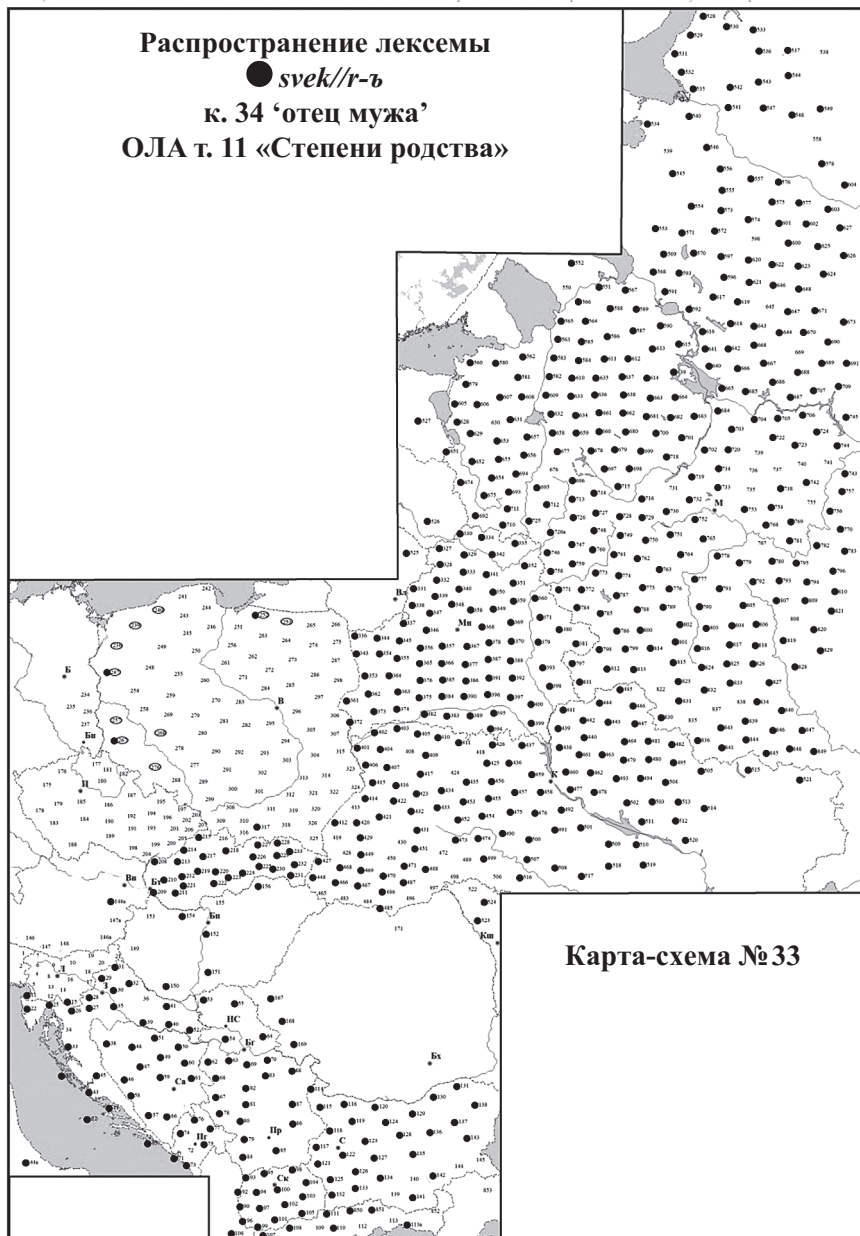
Распространение лексемы

● *lic-e*

к. 2 'лицо'

ОЛА т. 9 «Человек»

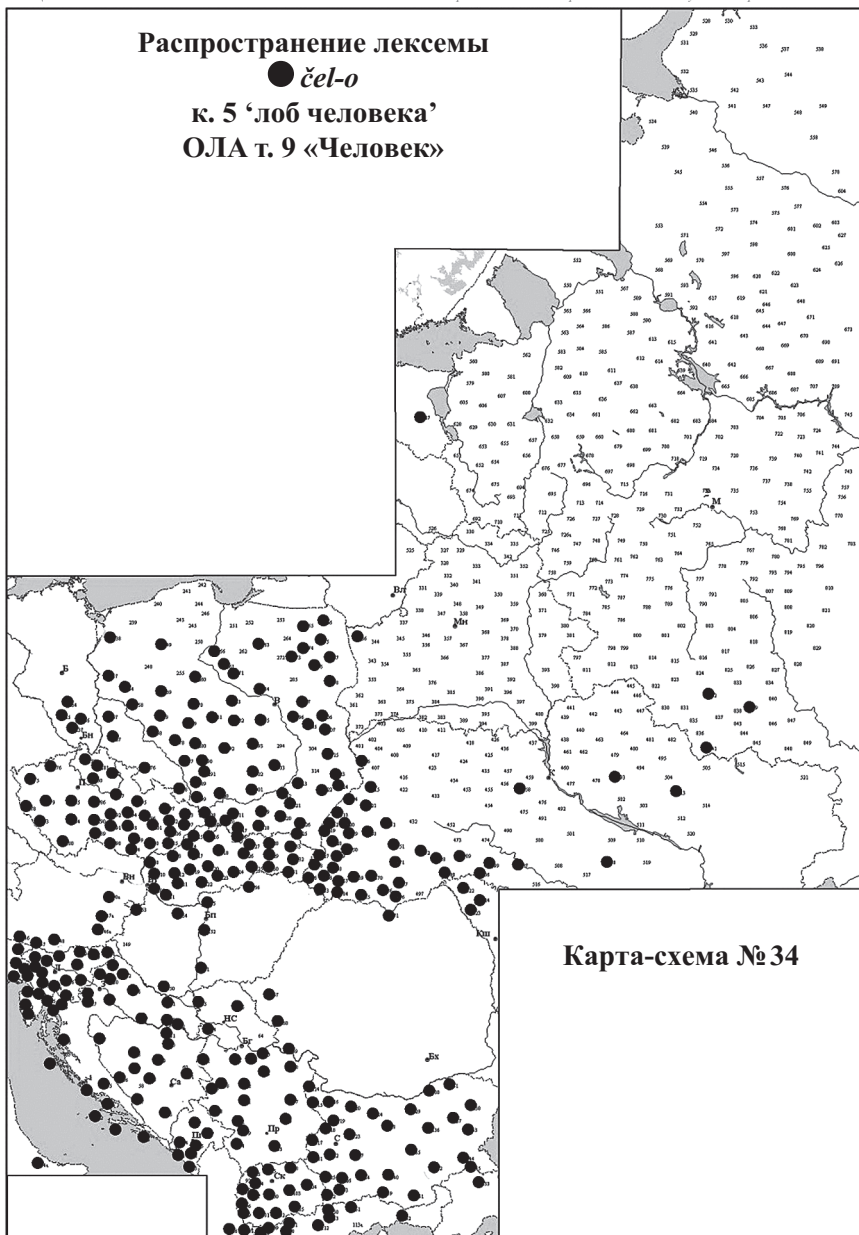

Распространение лексемы

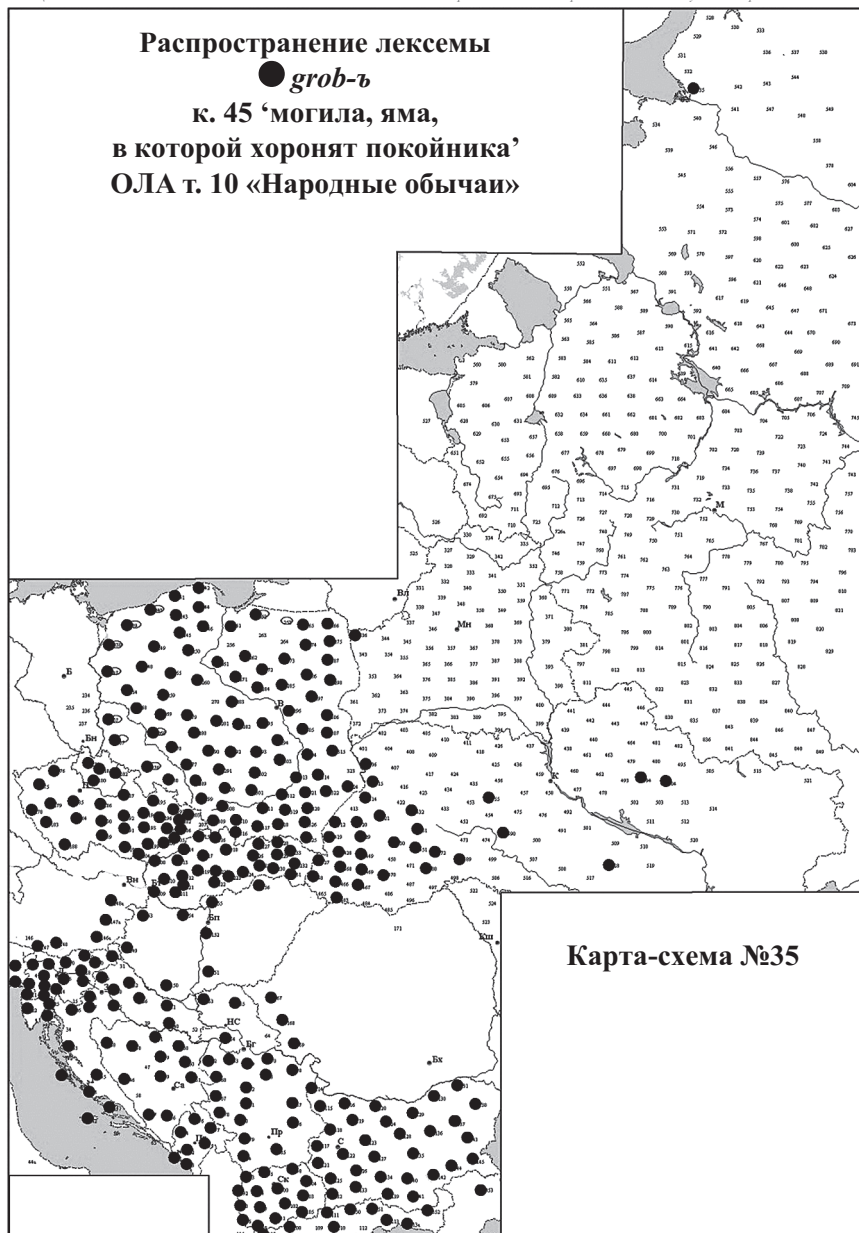
● *čel-o*

к. 5 'лоб человека'

ОЛА т. 9 «Человек»

Карта-схема № 34

Распространение лексемы

● *stop-a*

к. 47 'след стопы'

ОЛА т. 9 «Человек»

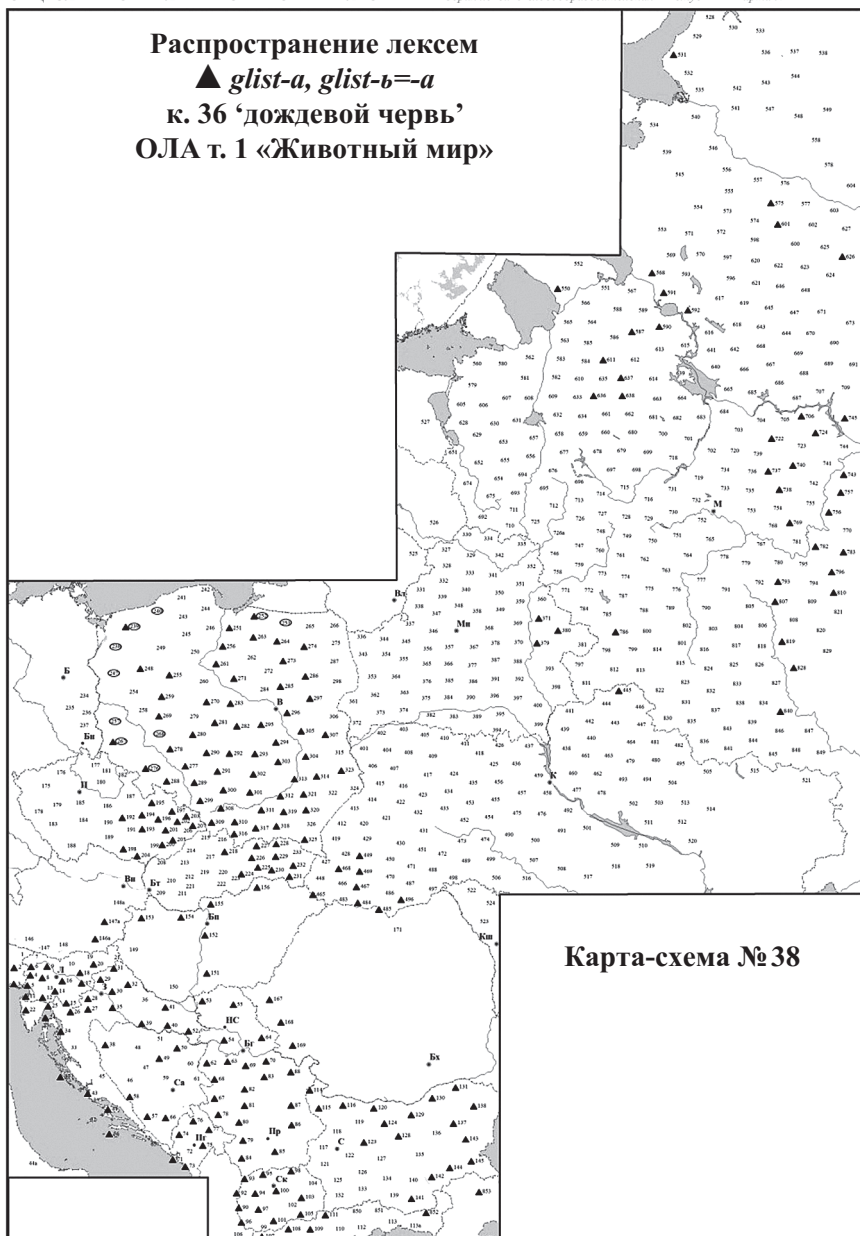

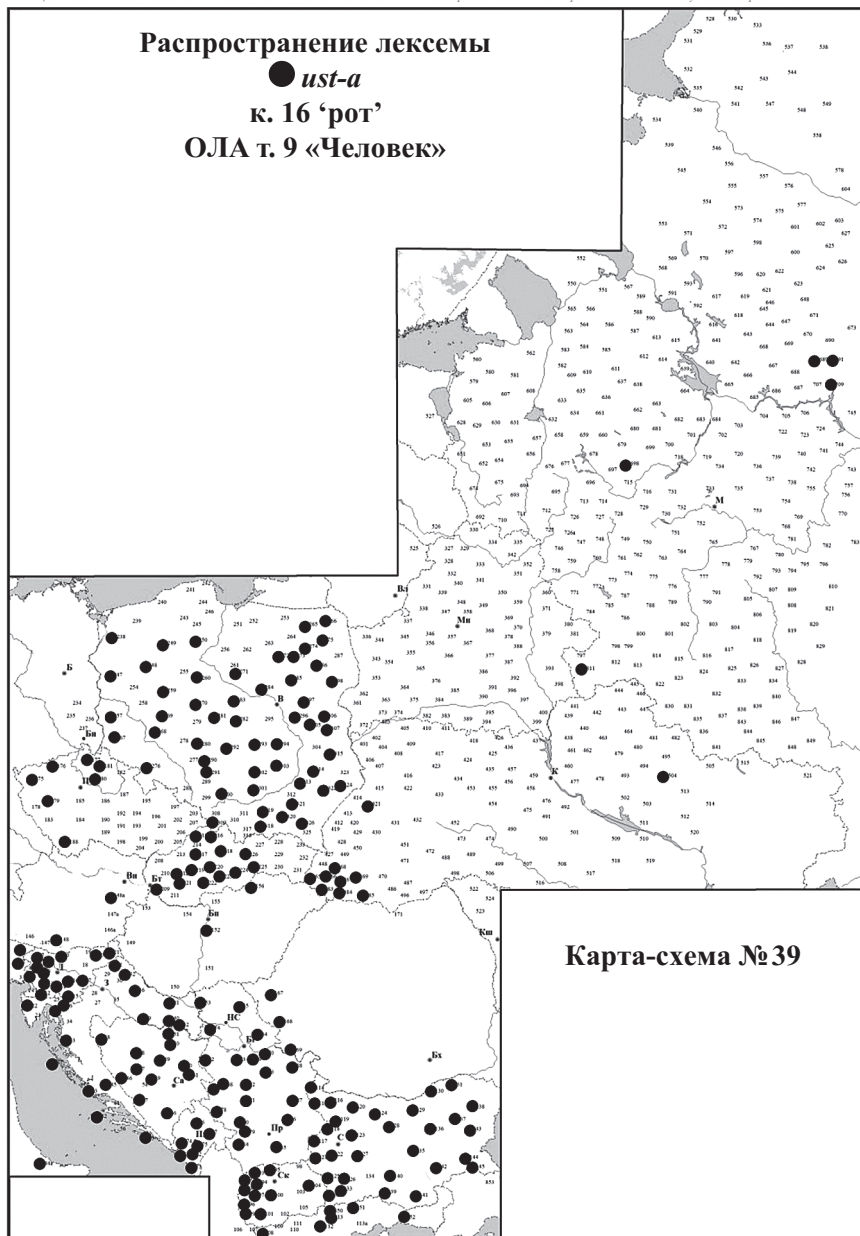
Карта-схема № 36

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

Распространение лексем
▲ *glist-a, glist-b=-a*
к. 36 'дождевой червь'
ОЛА т. 1 «Животный мир»

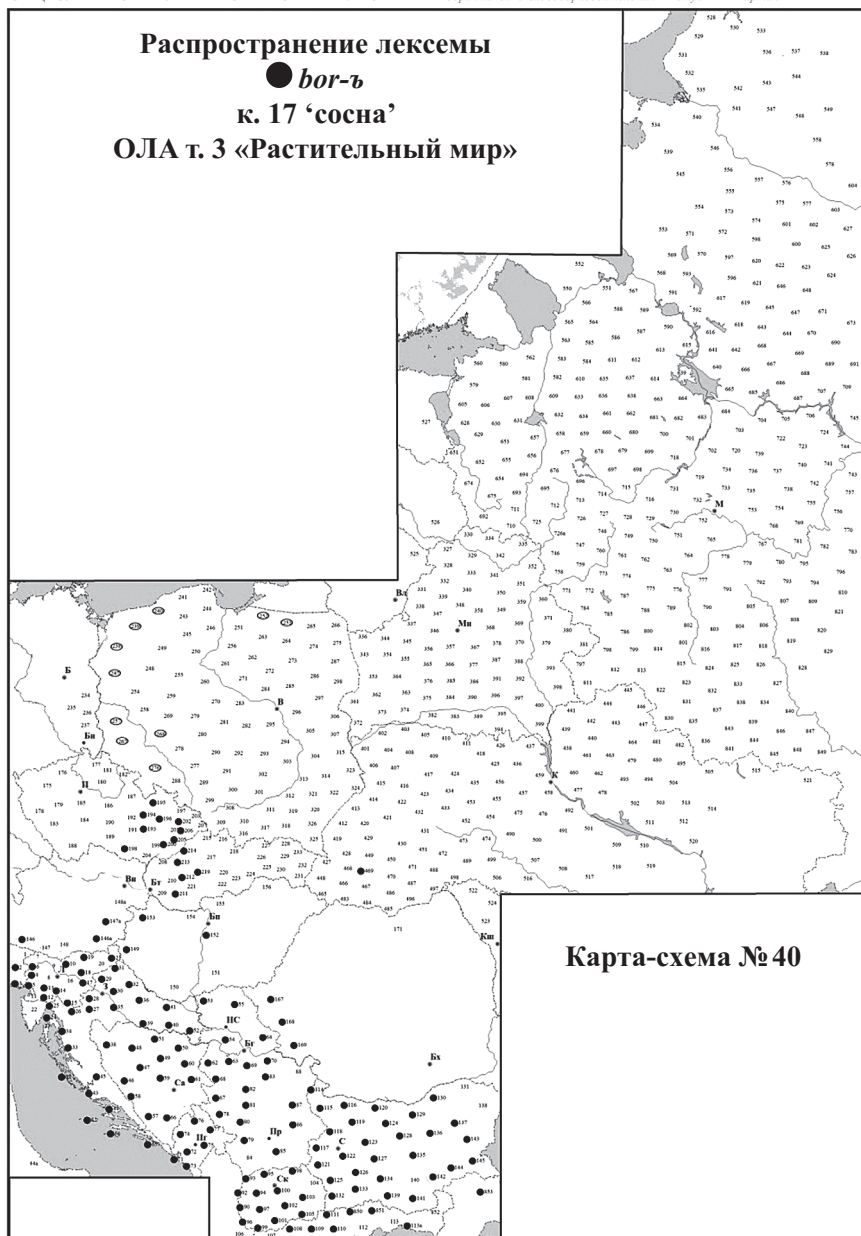

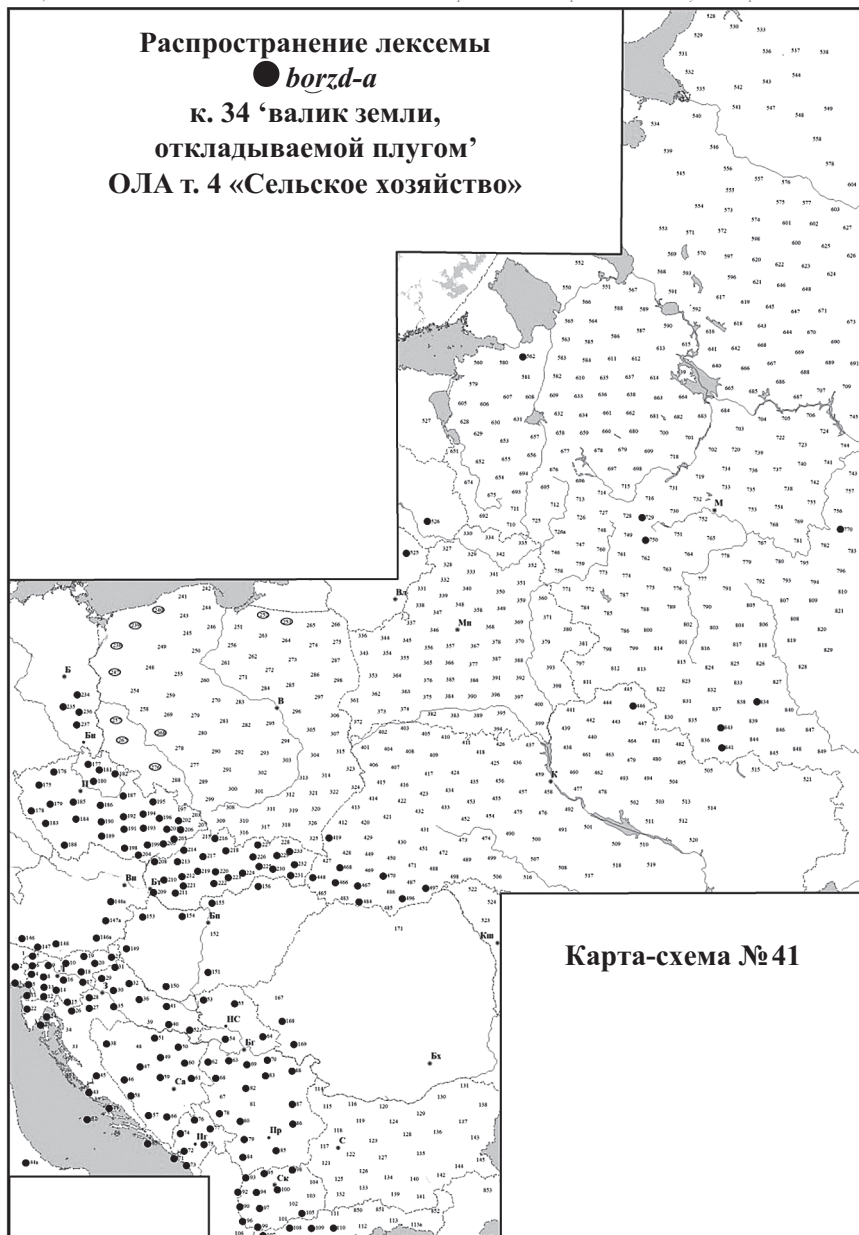

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

Распространение лексемы
● bor-ъ
к. 17 'сосна'
ОЛА т. 3 «Растительный мир»

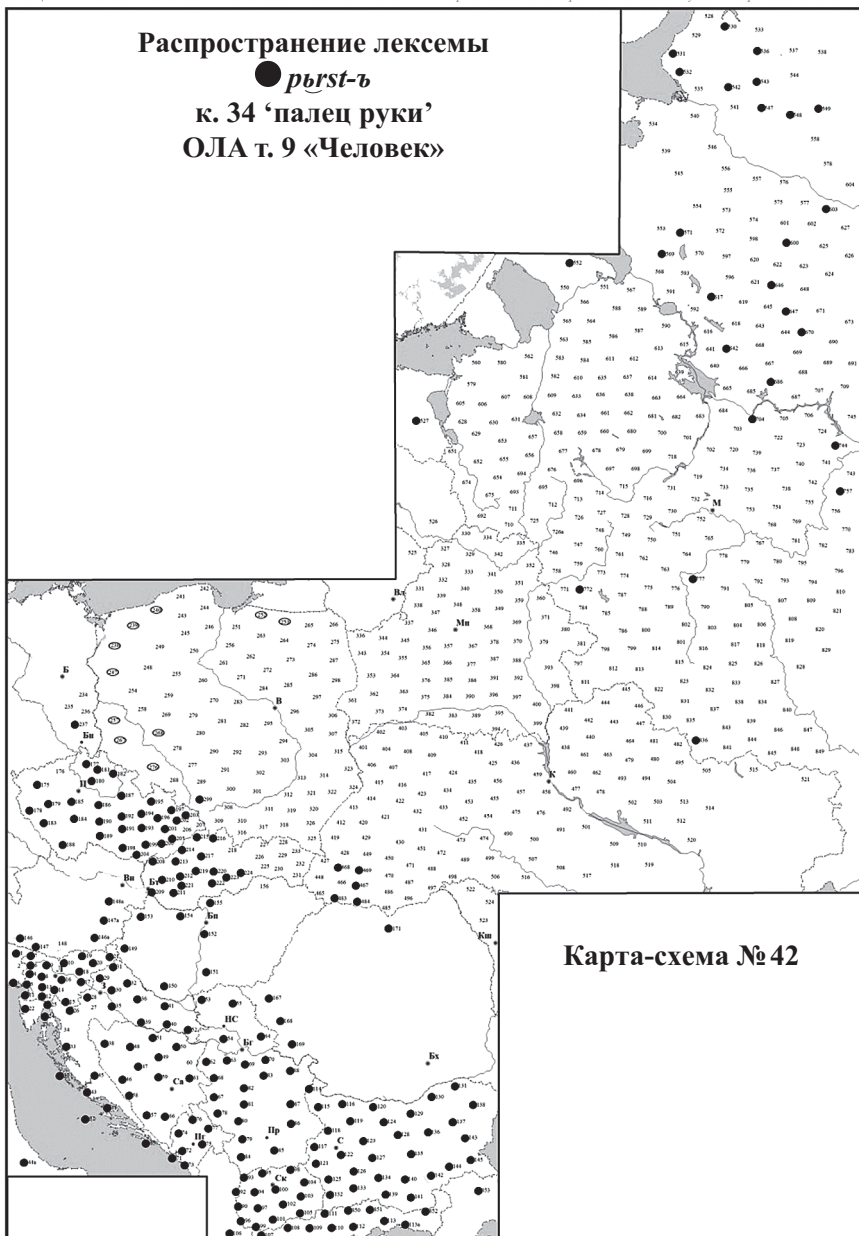

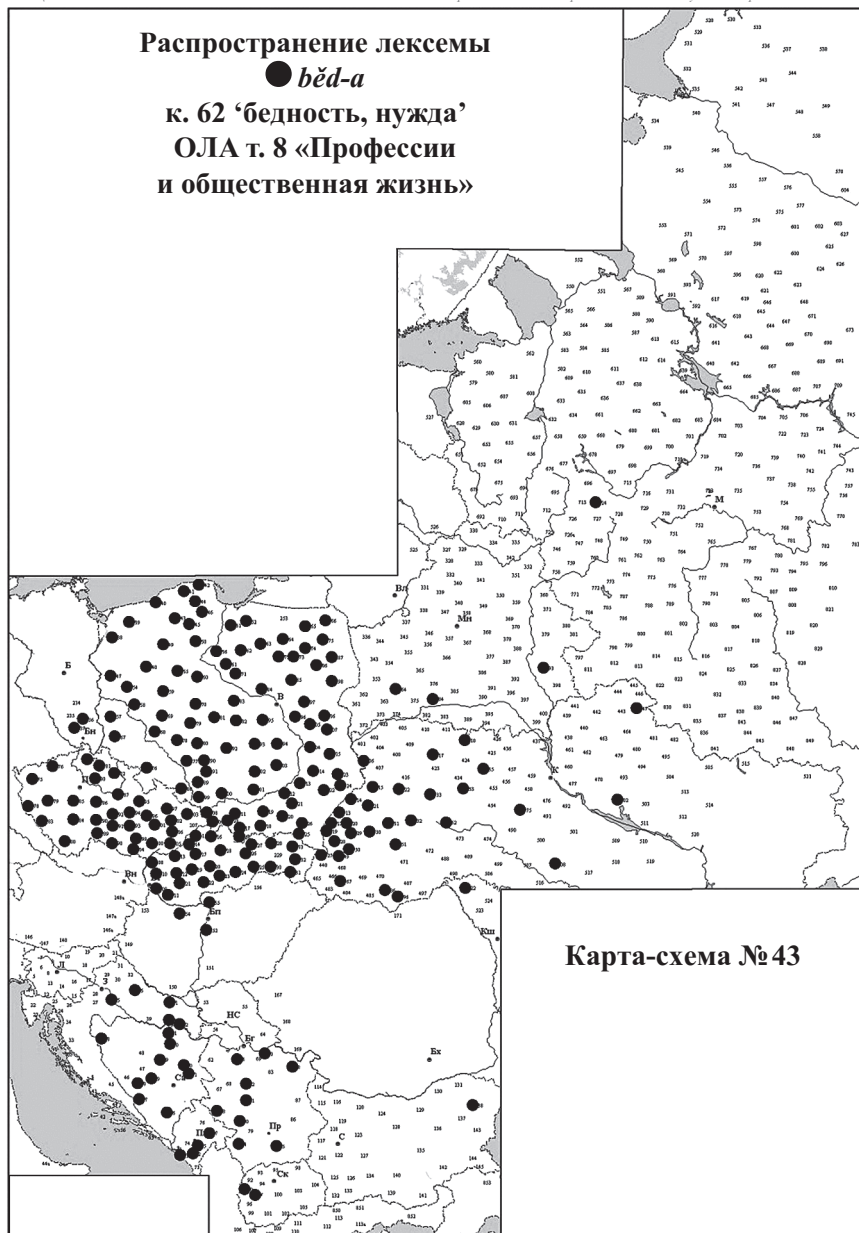
Распространение лексемы

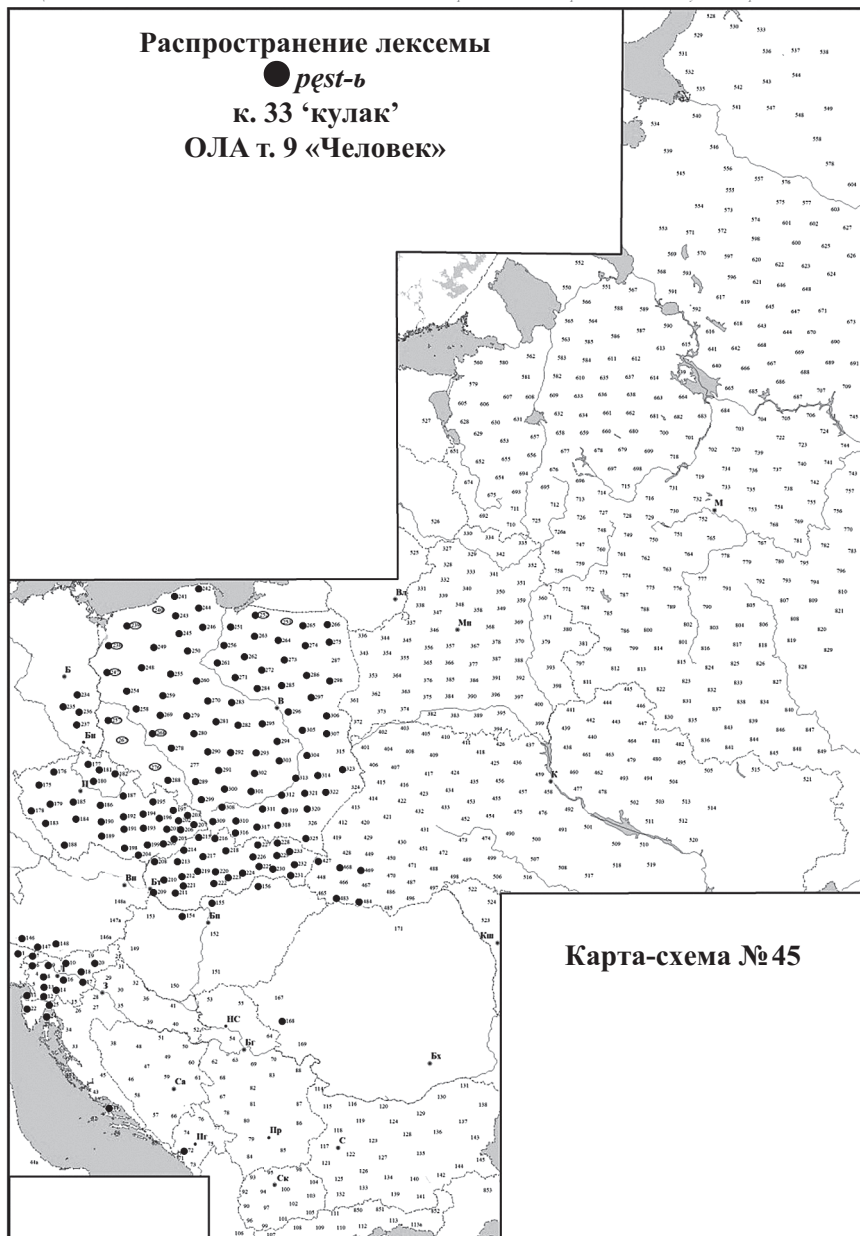
● *prstъ*

к. 34 'палец руки'

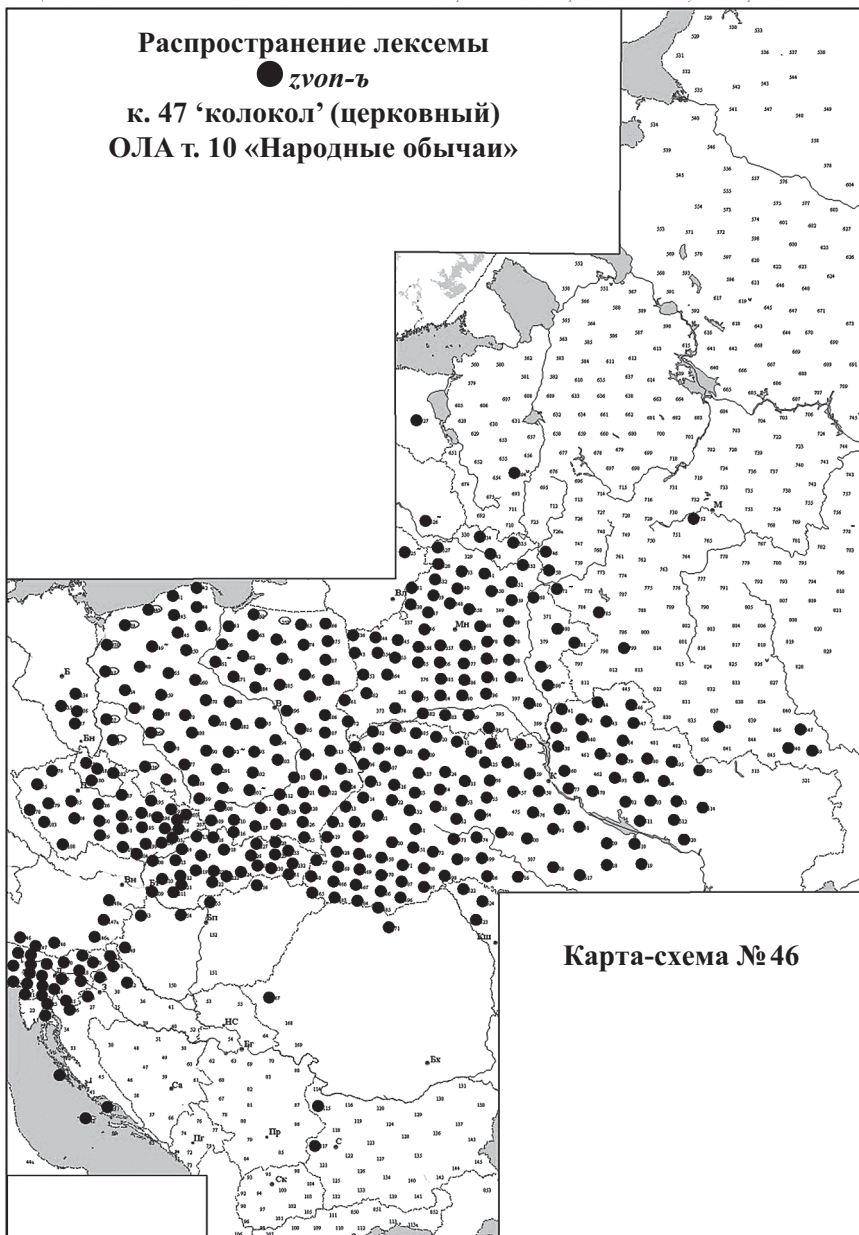
ОЛА т. 9 «Человек»

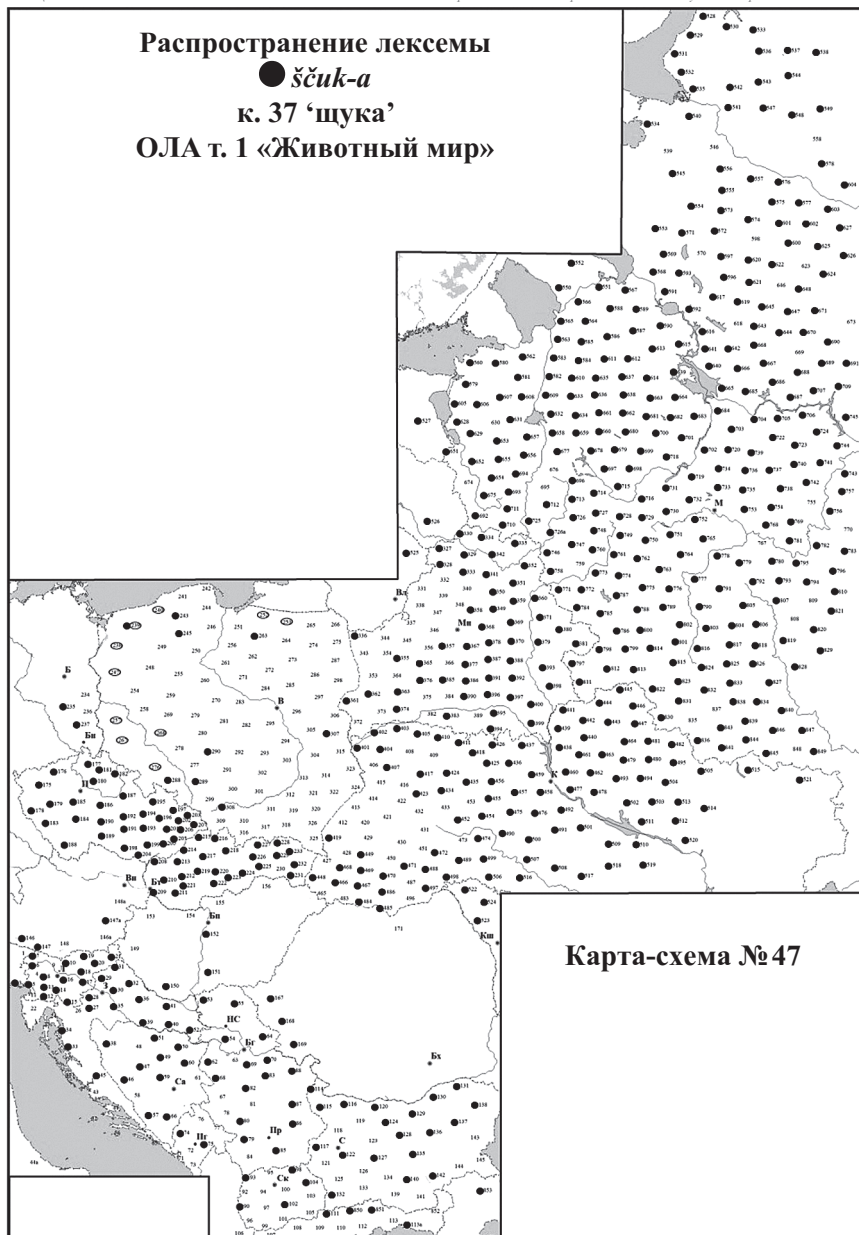

Распространение лексемы
● зvon-ъ
к. 47 'колокол' (церковный)
ОЛА т. 10 «Народные обычаи»

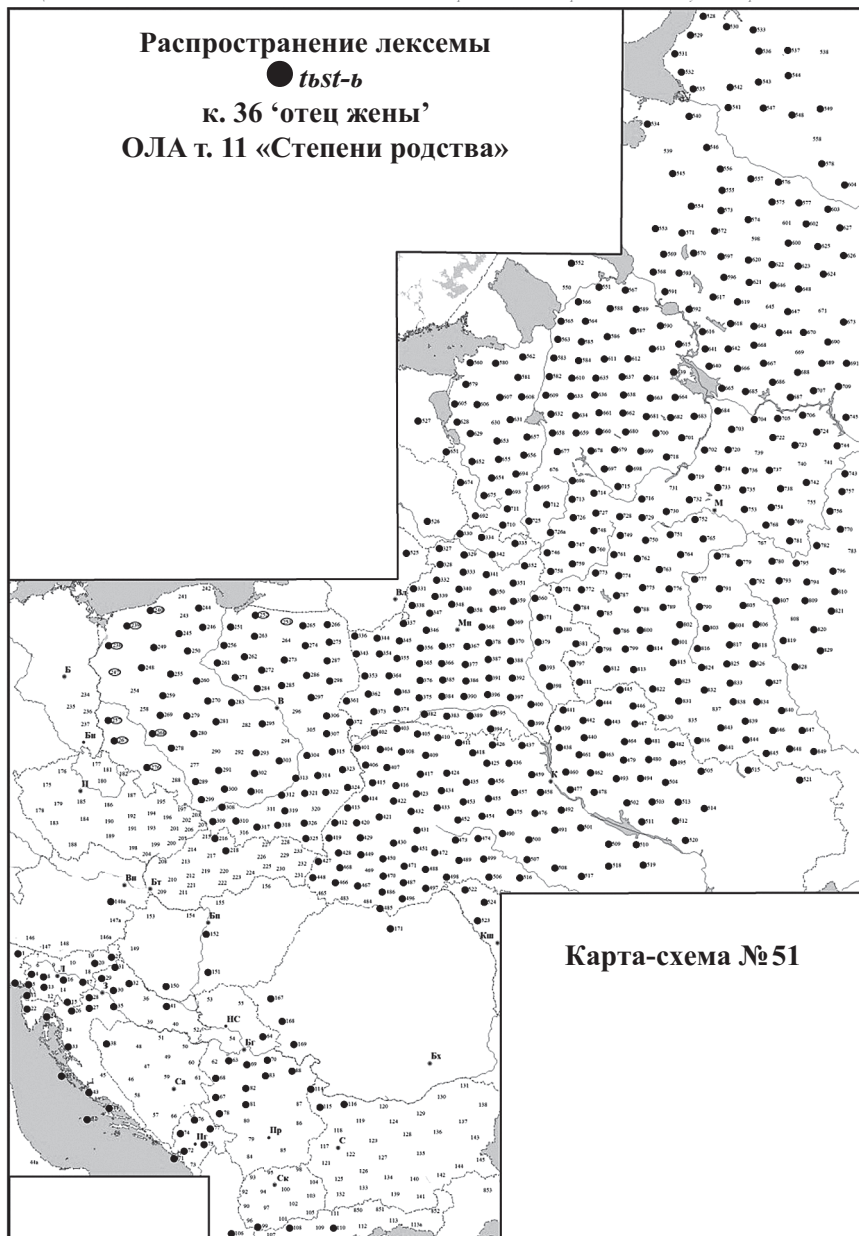
Распространение лексики

● *mold-T*

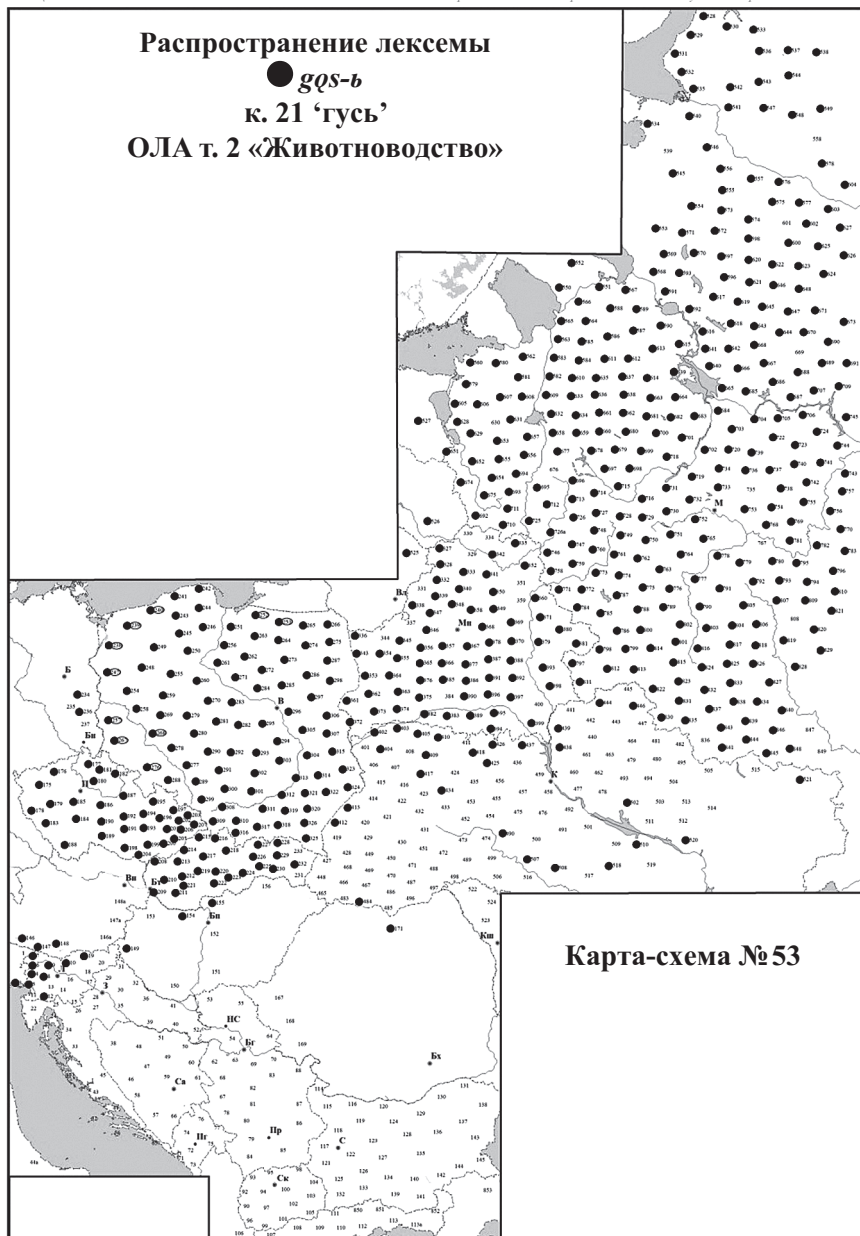
к. 9 'мужчина в день свадьбы'

ОЛА т. 10 «Народные обычаи»

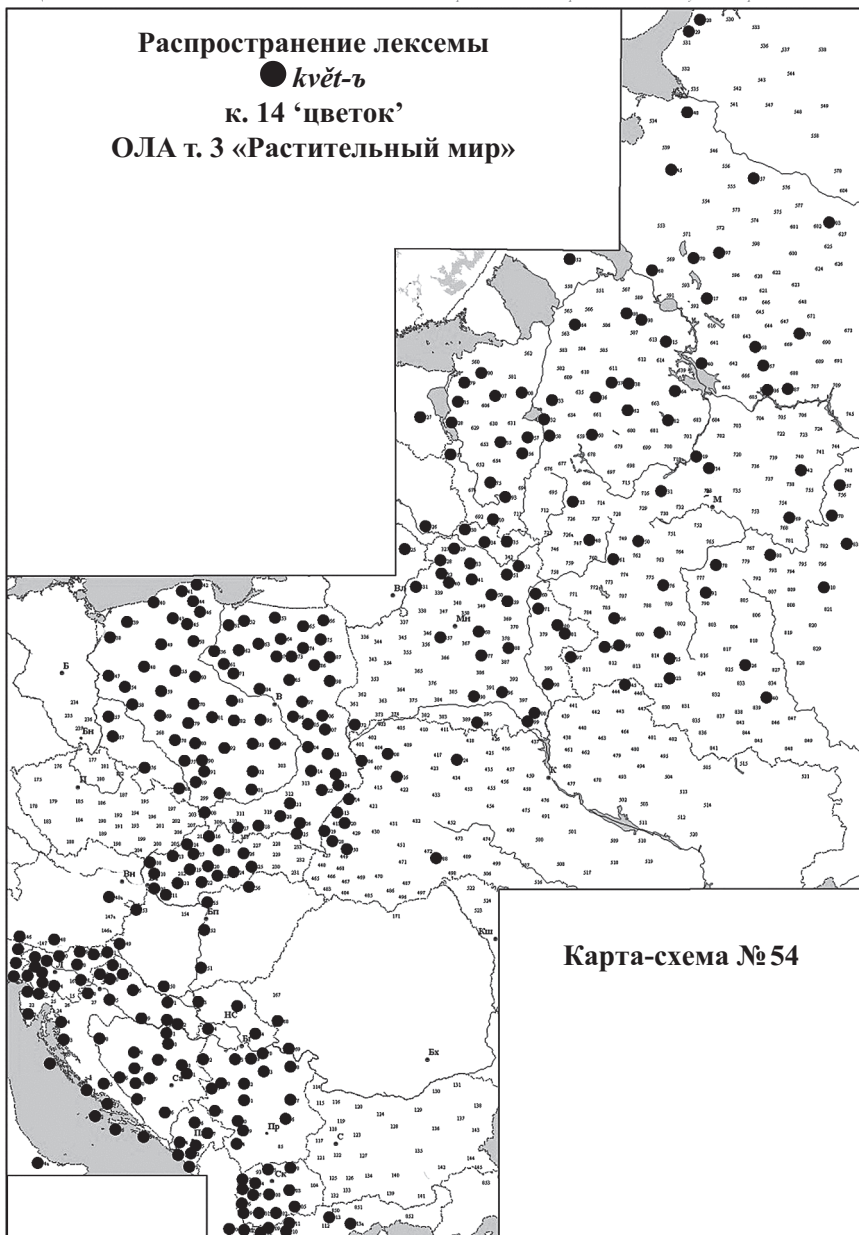

Распространение лексемы
● květ-ъ
к. 14 'цветок'
ОЛА т. 3 «Растительный мир»

Распространение лексемы

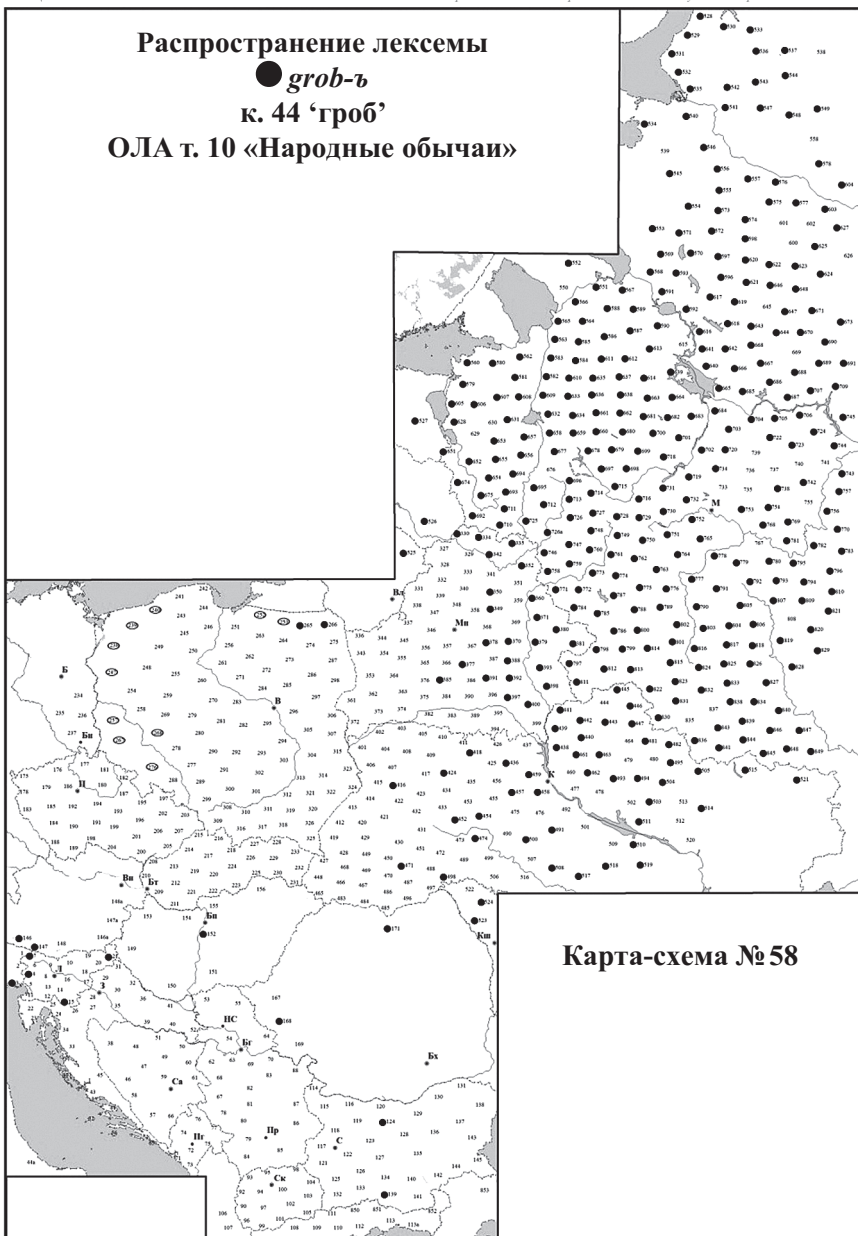
● *tblst-ъ*

к. 26 'содержащий много жира' (о мясе)

ОЛА т. 6 «Домашнее хозяйство
и приготовление пищи»

Распространение лексемы
● *grob-ъ*
к. 44 'гроб'
ОЛА т. 10 «Народные обычаи»

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

Распространение лексемы

● *slov-o*

к. 76 'слово'

ОЛА т. 9 «Человек»

Распространение лексемы

● *gord-ъ*

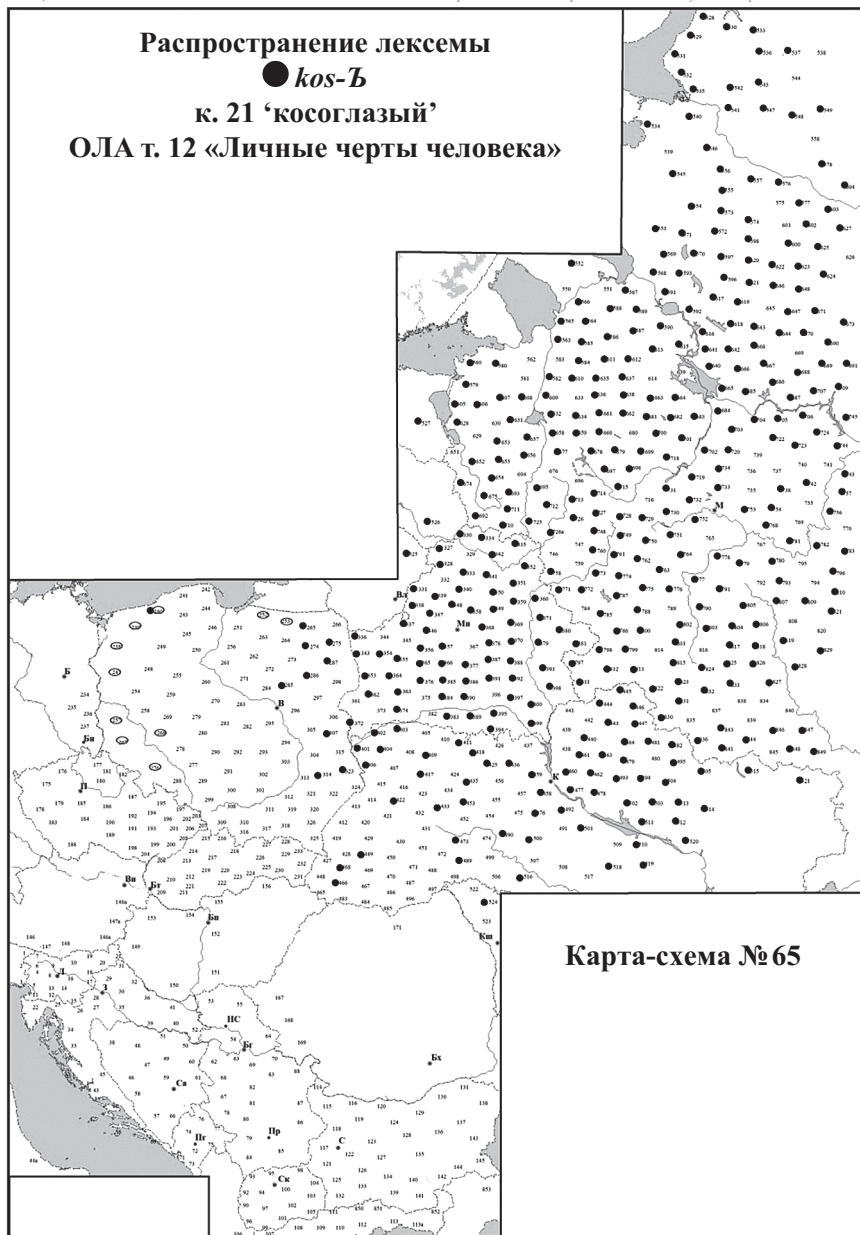
к. 45 'город'

ОЛА т. 8 «Профессии
и общественная жизнь»

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

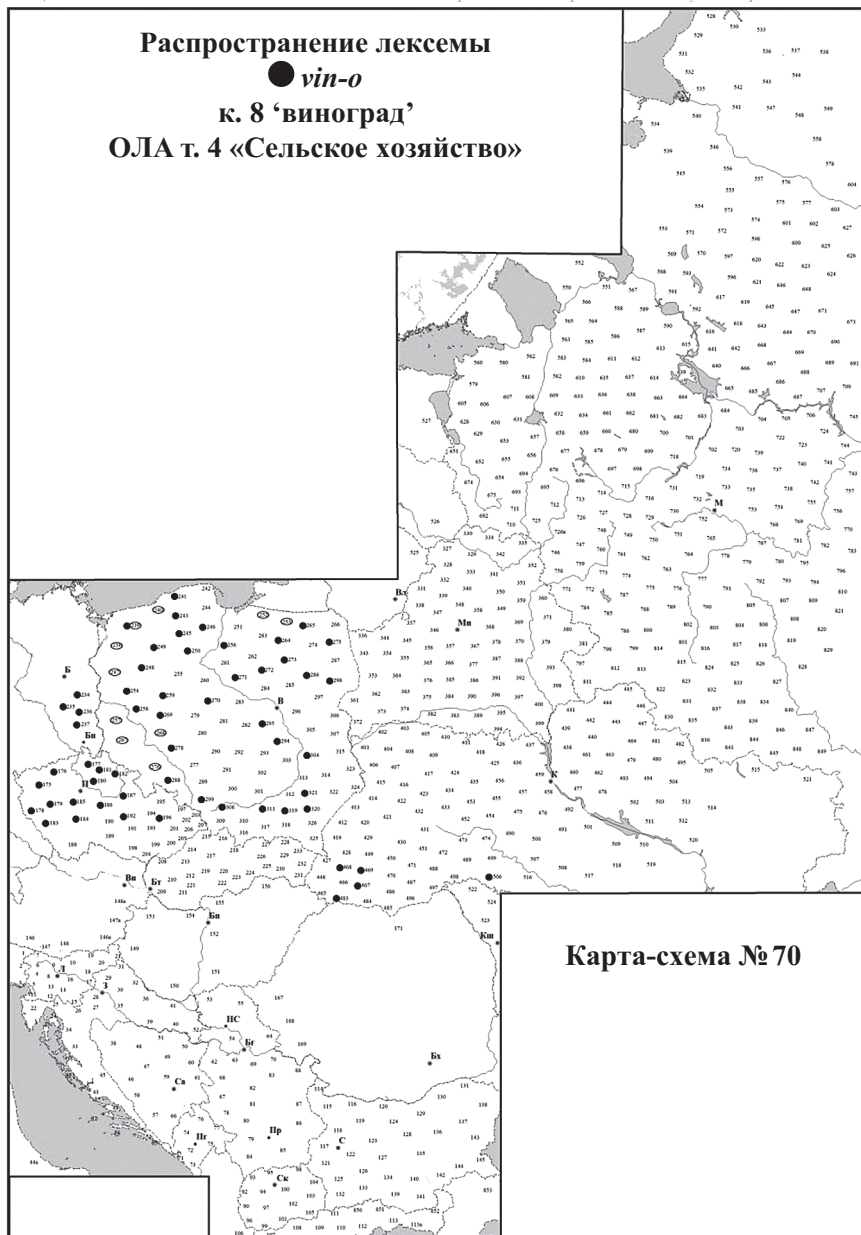
Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

Распространение лексемы
● *pust-ъ*
к. 3 'пустой, ненаполненный'
ОЛА т. 6 «Домашнее хозяйство
и приготовление пищи»

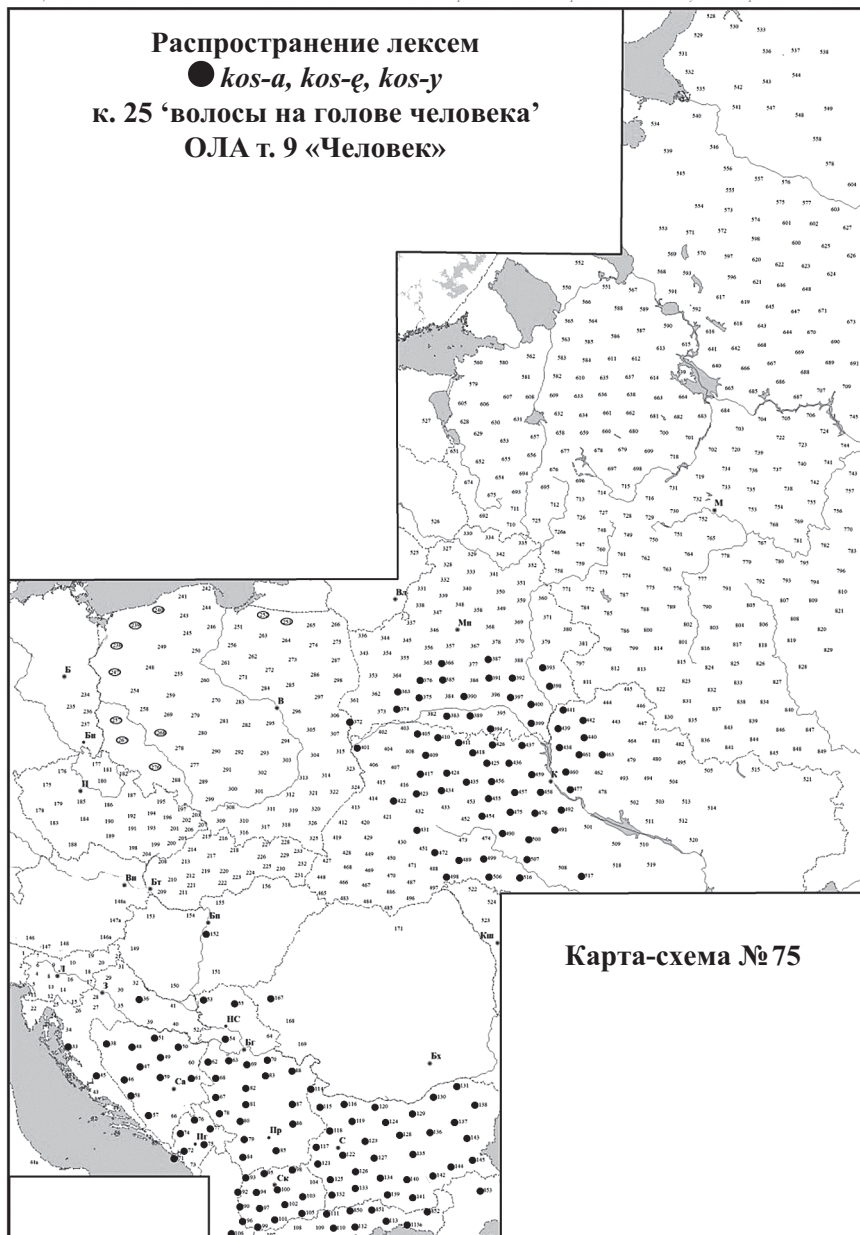

● *žit-o, žit-a, žit-b*

ОЛА т. 4 «Сельское хозяйство»

Распространение лексемы

● *skor-a*

к. 22 'кожа человека'

ОЛА т. 9 «Человек»

Распространение лексемы

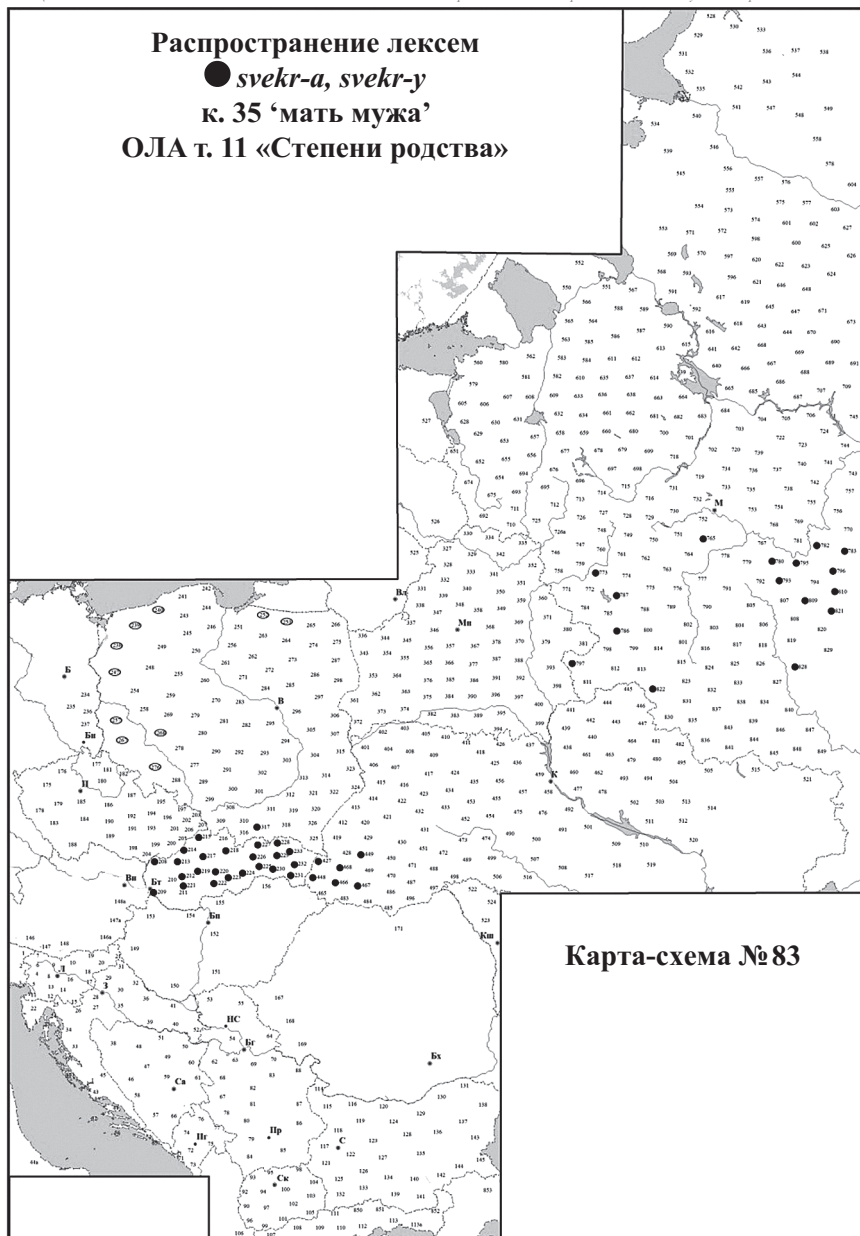
● *nos-ъ*

к. 18 'клюв птицы'

ОЛА т. 1 «Животный мир»

Карта-схема № 82

Распространение лексемы
● svet-o
к. 39 'праздник'
ОЛА т. 10 «Народные обычаи»

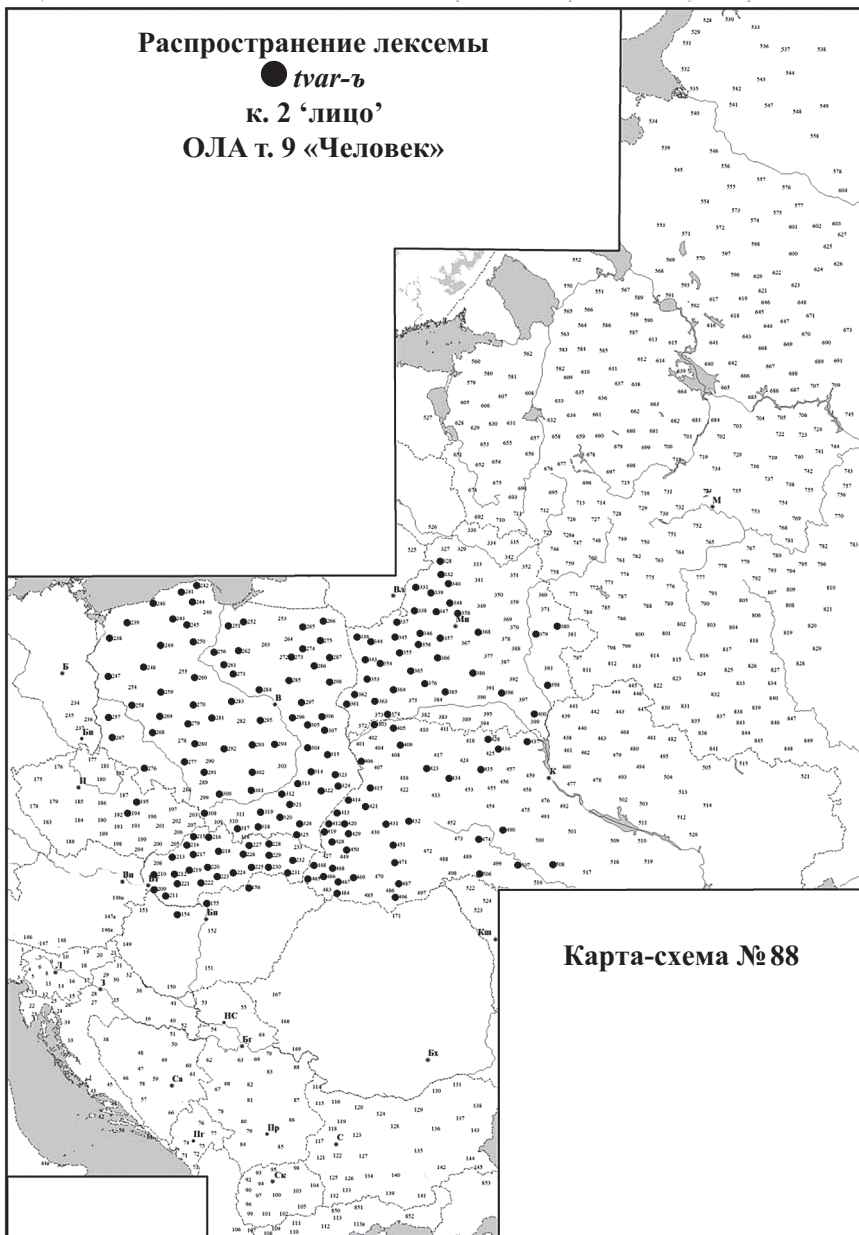

Распространение лексемы

● *tvar-ъ*

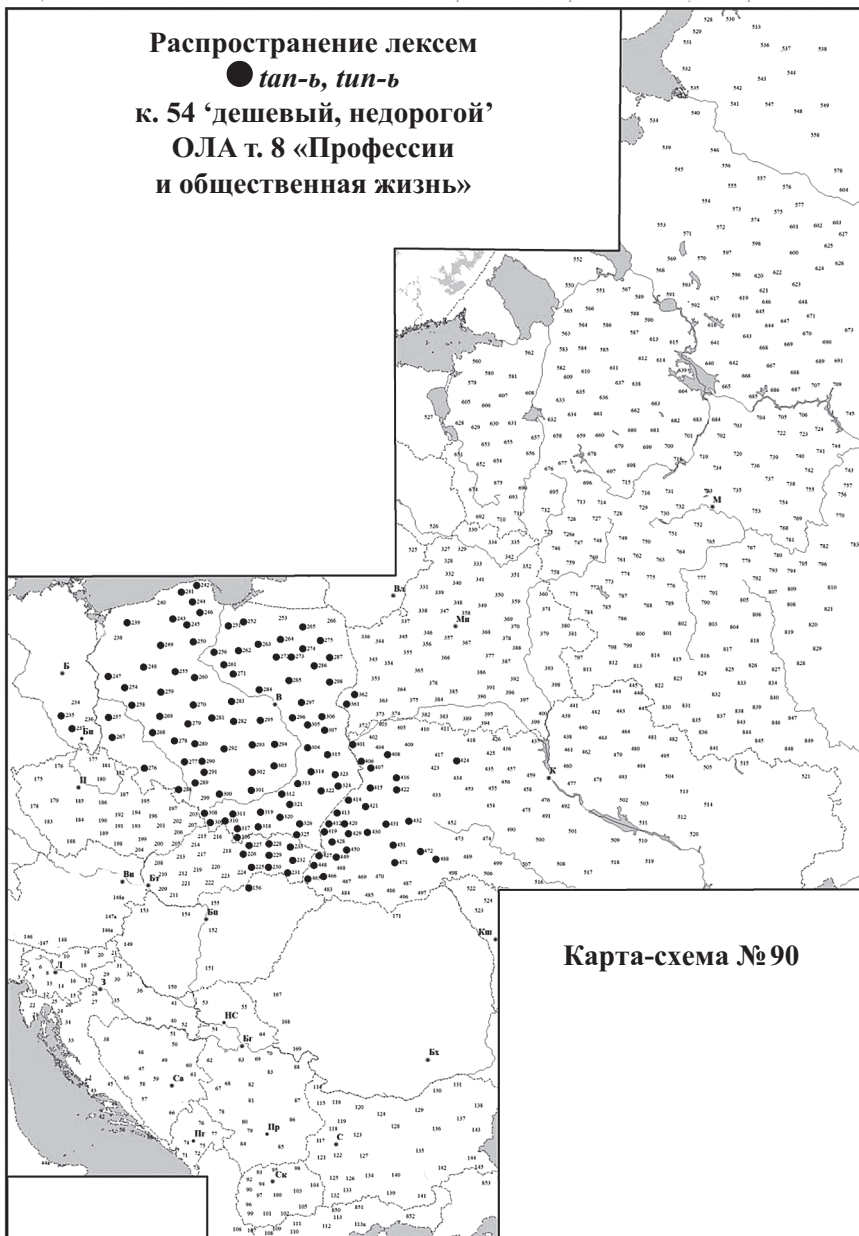
к. 2 'лицо'

ОЛА т. 9 «Человек»

Распространение лексем
● *tan-ъ, tyn-ъ*
к. 54 'дешевый, недорогой'
ОЛА т. 8 «Профессии
и общественная жизнь»

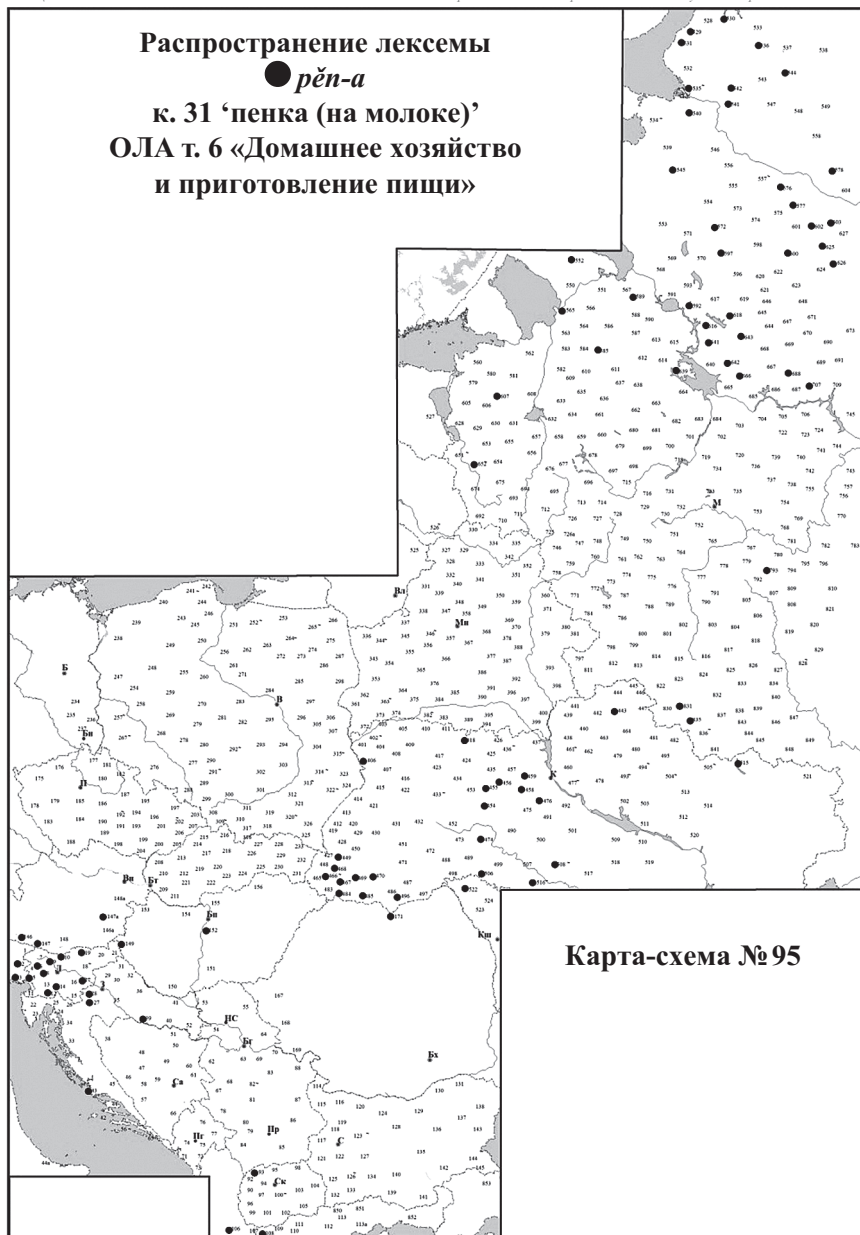

Распространение лексемы
● *stryj-b*
к. 34 'брат отца'
ОЛА т. 11 «Степени родства»

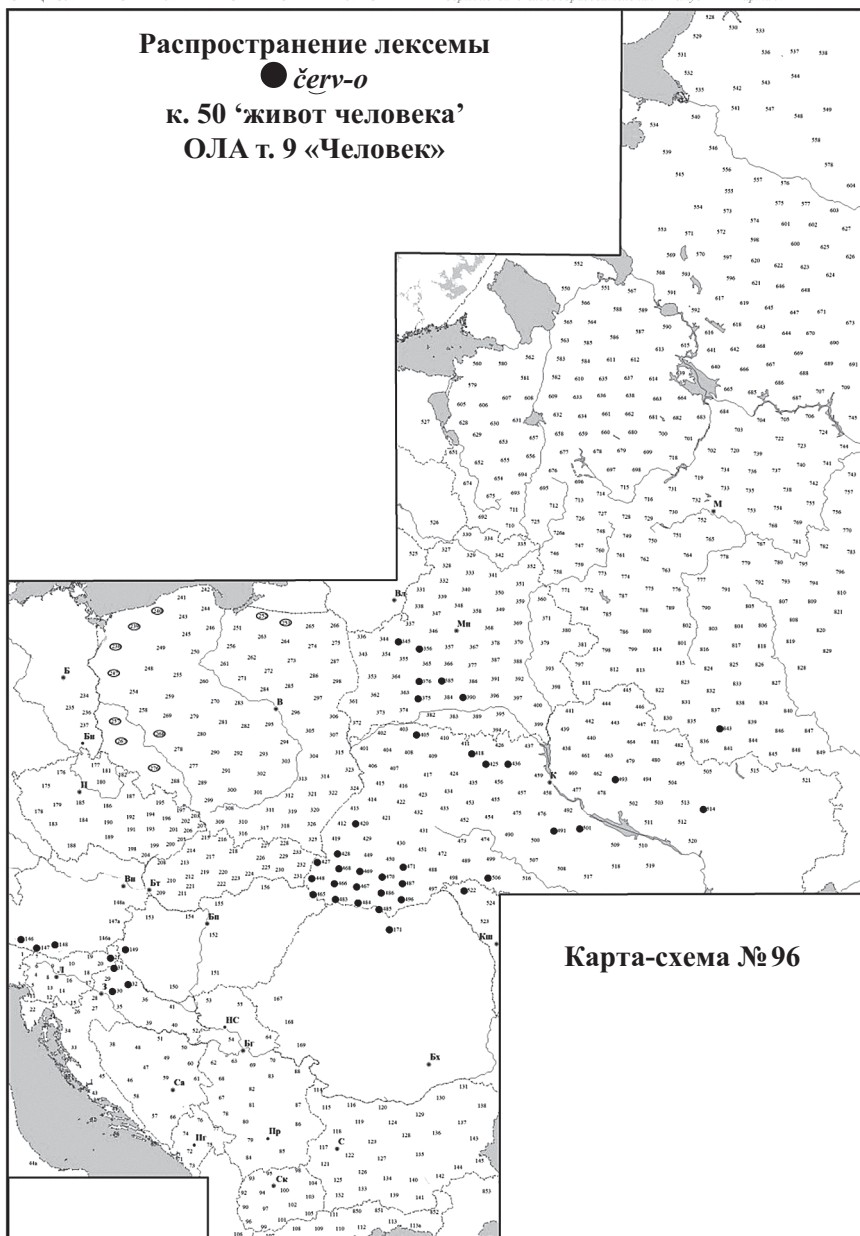

Распространение лексемы

● červ-o

к. 50 'живот человека'

ОЛА т. 9 «Человек»

Распространение лексемы
● *plast-ъ*
к. 34 'валик земли,
откладываемый плугом'
ОЛА т. 4 «Сельское хозяйство»

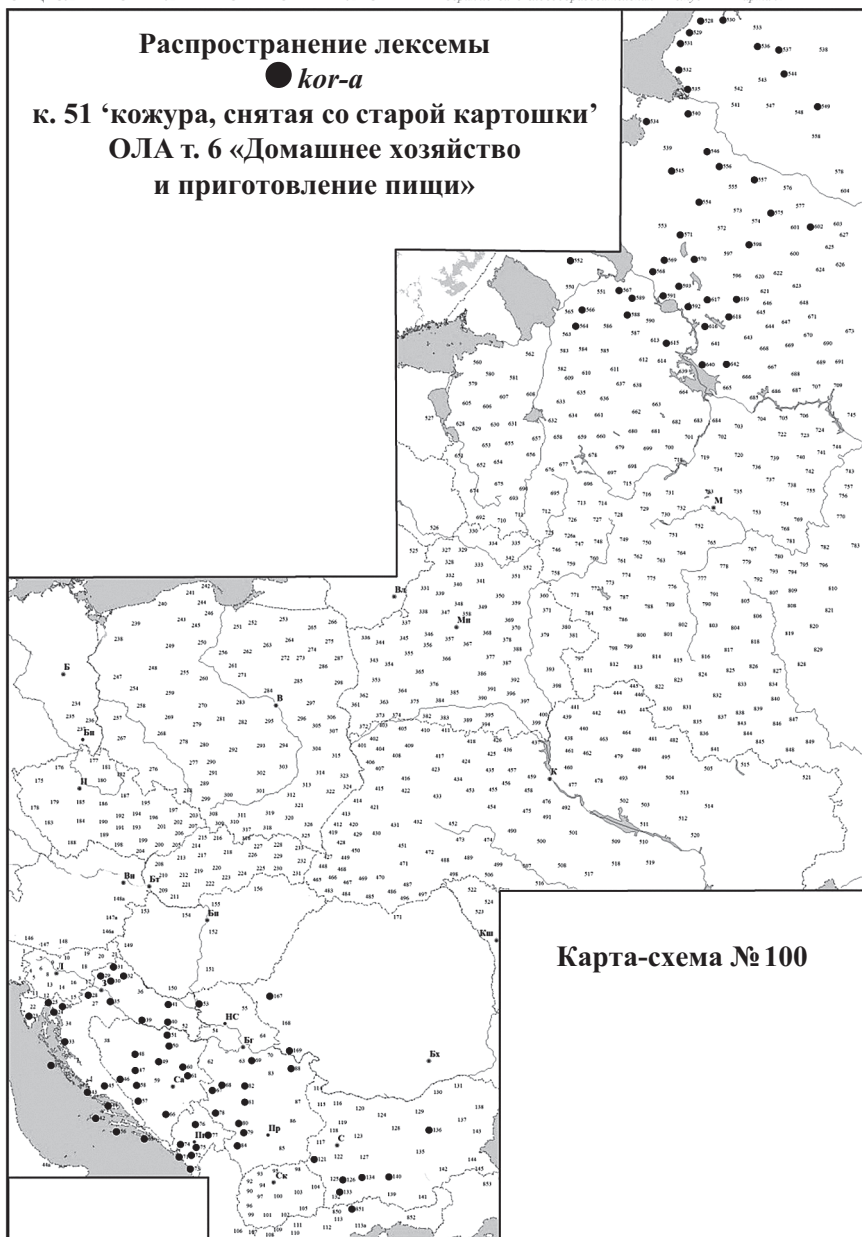

● *kor-a*

ОЛА т. 6 «Домашнее хозяйство»

и приготовление пищи»

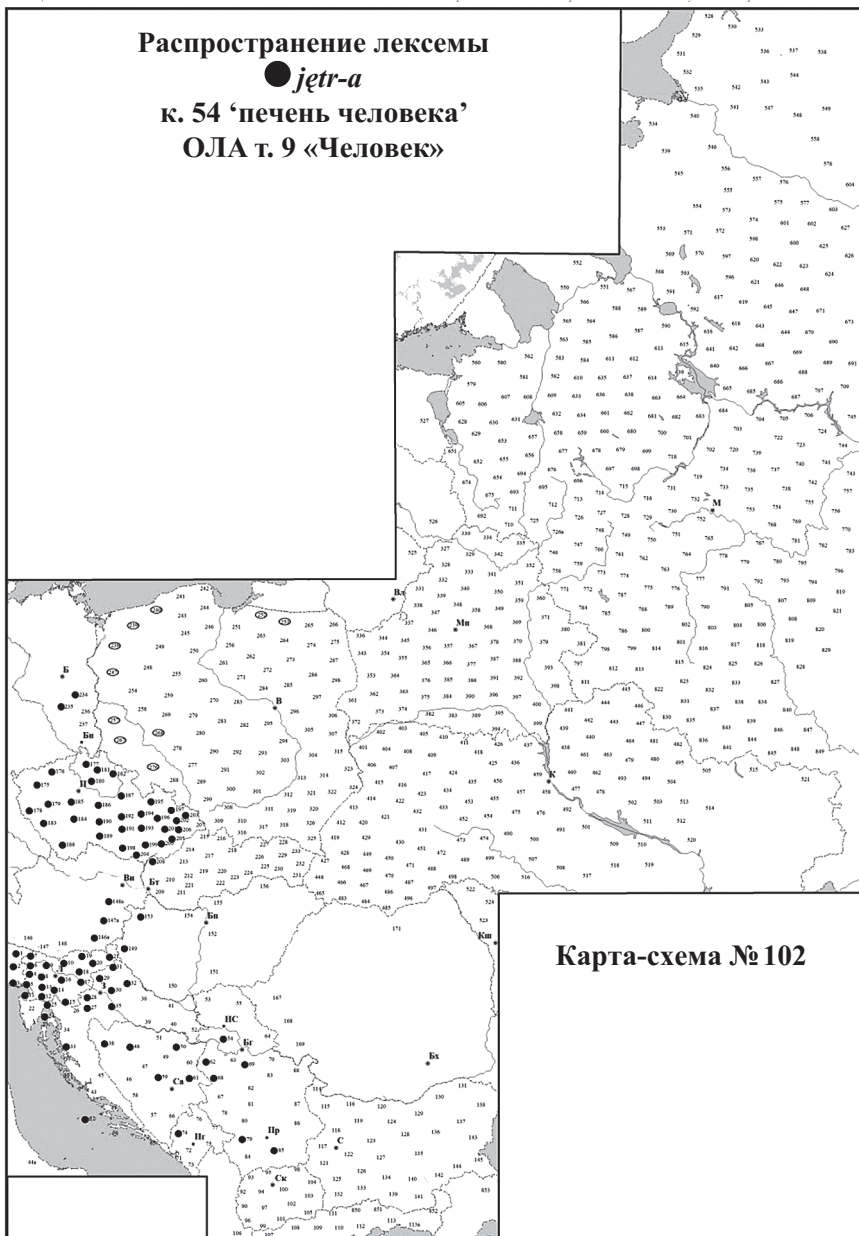

Распространение лексемы

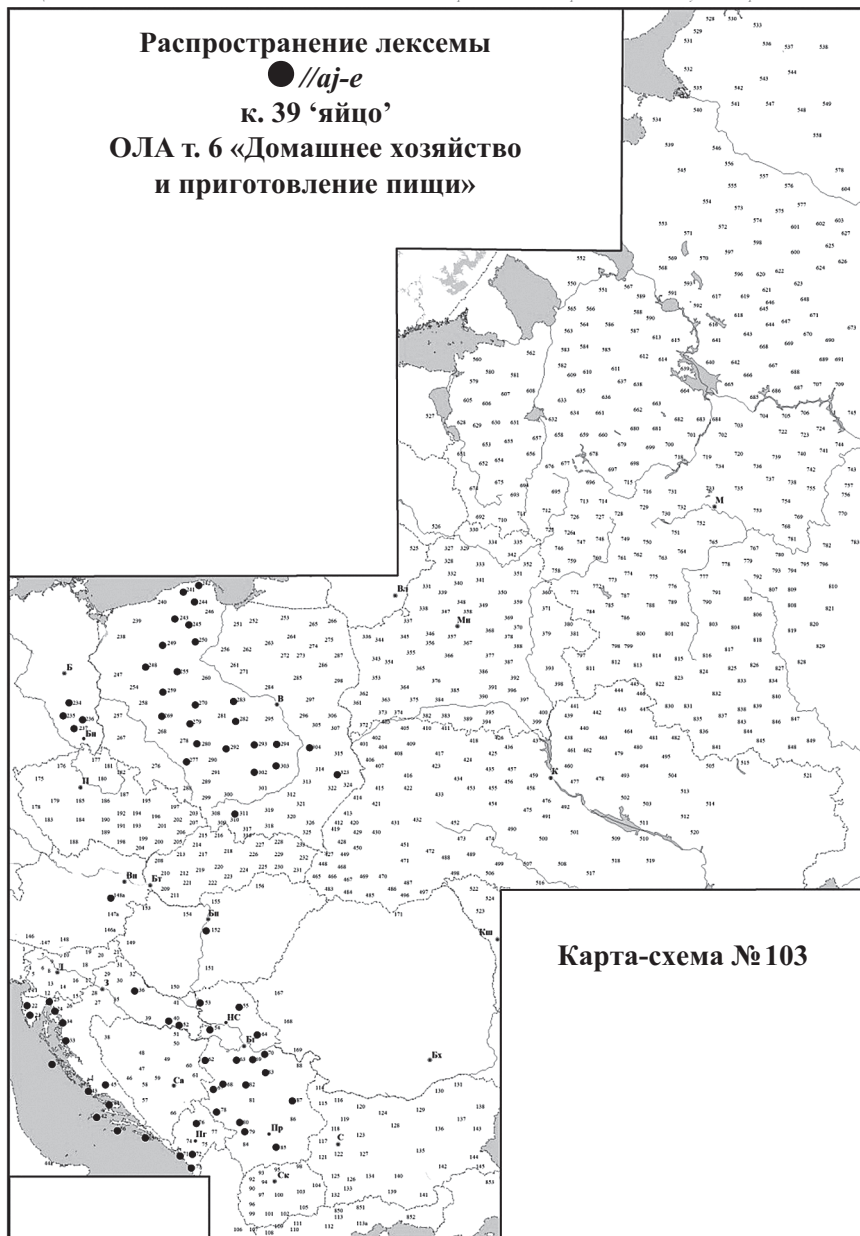
● *jetr-a*

к. 54 'печень человека'

ОЛА т. 9 «Человек»

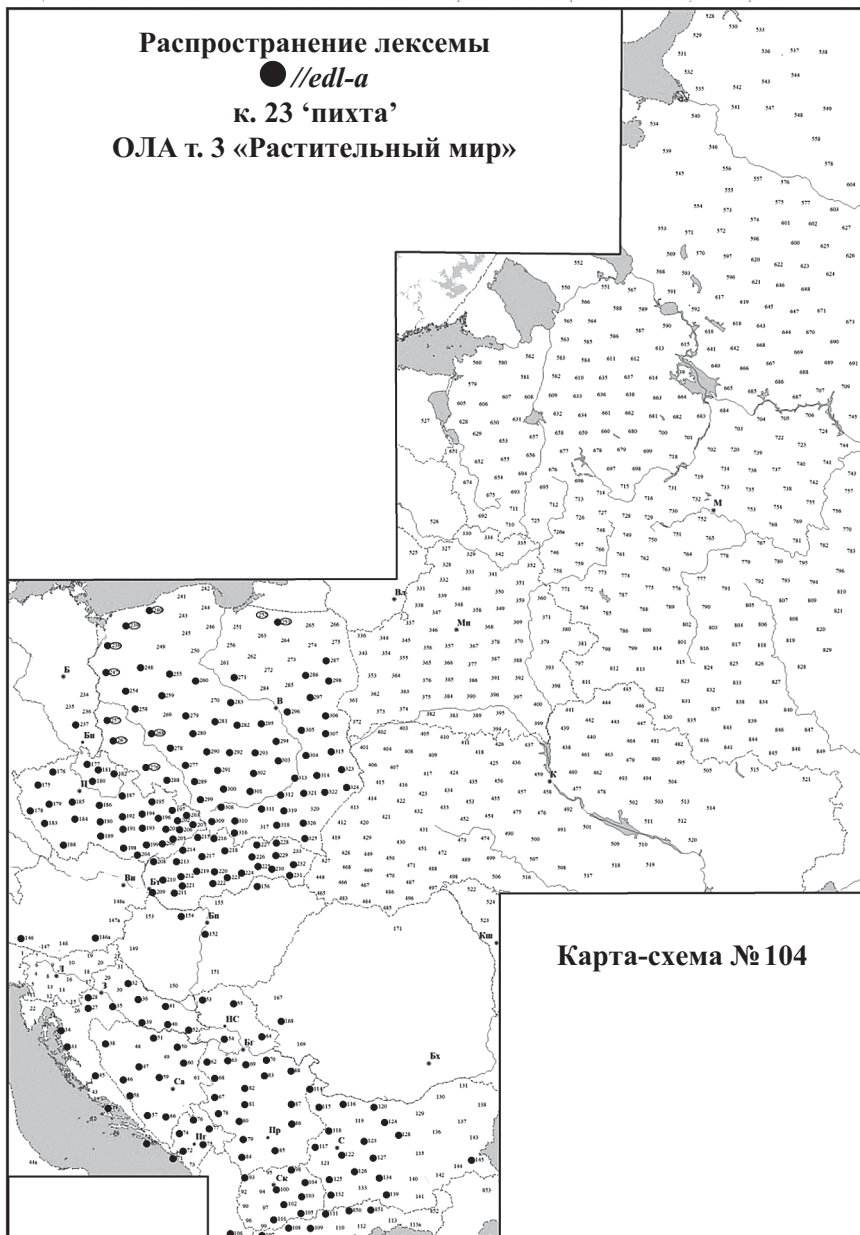

Карта-схема № 102

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

Распространение лексем

- *stav- ϵ , stav- y*

к. 40 'суставы'

ОЛА т. 9 «Человек»

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

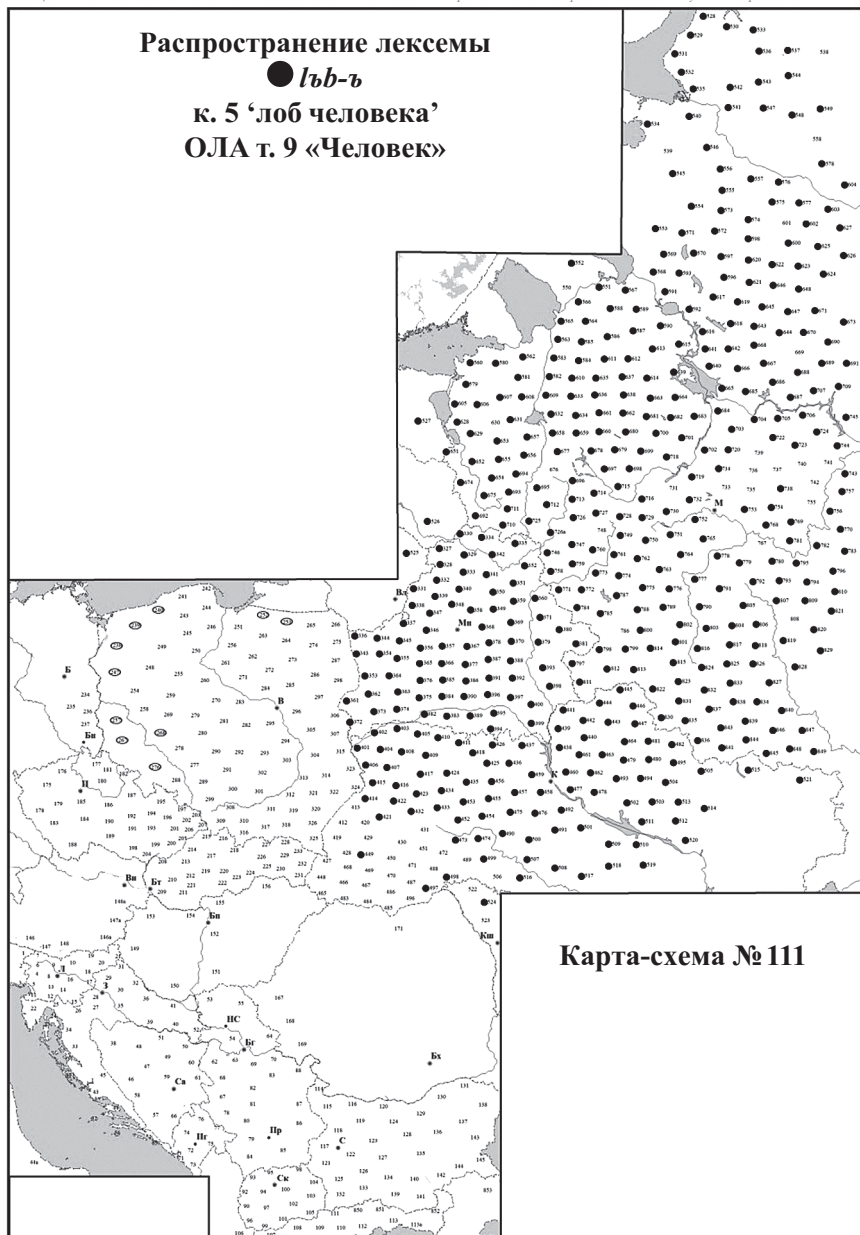
Распространение лексемы

● **гьѣъ**

к. 16 'рот'

ОЛА т. 9 «Человек»

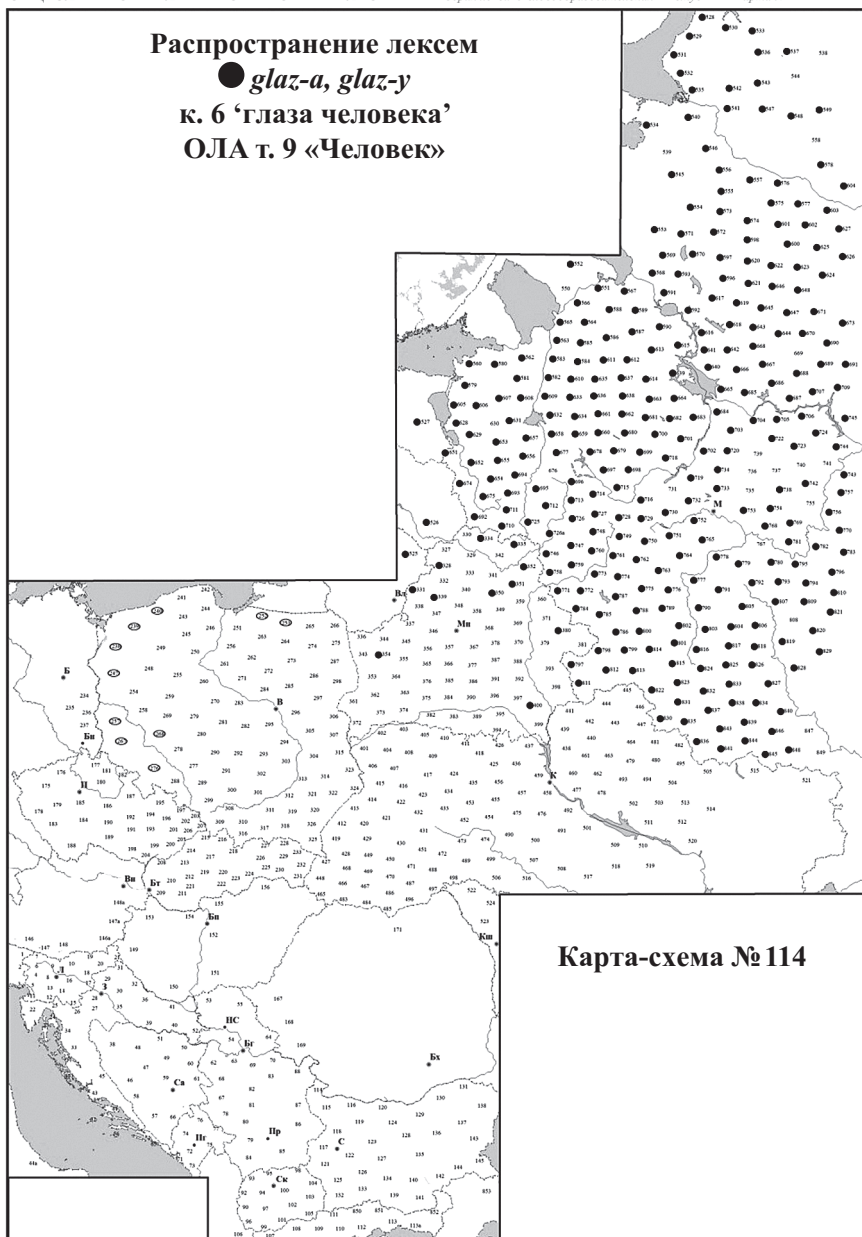

Распространение лексем

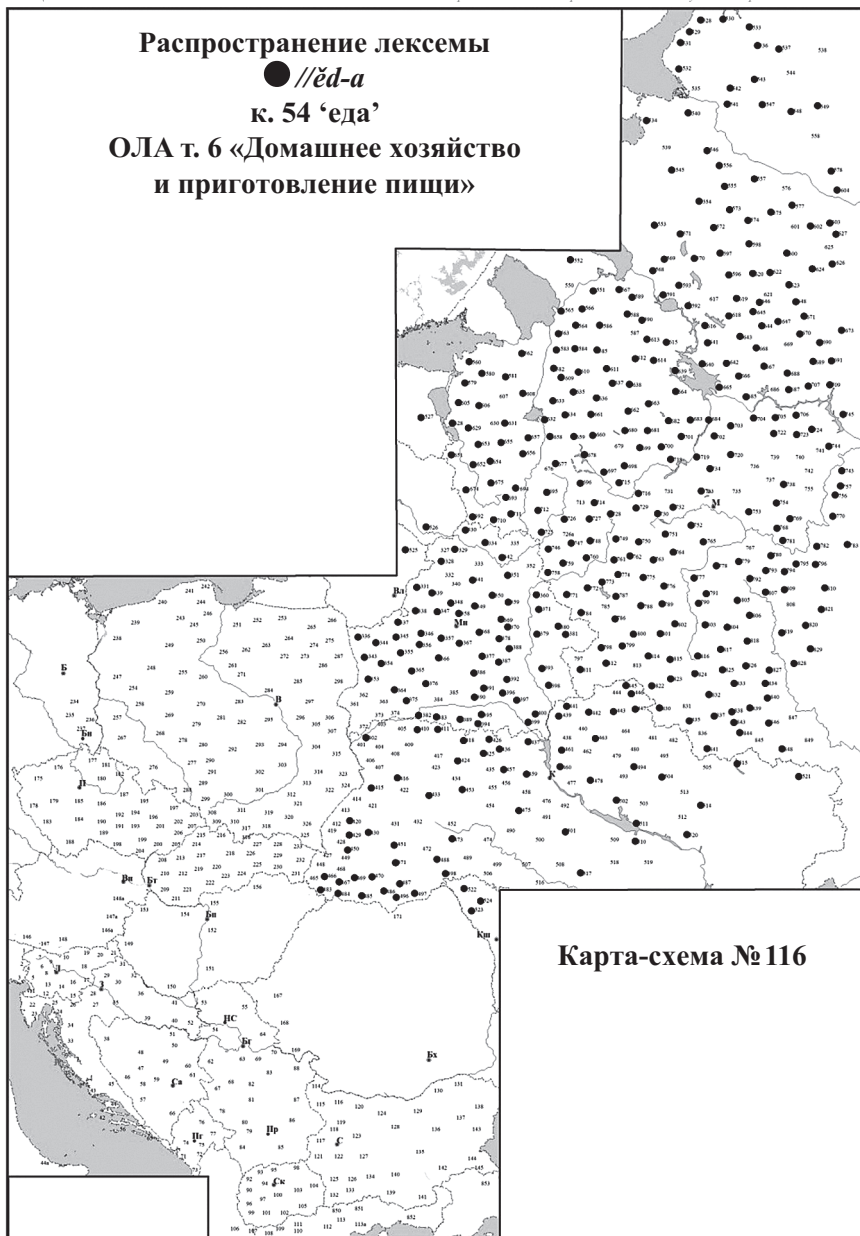
● *glaz-a, glaz-y*

к. 6 'глаза человека'

ОЛА т. 9 «Человек»

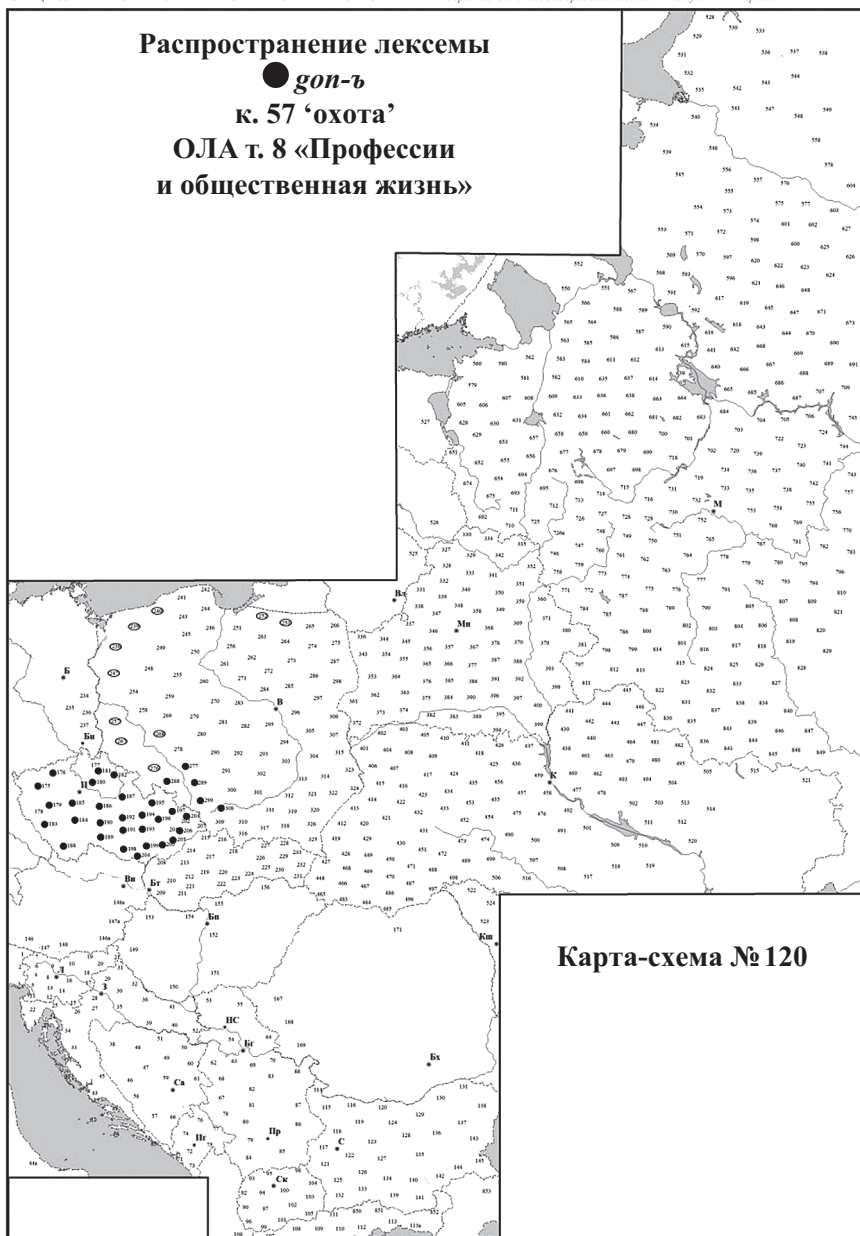

Распространение лексемы

● *gon-ъ*

к. 57 'охота'

ОЛА т. 8 «Профессии
и общественная жизнь»

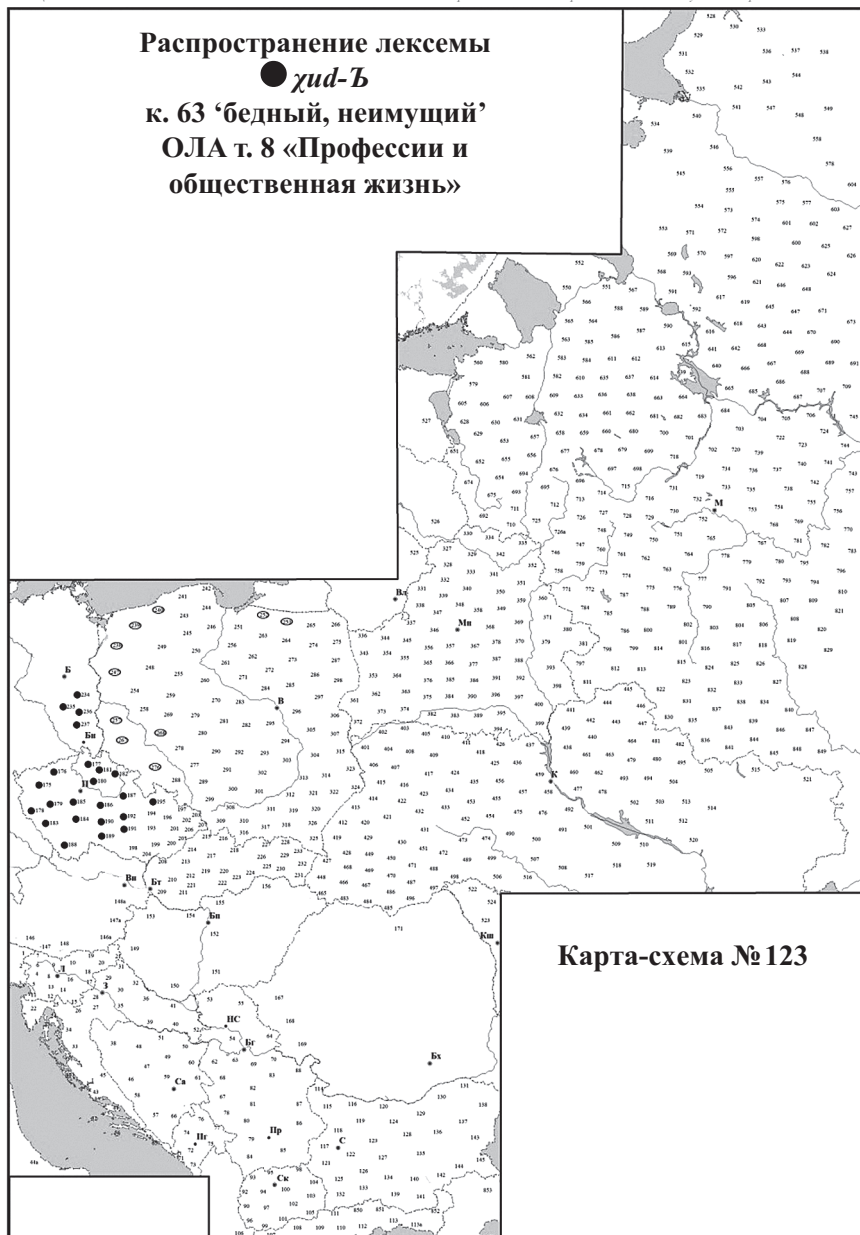
Распространение лексемы

● *gob-a*

к. 2а 'лицо'

ОЛА т. 9 «Человек»

Распространение лексемы

● *skop-ъ*

к. 53 'дорогой, недешевый'

ОЛА т. 8 «Профессии
и общественная жизнь»

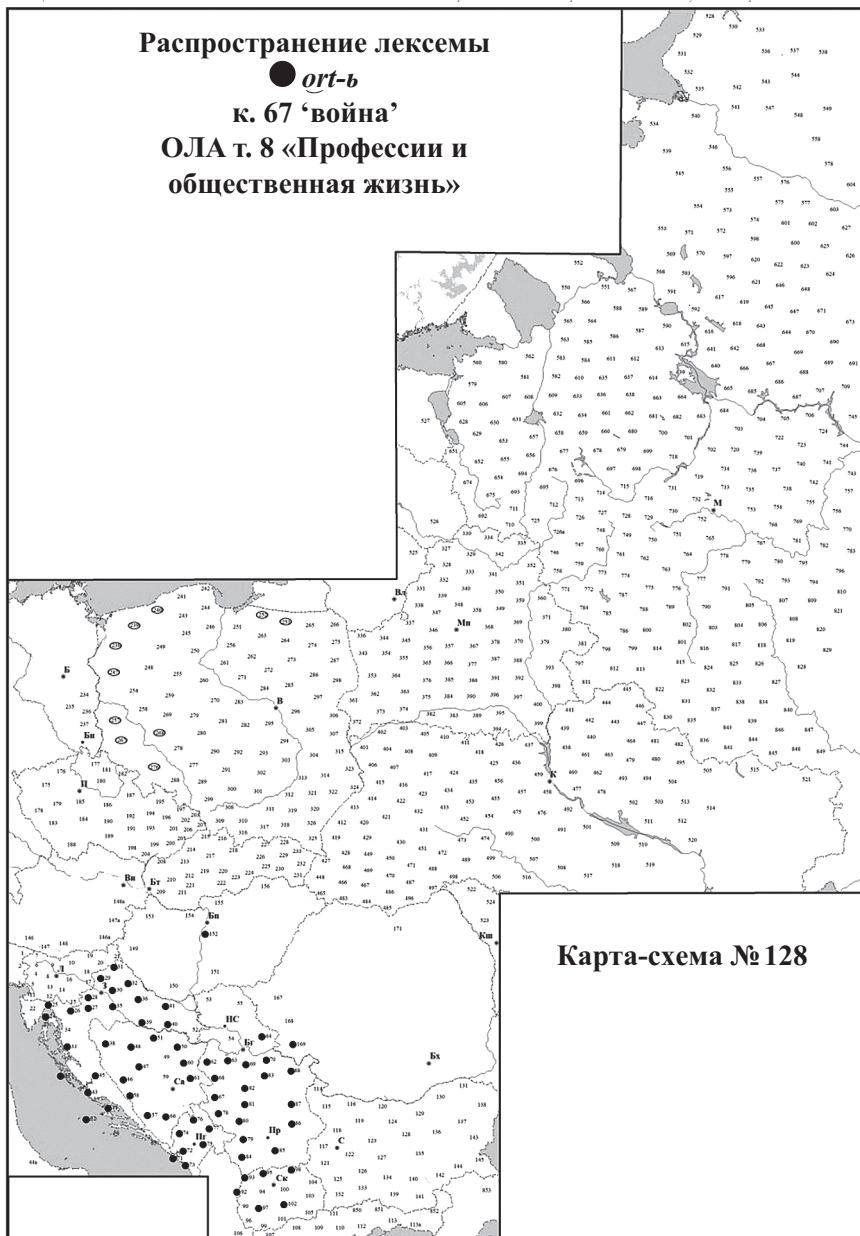

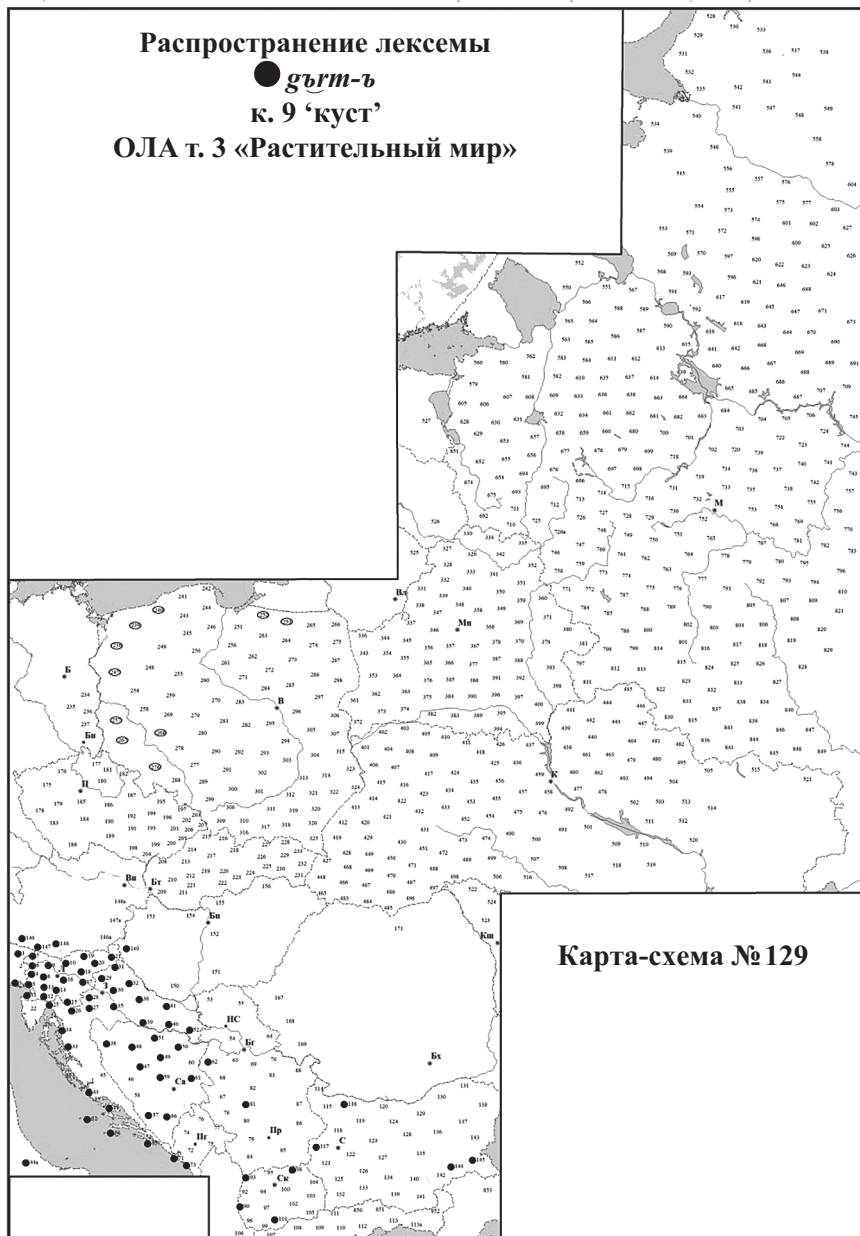
Распространение лексемы

● *ort-b*

к. 67 'война'

ОЛА т. 8 «Профессии и общественная жизнь»

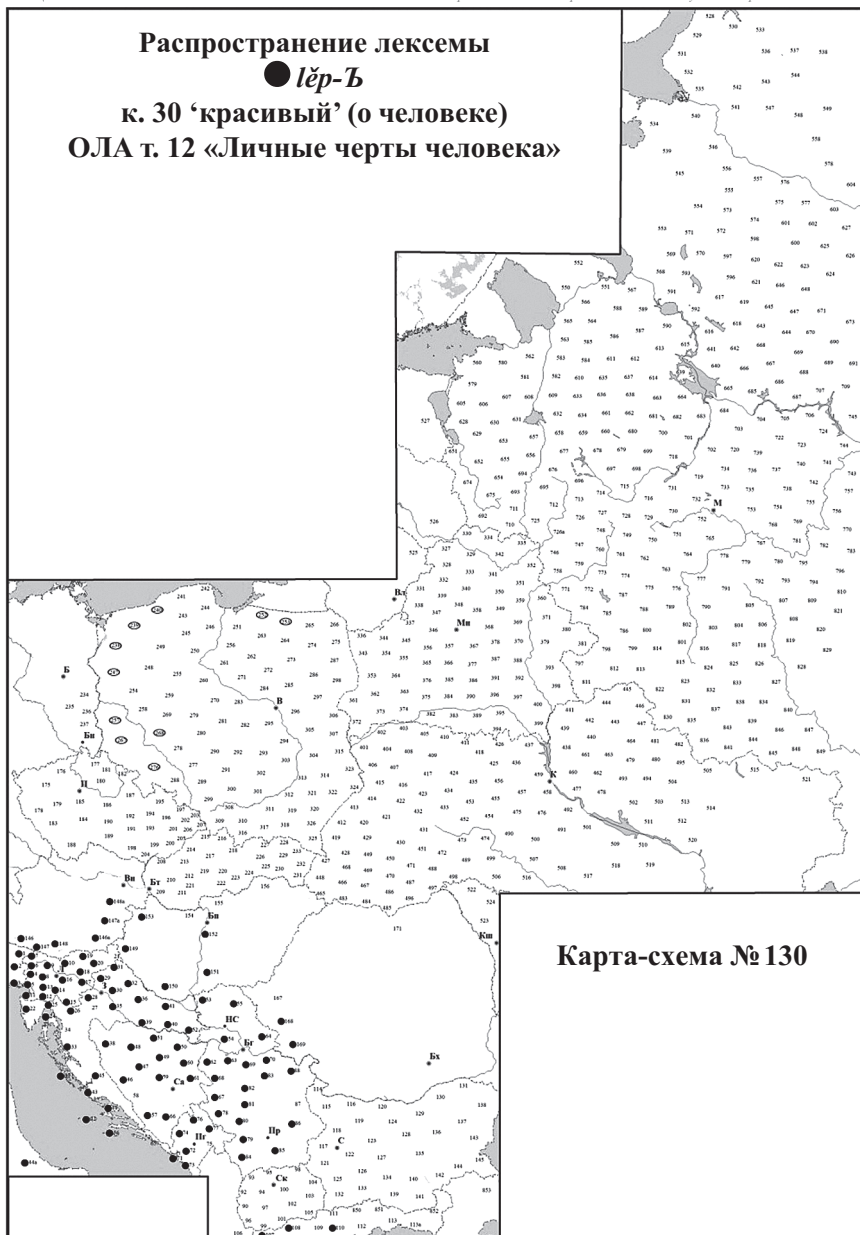

Распространение лексемы

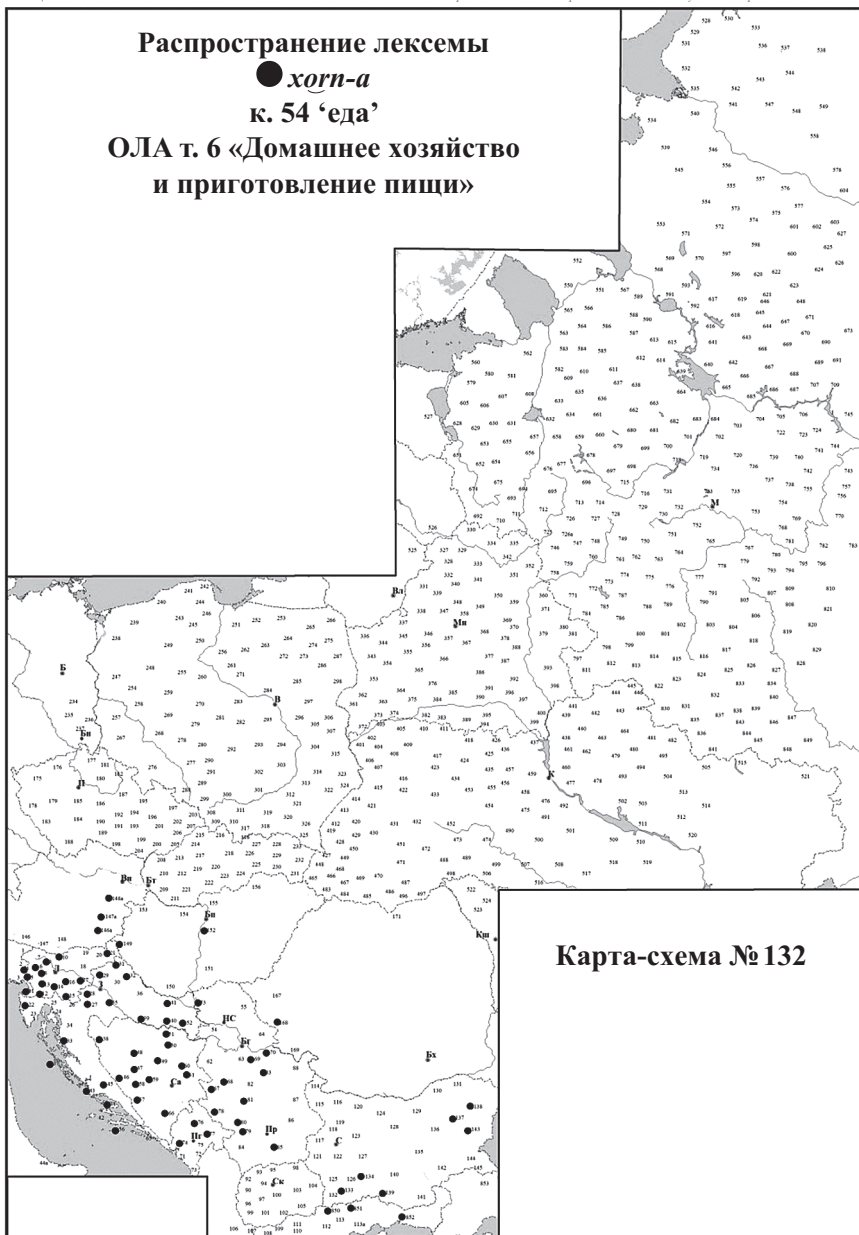
● *lěp-ъ*

к. 30 'красивый' (о человеке)

ОЛА т. 12 «Личные черты человека»

Распространение лексемы

● *тѣх-ъ*

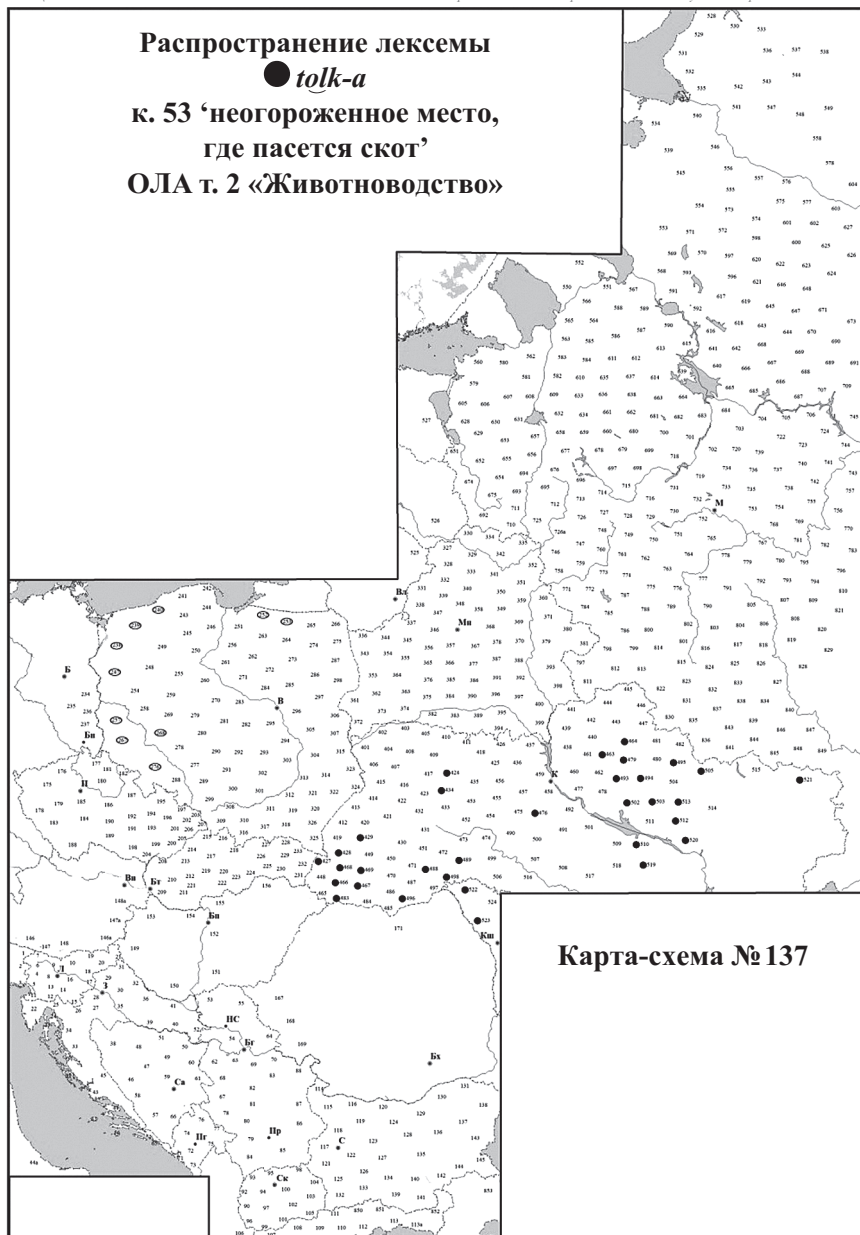
к. 50а 'живот человека'

ОЛА т. 9 «Человек»

Распространение лексики

● žag-a

к. 9 'желание, потребность пить'

ОЛА т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»

Распространение лексики

● *tryk-v*

к. 5 ‘кастрированный самец овцы’

ОЛА т. 2 «ЖИВОТНОВОДСТВО»

Распространение лексемы

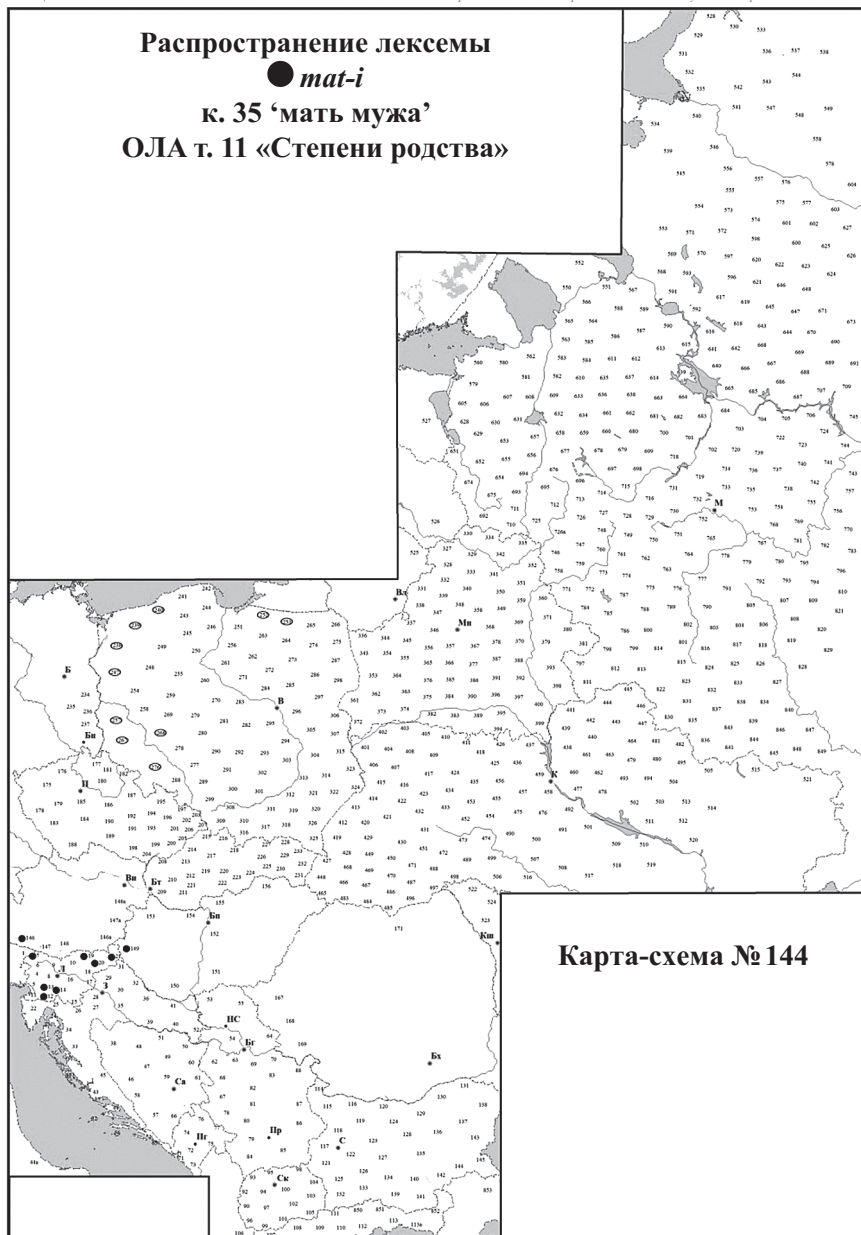
● *orb-a*

к. 2 ‘женщина’

ОЛА т. 11 «Степени родства»

Распространение лексемы

● *кук-а*

к. 26 'коса'

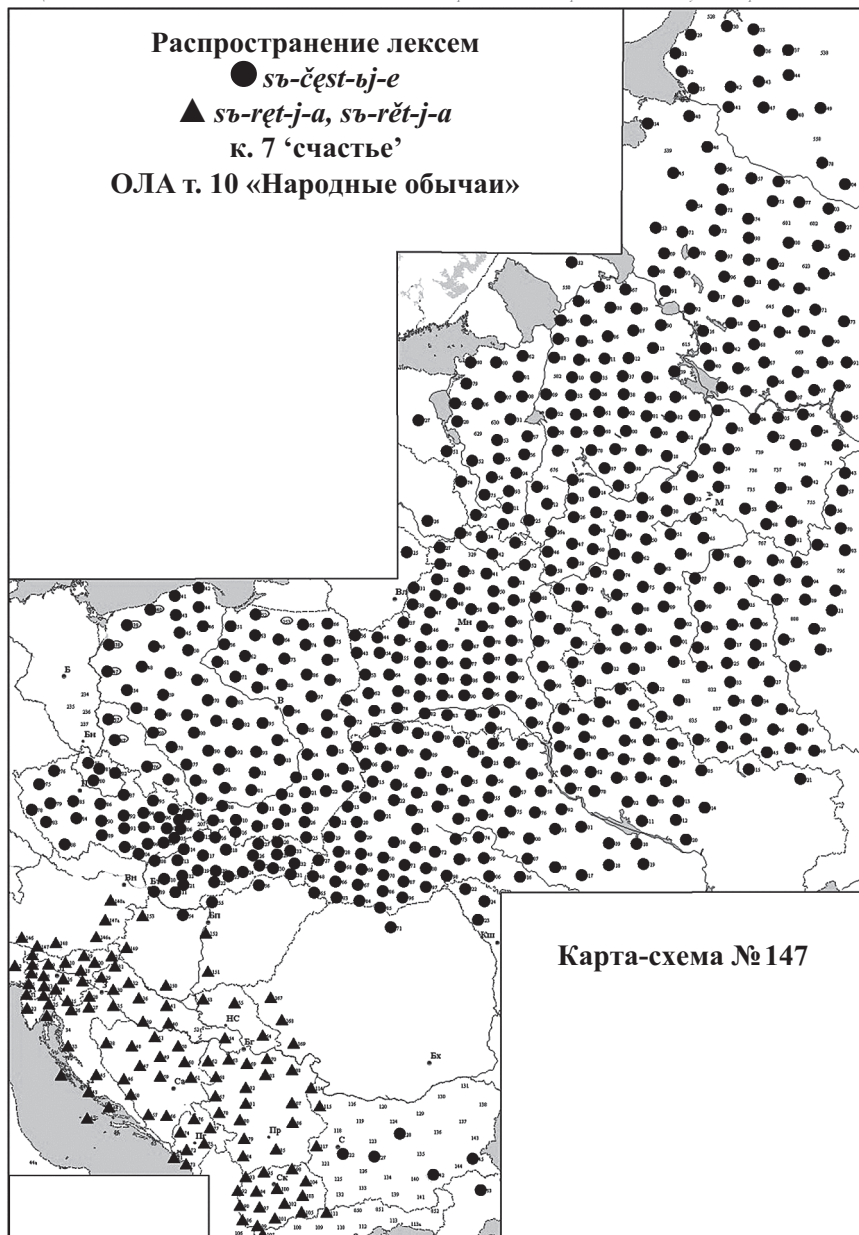
ОЛА т. 9 «Человек»

Карта-схема № 146

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

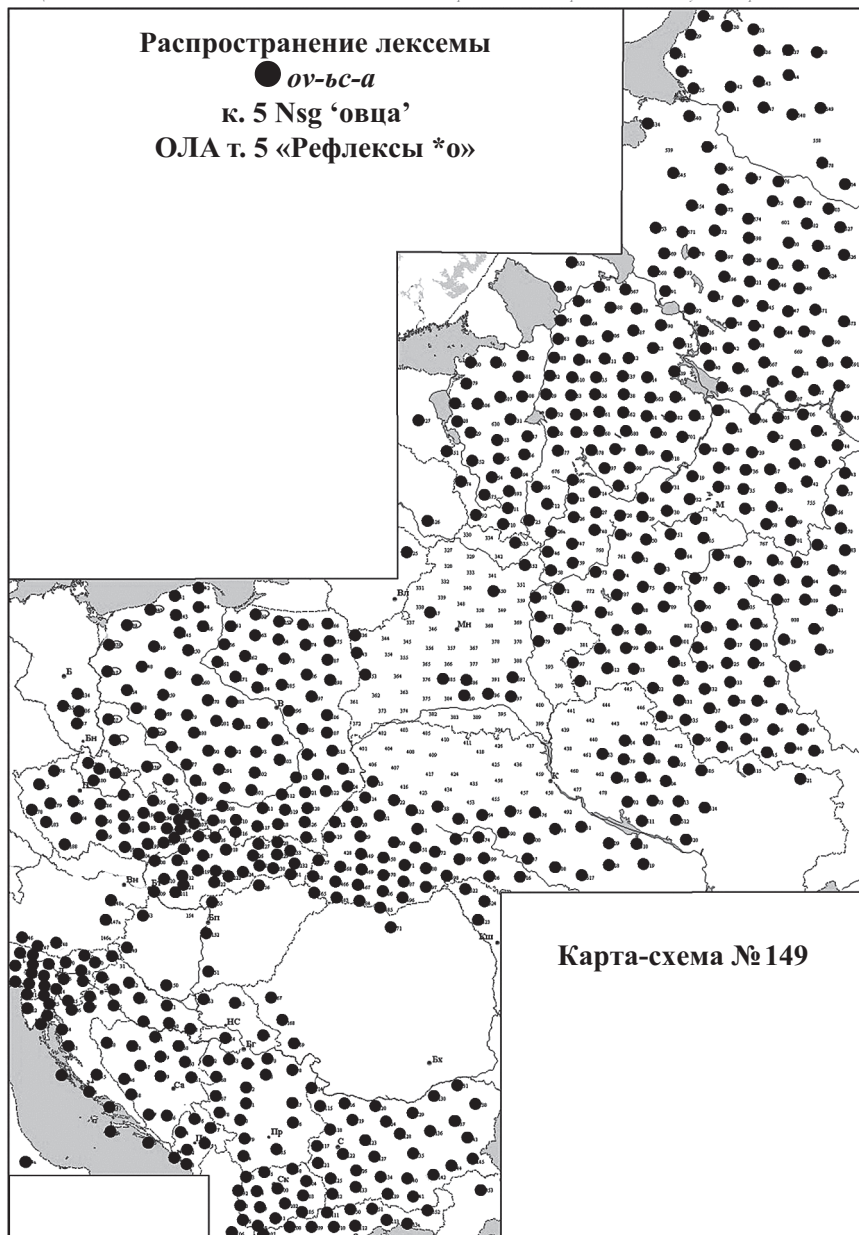

ЭКСКЛЮЗИВЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВИИ

- точки максимальной концентрации
эксклюзивов (свыше 30 примеров)
- ◎ точки высокой концентрации
эксклюзивов (от 20 до 30 примеров)
- точки средней
концентрации
эксклюзивов
(от 10 до 20 примеров)
- эксклюзивы
(менее 10 примеров)

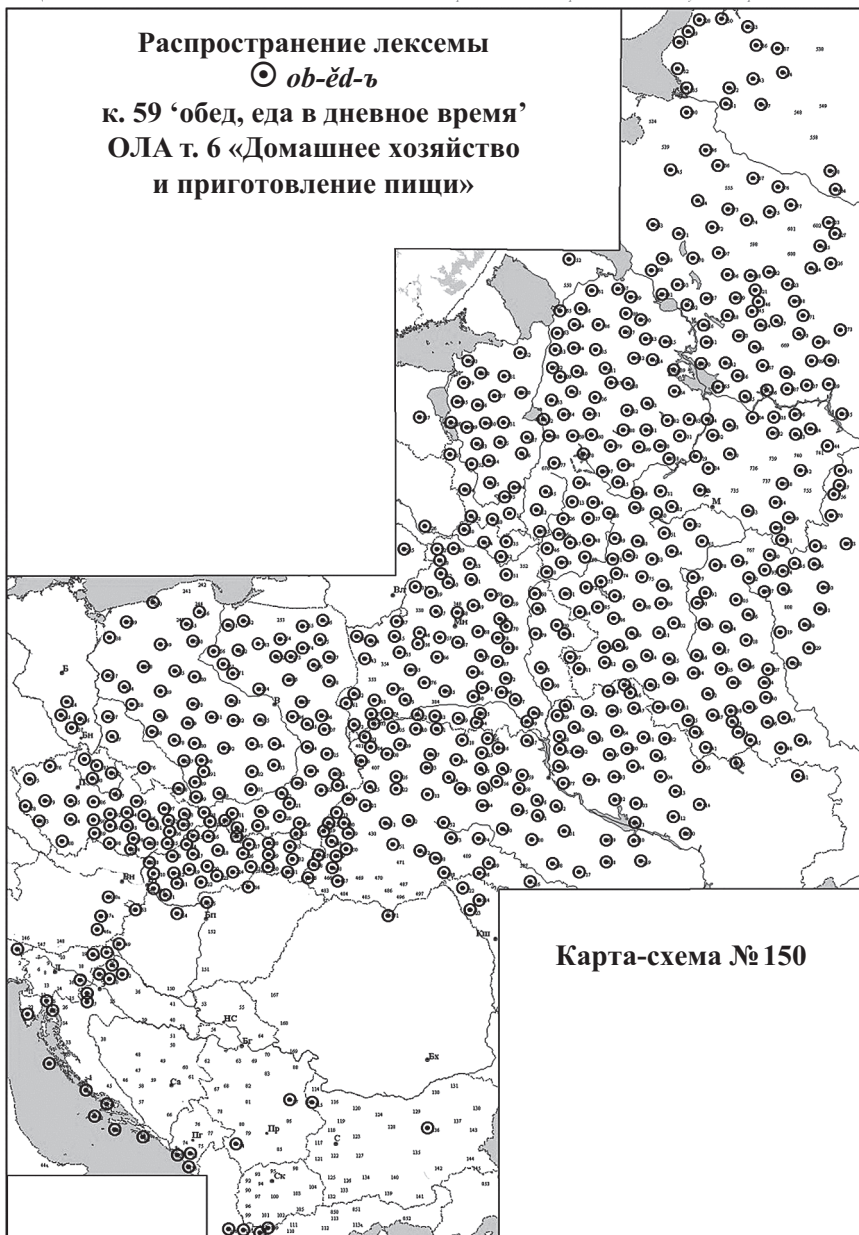

Карта-схема № 148

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

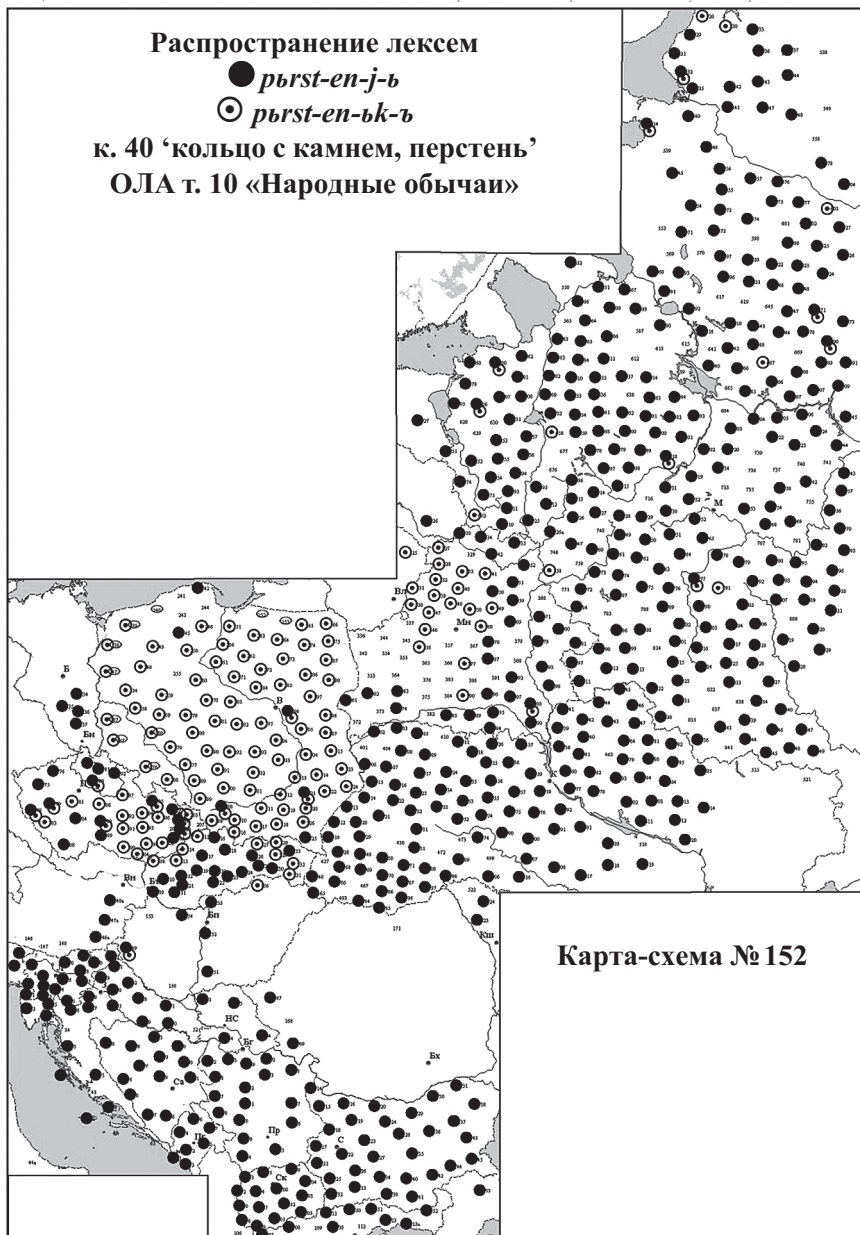
Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

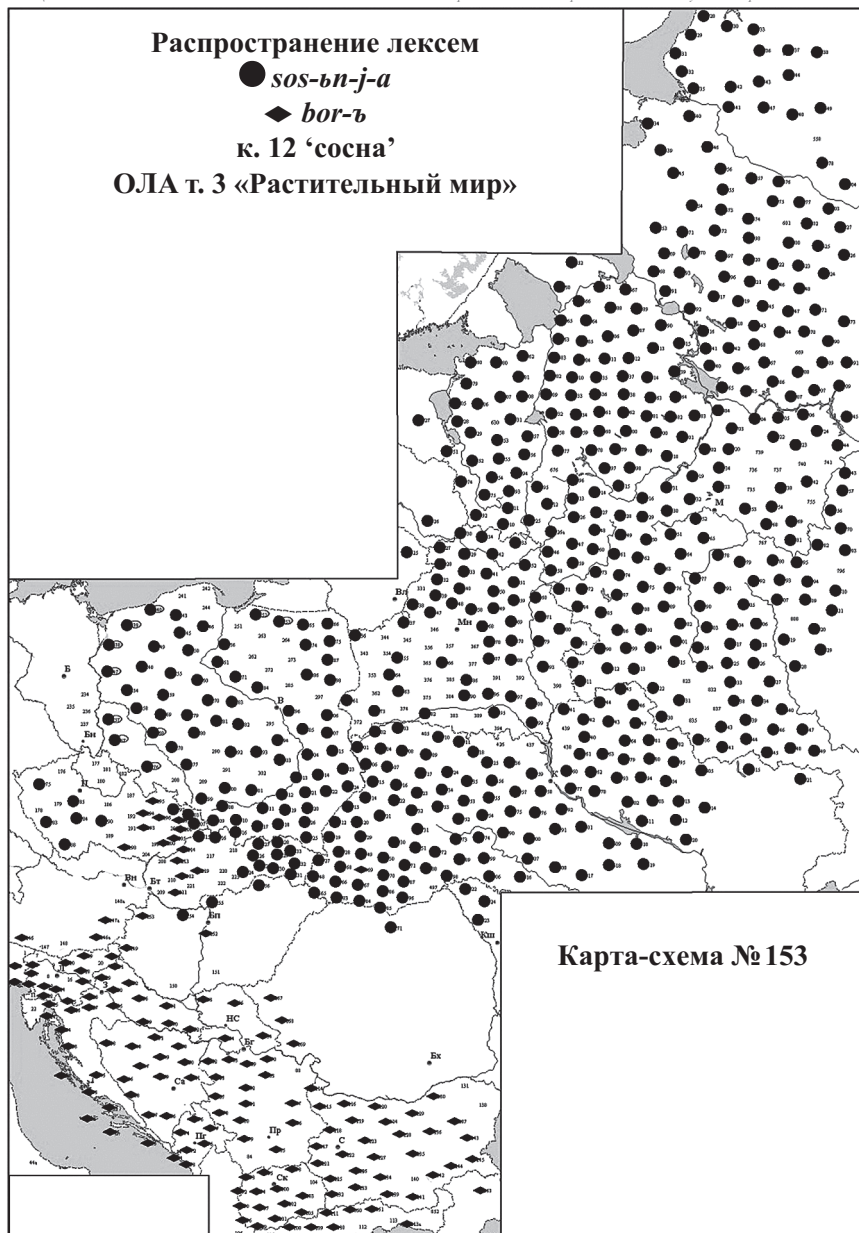
ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

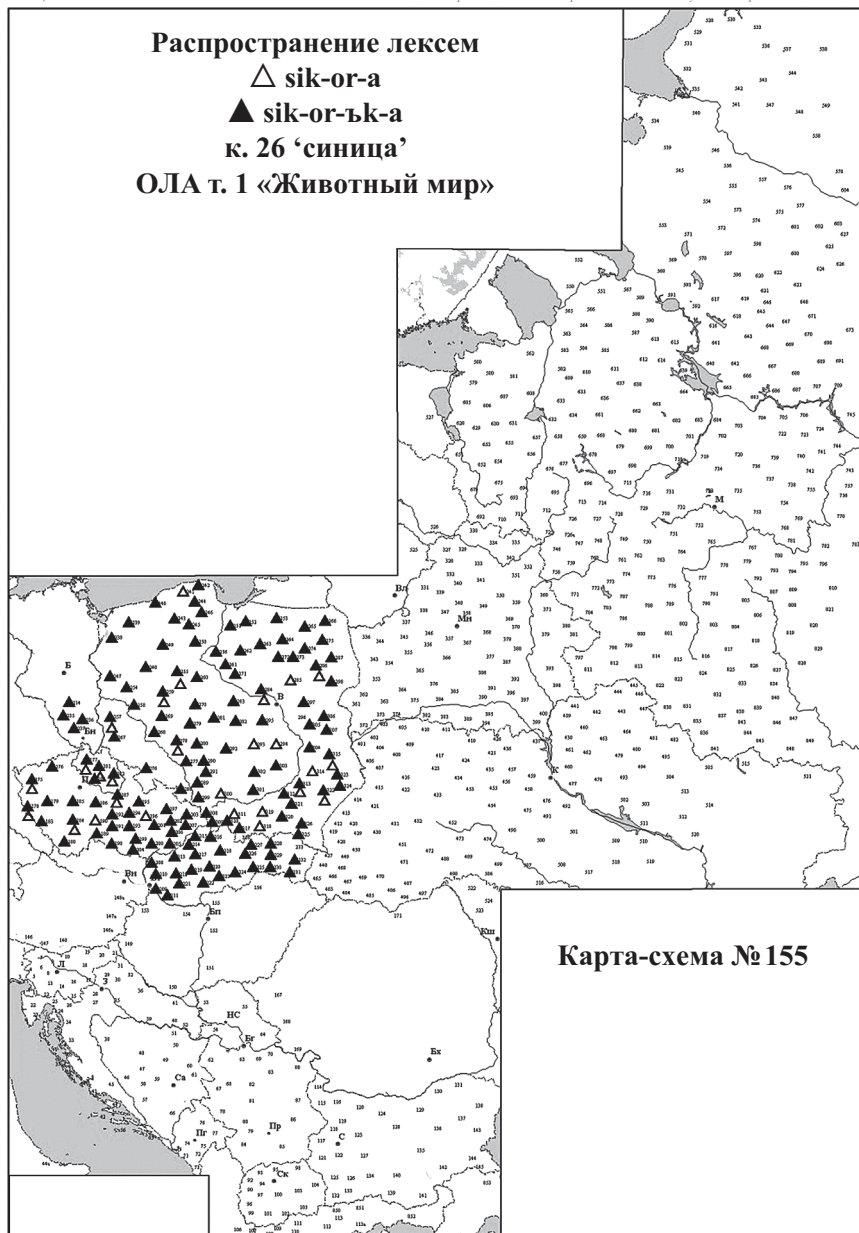
Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

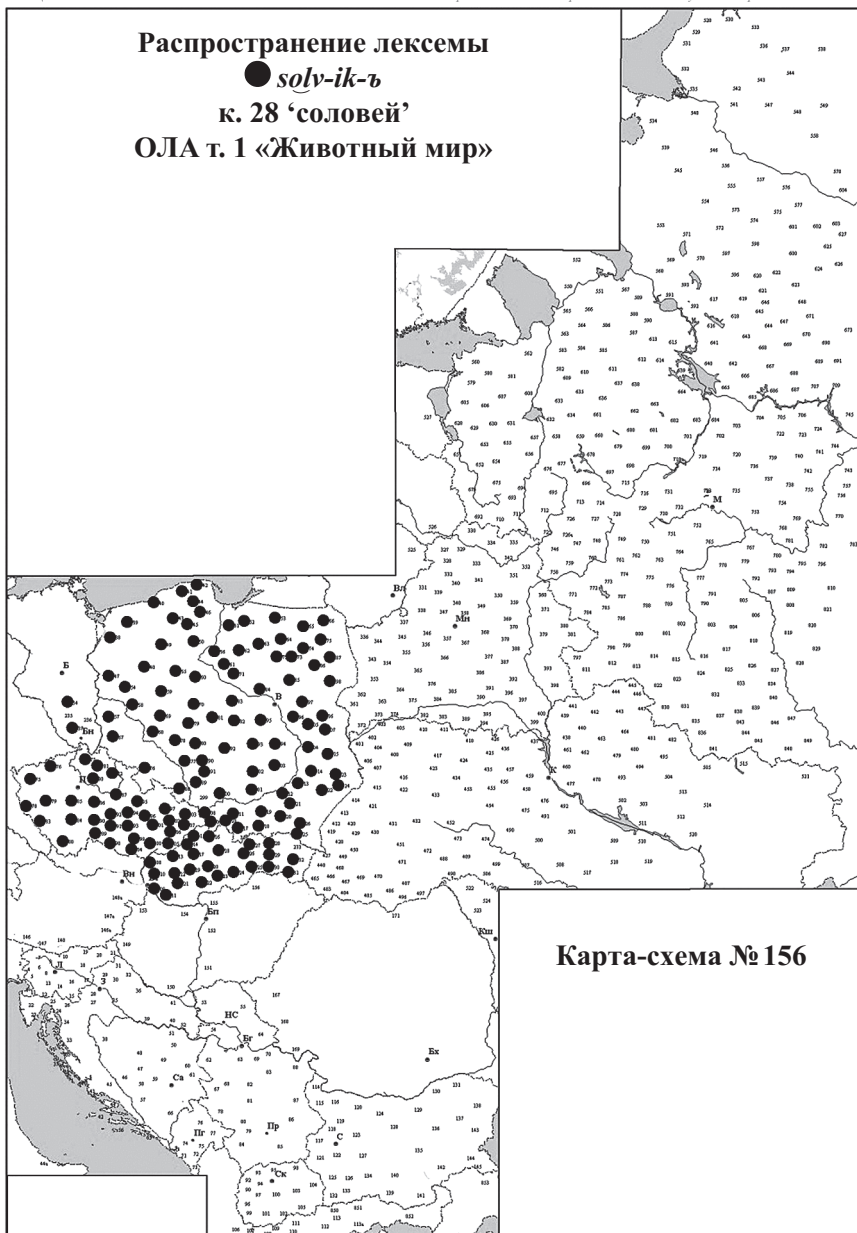

Распространение лексемы

● *solv-ik-ъ*

к. 28 'соловей'

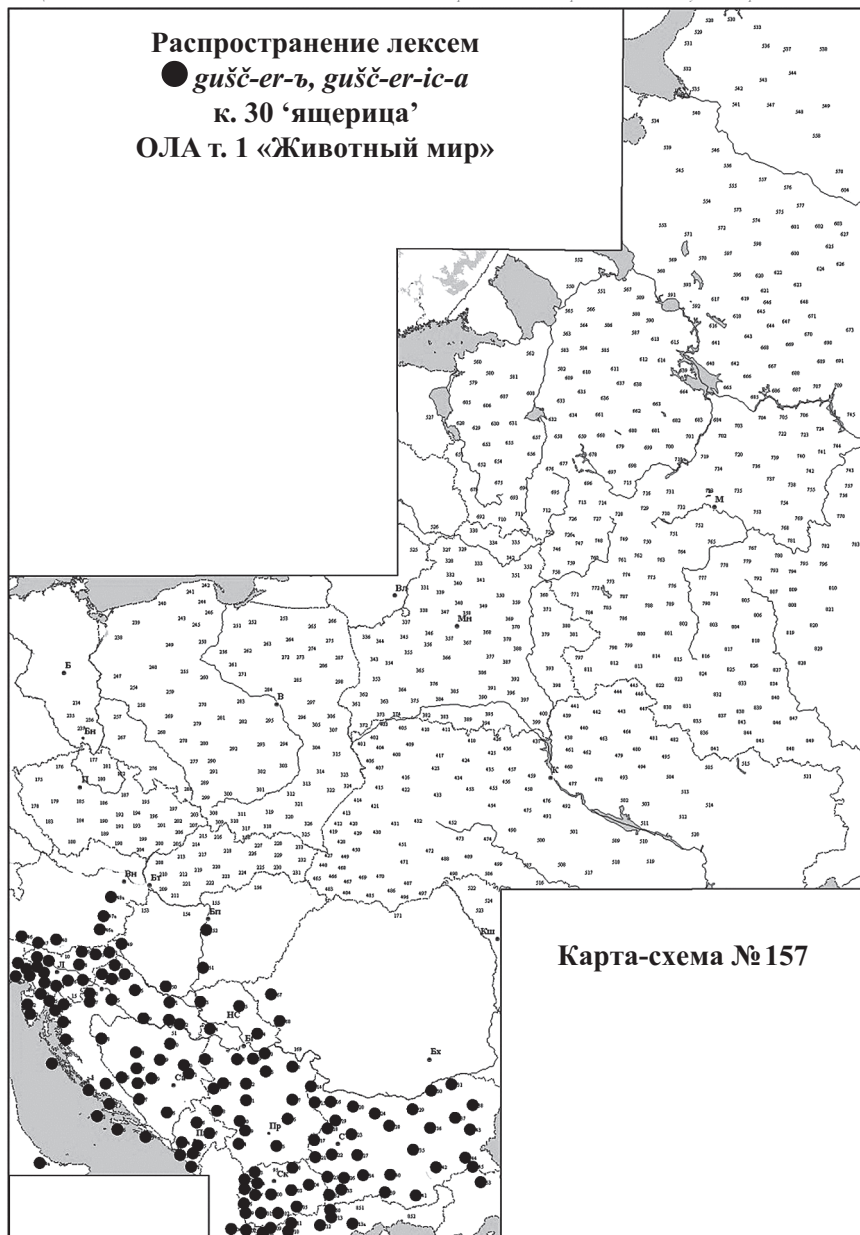
ОЛА т. 1 «Животный мир»

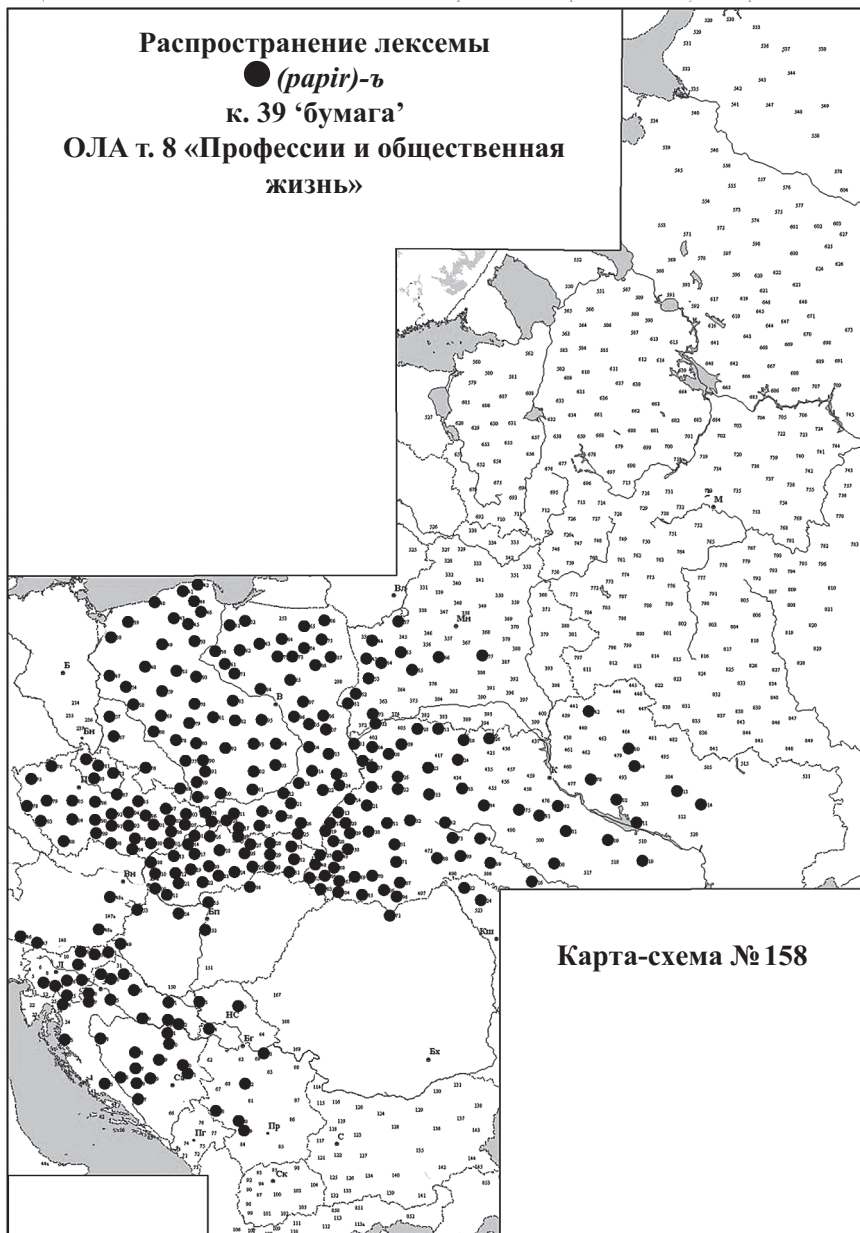

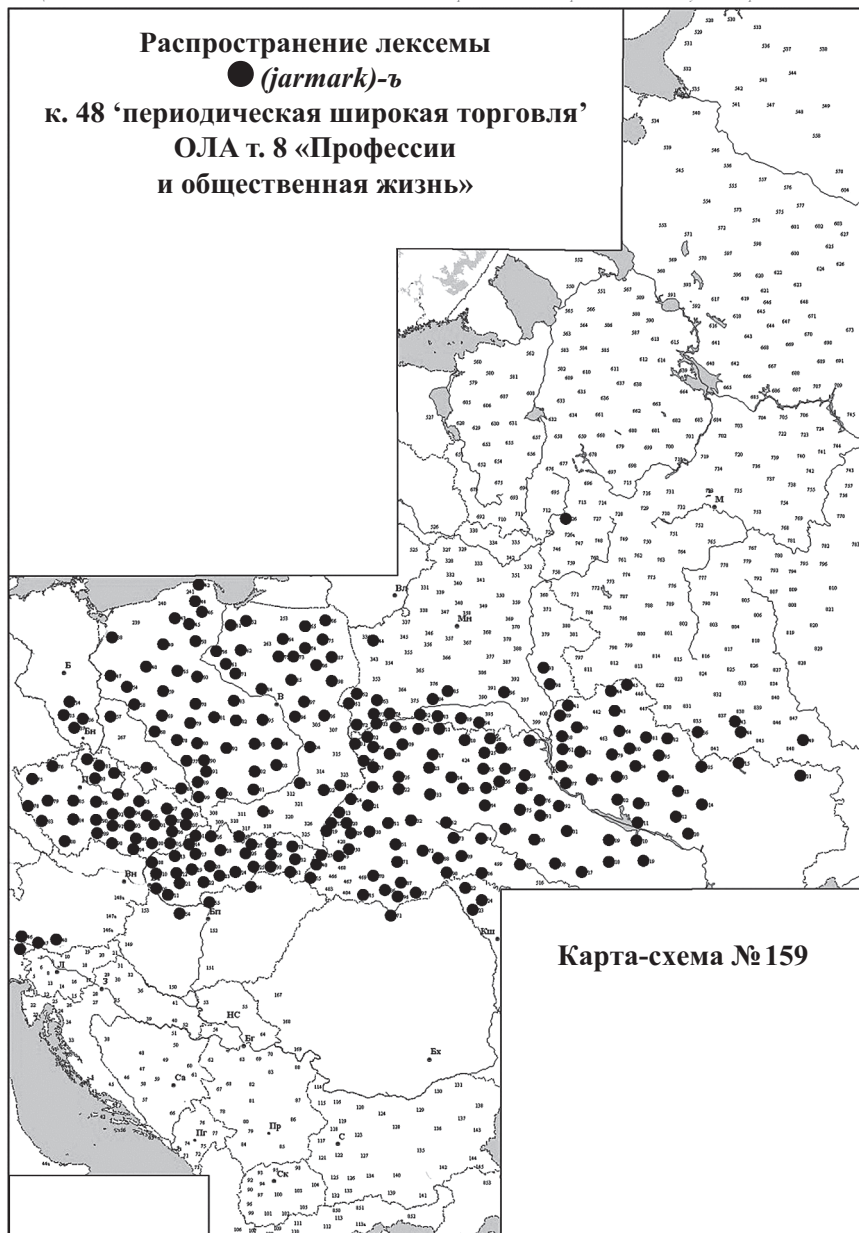
Карта-схема № 156

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная Выпуск Карта №

Распространение лексемы

● *(bumag)-a*

к. 39 'бумага'

**ОЛА т. 8 «Профессии
и общественная жизнь»**

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1962 — Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
- Аванесов 1963 — *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963.
- Бенвенист 1963 — *Бенвенист Э.* Классификация языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963.
- БЕР — Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–7-, София, 1962–2010.
- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бернштейн 1986 — *Бернштейн С. Б.* Размышления о славянской диалектологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986.
- Бернштейн 1990 — *Бернштейн С. Б.* Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
- Бородина 1966 — *Бородина М. А.* Проблемы лингвистической географии. М., 1966.
- Бородина 1980 — *Бородина М. А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
- Варбот 2012 — *Варбот Ж. Ж.* О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.-СП-6, 2012.
- Варбот 2012 — *Варбот Ж. Ж.* Значение определения производящих основ лексем славянских языков для суждения о диалектном состоянии праславянского языка // *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana, 2012.
- Вендина 1990 — *Вендина Т. И.* Дифференциация славянских языков по данным словообразования. М., 1990.
- Вендина, 1997 — *Вендина Т. И.* Общеславянский лингвистический атлас и сравнительно-историческое языкознание. Сб. Славянский альманах. М., 1997.

- Вендина 1998 — *Вендина Т. И.* Опыт исторической интерпретации карт Общеславянского лингвистического атласа // Сб. Славянский альманах. М., 1998.
- Вендина 2000 — *Вендина Т. И.* Мотивационный признак в лингвогеографическом пространстве Общеславянского лингвистического атласа // *Јужнословенски филолог LVI/1 Београд, 2000.*
- Вендина 2003 — *Вендина Т. И.* Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа // *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. М., 2003.*
- Вендина 2004 — *Вендина Т. И.* Восточнославянские языки в общеславянском контексте // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.*
- Вендина 2009 — *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009.
- Вендина 2013 — *Вендина Т. И.* Комиссия Общеславянского лингвистического атласа (1958–2013) // *Oblicza slawistyki. Komisje Międzynarodowego Komitetu Slawistów (1958–2013). Opole, 2013.*
- Вендина 2014 — *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. Спб-М., 2014.
- Вендина 2022 — *Вендина Т. И.* Праславянское слово во времени и пространстве Славии. М., 2022.
- Гриценко 1988 — *Гриценко П. Ю., Стоянов І. А.* Українсько-інослов'янські лексико-семантичні міжзональні паралелі // *Слов'янське мовознавство. Х Міжнародний з'їзд славистів: Зб. доповідей. Київ, 1988.*
- Гриценко 1993 — *Гриценко П. Е.* На подступах к объясняющей лингвогеографии // *Арэалогія. Праблемы і дасягненні. Київ, 1993.*
- Гриценко 2004 — *Гриценко П. Е.* Об интерпретации лингвистических карт // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.*
- Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию М., 1984.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Десницкая, 1977 — *Десницкая А. В.* К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.*
- Джураев 1991 — *Джураев А. Б.* Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива. Ташкент, 1991.
- Джурович 1913 — *Джурович Д. П.* Говоры общеславянского языка. Варшава, 1913.
- Дзедзелевский 1963 — *Дзедзелевский И. А.* Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт // *Вопросы языкознания 1963, №4.*

- Донадзе 2004 — *Донадзе Н. З.* Новые перспективы в лингвогеографии — Лингвистический атлас Европы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2001–2002. М., 2004.
- Дюрович 1973 — *Дюрович Л.* Типология флективной основы в славянских языках // *Scando-Slavica*, 1973, N. 19.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т.1-. Київ, 1982.
- Жиго 2011 — *Жиго П.* Общеславянский лингвистический атлас — взаимосвязь языка и общественно-исторических феноменов с позиций ареальной лингвистики // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2011.
- Жирмунский 1954 — *Жирмунский В. М.* О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания 1954, №4.
- Журавлев 1994 — *Журавлев А. Ф.* Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Иванов 1993 — *Иванов В. В.* История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Иванов 1996 — *Иванов В. В.* Общеславянский лингвистический атлас (1978–1993). Итоги и перспективы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993. М., 1996.
- ИТСЯ 1986 — Историческая типология славянских языков. Киев, 1986.
- Йорган 1971 — *Йорган Й.* Романское языкознание М., 1971.
- Калнынь 1996 — *Калнынь Л. Э.* Рефлексация *ъ, *ь перед слогом с гласным полного образования по материалам ОИА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993. М., 1996.
- Кармин 1997 — *Кармин А. С.* Основы культурологии. Мифология культуры. СПб., 1997.
- Киселева 2002 — *Kysel'ová N.* Areálové vzájomné vzt'ahy slovanských jazykov centrálnej zóny. Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны. Banská Bystrica, 2002.
- Клепикова, Попова 1968 — *Клепикова Г. П., Попова Т. В.* О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка // Вопросы языкознания 1968, №6.
- Клепикова 2008 — *Клепикова Г. П.* Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // Исследования по славянской диалектологии. Вып.13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008.
- Климов 1990 — *Климов Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.

- Куркина 1985 — Куркина Л. В. Праславянские диалектные истоки южно-славянской языковой группы // Вопросы языкознания 1985, № 4.
- Куркина 1992 — Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Куркина 2012 — Куркина Л. В. К проблеме интерпретации лексических изоглосс // *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana, 2012.
- Куркина 2021 — Куркина Л. В. Славянское слово во времени и пространстве. М., 2021.
- Лихачев 1996 — Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996.
- Макаев 1965 — Макаев Э. А. Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания // Вопросы языкознания 1965, № 4.
- Маковский 1968 — Маковский М. М. «География слов» и лексические связи германских языков и диалектов // Вопросы языкознания. 1968. № 3.
- Мартынов 1983 — Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. М., 1983.
- Мейе 1951 — Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Младенов 1999 — Младенов М. Българска лингвистична география: проблеми, резултати, перспективи // Диалектология и лингвистична география. София, 1999.
- Никонов 1983 — Никонов В. А. Оптимизация методов ареальной лингво-этнографии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и Этнос. Л., 1983.
- Плотникова 2013 — Плотникова А. А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. М., 2013.
- Преображенский 1910 — Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- Принципы 1976 — Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Сепир 1993 — Сепир Э. Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Славянские древности Т. 1–5. М., 1995–2012.
- Соссюр 1990 — Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Срезневский — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 2003. Т. I–III.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–. М.-Л., 1965–.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975 —
- Степанов 1975 — Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Теньер 1966 — Теньер Л. По вопросу о диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания 1966, № 5.

- Толстой 1968 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М., 1968.
- Толстой 1977 — *Толстой Н. И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии.* Л., 1977.
- Толстой 1983 — *Толстой Н. И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии.* Л., 1983.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике, М., 1995.
- Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // *Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология.* Т. I. М., 1997.
- Topolińska, Видоески, 1990 — *Topolinska Z., Видоески Б.* Сохранившаяся назальная артикуляция *q и *q̣: // *Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая.* Вып. 26. Рефлексы *q. Warszawa, 1990.
- Топоров 1992 — *Топоров В. Н.* Предисловие к книге В. Айрапетяна «Герменевтические подступы к русскому слову». М, 1992.
- Трубачев 1959 — *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // *Вопросы языкознания* 1959, №1.
- Трубачев 1967 — *Трубачев О. Н.* Работа над этимологическим словарем славянских языков // *Вопросы языкознания* 1967, №4.
- Трубачев 1985 — *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян // *Вопросы языкознания* 1985, №4.
- Трубачев 1998 — *Трубачев О. Н.* Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов.* М., 1998.
- Трубачев 2002 — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* М., 2002.
- Трубачев 2003 — *Трубачев О. Н.* Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // *XIII Международный съезд славистов в Любляне. Доклад пленарного заседания.* М., 2003.
- Трубачев 2004 — *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004.
- Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н. С.* Фонология и лингвистическая география // *Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии.* М., 1987.
- ТСРЯ: — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов.* М., 2008.

- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Черных — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I–II.
- Шапошников — *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка. М., 2010. Т. 1–2.
- Шустер-Шевц 1983 — *Шустер-Шевц Г.* Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // Вопросы языкознания 1983, №2.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Т.1–.
- Bartoli M. — *Bartoli M.* Introduzione alla neolinguistica. Genève, 1925.
- Bezljaj 1977 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. T.1–5. Ljubljana 1977–2007.
- Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
- Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Rejzek — *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Leda, 2001.
- Siatkowski 2003 — *Siatkowski J.* Заимствования // Общеславянский лингвистический атлас. Т. 8. Профессии и общественная жизнь. Warszawa, 2003.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. Т. I–III.
- Słownik prasłowiański (red. *Sławski F.*) Т.1–. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk. 1974–.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ОЛА

1. Solbica (Stolvizza). Italija, ob. Ravanca (Prato di Resia).
2. Ošnje pri Svetem Lenartu (Osgnetto). Italija, ob. Sveti Lenart.
3. Križ (Santa Croce). Italija, ob. Trst (Trieste).
4. Šmartno. RS, ob. Brda.
5. Komen. RS, ob. Komen.
6. Cerčno. RS, ob. Cerčno.
7. Srednja vas v Bohinju. RS, ob. Bohinj.
8. Horjul. RS, ob. Horjul.
9. Valburga. RS, ob. Medvode.
10. Luče. RS, ob. Luče.
11. Pomjan. RS, ob. Koper.
12. Hrušica. RS, ob. Ilirska Bistrica.
13. Babno Polje. RS, ob. Loška dolina.
14. Ribnica. RS, ob. Ribnica.
15. Dragatuš. RS, ob. Črnomelj.
16. Bučka. RS, ob. Škocjan.
17. Mostec. RS, ob. Brežice.
18. Šmarje pri Jelšah. RS, ob. Šmarje pri Jelšah.
19. Spodnja Ložnica. RS, ob. Slovenska Bistrica.
20. Videm ob Ščavnici (Sveti Jurij ob Ščavnici). RS.
21. Gomilica. RS, ob. Turnišče.
22. Žminj. RH, op. Pula.
23. Cres. RH, op. Mali Lošinj.
24. Dobrinj. RH, op. Krk.
25. Rukavac. RH, op. Matulji.
26. Močila. RH, op. Karlovac.
27. Domagović. RH, op. Jastrebarsko.
28. Domaslovec. RH, op. Samobor.
29. Začretje (Sveti Križ Začretje). RH, op. Zagreb.
30. Cubinec. RH, op. Križevci.
31. Prelog. RH, op. Čakovec.

32. Virje. RH, op. Đurđevac.
33. Trnovac. RH, op. Gospić.
34. Brinje. RH, op. Brinje.
35. Trebarjevo Desno. RH, op. Sisak.
36. Mala Peratovica. RH, op. Bjelovar.
37. Sali. RH, op. Zadar.
38. Лохово. РБиХ, оп. Бихаћ. Lohovo. RBiH, op. Bihać.
39. Magića Mala. RH, op. Nova Gradiška.
40. Strizivojna. RH, op. Đakovo.
41. Valpovo. RH, op. Valpovo.
42. Komiža. RH, op. Komiža.
43. Trogir. RH, op. Trogir.
44. Vrbanj. RH, op. Hvar.
- 44a. Kruč (Acquaviva Collecroce). Italija, pr. Molise, reg. Abruzzi.
45. Otok. RH, op. Sinj.
46. Guber. RBiH, op. Livno. Губер. РБиХ, оп. Ливно.
47. Drvetine. RBiH, op. Bugojno. Дрветине. РБиХ, оп. Бугојно.
48. Dobretići. RBiH, op. Jajce. Добретићи. РБиХ, оп. Јајце.
49. Vijaka. RBiH, op. Vareš. Вијака. РБиХ, оп. Вареш.
50. Špionica. RBiH, op. Srebrenik. Шпионица. РБиХ, оп. Сребреник.
51. Tramošnica. RBiH, op. Gradačac. Трамошница. РБиХ.
52. Gradište. RH, op. Županja.
53. Сивац (Стари и Нови). СЦГ — РС, оп. Кула.
54. Јазак. СЦГ — РС, оп. Ириг.
55. Башаид. СЦГ — РС, оп. Кикинда.
56. Lastovo. RH, op. Lastovo.
57. Grude. RBiH, op. Ljubuški. Груде. РБиХ, оп. Љубушки.
58. Lug. RBiH, op. Jablanica. Луг. РБиХ, оп. Јабланица.
59. Kreševo. RBiH, op. Kreševo. Крешево. РБиХ, оп. Крешево.
60. Милићи. РБиХ, оп. Власеница. Milići. RBiH, op. Vlasenica.
61. Жера. RBiH, op. Rogatica. Жера. РБиХ, оп. Рогатица.
62. Осладић. СЦГ — РС, оп. Осечина.
63. Неменикуће. СЦГ — РС, оп. Сопот.
64. Уљма. СЦГ — РС, оп. Вршац.
65. Savtat. RH, op. Dubrovnik.
66. Јасеник. РБиХ, оп. Гацко. Jasenik. RBiH, op. Gacko.
67. Крива Ријека. СЦГ — РС, оп. Чајетина.
68. Паковраће. СЦГ — РС, оп. Чачак.
69. Глибовац. СЦГ — РС, оп. Смедеревска Паланка.
70. Кула. СЦГ — РС, оп. Пожаревац.
71. Радовићи (Кртоли). СЦГ — РЦГ, оп. Тиват.

72. Режевићи. СЦГ — РЦГ, оп. Будва.
73. Горана (Мрковићи). СЦГ — РЦГ, оп. Бар.
74. Његуши. СЦГ — РЦГ, оп. Цетиње.
75. Голубовци. СЦГ — РЦГ, оп. Подгорица.
76. Требаљево. СЦГ — РЦГ, оп. Колашин.
77. Анцелат. СЦГ — РЦГ, оп. Иванград.
78. Тријебине. СЦГ — РС, оп. Сјеница. Ttjebine. SCG -RS.
79. Тучеп // Тучепо. СЦГ — РС, оп. Ракош.
80. Србовац // Бугариће. СЦГ — РС, оп. Косовска Митровица.
81. Дренча. СЦГ — РС, оп. Александровац.
82. Велика Крушевица. СЦГ — РС, оп. Рековац.
83. Буковац. СЦГ — РС, оп. Деспотовац.
84. Ораховац. СЦГ — РС, оп. Ораховац.
85. Пљачковица. СЦГ — РС, оп. Врање.
86. Доњи Душник. СЦГ — РС, оп. Гаџин Хан.
87. Кална. СЦГ — РС, оп. Књажевац.
88. Јасеница. СЦГ — РС, оп. Неготин.
90. Лазарополе. РМ, оп. Дебар.
92. Вруток. РМ, оп. Гостивар.
93. Теарце. РМ, оп. Тетово.
94. Ракотинци. РМ, оп. Скопје.
95. Љубанце. РМ, оп. Скопје.
96. Радожда. РМ, оп. Струга.
97. Звечан. РМ, оп. Македонски Брод.
98. Шлегово. РМ, оп. Кратово.
99. Пештани. РМ, оп. Охрид.
100. Извор. РМ, оп. Велес.
101. Дихово. РМ, оп. Битола.
102. Витолиште. РМ, оп. Битола.
103. Радовиш. РМ, оп. Радовиш.
104. Берово. РМ, оп. Берово.
105. Фурка. РМ, оп. Гевгелија.
106. Бобошчица (алб. Boboshtica). Албанија, обл. Корча.
107. Вамбел (греч. Μοσχόχωριον). Грција, р-н. Костур.
108. Нестрам (греч. Νεστόριον). Грција, р-н. Костур.
109. Тиолишча (греч. Τοίχιον). Грција, р-н. Костур.
110. Тречно (греч. Καρδια). Грција, р-н. Кајлар.
111. Кронцелово (греч. Κρασελα). Грција, р-н. Воден.
112. Висока (греч. Οσσα). Грција, р-н. Солун.
113. Секавец (греч. Λιβαδοχώριον). Грција, р-н. Серез.
- 113а. Плевна (греч. Πετρούσσα). Грција, р-н. Драма.

114. Буковец. РБг, Видинска ок.
115. Рабиша. РБг, Белоградчишка ок.
116. Медковец. РБг, Ломска ок.
117. Главановци. РБг, Трънска ок.
118. Годеч. РБг.
119. Згориград. РБг, Врачанска ок.
120. Търнак. РБг, Белослатинска ок.
121. Ръждавица. РБг, Кюстендилска ок.
122. Бистрица. РБг, Дупнишка ок.
123. Врачеш. РБг, Ботевградска ок.
124. Владиня. РБг, Ловешка ок.
125. Падеж. РБг, Благоевградска ок.
126. Бачево. РБг, Разложка ок.
127. Баня. РБг, Панагюрска ок.
128. Шипка. РБг, Казанлъшка ок.
129. Сушица. РБг, Горнооряховска ок.
130. Тетово. РБг, Кубратска ок.
131. Сребърна. РБг, Силистренска ок.
132. Кърналово. РБг, Петричка ок.
133. Скребатно. РБг, Гоцеделчевска ок.
134. Равногор. РБг, Пещерска ок.
135. Дълбоки. РБг, Старозагорска ок.
136. Жеравна. РБг, Котелска ок.
137. Драгоево. РБг, Преславска ок.
138. Щипско. РБг, Провадийска ок.
139. Момчиловци. РБг, Смолянска ок.
140. Драгойново. РБг, Първомайска ок.
141. Покрован. РБг, Ивайловградска ок.
142. Устрем. РБг, Тополовградска ок.
143. Козичино (Еркеч). РБг, Поморийска ок.
144. Черноморец. РБг, Бургаска ок.
145. Граматиково. РБг, Малкотърновска ок.
146. Potoče (Potschach). Avstrija, ob. Šmohor.
- 146a. Stinjaki (Stinatz). Austrija, Gradišće (Burgenland).
147. Breznica pri Šentjakobu v Rožu (Frießnitz). Avstrija.
- 147a. Čemba (Schandorf). Austrija.
148. Kneža (Grafenbach). Avstrija.
- 148a. Pajngart (Baumgarten). Austrija.
149. Gornji Senik (Felsőszölnök). Madžarska.
150. Pogan (Pogány). Madžarska, žup. Baranja
151. Dušnok (Dusnok). Madžarska, žup. Bač-Kiškun (Bács-Kiskun).

152. Ловра (Lórév). Мађарска, жуп. Пешта (Budapest).
153. Homok (Fertőhomok). Mađžarska, žup. Győr-Sopron.
154. Vértesszöllös (Sileš). Mađarsko, žup. Komárom.
155. Galgaguta (Guta). Mađarsko, žup. Nógrad.
156. Ohuta (Stará Huta). Mađarsko, žup. Borsod.
167. Винга. Румъния, Банат.
168. Klokotič (Clocotici). Румунија.
169. Свиница (Svinița). Румунија, жуп. Мехединци (Mehedinți).
171. Русь Поляна (Poienile de sub Munte). Румунія, обл. Мараморош.
175. Újezd u Manětína. ČR, okr. Plzeň-sever.
176. Chrástany. ČR, okr. Litoměřice.
177. Světlá pod Ještědem. ČR, okr. Liberec.
178. Postřekov. ČR, okr. Domažlice.
179. Číčov. ČR, okr. Plzeň-jih.
180. Semice. ČR, okr. Nymburk.
181. Poniklá. ČR, okr. Semily.
182. Hvězda (p. Hlavňov). ČR, okr. Náchod.
183. Stachy. ČR, okr. Prachatice.
184. Borkovice. ČR, okr. Tábor.
185. Křečovice. ČR, okr. Benešov.
186. Rejčkov. ČR, okr. Havlíčkův Brod.
187. Jenišovice. ČR, okr. Chrudim.
188. Soběnov. ČR, okr. Český Krumlov.
189. Slavíkovice. ČR, okr. Třebíč.
190. Hodice. ČR, okr. Jihlava.
191. Hodov. ČR, okr. Třebíč.
192. Jámy. ČR, okr. Žďár nad Sázavou.
193. Lažany. ČR, okr. Blansko.
194. Roubanina. ČR, okr. Blansko.
195. Jedlí. ČR, okr. Šumperk.
196. Příkazy. ČR, okr. Olomouc.
197. Mokré Lazce. ČR, okr. Opava.
198. Plaveč. ČR, okr. Znojmo.
199. Bošovice. ČR, okr. Vyškov.
200. Polešovice. ČR, okr. Uherské Hradiště.
201. Záříčí. ČR, okr. Kroměříž.
202. Rybí. ČR, okr. Nový Jičín.
203. Janovice. ČR, okr. Frýdek-Místek.
204. Lanžhot. ČR, okr. Břeclav.
205. Újezd. ČR, okr. Zlín.
206. Halenkov. ČR, okr. Vsetín.

207. Horní Lomná. ČR, okr. Frýdek-Místek.
208. Čáry. SR, okr. Senica.
209. Ivanka pri Dunaji. SR, okr. Senec.
210. Bučany. SR, okr. Trnava.
211. Trnovec nad Váhom. SR, okr. Šal'a.
212. Nedanovce. SR, okr. Partizánske.
213. Kubrica. SR, okr. Trenčín.
214. Vrtižer. SR, okr. Považská Bystrica.
215. Klubina. SR, okr. Čadca.
216. Krivá. SR, okr. Dolný Kubín.
217. Slovany. SR, okr. Martin.
218. Liptovský Ján. SR, okr. Liptovský Mikuláš.
219. Horná Ždaňa. SR, okr. Žiar nad Hronom.
220. Zvolenská Slatina. SR, okr. Zvolen.
221. Vieska nad Žitavou. SR, okr. Zlaté Moravce.
222. Hontianske Moravce. SR, okr. Krupina.
223. Horné Strháre. SR, okr. Veľký Krtíš.
224. Turíčky. SR, okr. Lučenec.
225. Sirk. SR, okr. Revúca.
226. Spišské Tomášovce. SR, okr. Spišská Nová Ves.
227. Plavnica. SR, okr. Stará Ľubovňa.
228. Dlhá Lúka. SR, okr. Bardejov.
229. Sedlice. SR, okr. Prešov.
230. Trstená pri Hornáde. SR, okr. Košice.
231. Bánovce nad Ondavou. SR, okr. Michalovce.
232. Žalobín. SR, okr. Vranov nad Topľou.
233. Čabalovce. SR, okr. Medzilaborce.
234. Dissen // Dešno. BRD, Kr. Cottbus // wokrj. Chóšebuz.
235. Bergen // Hory. BRD, Kr. Kamenz // wokrj. Kamjenc.
236. Halbendorf // Brězowka. BRD, Kr. Weißwasser // wokrj. Běla Woda.
237. Radibor // Radwor. BRD, Kr. Bautzen // wokrj. Budyšin.
238. Sławęcin. RP, woj. Szczecin, pow. Choszczno.
239. Rąbino. RP, woj. Koszalin, pow. Świdwin.
240. Gwiazdowo. RP, woj. Koszalin, pow. Sławno.
241. Wierzchucino. RP, woj. Gdańsk, pow. Puck.
242. Wielka Wieś. RP, woj. Gdańsk, pow. Puck.
243. Brzeźno. RP, woj. Gdańsk, pow. Lębork.
244. Mirachowo. RP, woj. Gdańsk, pow. Kartusy.
245. Karsin. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Chojnice.
246. Pączewo. RP, woj. Gdańsk, pow. Starogard Gdański.
247. Deszczno. RP, woj. Zielona Góra, pow. Gorzów Wielkopolski.

248. Drawsko. RP, woj. Poznań, pow. Czarnków.
249. Podróżna. RP, woj. Koszalin, pow. Złotów.
250. Krzywogoniec. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Tuchola.
251. Trzciano. RP, woj. Gdańsk, pow. Sztum.
252. Wola Młynarska. RP, woj. Olsztyn, pow. Pasłęk.
253. Garbno. RP, woj. Olsztyn, pow. Kętrzyn.
254. Dąbrówka Wielkopolska. RP, woj. Poznań, pow. Międzyrzecz.
255. Smolniki. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Szubin.
256. Wabecz. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Chełmno.
257. Żaganiec. RP, woj. Zielona Góra, pow. Żagań.
258. Kramsko. RP, woj. Poznań, pow. Babimost.
259. Promno. RP, woj. Poznań, pow. Poznań.
260. Sędzin. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Aleksandrów Kujawski.
261. Kiełpiny. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Rypin.
262. Samplawa. RP, woj. Olsztyn, pow. Nowe Miasto Lubawskie.
263. Dywity. RP, woj. Olsztyn, pow. Olsztyn.
264. Dąbrówka. RP, woj. Olsztyn, pow. Pisz.
265. Szwałk. RP, woj. Olsztyn, pow. Olecko.
266. Radziuszki. RP, woj. Białystok, pow. Suwałki.
267. Mała Kamienica. RP, woj. Wrocław, pow. Jelenia Góra.
268. Ligota Piękna. RP, woj. Wrocław, pow. Trzebnica.
269. Szelejewo. RP, woj. Poznań, pow. Gostyń.
270. Kramsk. RP, woj. Poznań, pow. Konin.
271. Rościszewo. RP, woj. Warszawa, pow. Sierpc.
272. Zaręby Kościelne. RP, woj. Warszawa, pow. Przasnysz.
273. Łyse. RP, woj. Warszawa, pow. Kolno.
274. Flesze. RP, woj. Białystok, pow. Grajewo.
275. Pomiany. RP, woj. Białystok, pow. Augustów.
276. Wojbórz. RP, woj. Wrocław, pow. Nowa Ruda.
277. Lubsza. RP, woj. Opole, pow. Brzeg.
278. Dziadowa Kłoda. RP, woj. Wrocław, pow. Syców.
279. Michałów. RP, woj. Poznań, pow. Kalisz.
280. Pątnów. RP, woj. Łódź, pow. Wieluń.
281. Domaniewek. RP, woj. Łódź, pow. Łęczyca.
282. Skaratki. RP, woj. Skierniewice, pow. łowicz.
283. Gorzewo. RP, woj. Warszawa, pow. Gostynin.
284. Sońsk. RP, woj. Warszawa, pow. Ciechanów.
285. Wysocze. RP, woj. Warszawa, pow. Ostrów Mazowiecka.
286. Tykocin. RP, woj. Białystok, pow. Białystok.
287. Słomianka. RP, woj. Białystok, pow. Mońki.
288. Śmicz. RP, woj. Opole, pow. Prudnik.

289. Rudziniec. RP, woj. Katowice, pow. Gliwice.
290. Wędrynia. RP, woj. Opole, pow. Olesno.
291. Konopiska. RP, woj. Katowice, pow. Częstochowa.
292. Kocierzowy. RP, woj. Łódź, pow. Radomsko.
293. Ruski Bród. RP, woj. Kielce, pow. Przysucha.
294. Jastrzębia. PR, woj. Kielce, pow. Radom.
295. Słomczyn. RP, woj. Warszawa, pow. Grójec.
296. Człkówka. PR, woj. Warszawa, pow. Otwock.
297. Rozbity Kamień. RP, woj. Warszawa, pow. Sokołów Podlaski.
298. Woronie. RP, woj. Białystok, pow. Bielsk Podlaski.
299. Krzanowice. RP, woj. Opole, pow. Racibórz.
300. Golczowice. RP, woj. Kraków, pow. Olkusz.
301. Książnice Wielkie. RP, woj. Kielce, pow. Kazimierza Wielka.
302. Bolmin. RP, woj. Kielce, pow. Kielce.
303. Radkowice. RP, woj. Kielce, pow. Iłża.
304. Dęba. RP, woj. Lublin, pow. Puławy.
305. Trzebieszów. RP, woj. Lublin, pow. Łuków.
306. Horoszki Małe. RP, woj. Warszawa, pow. Łosice.
307. Choroszczyńska. RP, woj. Lublin, pow. Biała Podlaska.
308. Wiślica. RP, woj. Katowice, pow. Cieszyn.
309. Żabnica. RP, woj. Kraków, pow. Żywiec.
310. Jabłonka. RP, woj. Kraków, pow. Nowy Targ.
311. Więciórka. RP, woj. Kraków, pow. Myślenice.
312. Gliny Małe. RP, woj. Rzeszów, pow. Mielec.
313. Grębów. RP, woj. Rzeszów, pow. Tarnobrzeg.
314. Zakrzew. RP, woj. Lublin, pow. Krasnystaw.
315. Osowa. RP, woj. Lublin, pow. Włodawa.
316. Nowe Bystre. RP, woj. Kraków, pow. Nowy Targ.
317. Sromowce Wyżne. RP, woj. Kraków, pow. Nowy Targ.
318. Podegrodzie. RP, woj. Kraków, pow. Nowy Sącz.
319. Jodłówka. RP, woj. Kraków, pow. Tarnów.
320. Łęki Stryżowskie. RP, woj. Rzeszów, pow. Krosno.
321. Łąka. RP, woj. Rzeszów, pow. Rzeszów.
322. Łukawa. RP, woj. Lublin, pow. Biłgoraj.
323. Gielczew. RP, woj. Lublin pow. Krasnystaw.
324. Wiszniów. RP, woj. Lublin, pow. Hrubieszów.
325. Niebieszczyński. RP, woj. Rzeszów, pow. Sanok.
326. Paclaw. RP, woj. Rzeszów, pow. Przemyśl.
327. Лукшы. РБ, Віцебская вобл., Браслаўскі р-н.
328. Пялікі. РБ, Віцебская вобл., Шаркаўшчынскі р-н.
329. Казлы. РБ, Віцебская вобл., Мёрскі р-н.

330. Якубава. РБ, Віцебская вобл., Расонскі р-н.
331. Ністанішкі. РБ, Гродзенская вобл., Смаргонскі р-н.
332. Груздава. РБ, Віцебская вобл., Пастаўскі р-н.
333. Лабуноўшчына. РБ, Віцебская вобл., Полацкі р-н.
334. Бабовікі. РБ, Віцебская вобл., Полацкі р-н.
335. Паташня. РБ, Віцебская вобл., Гарадоцкі р-н.
336. Прывалкі. РБ, Гродзенская вобл., Гродзенскі р-н.
337. Паляцкішкі. РБ, Гродзенская вобл., Воранаўскі р-н.
338. Лоск. РБ, Мінская вобл., Валожынскі р-н.
339. Асавец. РБ, Мінская вобл., Вілейскі р-н.
340. Адрубак. РБ, Віцебская вобл., Докшыцкі р-н.
341. Чарніца. РБ, Віцебская вобл., Лепельскі р-н.
342. Дворышча. РБ, Віцебская вобл., Бешанковіцкі р-н.
343. Гостраў. РБ, Гродзенская вобл., Мастоўскі р-н.
344. Вялікія Баяры. РБ, Гродзенская вобл., Шчучынскі р-н.
345. Альхоўка. РБ, Гродзенская вобл., Навагрудскі р-н.
346. Пруды. РБ, Мінская вобл., Івянецкі р-н.
347. Валодзькі. РБ, Мінская вобл., Маладзечанскі р-н.
348. Рудня. РБ, Мінская вобл., Плешчаніцкі р-н.
349. Стайкі. РБ, Мінская вобл., Барысаўскі р-н.
350. Абчуга. РБ, Мінская вобл., Крупскі р-н.
351. Лядзінкі. РБ, Віцебская вобл., Віцебскі р-н.
352. Загараднае. РБ, Віцебская вобл., Лёзненскі р-н.
353. Навасёлкі. РБ, Гродзенская вобл., Свіслацкі р-н.
354. Старое Сяло. РБ, Гродзенская вобл., Зэльвенскі р-н.
355. Мірацічы. РБ, Гродзенская вобл., Карэліцкі р-н.
356. Стары Свержань. РБ, Мінская вобл., Стаўбцоўскі р-н.
357. Дудзічы. РБ, Мінская вобл., Пухавіцкі р-н.
358. Дзяхань. РБ, Мінская вобл., Смалявіцкі р-н.
359. Слабодка. РБ, Магілёўская вобл., Шклоўскі р-н.
360. Слатаўшчына. РБ, Віцебская вобл., Дубровенскі р-н.
361. Сечы. РБ, Брэсцкая вобл., Брэсцкі р-н.
362. Дзімітравічы. РБ, Брэсцкая вобл., Камянецкі р-н.
363. Горск. РБ, Брэсцкая вобл., Бярозаўскі р-н.
364. Любішчыцы. РБ, Брэсцкая вобл., Івацэвіцкі р-н.
365. Альхоўцы. РБ, Брэсцкая вобл., Ляхавіцкі р-н.
366. Ванелевічы. РБ, Мінская вобл., Капыльскі р-н.
367. Гарэлец. РБ, Мінская вобл., Пухавіцкі р-н.
368. Багушэвічы. РБ, Мінская вобл., Бярэзінскі р-н.
369. Асавец. РБ, Магілёўская вобл., Бялыніцкі р-н.
370. Стайкі. РБ, Магілёўская вобл., Магілёўскі р-н.

371. Старакожаўка. РБ, Магілёўская вобл., Горацкі р-н.
372. Вялікія Радванічы. РБ, Брэсцкая вобл., Брэсцкі р-н.
373. Пяскі. РБ, Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н.
374. Ляжыткавічы. РБ, Брэсцкая вобл., Драгічынскі р-н.
375. Азарычы. РБ, Брэсцкая вобл., Лагішынскі р-н.
376. Дзяніскавічы. РБ, Брэсцкая вобл., Ганцавіцкі р-н.
377. Карытнае. РБ, Магілёўская вобл., Асіповіцкі р-н.
378. Рубеж. РБ, Магілёўская вобл., Клічаўскі р-н.
379. Завад-Віравая. РБ, Магілёўская вобл., Слаўгарадскі р-н.
380. Беражыстае. РБ, Магілёўская вобл., Крычаўскі р-н.
381. Пралетарскае. РБ, Магілёўская вобл., Касцюковіцкі р-н.
382. Месяцічы. РБ, Брэсцкая вобл., Пінскі р-н.
383. Рэчыца. РБ, Брэсцкая вобл., Столінскі р-н.
384. Вулька. РБ, Брэсцкая вобл., Лунінецкі р-н.
385. Яскавічы. РБ, Мінская вобл., Салігорскі р-н.
386. Пасека. РБ, Мінская вобл., Старадарожскі р-н.
387. Бутчын. РБ, Магілёўская вобл., Бабруйскі р-н.
388. Ніжняя Тошчыца. РБ, Магілёўская вобл., Быхаўскі р-н.
389. Запясочча. РБ, Гомельская вобл., Жыткавіцкі р-н.
390. Бобрыкі. РБ, Гомельская вобл., Капаткевіцкі р-н.
391. Смыковічы. РБ, Гомельская вобл., Акцябрскі р-н.
392. Шыхаў. РБ, Гомельская вобл., Жлобінскі р-н.
393. Бяляеўка. РБ, Гомельская вобл., Чачэрскі р-н.
394. Новае Палессе. РБ, Гомельская вобл., Лельчыцкі р-н.
395. Жахавічы. РБ, Гомельская вобл., Мазырскі р-н.
396. Вязавіца. РБ, Гомельская вобл., Калінкавіцкі р-н.
397. Заспа. РБ, Гомельская вобл., Рэчыцкі р-н.
398. Шарсцін. РБ, Гомельская вобл., Веткаўскі р-н.
399. Тулгавічы. РБ, Гомельская вобл., Хойніцкі р-н.
400. Шкураты. РБ, Гомельская вобл., Брагінскі р-н.
401. Пумьмо. Україна, Волинська обл., Любомльський р-н.
402. Тур. Україна, Волинська обл., Ратнівський р-н.
403. Залаззя. Україна, Волинська обл., Любешівський р-н.
404. Доротище. Україна, Волинська обл., Ковельський р-н.
405. Кутин. Україна, Рівненська обл., Зарічненський р-н.
406. Залужжя. Україна, Волинська обл., Волод.-Волинський р-н.
407. Крухунічі. Україна, Волинська обл., Локачинський р-н.
408. Мильськ. Україна, Волинська обл., Рожищенський р-н.
409. Велика Ведмежка. Україна, Волинська обл., Маневіцький р-н.
410. Берестя. Україна, Рівненська обл., Дубровицький р-н.
411. Дроздинь. Україна, Рівненська обл., Рокитнівський р-н.

412. Поповичі. Україна, Львівська обл., Мостиський р-н.
413. Завадів. Україна, Львівська обл., Яворівський р-н.
414. Туринка. Україна, Львівська обл., Нестерівський р-н.
415. Пирятин. Україна, Львівська обл., Радехівський р-н.
416. Бокійма. Україна, Рівненська обл., Млинівський р-н.
417. Поляни. Україна, Рівненська обл., Березнівський р-н.
418. Хочине. Україна, Житомирська обл., Олевський р-н.
419. Велика Сушиця. Україна, Львівська обл., Старосамбір. р-н.
420. Мавковичі. Україна, Львівська обл., Городоцький р-н.
421. Петричі. Україна, Львівська обл., Золочівський р-н.
422. Сапанів. Україна, Тернопільська обл., Кременецький р-н.
423. Річиця. Україна, Рівненська обл., Гощанський р-н.
424. Підлуби. Україна, Житомирська обл., Ємільчинський р-н.
425. Норинськ. Україна, Житомирська обл., Овруцький р-н.
426. Гладковичі. Україна, Житомирська обл., Овруцький р-н.
427. Верхня Яблунька. Україна, Львівська обл., Турківський р-н.
428. Ясениця-Сільна. Україна, Львівська обл., Дрогобицький р-н.
429. Стільське. Україна, Львівська обл., Миколаївський р-н.
430. Свистільники. Україна, Івано-Франківська обл., Рогатинський р-н.
431. Осташівці. Україна, Тернопільська обл., Зборівський р-н.
432. Білозірка. Україна, Тернопільська обл., Лановецький р-н.
433. Стригани. Україна, Хмельницька обл., Славутський р-н.
434. Гульськ. Україна, Житомирська обл., Новоґр.-Волинський р-н.
435. Устя. Україна, Рівненська обл., Корецький р-н.
436. Поліське. Україна, Київська обл., Поліський р-н.
437. Карпилівка. Україна, Київська обл., Іванківський р-н.
438. Жеведь. Україна, Чернігівська обл., Чернігівський р-н.
439. Задеріївка. Україна, Чернігівська обл., Ріпкинський р-н.
440. Салтикова Дівиця. Україна, Чернігівська обл., Куликів. р-н.
441. Гірськ. Україна, Чернігівська обл., Щорський р-н.
442. Савинки. Україна, Чернігівська обл., Корюківський р-н.
443. Пальчики. Україна, Чернігівська обл., Бахмацький р-н.
444. Іванівка. Україна, Чернігівська обл., Семенівський р-н.
445. Мефедівка. Україна, Сумська обл., Середино-Будський р-н.
446. Чуйківка. Україна, Сумська обл., Ямпільський р-н.
447. Сваркове. Україна, Сумська обл., Глухівський р-н.
448. Малий Березний. Україна, Закарпатська обл., Великоберезнянський р-н.
449. Коростів. Україна, Львівська обл., Сколівський р-н.
450. Збора. Україна, Івано-Франківська обл., Калуський р-н.
451. Ласківці. Україна, Тернопільська обл., Теребовлянський р-н.
452. Веснянка. Україна, Хмельницька обл., Старокостянтинівський р-н.

453. Конотоп. Україна, Хмельницька обл., Шепетівський р-н.
454. Велика П'ятигірка. Україна, Житомирська обл., Бердичів. р-н.
455. Кам'янка. Україна, Житомирська обл., Житомирський р-н.
456. Борщів. Україна, Житомирська обл., Радомишльський р-н.
457. Мирча. Україна, Київська обл., Бородянський р-н.
458. Дідівщина. Україна, Київська обл., Фастівський р-н.
459. Блισταвиця. Україна, Київська обл., Бородянський р-н.
460. Пухівка. Україна, Київська обл., Броварський р-н.
461. Козари. Україна, Чернігівська обл., Носівський р-н.
462. Галиця. Україна, Чернігівська обл., Ніжинський р-н.
463. Красилівка. Україна, Чернігівська обл., Бахмацький р-н.
464. Сім'янівка. Україна, Сумська обл., Конотопський р-н.
465. Баранинці. Україна, Закарпатська обл., Ужгородський р-н.
466. Поляна. Україна, Закарпатська обл., Свалявський р-н.
467. Довге. Україна, Закарпатська обл., Іршавський р-н.
468. Торунь. Україна, Закарпатська обл., Міжгірський р-н.
469. Дубове. Україна, Закарпатська обл., Тячівський р-н.
470. Стримба. Україна, Івано-Франківська обл., Надвірнян. р-н.
471. Золотий Потік. Україна, Тернопільська обл., Бучацький р-н.
472. Іванківці. Україна, Хмельницька обл., Городоцький р-н.
473. Давидківці. Україна, Хмельницька обл., Хмельницький р-н.
474. Стрижавка. Україна, Вінницька обл., Вінницький р-н.
475. Горобіївка. Україна, Київська обл., Сквирський р-н.
476. Іванівка. Україна, Київська обл., Білоцерківський р-н.
477. Вороньків. Україна, Київська обл., Бориспільський р-н.
478. Богдани. Україна, Черкаська обл., Золотоніський р-н.
479. Озеряни. Україна, Чернігівська обл., Варвинський р-н.
480. Коровинці. Україна, Сумська обл., Недригайлівський р-н.
481. Новоіванівка. Україна, Сумська обл., Білопільський р-н.
482. Пінянка. Україна, Сумська обл., Краснопільський р-н.
483. Затисівка. Україна, Закарпатська обл., Виноградівський р-н.
484. Буштина. Україна, Закарпатська обл., Тячівський р-н.
485. Богдан. Україна, Закарпатська обл., Рахівський р-н.
486. Бабинопілля. Україна, Івано-Франківська обл., Косівський р-н.
487. Южинец. Україна, Чернівецька обл., Кіцманський р-н.
488. Балин. Україна, Хмельницька обл., Дунаєвецький р-н.
489. Морозівка. Україна, Вінницька обл., Мурованокуриловецький р-н.
490. Підвисоке. Україна, Вінницька обл., Іллінецький р-н.
491. Велика Березянка. Україна, Київська обл., Таращанський р-н.
492. Копіювате. Україна, Черкаська обл., Канівський р-н.
493. Ісківці. Україна, Полтавська обл., Лубенський р-н.

494. Зуївці. Україна, Полтавська обл., Миргородський р-н.
495. Боромля. Україна, Сумська обл., Тростянецький р-н.
496. Шепіт. Україна, Чернівецька обл., Путилівський р-н.
497. Турятка. Україна, Чернівецька обл., Глибоцький р-н.
498. Іванівці. Україна, Чернівецька обл., Кельменецький р-н.
499. Горишківка. Україна, Вінницька обл., Томашпільський р-н.
500. Краснопілка. Україна, Черкаська обл., Уманський р-н.
501. Сингаївка. Україна, Черкаська обл., Шполянський р-н.
502. Дем'янівка. Україна, Полтавська обл., Семенівський р-н.
503. Запсілля. Україна, Полтавська обл., Великобагачанський р-н.
504. Котельва. Україна, Полтавська обл., Котелевський р-н.
505. Дементіївка. Україна, Харківська обл., Дергачівський р-н.
506. Бронниця. Україна, Вінницька обл., Могилів-Подільський р-н.
507. Маньківка. Україна, Вінницька обл., Бершадський р-н.
508. Левківка. Україна, Кіровоградська обл., Новоархангельський р-н.
509. Веселий Кут. Україна, Кіровоградська обл., Знам'янський р-н.
510. Мар'ївка. Україна, Кіровоградська обл., Онуфріївський р-н.
511. Запсілля. Україна, Полтавська обл., Кременчуцький р-н.
512. Котівка. Україна, Дніпропетровська обл., Магдалинівський
513. Білухівка. Україна, Полтавська обл., Карлівський р-н.
514. Кегичівка. Україна, Харківська обл., Кегичівський р-н.
515. Хатне. Україна, Харківська обл., Великобурлуцький р-н.
516. Концеба. Україна, Одеська обл., Савранський р-н.
517. Піщаний Брід. Україна, Кіровоградська обл., Добровеличк. р-н.
518. Козирівка. Україна, Кіровоградська обл., Новгородківський
519. Новомихайлівка. Україна, Дніпропетровська обл., Софіївський р-н.
520. Вільне. Україна, Дніпропетровська обл., Новомосковський р-н.
521. Танюшівка. Україна, Луганська обл., Новопсковський р-н.
522. Тецкани. Молдова, Бричанський р-н.
523. Данул. Молдова, Ришканський р-н.
524. Пояна. Молдова, Кам'янський р-н.
525. Тумалины. Литва, Игналинский р-н.
526. Вышки. Латвия, Даугавпилсский р-н.
527. О. Пийрисаар. Эстония, Тартуский р-н.
528. Койда. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
529. Ручьи. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
530. Долгощелье. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
531. Верхняя Золотица (Зимняя Золотица). РФ, Архангельская обл., Приморский р-н.
532. Куя. РФ, Архангельская обл., Приморский р-н.

533. Дорогорское. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
534. Тамица. РФ, Архангельская обл., Онежский р-н.
535. Часовенская. РФ, Архангельская обл., Приморский р-н.
536. Азаполье. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
537. Пылема. РФ, Архангельская обл., Лешуконский р-н.
538. Кысса. РФ, Архангельская обл., Лешуконский р-н.
539. Усть-Кожа. РФ, Архангельская обл., Онежский р-н.
540. Ломоносово. РФ, Архангельская обл., Холмогорский р-н.
541. Кузомень. РФ, Архангельская обл., Холмогорский р-н.
542. Валдокурье. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
543. Вальтево. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
544. Олема. РФ, Архангельская обл., Лешуконский р-н.
545. Турчасово. РФ, Архангельская обл., Онежский р-н.
546. Плёсо-Мякурьё. РФ, Архангельская обл., Холмогорский р-н.
547. Кеврола. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
548. Сура. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
549. Нюхча. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
550. Усланка. РФ, Ленинградская обл., Подпорожский р-н.
551. Плотишно. РФ, Ленинградская обл., Подпорожский р-н.
552. Ладва. РФ, Карелия, Прионежский р-н.
553. Першлахта. РФ, Архангельская обл., Плесецкий р-н.
554. Ступино. РФ, Архангельская обл., Няндомский р-н.
555. Сторожевское. РФ, Архангельская обл., Шенкурский р-н.
556. Родионовское. РФ, Архангельская обл., Виноградовский р-н.
557. Терентьевское. РФ, Архангельская обл., Виноградовский р-н.
558. Окуловская. РФ, Архангельская обл., Верхнетоемский р-н.
560. Копорье. РФ, Ленинградская обл., Ломоносовский р-н.
562. Староселье. РФ, Ленинградская обл., Тосненский р-н.
563. Княщина. РФ, Ленинградская обл., Волховский р-н.
564. Новинка. РФ, Ленинградская обл., Тихвинский р-н.
565. Бор. РФ, Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н.
566. Верхнее Тойсино. РФ, Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н.
567. Верховье. РФ, Вологодская обл., Вытегорский р-н.
568. Замощье. РФ, Вологодская обл., Вытегорский р-н.
569. Гавриловское. РФ, Архангельская обл., Каргопольский р-н.
570. Ковжа. РФ, Архангельская обл., Каргопольский р-н.
571. Бронеvская. РФ, Архангельская обл., Каргопольский р-н.
572. Никишинская. РФ, Архангельская обл., Няндомский р-н.
573. Верхопаденьга. РФ, Архангельская обл., Шенкурский р-н.
574. Павловское. РФ, Архангельская обл., Вельский р-н.
575. Акичкин Починок. РФ, Архангельская обл., Устьянский р-н.

576. Чаплинская. РФ, Архангельская обл., Верхнетоемский р-н.
577. Шеломя. РФ, Архангельская обл., Красноборский р-н.
578. Верхняя Уфтьюга. РФ, Архангельская обл., Красноборский р-н.
579. Кленно. РФ, Ленинградская обл., Кингисеппский р-н.
580. Черное. РФ, Ленинградская обл., Волосовский р-н.
581. Большие Слудицы. РФ, Ленинградская обл., Гатчинский р-н.
582. Оскуй. РФ, Новгородская обл., Чудовский р-н.
583. Дубняги. РФ, Ленинградская обл., Киришский р-н.
584. Щибенец. РФ, Ленинградская обл., Тихвинский р-н.
585. Михалево. РФ, Ленинградская обл., Ефимовский р-н.
586. Пашозеро. РФ, Ленинградская обл., Тихвинский р-н.
587. Плоское. РФ, Вологодская обл., Бабаевский р-н.
588. Старина. РФ, Вологодская обл., Бабаевский р-н.
589. Семеновская. РФ, Вологодская обл., Вытегорский р-н.
590. Михалево. РФ, Вологодская обл., Белозерский р-н.
591. Мосеева. РФ, Вологодская обл., Вашкинский р-н.
592. Чистый Дор. РФ, Вологодская обл., Кирилловский р-н.
593. Бархатово. РФ, Вологодская обл., Чарозерский р-н.
596. Елинская. РФ, Архангельская обл., Вельский р-н.
597. Боровское. РФ, Вологодская обл., Верхневажский р-н.
598. Нечаевское. РФ, Архангельская обл., Коношский р-н.
600. Королевская. РФ, Вологодская обл., Нюксенский р-н.
601. Орлово. РФ, Архангельская обл., Устьянский р-н.
602. Верхне-Ерогодский Починок. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н.
603. Горка. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н.
604. Песчанка. РФ, Архангельская обл., Котласский р-н.
605. Кануновщина. РФ, Псковская обл., Гдовский р-н.
606. Заполье. РФ, Псковская обл., Плюсский р-н.
607. Жеребут. РФ, Ленинградская обл., Лужский р-н.
608. Долгово. РФ, Новгородская обл., Новгородский р-н.
609. Нижнее Станино. РФ, Новгородская обл., Любытинский р-н.
610. Осташово. РФ, Новгородская обл., Любытинский р-н.
611. Игнашино. РФ, Вологодская обл., Чагодышенский р-н.
612. Сиуч. РФ, Вологодская обл., Бабаевский р-н.
613. Рыконец. РФ, Вологодская обл., Кадуйский р-н.
614. Акиньхово. РФ, Вологодская обл., Верхневажский р-н.
615. Чукша. РФ, Вологодская обл., Череповецкий р-н.
616. Колышкино. РФ, Вологодская обл., Вологодский р-н.
617. Митиха. РФ, Вологодская обл., Харовский р-н.
618. Богтюгское. РФ, Вологодская обл., Сокольский р-н.

619. Коростелево. РФ, Вологодская обл., Сямженский р-н.
620. Папинская. РФ, Вологодская обл., Верхневажский р-н.
621. Зыков Конец. РФ, Вологодская обл., Тотемский р-н.
622. Кононовская (Алферовская). РФ, Вологодская обл., Тарногский р-н.
623. Харино. РФ, Вологодская обл., Бабушкинский р-н.
624. Кряж. РФ, Вологодская обл., Кичменско-Городецкий р-н.
625. Андреевское. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н.
626. Лыченица. РФ, Вологодская обл., Городокский р-н.
627. Томашево. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н.
628. Подборовье. РФ, Псковская обл., Гдовский р-н.
629. Княжицы. РФ, Псковская обл., Струго-Красненский р-н.
630. Слезово. РФ, Псковская обл., Струго-Красненский р-н.
631. Теребутицы. РФ, Новгородская обл., Солецкий р-н.
632. Лъзень. РФ, Новгородская обл., Новгородский р-н.
633. Медведь. РФ, Новгородская обл., Маловишерский р-н.
634. Еваничи. РФ, Новгородская обл., Крестецкий р-н.
635. Токарёво. РФ, Новгородская обл., Любытинский р-н.
636. Слизениха. РФ, Новгородская обл., Мошенский р-н.
637. Горбухино. РФ, Новгородская обл., Пестовский р-н.
638. Раменье. РФ, Вологодская обл., Устюженский р-н.
639. Еврасово. РФ, Вологодская обл., Череповецкий р-н.
640. Голодаяка. РФ, Ярославская обл., Пошехонский р-н.
641. Озерки. РФ, Вологодская обл., Вологодский р-н.
642. Осиновицы. РФ, Вологодская обл., Грязовецкий р-н.
643. Лаврентьево. РФ, Вологодская обл., Междуреченский р-н.
644. Волково. РФ, Вологодская обл., Междуреченский р-н.
645. Боярское. РФ, Вологодская обл., Сокольский р-н.
646. Топориха. РФ, Вологодская обл., Тотемский р-н.
647. Трофимово. РФ, Костромская обл., Солигаличский р-н.
648. Сысоево. РФ, Вологодская обл., Бабушкинский р-н.
651. Малы. РФ, Псковская обл., Печорский р-н.
652. Немоево. РФ, Псковская обл., Островский р-н.
653. Рыдалы. РФ, Псковская обл., Псковский р-н.
654. Стёпаново. РФ, Псковская обл., Порховский р-н.
655. Чертёны. РФ, Псковская обл., Дновский р-н.
656. Шушелово. РФ, Новгородская обл., Поддорский р-н.
657. Великое Село. РФ, Новгородская обл., Старорусский р-н.
658. Березка. РФ, Новгородская обл., Старорусский р-н.
659. Клевичи. РФ, Тверская обл., Демянский р-н.
660. Градобить. РФ, Тверская обл., Фировский р-н.
661. Кемцы. РФ, Тверская обл., Бологовский р-н.

662. Дворищи. РФ, Тверская обл., Лесной р-н.
663. Бикалово. РФ, Тверская обл., Молоковский р-н.
664. Лискино. РФ, Ярославская обл., Брейтовский р-н.
665. Офремово. РФ, Ярославская обл., Рыбинский р-н.
666. Вахромейка. РФ, Ярославская обл., Любимский р-н.
667. Борок. РФ, Костромская обл., Буйский р-н.
668. Родниково. РФ, Вологодская обл., Грязовецкий р-н.
669. Николо-Залесье. РФ, Костромская обл., Буйский р-н.
670. Головинское. РФ, Костромская обл., Чухломский р-н.
671. Борисово. РФ, Костромская обл., Кадынский р-н.
673. Зыково. РФ, Костромская обл., Межевской р-н.
674. Переузино и Александрово. РФ, Псковская обл., Красногород. р-н.
675. Волково. РФ, Псковская обл., Опочецкий р-н.
676. Озерки. РФ, Новгородская обл., Старорусский р-н.
677. Меглино. РФ, Тверская обл., Пеновский р-н.
678. Заплавье. РФ, Тверская обл., Осташковский р-н.
679. Есеновичи. РФ, Тверская обл., Вышневолоцкий р-н.
680. Белавино. РФ, Тверская обл., Вышневолоцкий р-н.
681. Поповка. РФ, Тверская обл., Максатихинский р-н.
682. Заручье. РФ, Тверская обл., Бежецкий р-н.
683. Халява. РФ, Ярославская обл., Некоузский р-н.
684. Матренино. РФ, Ярославская обл., Большесельский р-н.
685. Толбухино. РФ, Ярославская обл., Ярославский р-н.
686. Гридино. РФ, Костромская обл., Красносельский р-н.
687. Юрьево. РФ, Костромская обл., Островский р-н.
688. Курилово. РФ, Костромская обл., Нейский р-н.
689. Калинино. РФ, Костромская обл., Галичский р-н.
690. Михалево. РФ, Костромская обл., Нейский р-н.
691. Самылово. РФ, Костромская обл., Мантуровский р-н.
692. Черная Грязь. РФ, Псковская обл., Себежский р-н.
693. Загорье. РФ, Псковская обл., Локнянский р-н.
694. Медведево. РФ, Тверская обл., Торопецкий р-н.
695. Хотилицы. РФ, Тверская обл., Андреапольский р-н.
696. Верхние Горыцы. РФ, Тверская обл., Селижаровский р-н.
697. Казаково. РФ, Тверская обл., Старицкий р-н.
698. Бородино. РФ, Тверская обл., Торжокский р-н.
699. Парфеново. РФ, Тверская обл., Лихославльский р-н.
700. Георгиевское. РФ, Тверская обл., Рамешковский р-н.
701. Савцыно. РФ, Тверская обл., Кашинский р-н.
702. Судилово. РФ, Ярославская обл., Угличский р-н.
703. Марково. РФ, Ярославская обл., Ростовский р-н.

704. Кувакино. РФ, Ярославская обл., Некрасовский р-н.
705. Новое. РФ, Ивановская обл., Фурмановский р-н.
706. Антипино. РФ, Ивановская обл., Кинешемский р-н.
707. Борисово. РФ, Костромская обл., Кадыйский р-н.
709. Малая Торзать. РФ, Костромская обл., Макарьевский р-н.
710. Козодои. РФ, Псковская обл., Пустошкинский р-н.
711. Бугры. РФ, Псковская обл., Великолукский р-н.
712. Осташево. РФ, Псковская обл., Куньинский р-н.
713. Холм. РФ, Тверская обл., Западнодвинский р-н.
714. Холмец. РФ, Тверская обл., Оленинский р-н.
715. Зальково. РФ, Тверская обл., Ржевский р-н.
716. Романово. РФ, Тверская обл., Старицкий р-н.
718. Устье. РФ, Тверская обл., Конаковский р-н.
719. Кунилово. РФ, Московская обл., Талдомский р-н.
720. Никульское. РФ, Ярославская обл., Переславский р-н.
722. Гоголево. РФ, Ивановская обл., Ивановский р-н.
723. Пеньки. РФ, Ивановская обл., Палехский р-н.
724. Шихириха. РФ, Ивановская обл., Пучежский р-н.
725. Жуки. РФ, Псковская обл., Усмынский р-н.
726. Зекеево. РФ, Тверская обл., Нелидовский р-н.
- 726а. Горки. РФ, Тверская обл., Нелидовский р-н.
727. Толстики. РФ, Тверская обл., Бельский р-н.
728. Вязовка. РФ, Смоленская обл., Сычевский р-н.
729. Лосино. РФ, Смоленская обл., Гагаринский р-н.
730. Клишино. РФ, Московская обл., Волоколамский р-н.
731. Китенево. РФ, Московская обл., Клинский р-н.
732. Устье. РФ, Московская обл., Одинцовский р-н.
733. Кочергино. РФ, Московская обл., Солнечногорский горсовет.
734. Зубцово. РФ, Московская обл., Сергиев-Посадский горсовет.
735. Никулино. РФ, Московская обл., Орехово-Зуевский р-н.
736. Осиповец. РФ, Владимирская обл., Юрьев-Польский р-н.
737. Зубово. РФ, Владимирская обл., Собинский р-н.
738. Овсянниково. РФ, Владимирская обл., Судогодский р-н.
739. Санино. РФ, Владимирская обл., Суздальский р-н.
740. Княжская. РФ, Владимирская обл., Ковровский р-н.
741. Малый Удол. РФ, Владимирская обл., Вязниковский р-н.
742. Татарово. РФ, Владимирская обл., Муромский р-н.
743. Амачкино. РФ, Нижегородская обл., Павловский р-н.
744. Малое Козино. РФ, Нижегородская обл., Балахнинский р-н.
745. Комарово. РФ, Нижегородская обл., Семеновский р-н.
746. Ковширы. РФ, Смоленская обл., Демидовский р-н.

- 747. Селище. РФ, Смоленская обл., Духовщинский р-н.
- 748. Козилово. РФ, Смоленская обл., Холм-Жирковский р-н.
- 749. Богданово. РФ, Смоленская обл., Вяземский р-н.
- 750. Токарево. РФ, Смоленская обл., Гагаринский р-н.
- 751. Клин. РФ, Московская обл., Наро-Фоминский р-н.
- 752. Косовка. РФ, Московская обл., Подольский р-н.
- 753. Коврево. РФ, Московская обл., Егорьевский р-н.
- 754. Курлово. РФ, Владимирская обл., Гусь-Хрустальный р-н.
- 755. Денятино. РФ, Владимирская обл., Меленковский р-н.
- 756. Рогово. РФ, Нижегородская обл., Навашинский р-н.
- 757. Шерстино. РФ, Нижегородская обл., Арзамасский р-н.
- 758. Подсосно. РФ, Смоленская обл., Руднянский р-н.
- 759. Замощье. РФ, Смоленская обл., Смоленский р-н.
- 760. Слобода. РФ, Смоленская обл., Дорогобужский р-н.
- 761. Простеево. РФ, Смоленская обл., Угринский р-н.
- 762. Синюково. РФ, Смоленская обл., Угринский р-н.
- 763. Самородка. РФ, Калужская обл., Медынский р-н.
- 764. Недельное. РФ, Калужская обл., Малоярославецкий р-н.
- 765. Енино. РФ, Московская обл., Серпуховский р-н.
- 767. Подлесная Слобода. РФ, Московская обл., Луховицкий р-н.
- 768. Деулино. РФ, Рязанская обл., Рязанский р-н.
- 769. Мимишкино. РФ, Рязанская обл., Касимовский р-н.
- 770. Осиповка. РФ, Нижегородская обл., Выксунский р-н.
- 771. Зибрики. РФ, Смоленская обл., Краснинский р-н.
- 772. Сельцо. РФ, Смоленская обл., Починковский р-н.
- 773. Старое Мутище. РФ, Смоленская обл., Ельнинский р-н.
- 774. Фомино. РФ, Калужская обл., Барятинский р-н.
- 775. Матчино. РФ, Калужская обл., Мещовский р-н.
- 776. Сильково. РФ, Калужская обл., Перемышльский р-н.
- 777. Вишневое. РФ, Тульская обл., Алексинский р-н.
- 778. Алферьево. РФ, Тульская обл., Ленинский р-н.
- 779. Куребино. РФ, Московская обл., Серебряно-Прудский р-н.
- 780. Добрая Слобода. РФ, Рязанская обл., Пронский р-н.
- 781. Выжелас. РФ, Рязанская обл., Ижевский р-н.
- 782. Мокрое. РФ, Рязанская обл., Сасовский р-н.
- 783. Юзга. РФ, Рязанская обл., Кедомский р-н.
- 784. Боровая. РФ, Смоленская обл., Хиславичский р-н.
- 785. Астапковичи. РФ, Смоленская обл., Рославльский р-н.
- 786. Гришина Слобода. РФ, Брянская обл., Жуковский р-н.
- 787. Дубровка. РФ, Калужская обл., Куйбышевский р-н.
- 788. Зимницы. РФ, Калужская обл., Думиничский р-н.

789. Староселье. РФ, Калужская обл., Козельский р-н.
790. Малахово. РФ, Тульская обл., Одоевский р-н.
791. Пришня. РФ, Тульская обл., Щекинский р-н.
792. Алексеевка. РФ, Тульская обл., Кимовский р-н.
793. Семенское. РФ, Рязанская обл., Пронский р-н.
794. Пахомовка. РФ, Рязанская обл., Кораблинский р-н.
795. Унгор. РФ, Рязанская обл., Сараевский р-н.
796. Темёшево. РФ, Рязанская обл., Шацкий р-н.
797. Антоновка. РФ, Брянская обл., Красногорский р-н.
798. Федоровка. РФ, Брянская обл., Суражский р-н.
799. Буда. РФ, Брянская обл., Почепский р-н.
800. Добрунь. РФ, Брянская обл., Брянский р-н.
801. Жудрё. РФ, Орловская обл., Хотынецкий р-н.
802. Красная Горка. РФ, Орловская обл., Орловский р-н.
803. Большое Теплое. РФ, Орловская обл., Мценский р-н.
804. Михнево. РФ, Тульская обл., Ефремовский р-н.
805. Михайловское. РФ, Тульская обл., Куркинский р-н.
806. Мамоново. РФ, Липецкая обл., Краснинский р-н.
807. Нарышкино. РФ, Рязанская обл., Милославский р-н.
808. Жабино. РФ, Липецкая обл., Чаплыгинский р-н.
809. Калинино. РФ, Рязанская обл., Новодеревенский р-н.
810. Отъясы. РФ, Тамбовская обл., Сосновский р-н.
811. Старый Кривец. РФ, Брянская обл., Новозыбковский р-н.
812. Джуровка. РФ, Брянская обл., Погарский р-н.
813. Чухраи. РФ, Брянская обл., Суземский р-н.
814. Вежёнка. РФ, Брянская обл., Брасовский р-н.
815. Добрынь. РФ, Орловская обл., Кромской р-н.
816. Капризка. РФ, Орловская обл., Покровский р-н.
817. Щербачево. РФ, Орловская обл., Новодеревеньковский р-н.
818. Козеево. РФ, Липецкая обл., Измалковский р-н.
819. Кузьминские Отвержки. РФ, Липецкая обл., Липецкий р-н.
820. Малый Самовец. РФ, Тамбовская обл., Петровский р-н.
821. Селезни. РФ, Тамбовская обл., Тамбовский р-н.
822. Первомайское. РФ, Брянская обл., Севский р-н.
823. Погорельцево. РФ, Курская обл., Железногорский р-н.
824. Скородное. РФ, Курская обл., Золотухинский р-н.
825. Второй Белый Колодец. РФ, Орловская обл., Колпнянский р-н.
826. Быковка. РФ, Липецкая обл., Елецкий р-н.
827. Красная Поляна. РФ, Липецкая обл., Тербунский р-н.
828. Хреновое. РФ, Воронежская обл., Новокузнецкий р-н.
829. Нижняя Мосоловка. РФ, Липецкая обл., Усманский р-н.

-
830. Секерино. РФ, Курская обл., Глушковский р-н.
831. Стрешнево. РФ, Курская обл., Курский р-н.
832. Муравлево. РФ, Курская обл., Курский р-н.
833. Кшень. РФ, Курская обл., Советский р-н.
834. Новая Ольшанка. РФ, Воронежская обл., Нижнедевицкий р-н.
835. Плехово. РФ, Курская обл., Суджанский р-н.
836. Борисполье. РФ, Белгородская обл., Ракитянский р-н.
837. Афанасьево. РФ, Курская обл., Обоянский р-н.
838. Масловка. РФ, Белгородская обл., Прохоровский р-н.
839. Верхне-Чуфичево. РФ, Белгородская обл., Старооскольский р-н.
840. Истобное. РФ, Воронежская обл., Репьевский р-н.
841. Русская Березовка. РФ, Белгородская обл., Ракитянский р-н.
843. Великая Халань. РФ, Белгородская обл., Корочанский р-н.
844. Богородское. РФ, Белгородская обл., Новооскольский р-н.
845. Лавы. РФ, Белгородская обл., Валуйский р-н.
846. Прилепы. РФ, Белгородская обл., Красногвардейский р-н.
847. Новоосиновка. РФ, Воронежская обл., Острогожский р-н.
848. Ровны. РФ, Белгородская обл., Вейделевский р-н.
849. Шапошниковка. РФ, Воронежская обл., Ольховатский р-н.
850. Ореховец. Гърция, р-н. Сяр.
851. Калапот. Гърция, р-н. Зиляхово.
852. Малък Дервент. Гърция, р-н. Дедеагач.
853. Яна. Турция, р-н. Лозенград.

Научное издание

Татьяна Ивановна Вендина

ОНТОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Оригинал-макет *Л. Е. Голода*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеева*

Подписано в печать 28.03.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 28,25

Тираж 500 экз. Заказ № 2939

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел.: (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел.: (812)235-15-86